
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 1(53), 2020 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК Министерства образования и науки РФ по политическим
наукам, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2020

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АСТАЦАТУРОВА Майя Арташеговна	д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального технического университета (Белоруссия, г. Минск)
ВЕДРИН Оливье	профессор, главный редактор русской версии французского журнала «Национальная оборона» (Revue Défense Nationale), спикер Европейской комиссии, редактор франко-германского журнала по вопросам внешней политики «European Union Foreign Affairs Journal» и ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор факультета политологии и журналистики Департамента международных отношений Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)
ИРХИН Юрий Васильевич	д.ф.н., профессор кафедры политологии и политического управления РАНХ и ГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., заведующая кафедрой политологии и социологии МПГУ (Россия, г. Москва)
КЕТЦЯН Григор Ваникович	к.п.н., заместитель Главного редактора журнала, Председатель Попечительского Совета научного журнала «Вопросы политологии» (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор кафедры анализа и управления Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225–8922

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ**

УЧРЕЖДЕН
ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463–53–42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 26.01.2020
Формат 60×84/8. Объем 24,3.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 0000.

Отпечатано
в типографии PrintUP
117105, г. Москва,
Нагорный проезд, 12, корп. 1
Тел.: +7 (495) 925-00-06

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Назаров В.П.** К вопросу об эволюции
Концепции национальной безопасности России 10

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Аникин Д.А., Бубнов А.Ю.** Политика памяти
в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти 19
- Толочко А.В., Фоменко С.С., Врачев В.А.** Коммуникационное
пространство современной молодежи в контексте формирования
информационных технологий: социально-политический анализ 29
- Пустовойт Ю.А., Барсуков А.М.** «Бархатная» улица: революция,
протест, демократия и авторитаризм в урбанистической перспективе
(опыт анализа современных протестов в сибирских городах) 37
- Нечипоренко В.С., Магадиев М.Ф.** Кадровые аспекты
Стратегии национальной безопасности
и методология углубления их содержания 45
- Воскресенский Ф.А.** К вопросу о роли права
и судебной власти в политической системе современной России 51
- Гончаров В.В., Грицай Д.В., Черникова Д.А., Егорова Е.Ю.** Эволюция
понятия конституционного права граждан Российской Федерации
на достоверную информацию о состоянии окружающей среды 68
- Родионова М.Е.** Современные тенденции
развития электорального консалтинга в России 80
- Маазов У.С.** Институты гражданского общества
как субъект политического процесса в Чеченской Республике 89
- Носиков А.А.** Готовы ли политические
и государственные институты к цифровой экономике? 97
- Кок Севги** Феномен глобализации и культурная политика 106

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

- Кузьмин А.Г.** Модернизация идеологии
современного русского национализма: эволюция
и перспективы развития национал-демократической доктрины 116
- Окунь М.В.** Идеология и ценности
в государственном управлении современной России. Часть I 129

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

- Галимуллина Д.И.** «Цыганский вопрос»
как ключевая проблема в этнонациональной политике Чехии 137

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Ланцов С.А. Этнический терроризм
и этнополитические конфликты XIX-XX вв.:
анализ социально-политических и идеологических факторов..... 145

Курбонова З.М., Абдурахмон Н.М. Сценарии развития
политических конфликтов и пути их предотвращения. Часть I..... 156

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Назаров А.Д., Назарова Е.А. Феномен импортного ЭКСПО:
новые подходы в государственной политике регулирования
выставочной деятельности в КНР 163

Пряхин В.Ф. Внешнеполитическое прогнозирование
в условиях глобализации. Факторы-носители будущего 175

Пыж В.В. Геополитическая картина мира накануне
Второй Мировой войны: уроки победы для геополитики XXI века..... 185

Ибрагимов С.Р., Мехдиев Э.Т. Влияние газовых
месторождений Восточного Средиземноморья
на европейскую энергетическую безопасность 209

Адоунде Яови Сильвестр, Шуленина Н.В. Западная Африка: этнос
как важнейший фактор, определяющий социально-экономическое развитие..... 218

Кишуева И.А. Роль «мозговых центров» в формировании
и реализации внешней политики США в контексте «мягкой силы» 226

Миралаева С.Р. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации
и СНГ на примере Азербайджанской Республики..... 235

Вакилова В.Р. Исследование эффективности научной дипломатии России:
установление взаимодействия с зарубежными странами в направлении
«глобальных вызовов» как фактор «мягкой силы» внешней политики 242

Досаева Д.М. Экономические и политические
аспекты сопряжения Евразийского экономического союза
и китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» 252

Журавлев О.В., Тушков А.А. Национальная морская политика России
на Тихоокеанском и Индоокеанском региональных направлениях 261

Зуборева М.А. Христианско-социальный союз (ХСС) ФРГ
после выборов в Баварии 2018 года 270

Касем М.Ф., Гусарская Т.А., Роговая П.И. Геополитическая
стратегия США в странах Прибалтики: истоки, причины и векторы 277

Кумажиева С.А., Складчиков С.В., Гончаров В.В., Брагин А.Г. Актуальные
проблемы и перспективы развития БРИКС 285

На Чжао Стратегия «мягкой силы» КНР в начале XXI века: хронология	296
Шульга Е.П. Отражение геополитического положения Средней Азии на русской диаспоре (постсоветский период).....	305
Энтина Е.Г. Взаимодействие ЕС и Китая в Юго-Восточной Европе	313
СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА	
Дельгадо А.А., Гриценко Р.А., Прокопчук Д.Д. Контент-анализ как метод исследования политических текстов	320
Донцов Н.В. Образ Будущего в политическом дискурсе.....	328
НАШИ АВТОРЫ	334
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	343

CONTENTS

THEORY, PHILOSOPHY AND POLITICAL HISTORY

- Nazarov V.P.* On the Evolution of the Concept
of National Security of Russia 17

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Anikin D.A., Bubnov A.Yu.* Politics of Memory
in Virtual Space: the Internet as a Mediator of Memory..... 28
- Tolochko A.V., Fomenko S.S., Vrachev V.A.* Communication Space
of Modern Youth in the Context Information Technology Formation:
Socio-Political Analysis 36
- Pustovoit Yu.A., Barsukov A.M.* "Velvet" Street: Revolution, Protest,
Democracy and Authoritarianism in Urban Perspective
(an Attempt of Analysis of Modern Protests in Siberian Cities)..... 44
- Nechiporenko V.S., Magadiev M.F.* Personnel Aspects
of the National Security Strategy and Methodology
for Deepening their Content..... 50
- Voscresensky F.A.* On the Role of Law
and the Judiciary in the Political System of Modern Russia 66
- Goncharov V.V., Gritsay D.V., Chernikova D.A., Egorova E.Yu.* Evolution
of the Concept of the Constitutional Right of Citizens of the Russian Federation
to Reliable Information about the State of the Environment 78
- Rodionova M.E.* Modern Trends in the Development
of Electoral Consulting in Russia 88
- Maazov U.S.* Civil Society Institutions
as a Subject of the Political Process in Chechen Republic 96
- Nosikov A.A.* Are Political and State
Institutions Ready for the Digital Economy?..... 105
- Koc Sevgi.* The Phenomenon of Globalization and Cultural Policy 115

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

- Kuzmin A.G.* Modernization of the Ideology of Modern Russian
Nationalism: Evolution and Prospects of Development
of the National Democratic Doctrine 128

Okun M.V. Ideology and Values in the Public Governance of Modern Russia. Part I.....	136
---	-----

POLITICAL REGIONALISM AND ETHNOPOLITICS

Galimullina D.I. “Gypsy Question” as a Key Problem in the Ethno-National Policy of the Czech Republic	144
--	-----

POLITICAL CONFLICTOLOGY

Lantsov S.A. Ethnic Terrorism and Etno-Political Conflicts of 19th and 20th Centuries: Analysis of Socio-Political and Ideological Factors.....	154
--	-----

Kurbonova Z.M., Makhmadov A.N. Scenarios for the Development of Political Conflicts and Ways to Prevent them. Part I.....	162
--	-----

INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD POLICY

Nazarov A.D., Nazarova E.A. Phenomenon of Import EXPO: New Approaches in the State Policy on the Regulation of Exhibition Activities in China	174
--	-----

Pryakhin V.F. Foreign Policy Forecasting in the Context of Globalization. Factors-Carriers of the Future	184
---	-----

Pyzh V.V. The Geopolitical Picture of the World on the Eve of World War II: Lessons of Victory for the Geopolitics of the XXI Century.....	208
---	-----

Ibragimov S.R., Mekhdiyev E.T. The Influence of Eastern Mediterranean Gas Fields on European Energy Security	217
---	-----

Adounde Yaovi Sylvester, Shulenina N.V. West Africa: Ethnos as the Most Important Factor Determining Socio-Economic Development.....	225
---	-----

Kishuyeva I.A. Think Tanks as an Impact Part of the U.S. Foreign Policy Implementation in the Soft-Power Context.....	234
--	-----

Miralayeva S.R. Humanitarian Cooperation of the Russian Federation and the CIS on the Example of the Azerbaijan Republic.....	240
--	-----

Vakilova V.R. Research of Efficiency of Scientific Diplomacy of Russia: Establishment of Interaction with Foreign Countries in the Direction of «Global Challenges» as a Factor of «Soft Power» of Foreign Policy	251
--	-----

Dosaeva D.M. Economic and Political Aspects of the Interconnection of the Eurasian Economic Union and the Chinese “Silk Road Economic Belt Initiative”	260
---	-----

Zhuravlev O.V., Tushkov A.A. Russia's National Maritime Policy on the Pacific and Indo-Ocean Regional Routes	268
---	-----

Zuboreva M.A. The German Christian Social Union (CSU) after the Bavarian Elections 2018.....	276
---	-----

<i>Kasems M.F., Gusarskaya T.A., Rogovaya P.I.</i> US Geopolitical Strategy in the Baltic Countries: Origins, Reasons and Vectors.....	284
<i>Kuemzhieva S.A., Skladchikov S.V., Goncharov V.V., Bragin A.G.</i> Actual problems and prospects of brics development	294
<i>Na Zhao</i> Strength of "Soft Force" PRC at the Beginning of the XXI Century: Chronology.....	304
<i>Shulga E.P.</i> The Impact Geopolitical Position of Middle Asia on Russian Expatriate Community (Post-Soviet Time).....	312
<i>Entina E.G.</i> The Interaction Between the EU and China in Southeast Europe	319
STUDENT SCIENCE	
<i>Delgado A.A., Gritsenko R.A., Prokopchuk D.D.</i> Content Analysis as a Research Method of Political Texts	326
<i>Dontsov N.V.</i> The Image of the Future in Political Discourse.....	333
OUR AUTHORS.....	339
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	343

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.001

УДК 32.327

В.П. НАЗАРОВ

кандидат политических наук,
докторант кафедры политической теории
Московского государственного института
международных отношений (университет)
МИД России, Россия, г. Москва

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать основные факторы и вехи формирования и эволюции Концепции национальной безопасности Российской Федерации. Показано, что, если в СССР в этой сфере речь шла преимущественно, если не исключительно, о безопасности государства, гарантии его физического существования, его жизнеспособности, институтов и интересов, то в Российской Федерации ее назначение, системные и структурные составляющие, цели и задачи претерпели качественную трансформацию. Главное внимание концентрируется на обосновании тезиса, согласно которому система национальной безопасности была приведена в соответствие с Конституцией и законодательством Российской Федерации, при этом главным ее назначением обозначено обеспечение безопасности в равной степени многонационального российского народа, государства, общества и отдельно взятой личности.

Ключевые слова: *Российская Федерация, Конституция, Концепция, стратегия, государство, политика, государственная безопасность, национальная безопасность, народ, общество.*

Наряду с Конституцией Российской Федерации основополагающим документом, определяющим назначение, системные и структурные составляющие, основные параметры, приоритеты, направления национальной безопасности, является Концепция, а с 2009 года – Стратегия национальной безопасности, которая представляет собой официально принятую систему взглядов и положений по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Она призвана определить место, статус и роль государства в мировом сообществе, его цели, национальные интересы, ресурсы и средства, предназначенные обеспечить выявление, пресечение, отражение, нейтрализацию и уничтожение всех реальных и возможных внешних и внутренних угроз.

Как известно, в СССР до 1988 года практически отсутствовала открытая отечественная литература по проблемам безопасности государства. В официальных документах использовалось понятие «государственная безопасность», которое охватывало преимущественно, если не исключительно, защиту государства. Научная разработка проблем ее обеспечения осуществлялась в научно-исследовательских учреждениях закрытого типа при КГБ, МВД, Министерстве обороны и других «силовых» ведомствах. Вопросы безопасности рассматривались в первую очередь применительно к защите государственного строя, институтов и интересов государства, для чего до 1982 года использовалось понятие «государственная безопасность». В том же году для расширения поля охвата безопасности было введено понятие «безопасность общества». Тем самым был сделан шаг в направлении обеспечения государством безопасности общественной жизни граждан.

Эта тенденция получила дальнейшее развитие с приходом к власти М.С. Горбачева в 1985 году, когда в рамках концепции «*нового политического мышления*» была предпринята попытка расширить сферы обеспечения безопасности на граждан, включая общечеловеческие ценности, такие как права и свободы личности.

Что касается Российской Федерации, то здесь в данном направлении качественно новый шаг был сделан в 1996 году, когда было введено понятие «национальная безопасность» [8. С. 260]. Необходимость данного шага определялась требованиями Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году, в которой одно из центральных мест занимает раздел о гарантии прав и свобод человека. В результате отпала необходимость отдельно обозначить безопасность государства и общества. Началось формирование системного представления о идейно-политических основах национальной безопасности Российской Федерации. Это понятие получило расшифровку в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» от 17 декабря 1997 г. № 1300». Этот документ содержит первое нормативное определение национальной безопасности: «Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации» [5]. Здесь особое внимание заслуживает положение о безопасности многонационального народа как носителя суверенитета. Его значимость становится очевидной, если учесть, что сама эта концепция была принята в условиях, когда Россия переживала тяжелейший период в своей современной истории, когда еще окончательно не был преодолен печально известный феномен «парада суверенитетов» и у многих сохранялись опасения относительно перспектив единства Российской Федерации.

По мере восстановления властной вертикали и возвращения России на геополитическую арену в качестве великой военно-политической державы, способной отстаивать свои национальные интересы наравне с другими

крупными игроками мировой политики, первое определение дополнялось и приводилось в соответствие с изменяющимися геополитическими реалиями. Так, в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», которая подписана Президентом Российской Федерации 12 мая 2009 года, декларируется: «Национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [9]. Более развернутое и уточненное определение дается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. В п. 1 данного документа подчеркивается, что «настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу». Согласно действующей редакции Стратегии, национальная безопасность – это «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации». Она включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией и законодательством Российской Федерации, «прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности; национальные интересы Российской Федерации, объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития» [10].

Очевидно, что это определение в должной мере соответствует п. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации, согласно которой «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией» [4].

При всех редакционных различиях общим для всех приведенных определений является признание национальной безопасности как состояния защищенности территориального единства, неприкосновенности государственных границ, безусловного сохранения национально-государственного суверенитета. Как верно отмечают многие исследователи, без суверенитета не может быть и независимого государства [7. С. 187]. И действительно, как

показывает мировой опыт, любое национальное государство можно считать независимым, способным обеспечить свое физическое существование, территориальную целостность, невмешательство внешних сил во внутренние дела и т.д. лишь при неоспоримом суверенитете на всей территории, на которую распространяется его юрисдикция. В независимом, способном отстаивать свои национальные интересы жизнеспособном государстве не может быть иной власти, кроме как власти самого государства, осуществляемой на всей территории, подпадающей под его юрисдикцию. На этой территории любые партии, союзы, организации, ассоциации, объединения, претендующие на участие в политической деятельности, или претендующие на места во властной системе, могут считаться законными лишь в том случае, если они признают верховенство государственного суверенитета.

Проблема суверенитета затрагивает не только природу и предназначение власти на уровне отдельно взятого государства, но также на уровне его отношений с внешним миром, среди других субъектов международных отношений. Условием легитимности его суверенитета на собственной территории является признание и за другими государствами таких же прав на принадлежащих им территориях. Поэтому, как отмечает К.С. Гаджиев, «формирование современных национальных государств стало частью процесса взаимного признания за каждым отдельно взятым государством равных прав и равного суверенитета. Соответственно, за каждым государством признается право не допустить вмешательства в его внутренние дела и обеспечить свою территориальную целостность» [2. С. 278]. В этой сфере ключевое значение имеет тот факт, что мировое сообщество представляет собой систему суверенных государств, каждое из которых в соответствии со своими национальными интересами, национально-историческими, социо-культурными, политико-культурными и иными особенностями самостоятельно определяет свою собственную форму правления, собственные приоритеты национальной безопасности, пути и средства защиты национальных интересов.

Любое уважающее себя независимое суверенное государство не признает над собой какой-либо иной власти, стремящейся навязать ему свою волю. Иначе говоря, государство не вправе допускать вмешательство каких бы то ни было внешних сил в свои внутренние дела. Что особенно важно, оно решительно отстаивает территориальное единство страны и нерушимость международно-признанных государственных границ. Иначе говоря, в системе международных отношений государство выступает в качестве равноправного с другими суверенными государствами субъекта. Если данное государство не способно обеспечить эти принципы, то оно не обладает полным суверенитетом над территорией, официально подпадающей под ее юрисдикцию, а также собственными гражданами. В этом контексте одно из ключевых назначений и целей системы обеспечения национальной безопасности состоит в защите национального суверенитета. Она призвана обе-

спечить физическое выживание, жизнеспособность, свободное и стабильное функционирование и дальнейшее развитие государства и общества, защищенность основ конституционного строя, политического, экономического, оборонного, научно-технологического, информационного и интеллектуального потенциала, историко-культурного наследия страны.

Одна из главных целей системы обеспечения национальной безопасности состоит в защите и продвижении национальных интересов, которые определяют смысл, цели и мотивации самого существования государства. Они формируются в соответствии с реальным весом, местом, статусом и ролью государства в международном сообществе и господствующем миропорядке, его ресурсными возможностями, уровнем экономического развития, национально-историческими традициями и т.д. При определении и реализации своих национальных интересов государство учитывает реальные и потенциальные источники и характер угроз безопасности государства, объективные экономические, политические, геополитические и иные факторы, интересы других членов мирового сообщества и т.д.

Существуют некие показатели и пороги, нарушение которых дает основание говорить о том, что государство не способно отстаивать свой суверенитет и национальные интересы. С этой точки зрения важно осознать, что различаются жизненно важные, долгосрочные, постоянные национальные интересы и интересы второстепенные, переменные, конъюнктурные. Естественно, для существования государства, сохранения его суверенитета определяющее значение имеют жизненно важные интересы, представляющие собой совокупность потребностей, целей, установок, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование, жизнеспособность и эффективное функционирование общества, политической системы и самого государства. Второстепенные интересы являются производными от жизненно важных интересов.

Именно столкновение жизненно важных национальных интересов порождает на международной арене разного рода противоречия, конфликты и войны. С данной точки зрения необходимо учесть, что национальные интересы не являются неизменной, раз и навсегда данной величиной. Их приоритеты, временные и пространственные параметры подвергаются более или менее существенным изменениям в зависимости от изменений реального положения в мире в каждый конкретный исторический период.

С учетом всего изложенного можно утверждать, что под системой обеспечения национальной безопасности Российской Федерации следует понимать совокупность общих целей обеспечения национальных интересов России. Понятие «национальная безопасность», объединяя в себе все известные виды безопасности, носит многоплановый характер и охватывает важнейшие сферы общественной жизни, такие как экономическую, социальную, военную, информационную, технологическую и др. Наряду с тра-

диционными, немаловажное значение приобрели новые факторы обеспечения национальной безопасности, такие как уровень развития национальной экономики, ее конкурентоспособность на мировых рынках, уровень развития науки и технологий, качество системы образования и здравоохранения, терроризм, межэтнические и межконфессиональные конфликты, разного рода болезни, наркобизнес и т.д.

Поэтому успешное решение проблемы обеспечения безопасности требует комплексного подхода к решению таких глобальных проблем, как разрешение и регулирование международных конфликтов и укрепление доверия, принятие и реализация мер по обеспечению неприкосновенности границ, предотвращения международного терроризма, международное сотрудничество в области обеспечения прав человека, мирного использования космоса и т.д. Это понятие коррелируется с понятиями: «состояние защищенности личности, имущества, общества и государства»; «обеспечение личной безопасности граждан», «обеспечение общественной безопасности»; «обеспечение экономической безопасности» и т.д. Соответственно, речь идет о национальной безопасности, основанной на органическом единстве интересов всех трех ее базовых объектов – отдельно взятой личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз.

Поэтому национальная безопасность обеспечивается объединенными усилиями всех органов власти всех уровней. Для этого государство вправе использовать все имеющиеся в его распоряжении экономические, людские, политические, военные, идеологические и иные ресурсы.

В условиях серьезного обострения в последние годы на мировой арене международной напряженности со всей серьезностью встает вопрос о физическом самосохранении государства. Именно вокруг этой цели разрабатываются и защищаются другие основополагающие характеристики государства, такие как национально-государственный суверенитет, территориальная целостность, невмешательство во внутренние дела и т.д. Речь идет о том, что в сложившихся к настоящему времени геополитических условиях в силу комплекса известных факторов Запад во главе с США, сосредоточивший в своих руках беспрецедентную экономическую, технологическую, военно-политическую мощь и не в последнюю очередь, экономико-технологическое превосходство, мировую финансовую власть, представляет для России чуть ли не экзистенциальную угрозу. В данном контексте опасными представляются также рассуждения некоторых западных и тех отечественных аналитиков и политиков, которые рассуждают о слабости России, ее неспособности противостоять могущественным США и Западу в целом. Как отмечает, например, французский аналитик Ж.-С. Монгрень, «Россия воспринимается как маленький нарушитель спокойствия, который не должен отвлекать США от большого нарушителя, то есть КНР» [11].

В отношениях между государствами, особенно великими ядерными державами, ключевое значение имеют предельно четкое и ясное осознание и обозначение таких «красных линий», которых без далеко идущих негативных последствий нельзя пересекать.

Слабость – смертельный грех любого государства, прежде всего, любой великой державы. Поэтому России ни при каких условиях нельзя допустить снижения своего статуса ядерной сверхдержавы, способной сдерживать гегемонистские притязания любой современной ядерной державы, какой бы могущественной она ни была. Именно в этом смысле следует оценивать заявление С. Лаврова о том, что Россия не поддастся на уловку администрации Барака Обамы, которая предлагала идею об отказе всеми государствами от ядерного оружия, сократив его число соответственно у Российской Федерации и США до абсолютного минимума. Учитывая явное преимущество США, тем более НАТО, в обычных вооружениях, такое сокращение представляло бы экзистенциальную угрозу для национальной безопасности России. Как заявил министр иностранных дел Германии Зигмар Габриэль в интервью журналу Spiegel, «в мире, в котором живут хищники, трудно быть травоядным» [12]. Поэтому естественно, что, как подчеркнул Лавров, Россия не подпишет договор о запрещении ядерного оружия, принятый в июле 2017 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке [3].

Очевидно, что для России в рассматриваемом контексте ядерному оружию как средству сдерживания агрессии со стороны возможного противника в XXI в. нет альтернативы. Поэтому совершенно оправданным представляется то, что в своей военной доктрине Россия не подтвердила декларированное ранее Советским Союзом обязательство не применять первым ядерное оружие. Такое обязательство по сути дела противоречило бы главной установке, согласно которой это оружие рассматривается не как средство ведения войны, а как средство сдерживания возможного агрессора. Поэтому, если в редакции Концепции национальной безопасности 1997 г. использование ядерного оружия предусматривалось лишь в случае, если «возникает угроза самому существованию РФ как суверенного государства», то в редакции Концепции 2000 года его применение рассматривается правомерным и необходимым в ответ не только на его использование агрессором, но и «на ширококомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности Российской Федерации и ее союзников» [6]. Это положение закреплено и в действующей Военной доктрине. Ее статья 27 гласит: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976).
2. *Гаджиев К.С.* Политическая философия и социология. М., 2014.
3. Известия. 17.03.2018.
4. Конституция Российской Федерации. М., 2014. Ст. 17, п. 1.
5. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300.
6. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. 14 января 2000 г.
7. *Марченко М.Н.* Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1.
8. Послание по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию 13.06.1996. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Основополагающие государственные документы. Часть 1. М., 1998.
9. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета – Федеральный выпуск. 19 мая 2009 г.
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683) // Российская газета – Федеральный выпуск. 31 декабря 2015 г.
11. *Mongrenier J.-S.* Dérapage en vue? Poutine prévient qu'il déploiera de nouvelles armes si les Américains installent de nouveaux missiles en Europe // Atlantico. 23 février 2019.
12. <https://news2.ru/story/537439/>

V.P. NAZAROV

*Candidate of Sciences (political sciences),
working for the doctoral degree at the Chair
of political theory, Moscow State Institute
of International Relations of the Foreign Ministry of RF,
Moscow, Russia*

ON THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

The article attempts to identify and analyze the main factors and milestones of the formation and evolution of the National Security Concept of the Russian Federation. It's shown that if in the USSR in this sphere it was mainly, if not exclusively, about the security of the state, guarantees of its physical existence, its

---

viability, institutions, interests, then in the Russian Federation, its purpose, system and structural components, goals and objectives have undergone a qualitative transformation. The main attention is concentrated on the substantiation of the thesis according to which the national security system was brought into line with the Constitution and the legislation of the Russian Federation, outlining its main purpose as ensuring the security of the equally multinational Russian people, state, society and an individual person etc.

Key words: *Russian Federation, Constitution, Concept, strategy, state, politics, state security, national security, people, society.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.002

УДК 32.323

Д.А. АНИКИН

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и теории политики
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

А.Ю. БУБНОВ

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и теории политики
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИНТЕРНЕТ КАК МЕДИАТОР ПАМЯТИ¹

В статье рассматривается связь коллективной памяти и актуальной политики в контексте сетевого общества. Отмечается влияние специфических черт интернет-коммуникаций на распространение коллективной исторической памяти, таких как анонимность, отсутствие моральных презумпций, высокая степень речевой агрессии и образование «информационных капсул». Авторы описывают возникновение в ходе горизонтальной коммуникации «сообществ памяти», обладающих собственными интерпретациями истории. Подчеркивается зависимость политики памяти в виртуальном пространстве от актуальной политики и медийной повестки. Отмечается идеологическая фрагментация и конфликтность пост-памяти, трансформирующей историю в борьбу интерпретаций и идентичностей. На примере мемориальных проектов рассматривается взаимовлияния реального и виртуального пространств коллективной памяти.

Ключевые слова: политика памяти, сетевое общество, «сообщества памяти», интернет-коммуникация, виртуальные сообщества, пост-память.

Алейда Ассман в своем классическом исследовании посвященном сохранению памяти о Холокосте, «Длинная тень прошлого», ставит очень важный вопрос: «Итак, интернет является глобальным средством интерактив-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «Конструирование исторической памяти о военных конфликтах в сетевых сообществах: базовые нарративы, типы идентичности, политические риски» (проект № 19-011-00833 А).

ности и коммуникации, но служит ли он также медиатором памяти?» [1]. В работе, опубликованной в 2006 году, лишь по касательной затрагивается проблема влияния новых информационных технологий, в частности интернета, на сохранение культурной памяти. С тех пор проникновение интернета в повседневность стало всеобъемлющим, вызвав серьезные трансформации практик взаимодействия с информацией, в том числе с коллективным прошлым. Впрочем, основные выводы о влиянии сетевой коммуникации на распространение памяти о прошлом, сделанные Ассман, кажутся корректными и сейчас, в том числе отмеченное стирание границ между приватностью и публичностью.

Развитие информационных технологий становится комплексным фактором трансформации всех сторон общественной жизни, в том числе и политики памяти, обращенной на использование образов прошлого в процессах легитимации или делегитимации существующего политического порядка. Кардинальным изменением является, в данном случае, не просто факт возникновения новых способов коммуникации между сообществами, а формирование нового способа организации социальной реальности, который получил название сетевого. На смену иерархической социальной структуре приходит принципиально иной способ организация социальных связей, специфику которого Л.В. Сморгунов и А.С. Шерстобитов [13. С. 16] выражают в таблице 1:

Таблица 1

Различие между структурами и сетями

Критерий	Структура	Сеть
Состав	Агенты и отношения	Актеры-отношения
Характер отношений	Функциональный	Коммуникационный
Процессы	Передача команд и отклик	Обмен
Направленность на другого	Инструментальность	Взаимность
Сигналы	Информация	Знание
Порядок	Определенный и устойчивый	Неопределенный и неустойчивый
Положение	Включенность/исключенность	Принадлежность
Значимость	Статусы	Процессы
Характер целого	Интеграция через тоталитаризацию	Интеграция без тоталитаризации

Можно отметить, что сетевой характер организации социального пространства представляется, на первый взгляд, более демократическим в том смысле, что декларируется отказ от навязывания определенной политиче-

ской позиции. При ближайшем рассмотрении более существенным оказывается тот факт, что коммуникационное пространство современного общества по-прежнему остается суггестивным, но при этом существенно трансформируются сами способы политической манипуляции.

Важным элементом политической коммуникации становится диалогичность, но не в смысле уважительного отношения к оппоненту, а в самой готовности вступления в равноправный диалог. Положительной стороной этого свойства новой коммуникативной реальности становится полное «крушение кумиров», когда высокий не-виртуальный социальный статус не становится препятствием для критики. Негативной стороной усиления диалогичности в виртуальном пространстве является отсутствие моральных презумпций по поводу способов и инструментов общения.

Дополнительным стимулом как для вступления в диалог, так и для отказа от моральных презумпций выступает сетевая анонимность. Анонимность коммуникации является мощным мотиватором для появления индивидуального онлайн-контента, создавая возможность свободно высказаться, побыть экспертом, оппонировать чуждой системе взглядов и ценностей, власти и т.д. В этом смысле анализ онлайн-дискуссий позволяет услышать «непубличные мнения» игнорируемые традиционными медиа. Следствием анонимности выступают и разнообразные формы речевой агрессии и кибер-буллинга, в том числе и в специфичных для онлайн формам, таких как троллинг и флейм [8; 5]. Это в свою очередь порождает проблему оценки содержательности свободных, то есть не организованных специально для продуктивного обсуждения, онлайн-дискуссий [12].

Другим важным свойством сетевого коммуникационного пространства выступает принципиальная неустойчивость и нестабильность. Его внутренняя структура связана с постоянным изменением положения ключевых социальных и политических субъектов, а ценностным основанием является так называемая «архитектура выбора», которая предполагает возможность для каждого актора обладать иллюзией выбора траектории своего движения из нескольких вариантов. Иллюзорность подобной архитектуры связана с использованием механизмов обработки «больших данных» (BigData), позволяющих с высокой степенью вероятности создать тот информационный контекст, который позволит склонить актора к нужному решению. Перемещение пользователя в пространстве текстов оказывается системой ссылок и связей в рамках общего идеологического поля. Этому способствуют алгоритмы поисковых систем, настроенные как рекомендательные сервисы, и отбирающие для пользователя контент на основе его предыдущих выборов. Можно вспомнить суть обвинений против Facebook выдвинутых по итогам президентских выборов в США 2016 года, когда корпорацию обвинили в том, что ее алгоритмы, формирующие пользовательские ленты новостей на основе предыдущих запросов, способствовали распространению протрамповских «fake news» [15].

Данные технологии важны не только в условиях осуществления конкретного политического выбора (например, в процессе всенародного голосования), но и в более масштабных процессах определения соотношения между современным состоянием общества и предшествующими стадиями его развития. Цифровые технологии предоставляют новые возможности для конструирования исторической памяти, формирования определенных стратегий отношения к прошлому. Преимуществом подобных технологий является их мобильность и эмоциональная насыщенность. Как подчеркивает С.В Володенков, «возможности эффективной мобилизации масс в интернет-пространстве определяются не только горизонтальностью коммуникации между членами сетевых сообществ, но также оперативностью такого рода коммуникаций и их всеобъемлющим характером в силу появления современных мобильных устройств, позволяющих осуществлять информационно-коммуникационное взаимодействие в любое время и в любой точке» [3. С. 9]. Если еще десять лет назад основным устройством доступа к виртуальной реальности являлся стационарный компьютер, то сейчас в качестве такового выступает уже мобильный телефон, что позволяет значительно уменьшить дистанцию и скорость распространения символических образов, в том числе, и образов прошлого. Интерпретируя этот переворот в системе понятий М. Маклюэна, можно сказать, что интернет объединяет все электрические медиа, от телеграфа до телевидения в единую систему, в современном виде размером с ладонь.

Правда, не следует переоценивать эффект «сжимания» времени в условиях сетевого общества. По мнению, Д. Вайсман, ускорение технологических и социальных преобразований еще не означает кардинальное изменение темпа повседневной жизни, поскольку, парадоксальным образом, усиление потоков передачи информации привело к тому, что люди большую часть своего рабочего проводят неподвижно перед экранами мониторов [2. С. 41].

Формирование политики памяти в условиях сетевого общества также сопряжено с целым рядом особенностей. Во-первых, специфика сетевой реальности заключается в том, что каждый образ прошлого начинает восприниматься как точка пересечения различных политических стратегий и социальных практик. По сути, исчезает возможность приватизации прошлого определенной социальной группой за счет существования четко очерченных контуров различных сегментов социального пространства. В эпоху тотальной проницаемости каждый визуальный или вербальный образ приобретает поливариантность, становясь инструментом реализации политической идентичности самых различных сообществ. Из этого, однако, не проистекает, абсолютное равенство возможных интерпретаций, поскольку сохраняется неравновесность распределения символического и политического капитала, но становится потенциально реальной угрозой использования тех интерпретаций прошлого, которые игнорируются официальной позицией.

В свое время именно это качество интернет-коммуникации заставило Ассман с недоверием отнестись к способности интернета быть медиатором памяти. Она цитирует рассказ писателя Гюнтера Грасса об эксперименте, проведенном его сыном по созданию интернет-сообщества в память «немецкого Титаника», лайнера «Вильгельм Густлов», потопленного в конце войны советской подлодкой. В итоге интернет-сообщество, объединившее людей вокруг одной из немецких военных трагедий, стало так же и ареной «мемориальных сражений», поводом для высказывания всех изгоев немецкой исторической политкорректности, от ревизионистов отрицающих Аушвиц, до неонацистов, призывающих к расправе над евреями. Диагноз немецкой исследовательницы памяти о Холокосте неутешителен: «Интернет существует вне общественных институций, а значит, пока во многом и вне инстанций авторизации и цензуры. Каждый должен здесь установить сам, что истинно и достоверно или сфальсифицировано и выдуманно, что оказывается личным домыслом, а что является результатом научного исследования, где он имеет дело с серьезной информацией, а где – с кошунством и порнографией» [1. С. 267]. Этот пример и множество ему подобных «мемориальных сражений» в онлайн-среде, доказывают тот факт, что историческая память в «сообществах памяти» чаще всего выступает проекцией современных идеологических споров. В деиерархизированном сетевом пространстве хорошо различимы группы с противоположными идеологическими ориентирами. Активация «мемориальных сражений» связана с медийной повесткой, поскольку важнейшим инициатором исторических дискуссий в сети выступают медийные поводы, от исторических юбилеев и блобастеров, до внешнеполитических скандалов.

Во-вторых, закономерным следствием перманентной конкуренции исторических нарративов становится процессуальный характер исторической памяти, которая отныне начинает соотноситься не с совокупностью конкретно зафиксированных и установленных фактов, а с последовательностью их интерпретаций. В философско-методологическом смысле можно констатировать релятивизацию исторического прошлого, но в политологическом аспекте более существенной становится необходимость соотнесения прошлого с контурами актуальной политической реальности. Делиберативный характер политики памяти отчетливо начинает проявляться в условиях выстраивания стратегий отношения к прошлому, исходя из включения или невключения в состав консолидирующегося вокруг этого прошлого сообщества отдельных акторов (коллективных или индивидуальных).

Указанные характеристики позволили современному американскому социологу Д. Олику обозначить специфику изучения политики памяти в современном обществе как «процессо-реляционную методологию» [11. С. 46-47]. Но сам по себе выбор подхода, хотя и задает методологические ориентиры рассмотрения политики памяти в качестве предмета поли-

тологического исследования, но еще не раскрывает отдельные аспекты реализации данной политики в контексте трансформации коммуникационных технологий. По крайней мере, выявленные тенденции, как показывает практика, обозначают лишь общие контуры отношения к прошлому в современном обществе, не раскрывая развивающиеся в последнее время интересные аспекты трансформации мемориальных стратегий.

Как считают современные исследователи, «принадлежность к множеству сообществ в реальном и виртуальном мире ставит перед человеком дилемму приоритета одного из них, однако онлайн и оффлайн пространства в равной степени значимы для него, поскольку виртуальные сети стали неотъемлемой частью его жизни» [9. С. 157-158]. Данное высказывание позволяет подумать, что реальные и виртуальные сообщества представляют собой определенную дихотомию, но на самом деле ситуация представляется более сложной. В условиях развития современных коммуникационных технологий грани различия между виртуальным и реальным пространством постепенно стираются, что позволяет говорить о становлении единой коммуникационной реальности. В самом деле, определенная виртуальная идентификация позволяет индивиду совершать действия и в реальном пространстве, например, принимать участие в политических мероприятиях, с организаторами которых его связывают повседневное общение исключительно посредством виртуальных коммуникаций.

В этой связи необходимо рассмотреть вопрос о связи «дискурсивных сообществ» и «сообществ памяти». Понятие «дискурсивное сообщество» введенное Джоном Свейлзом [16], подразумевало тип сообществ, связанных общей целью и системой письменной и устной коммуникации для ее достижения. Применяемое для описания в частности, научных и университетских сообществ, это понятие наполняется новым смыслом в эпоху виртуальных коммуникаций. Поскольку интернет в первую очередь выступает как глобальная система текстовых коммуникаций (в том числе визуальных и аудиальных текстов и образов), он порождает множественные формы сетевого общения и новые практики обмена текстами. По своему характеру это коммуникация гражданская, люди взаимодействуют преимущественно в контексте общих интересов, и в этом смысле интернет выступает как наследник печатной эры, создавшей унифицированные нации модерна. Однако в сетевом обществе отсутствует единый центр обсуждения политики и истории, дискуссия рассредоточена во множестве частично пересекающихся комьюнити. Производство текстов и дискурсов, в том числе в таких специфических для интернета формах как мемы, создает «дискурсивные сообщества» взаимодействующие на разных платформах.

Применительно к виртуальной сетевой коммуникации понятие «дискурсивного сообщества» должно быть уточнено, и интерпретироваться как группа коммуникантов «взаимодействующих на конкретной площадке (фо-

рум, паблик социальной сети и т.п.) в Интернете вокруг значимой для них темы» [6. С. 2]. Часть этих сообществ, объединенная интересом к истории и актуальной политике, может быть определена, как «сообщества памяти». Формат совместного создания и комментирования текстов превращает память в буквальном смысле в коллективный проект. В процессе комментирования происходит непрерывное производство и уточнение значений, а для понимания содержания сообщения важно то, как оно интерпретируется другими участниками дискуссии. Таким образом, интернет-коммуникация создает совместное участие в конструировании приемлемых для онлайн-сообществ интерпретаций истории. В первую очередь историческое событие выступает как средство идентификации «своих» и «чужих», и, следовательно, онлайн обсуждение превращается в борьбу за доминирование интерпретаций, в сражение символов.

У этой проблемы есть и другой ракурс. В исследовании В. Зверевой, посвященном пабликам социальной сети Вконтакте, которые объединены темами Великой Отечественной войны и украинского национализма в XX веке, выделяется два типа «сообществ памяти» [7]. Полемические сообщества, где память конфликтна и в которых «...с воспоминаниями спорят; их могут приводить «на вес», желая победить оппонента самим количеством рассказов очевидцев («нашу» версию прошлого поддерживает так много свидетелей, что она правильная)» [7. С. 227]. Второй тип сообществ, где интерпретация предписана, а воспоминания каноничны, существует в режиме «информационных капсул». Это понятие, введенное С.В. Володенковым [4], описывает ситуацию самовоспроизводства дискурсов внутри сообществ, закрытых от альтернативных интерпретаций. Полемические сообщества, несмотря на специфическую сетевую ненормативность, могут обладать большим потенциалом для общественной дискуссии, чем капсулированные сообщества. Хотя общая тенденция заключается в том, что идеологическая дифференция современного общества, приводит к схлопыванию свободной дискуссии и капсулированию, в свою очередь, уже сетевого пространства.

Смыкание границ виртуального и реального социального пространства способствует возникновению феноменов дополненной реальности, которые становятся, в том числе, и инструментами артикуляции определенных политических интенций. В 2017 году большой резонанс приобрел проект израильского художника Шахака Шапира под названием Yolosauit. В самом названии, обыгрывающем созвучие с термином «Холокост» содержалась ключевая идея проекта – продемонстрировать с помощью цифровых технологий постепенный процесс исчезновения «живой» памяти о геноциде евреев во время Второй мировой войны, точнее говоря, исчезновение эмоциональных компонентов, необходимых для поддержания данной памяти. Поэтому художник создал своеобразную «дополненную реальность»,

в рамках которой он совместил «селфи» современных туристов из разных стран мира, снятых в Мемориале жертвам Холокоста в Берлине, с теми фотографическими изображениями, которые были сделаны непосредственно после освобождения концентрационных лагерей. Получившиеся изображения демонстрировали не только цинизм.

По словам О.В. Мороз, данный проект стал наглядным проявлением того формата мемориальной культуры, который она приобретает в условиях распространения новых коммуникационных технологий [10]. Технологическая дистанция, как оказывается, далеко не всегда сопутствует эмоциональной отстраненности, но возникающий отклик вызван уже не личным воспоминанием человека, а искусственно вызванной реакцией, которую М. Хирш предпочитает называть термином «пост-память» (postmemory). По ее словам, увеличение временной дистанции по отношению к тем событиям, которые продолжают оставаться политическим и культурным фундаментом современной европейской цивилизации, делают необходимым поиск механизмов актуализации воспоминаний, в качестве которых все чаще начинают выступать различные медиа – не только картины или художественные фильмы, как это было несколько десятилетий назад, но флешмобы и перфомансы, основной задачей которых становится «оживление» угасающей памяти, придание ей нового импульса [14].

Хотелось бы обратить внимание на специфику анализа «пост-памяти» в политическом аспекте, поскольку сформулированная М. Хирш потребность в «оживлении» воспоминаний ставит сразу два существенных вопроса. Во-первых, чем определяется потребность в актуализации тех иных образов прошлого, а, точнее говоря, их интерпретаций? Во-вторых, не подменяется ли историческая аутентичность формированием своеобразного «эффекта реальности» (если использовать терминологию Р. Барта)?

Ответ на первый вопрос предполагает осознание неразрывной преемственности между политическими сообществами, поскольку только в этом случае возникает потребность в обращении к прошлому. При этом актуализируемые воспоминания должны соответствовать наличествующим в данный момент политическим ориентирам данного сообщества, выражать основополагающие принципы его политической культуры. Конкурентный характер современной политической реальности предполагает, что и сама пост-память превращается в символический конфликт между эмоционально окрашенными версиями совместного прошлого различных сообществ, вне зависимости от того, существовали ли реально их исторические аналоги или же они являются лишь идеологическим конструктом, необходимым для легитимации новых политических институтов. Отсюда логически вытекает ответ и на второй вопрос, поскольку степень художественного и эмоционального освоения прошлого начинает определяться важностью его использования в контексте актуальных политических процессов, а не его объективной значимостью – в контексте эпохи или всего исторического процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. *Вайсман Д.* Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Издательский дом «Дело», 2019.
3. *Володенков С.В.* Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // PolitBook. 2018. № 3.
4. *Володенков С.В.* Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5.
5. *Воронцова Т.А.* Троллинг и флейминг: речевая агрессия в Интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 2.
6. *Гребенщикова Т.А.* Интенциональный подход к выделению дискурсивных сообществ в Интернете // Психологические исследования. 2019. Т. 12. № 64 // <http://psystudy.ru>.
7. *Зверева В.В.* Сетевые разговоры: культурные коммуникации в Рунете. Сер. 10 Slavica Bergensia. Берген: Dept. of Foreign Languages University of Bergen, 2012.
8. *Ксенофонтова И.В.* Интернет и фольклор: сборник статей / ред. А. Каргин. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг. 2009.
9. *Михайленок О.М., Щенина О.Г.* Антропологическое измерение политики» новый «сетевой человек» // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2.
10. *Мороз О.В.* Мемориальная культура в цифровую эпоху: тотальный Yolocaust // <https://www.youtube.com/watch?v=U7e5lvbwMg4>.
11. *Олик Д.* Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1.
12. *Радина Н.К.* Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2018. № 2.
13. *Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С.* Политические сети: Теории и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2014.
14. *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. Columbia University Press, 2012.
15. *Silverman C.* How viral fake election news stories outperformed real news on Facebook // <https://www.buzzfeednews.com/article/craigsilverman/viral-fake-election-news-outperformed-real-news-on-facebook#.ue8k9wqwB>.
16. *Swales J.M.* Genre analysis: English in academic and research settings. Boston: Cambridge UP, 1990.

D.A. ANIKIN

*associate Professor of the Department of history and
theory of politics, Moscow State University
candidate of philosophical sciences, docent,
Moscow, Russia*

A.YU. BUBNOV

*associate Professor of the Department of history and
theory of politics, Moscow State University
candidate of philosophical sciences, docent,
Moscow, Russia*

POLITICS OF MEMORY IN VIRTUAL SPACE: THE INTERNET AS A MEDIATOR OF MEMORY

The article considers the relationship between collective memory and actual politics in the context of a network society. The influence of specific features of Internet communication on the spread of collective historical memory, such as anonymity, lack of moral presumption, a high degree of speech aggression, is noted. The authors describe the emergence of «memory communities» with their own interpretations of history in the course of horizontal communication. The dependence of memory policy in the virtual space on current policy and media agenda is emphasized. The author notes the ideological fragmentation and conflict of post-memory, which transforms history into a struggle of interpretations and identities. On the example of memorial projects, the interaction of real and virtual spaces of collective memory is considered.

Key words: *memory policy, network society, “memory communities”, Internet communication, virtual communities, post-memory.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.003

УДК 32

А.В. ТОЛОЧКО

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры философии и социальных наук
Елецкого государственного университета
имени А.И. Бунина, Россия, г. Елец*

С.С. ФОМЕНКО

*кандидат политических наук, доцент
кафедры философии и социальных наук Елецкого
государственного университета имени А.И. Бунина,
Россия, г. Елец*

В.А. ВРАЧЕВ

*магистрант кафедры теории и истории
международных отношений Российского университета
дружбы народов (RUDN University),
Россия, г. Москва*

КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия молодежи в социальной реальности и специфика перехода ее коммуникаций в виртуальное пространство. Проблемы с общением, дисфункциональность стрессоустойчивости, отсутствие навыков рационально-легальной политической социализации, невозможность коммуницировать на основе общих социальных интересов в локальном месте проживания или определенных физических недостатки, мешающие социальному взаимодействию, актуализируют стремления молодых людей проявлять себя в виртуальном пространстве. В сети интернет сформировалась специфическая информационно-коммуникационная среда с определенной субкультурой, в рамках которой проходят процессы, выходящие за рамки оптимальной политической социализации в виде традиционных нерадикализованных социальных форм.

Ключевые слова: *молодежь, политическая социализация, коммуникационное пространство, информационные технологии, медианасилие, селфимания.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в последнее время молодежь все больше проводит свое время в виртуальном мире. Социальные сети выступают в качестве своего рода информационных площадок: здесь молодежь общается на социально-значимые и политические темы, обменивается контентом, трудоустраивается, учится, отдыхает. Мнение окружающих является главной оценкой, которая проявляется в количестве «лайков». Политическая легитимность и политическая популярность Интернет-акторов во многом формируются под влиянием этих процессов. Одновременно в интернет-пространстве возникают деструктивные политические практики.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 3; 9. С. 131-155; 10; 12; 13].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Результаты социологических исследований в современной России, проведенные в ряде регионов показывают, что «наряду с уже распространенными формами девиации (алкоголизм, наркомания, нарушение общественного порядка, хулиганство, вандализм и др.), появились новые формы: трэйнсерфинг, медианасилие, кибернасилие, селфимания, инстамания, экстремизм, фишинг, киберпреступность, компьютерная зависимость, сектантство (идеологическая диверсия), кибербулинг, селфи-экстрим» [2. С. 39-54; 4. С. 5-18; 16].

С целью научного осмысления социального воплощения коммуникативного пространства в интернете современной российской молодежью, представляется важным анализ компьютерных онлайн-игр и явления «селфи» в социально-политическом аспекте.

Сегодня селфи – это явление, получившее повальную популярность. Некоторые специалисты (психиатры, психологи, социологи) называют это явление зависимостью, «селфи-наркоманией».

Специалисты в области психиатрии интерпретируют явление «селфимании» как психическое расстройство, для которого используется дефиниция «selfitis». Диагностирование данного деструктивного отклоняющегося поведения у молодого пользователя сети Интернет обычно связывают с практиками выкладывания им своего изображения на фото в социальных сетях не менее 3-5 раз за сутки. В западной науке такое поведение объясняют обсессивно-компульсивными расстройствами, для которых характерно навязчивое стремление постоянно размещать любую информацию о себе в социальных сетях. Очевидно, что в таких условиях говорить об эффективной политической социализации молодежи не приходится, так как сформировать надлежащий уровень политической культуры у таких субъектов крайне затруднительно.

Российские специалисты иначе интерпретируют данные явления. Они причисляют это явление к характеристике кризиса самоопределения. Нередко в самофотографировании проявляется попытка уловить свое «Я». И наиболее это характерно для подросткового возраста.

Говоря о гармоничном развитии личности молодого человека, особое внимание следует уделить его чувствам, потребностям. Многие социальные психологи центральное место в сфере чувств подростка отводят «чувству взрослости». Проявления этого чувства многообразны, и они могут привести к радикализации ценностных ориентиров молодежи. К числу таких проявлений можно отнести следующие:

– внешние признаки взрослости – курение, игра в карты, особый лексикон, способы отдыха и др. Это самые легкие и самые опасные достижения взрослости. Подражание особому стилю веселой, легкой жизни социологи и политологи называют «низкой культурой досуга», складывается специфическая установка весело провести время, а фотографирование является обязательным атрибутом;

– равнение подростков-мальчиков на качества «настоящего мужчины», смелость, желание сделать фотографию в небезопасном месте (на акции протеста, митинге) и др.

В психологии толпы эти чувства молодежи часто описывают с помощью термина «аффект эмоциональной неадекватности», когда самооценка, как правило, низкая для подростков, не соответствует их высокому уровню притязаний, отсюда – состояние депрессии, тревоги, желания разрушить социально-политическую систему общества, его экономический уклад [5. С. 30-35].

Чрезмерная уверенность в своих силах находится в диссонансе с объективным положением вещей, и молодой человек берется за фотографирование себя в особом небезопасном месте, с целью во чтобы то ни стало занять достойное место в среде сверстников, привлечь их внимание. Особенно, если в значимой для молодежи группе, в иерархии ценностей, смелость занимает высокое место, тогда мы сталкиваемся с образцами молодого человека, пытающегося сделать «селфи» своих антиобщественных поступков.

В социально-политической практике многих стран мира и современной России складываются определенные тенденции социализации молодежи, у которой желание выложить свои фотографии в социальные сети наблюдается более трех раз в день. Они оказываются в группе риска.

Первая тенденция: «я не могу жить настоящим» – он пытается в этот момент остановить мгновение. Более того, он еще может менять эту реальность, когда обрабатывает фото с помощью фильтров.

Вторая тенденция: «я набиваю себе цену» – так как демонстрирую себя, желая вызвать к себе интерес. Молодежь выбирает наиболее «кричащие селфи», на которых могут быть отражены практики их участия в радикальных акциях. Большое количество таких фотографий говорит о неспособности их

авторов глубоко переживать свои эмоции и подлинные чувства. А в напряженном ожидании лайков и комментариев, отмечающих достоинства фото, выражена острая потребность в чужом одобрении. Таким людям трудно залечить свои нарциссические раны. В детстве им недоставало родительского внимания, и они тщетно продолжают вновь и вновь искать его во взглядах других людей, движимые неуловимой жаждой признания.

Третья тенденция: «я делюсь с окружающими». Это простой способ сказать им, что я виртуально с ними, думаю о них. Это как отправить открытку (моментальная телеграмма). Важно, чтобы это занятие не превратилось в навязчивую идею. Данное негативное явление приобретает все большие масштабы. Сейчас стало популярно «экстремальное селфи» [6. С. 56-60].

«Экстремальное селфи» – это вид фотографирования себя, производимый в опасной ситуации. Данный способ ситуативного изображения себя на фото может быть интерпретирован как форма девиации, которая позиционируется рядом авторов как «устойчивое, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности» [8. С. 19-24].

Данный способ собственного отображения следует интерпретировать как некое поведение, находящееся за рамками общепризнанных нормативов и ценностей, отличающийся высокой степенью риска, как для самого молодого человека, так и для всего социума. При возникновении желания сделать «экстремальное селфи» молодые люди идут на необдуманные поступки ради публикации в своем аккаунте социальных сетей провокационной фотосессии. В научном дискурсе отмечают, что в последнее время стали популярными «необычные фото в экстремальных условиях или труднодоступных местах (на крышах высотных зданий, поездов, в центре оживленных автомагистралей, на рельсах и железнодорожных мостах; в обнимку с животными, которые отличаются непредсказуемостью своего поведения)» [11]. Данный опыт может выступать в качестве пробного акта перед переработанием его в радикальные формы политического протеста. Участие молодых людей в подобных акциях может приводить к трагическим последствиям: к травмам, увечьям, летальным случаям.

При наличии психологической тяги подростка к публичному размещению себя, можно предположить истероидно-нарциссическую направленность личности: стремление к демонстрации и привлечению внимания. Через количество «лайков» молодой человек формирует представление о себе и своей идентичности. Постоянная гонка, открытая просьба об этой форме «символического поглаживания», говорит о потребности молодежи в позитивной обратной связи от других. Молодые люди, имеющие непреодолимое влечение к «селфи», могут испытывать трудности в установлении и поддержании межличностных отношений. И это объяснимо: переключить внимание с себя на других бывает достаточно трудно.

В современной науке часто интерпретируют «селфи-зависимость» или «селфизм» как проявление социомедийного самолюбования. Увлечение «селфи» свидетельствует о том, что молодой человек не в полной мере преодолел в себе характерные черты юношеского максимализма – эгоцентризм и зависимость от оценки окружающих, а подростковый возраст является переходным этапом на пути к взрослению. Так или иначе, чрезмерное увлечение самофотографированием – зависимость, которая может приводить к дисгармонии в процессе политической социализации личности.

Помимо различных радикальных проявлений практик «селфи» в социальных сетях, в настоящее время популярны компьютерные игры в режиме онлайн [7. С. 127-145].

Исследование, проведенное «PewResearchCenter» в США, выявило, что: «несмотря на заметный рост интенсивности онлайн-общения, многие из молодых участников опроса чувствуют себя опустошенными перед большой аудиторией в реальности и испытывают давление, связанное с необходимостью поддерживать свой идеализированный онлайн-образ» [17].

Кроме того, согласно исследованиям, с лучшими друзьями подростки предпочитают проводить время друг у друга дома для совместного времяпрепровождения онлайн в социальных сетях или на игровых платформах. Виртуальное пространство становится гораздо популярнее молодежных событийных мероприятий, форумов, концертов и т.д.

Для мальчиков онлайн-игры становятся центром социальной активности: 84% из них играют в игры в Интернете. Для сравнения, у девочек этот показатель составляет 59%. Девочки предпочитают использовать социальные сети, такие как «Facebook», «Twitter», «Instagram», «ВКонтакте» для поддержания связи со своими друзьями. Однако восприятие социальных сетей у подростков менее однозначно. Почти девять из десяти тинейджеров признались, что сталкивались с излишне откровенной информацией в социальных сетях, при этом 85% уверены, что пользователи социальных сетей обрабатывают и отбирают фотографии, чтобы выглядеть лучше, чем в реальной жизни. Эти интернет-площадки могут быть использованы с целью манипулирования общественно-политическим сознанием молодого поколения, формирования у него деструктивных ценностей.

Вместе с тем, подавляющее большинство молодых людей считает, что социальные сети позволяют им лучше поддерживать связь с друзьями и быть осведомленными об их чувствах и важных событиях в их жизни.

Проблемы с общением, застенчивость, отсутствие навыков социализации, невозможность найти знакомых или друзей по интересам в своем месте проживания или определенные физические недостатки, мешающие социальному взаимодействию – все это является факторами того, что подростки приходят в онлайн-игры. Их вовлеченность в интернет-игровой контент препятствует их эффективной политической социализации, так как

у них не остается времени и возможности для ознакомления с рационально-легальными политическими практиками. Обращение молодежи к онлайн-играм возникает на фоне уже имеющихся у них проблем с коммуникацией, формирования абсентеистских представлений о политике и желания отвлечься от проблем в реальной жизни [15. Р. 575-583].

Следует констатировать, что онлайн-игры выступают в качестве канала расширения коммуникативных практик, выражающихся в общении молодежи на базе Интернет-платформы совместной игры, взаимопомощи в онлайн-пространстве и наличии общих интересов.

Однако виртуальные практики такой коммуникации также несут в себе определенную опасность: со временем молодые люди могут ощущать на себе определенные негативные результаты взаимодействия с виртуальным миром. Возникают угрозы использования новых Интернет-каналов влияния на молодое поколение с целью радикализации их ценностных ориентиров. Глубинные интервью, проводимые с российскими молодыми людьми, вовлеченными в игровую онлайн-индустрию, демонстрируют, что существуют определенные факторы обращения к виртуальному пространству и виртуальному общению. К ним относятся: личные проблемы в «живом общении» со сверстниками и взрослыми на фоне приобретенного или сформированного уникального отношения к рационально-легальным способам политической социализации, застенчивость и опасение взаимодействия с людьми лицом к лицу на общественно-значимые темы; отсутствие схожих интересов в разных группах молодежи и невозможность удовлетворения собственных потребностей при их взаимодействии; наличие проблем внутри семьи; желание узнать новую информацию [14. Р. 772-790].

Таким образом, можно сделать вывод, что в интернет-пространстве сформировалась специфическая информационно-коммуникационная среда с определенной субкультурой молодого поколения, в которой проходят процессы, выходящие за рамки оптимальной политической социализации в ее традиционных формах. Игровые сообщества, социальные сети и «селфи» все больше влияют на экономическую, политическую и социальную (прежде всего, образование и воспитание) сферы общественной жизни не только с помощью формирования ценностных установок, но и путем формирования коммуникативных структур наднационального уровня, в пределах которых осуществляется информационное влияние на сознание и поведенческие стратегии современной молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Адамов М.М., Шангараев Р.Н.* Информационные коммуникации как метод цифровой дипломатии во внешней политике США // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 6 (51).

2. *Алистратова Е.Ю.* Проактивная агрессия в интернете: причины, последствия и возможные пути профилактики // *НВ: Психология и психотехника*. 2014. № 1.

3. *Ананченко А.Б., Тюков Н.А., Шаповалов В.Л.* Ценностные ориентации студентов педагогических вузов и молодых педагогов в контексте формирования российской политической идентичности // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2019. № 12.

4. *Бродовская Е.В., Шумилова О.Е.* Российские пользователи и непользователи: соотношение и основные особенности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2013. № 3 (115).

5. *Валева Р.А.* Особенности проявления агрессивного поведения у подростков // *Вестник НЦ БЖД*. 2012. № 4.

6. *Власова Н.В.* Психолого-акмеологические особенности интернет-зависимых подростков // *Акмеология*. 2014. № 1 (49).

7. *Гришин О.Е., Иглин Д.А.* Компьютерные игры как элемент массовой политической культуры и коммуникации // *Politbook*. 2015. № 1.

8. *Морозов В.В.* От отклонений в поведении – к нравственному воспитанию, от экстремистских наклонностей – к реабилитации средствами образования // *Социальная педагогика*. 2011. № 3.

9. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи пост-социалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (часть 1) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.

10. *Петров Д.Ю.* Политические коммуникации в условиях развития современных информационных технологий // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2019. Т. 9. № 8 (53).

11. Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности // <http://rus.rusemb.org.uk/policycontact/69>

12. *Явчуновская Р.А.* Кризис нравственной культуры современного общества // *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2019. Т. 8. № 3 (29).

13. *Яланузян М.С.* Интернет как политический инструмент XXI века // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2019. Т. 9. № 7 (52).

14. *Anderson C.A., Dill K.E.* Video games and aggressive thoughts, feelings, and behavior in the laboratory and in life // *Journal of personality and social psychology*. 2000. Vol. 78. № 4.

15. *Cole H., Griffiths M.D.* Social interactions in massively multiplayer online role-playing gamers // *CyberPsychology & Behavior*. 2007. Vol. 10. № 4.

16. *Brodovskaya E., Dombrovskaya A., Batanina I., Kazachenko A., Huang T.* Internet Communication in Different Political Systems: A Cross-National Study // *International journal of environmental & science education*. 2016. Т. 11. № 4.

17. *Kang S.* Third of all teens who meet strangers online are meeting them in person, too. August 6, 2015 // <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2015/08/06/why-kids-are-meeting-more-strangers-online-than-ever-before/>

A.V. TOLOCHKO

*PhD in Political sciences, associate professor,
Department of philosophy, social sciences and journalism,
Bunin Yelets State University, Yelets, Russia*

S.S. FOMENKO

*PhD in Political sciences, associate professor,
Department of philosophy, social sciences and journalism,
Bunin Yelets State University, Yelets, Russia*

V.A. VRACHEV

*student of the Department of Theory and History
of International Relations, Peoples' Friendship University
of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*

COMMUNICATION SPACE OF MODERN YOUTH IN THE CONTEXT INFORMATION TECHNOLOGY FORMATION: SOCIO-POLITICAL ANALYSIS

The article considers the problems of interaction of young people in social reality and the specifics of transition of their communications into virtual space. Problems with communication, disjunctively of stress resistance, lack of skills of rational-legal political socialization, inability to communicate on the basis of common social interests in the local place of residence or certain physical shortcomings preventing social interaction, update the aspirations of teenagers to show themselves in virtual space. The Internet has developed a specific information and communication environment with a certain subculture, in which processes go beyond optimal political socialization in the form of traditional non-radicalized social forms.

Key words: *youth, political socialization, communication space, information technology, medianasilia, selfmania.*

*кандидат политических наук, доцент
кафедры политических наук и технологий
Сибирского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Новосибирск*

*кандидат политических наук, заместитель
декана факультета политики и международных отношений
Сибирского института управления – филиала Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск*

**«БАРХАТНАЯ» УЛИЦА:
РЕВОЛЮЦИЯ, ПРОТЕСТ,
ДЕМОКРАТИЯ И АВТОРИТАРИЗМ
В УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ
(ОПЫТ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ ПРОТЕСТОВ
В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ)¹**

Статья посвящена анализу социальных революций и протестов. Авторы в статье описывают влияние социально-политических факторов на трансформацию политического режима и рост протестной активности. В статье авторы представляют некоторые выводы о влиянии процессов демократизации на публичную политику в сибирских городах.

Ключевые слова: *революция, протест, демократизация, демократия.*

Историю пишут победители политических конфликтов. И в этой истории войны, перевороты, восстания, бунты, митинги, демонстрации занимают серьезное место. Ну не воспитывать же подрастающее поколение на рассказах о тяготах документооборота, протокольных совещаниях, механизмах

---

¹ При поддержке Российского государственного научного фонда, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX-XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ» и поддержанного РФФИ научного проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» № 18-011-00866.

принятия решений, сложных переговорах, судебных издержках, кадровых перестановках и прочей рутине, составляющей сущность обыденного политического процесса. То ли дело уличный протест – по сути, маленькая гражданская война, силовое взаимодействие, правил нет, итог не предreshен. В обыденном сознании сразу всплывают детские образы Буратино, Чиполино, Суок, Тутти и прочих отверженных под белеющим одиноким парусом. Участники конфликта активно создают и тиражируют мифы о себе, своих оппонентах, в которых униженные и оскорбленные бросают вызов зажавшимся и сильным и страдают или побеждают с неизбежным «хэппи-эндом» в исторической перспективе. Впрочем, другая сторона, также не остается в долгу и активно рассказывает о раскачивающих лодку агентах влияния, социальных неудачниках, движимых исключительно корыстными мотивами, стремящихся захватить власть для последующей продажи нелюбимой родины любимым врагам.

В центре нашего внимания находится процесс разрешения социального кризиса революционным путем, через активизацию уличной политики (протестных демонстраций, митингов, пикетов и шествий) ведущих к изменению политического режима. Почему, при каких условиях, после революции, одни группы пришедшие к власти на «протестной волне», начинают формирование демократических институтов, а другие, вне зависимости от провозглашаемых идеалов, начинают создавать правила, при которых любая не правительственная политическая инициатива объявляется преступлением?

Предложенный материал является частью двух более широких проектов «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX-XX вв: макроисторический и социально-философский анализ» (Научный руководитель – проф. Розов Н.С., участники – кандидаты наук Филиппов С.И., Цыганков В.В., Пустовойт Ю.А.) и «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» (Научный руководитель – доцент Пустовойт Ю.А., участники – Барсуков А.М., Шевцова Е.В.).

В первом проекте мы рассматриваем в макроисторической перспективе революционные волны, представляющие собой серии социальных революций, характеризуемых либо общими причинами, либо общими идеями-лозунгами, либо причинным воздействием друг на друга по принципу «домино». Здесь анализ построен на сопоставлении положительных (революция произошла) и отрицательных (нет революционных событий) случаев в выбранных странах. Эмпирической базой служил комплекс исторических и страноведческих исследований, дополняемых мемуарами, публицистическими текстами и статистикой. В качестве основного метода использованы логические средства анализа причинных связей. Вслед за Н.С. Розовым мы определяем социальную революцию как «возможное следствие глубокого социально-политического кризиса государства с таким уровнем обо-

стрения конфликта, что из-за массовых протестов и восстаний верховная государственная власть испытывает реальную угрозу свержения, причем в ходе событий существенно преобразуется политический режим: отношения и институты политического взаимодействия» [6. С. 95]. Именно на этой проблеме, становления будущего режима мы бы и хотели здесь подробнее остановиться, поместив ее в контекст уличного протеста – не институциональной формы борьбы, конфликта в котором нет устойчивых правил и всегда существует возможность применения насилия любым из участников. Эти составляющие (отсутствие обоюдно соблюдаемых правил и риск применения физической силы к оппонентам) отличают уличный протест от нормативной сферы политического противостояния, регулируемой правом и законодательством (парламентские дебаты, выборы и суды) и не формализованного, но относительно мирного уничтожения оппонентов в ходе публичных дискуссий, публицистики, клеветы, диффамации, пропаганды, интриг и не публичных переговоров.

Итак, во-первых, существует ли в настоящий момент общая тенденция к уменьшению степени насилия во время протестных мероприятий, во-вторых, можно ли выделить некоторые общие совокупности факторов, выступающих как условие этого процесса, в-третьих, насколько современный российский городской протест содержит в себе демократические и авторитарные тенденции.

Рассмотрим в предложенной перспективе события Восточной Европе 1989 г., которые, с легкой руки западных журналистов и Вацлава Гавела, получили названия «бархатные революции». Обычно, используя это понятие, подчеркивается их ненасильственный характер (отсутствие послереволюционного террора), стремление к компромиссам (символ революции – круглый стол), отсутствие утопических идей (за основу политических и социальных проектов берутся уже существующие в других странах институты и практики), мобилизация масс не столько для осуществления насилия над представителями действующей власти, сколько для побуждения последних к переговорам и предоставления представителям правящей элиты послереволюционных гарантий относительного социального благополучия и возможности вернуться в политическую жизнь [10. С. 116-136]. Сопоставив эти события в рамках макро исторического подхода мы пришли к выводу, что уровень насилия во время революции, зависит от нескольких значимых факторов: опыт применения насилия, демографическая ситуация и связанная с ней типовая модель культурного воспитания, наличие сословных, стратификационных и культурных сегрегационных барьеров. Опыт применения насилия связан с недавним участием страны в международной войне, что обуславливает достаточно большое наличие людей, имеющих военный опыт, навыки обращения с оружием и способных к активным действиям в экстремальной ситуации. Вторым фактором выступает демографическая

ситуация и связанная с размером семьи модель семейного воспитания. И, наконец, третьим фактором выступает наличие сословных, стратификационных и культурных барьеров. В условиях конфликта проявление насилия в отношении «Чужого» происходит намного легче, если его участники ориентированы на разные стили жизни и ценности [3].

Рассмотрев волну европейских революций [5] и несостоявшуюся революцию в Китае [2], мы можем утверждать, что к весне 1989 г. в Восточной Европе и в Китае было сопоставимое сочетание революционных факторов: раскол элит, наличие альтернативы и делигитимация власти. Проявление их было диаметрально противоположным. 4 июня победное голосование за оппозицию в Польше совпало с танковым разгромом протестующих в Китае на площади Тяньаньмэнь. В Восточной Европе в отличие от Китая, где чуть больше десяти лет до происходящих событий бушевала Культурная революция, не так много было людей, имеющих опыт применения летальных средств. Напротив, лидеры оппозиции всячески подчеркивали неэффективность силового противостояния. В Китае, хоть уже и вводились практики контроля над рождаемостью, все же средние показатели рождаемости в два раза были выше, чем в рассматриваемых странах [1]. Традиционные сословные барьеры, отсутствие в патриархальной китайской культуре образцов легитимного проявления неповиновения (привычный «на западе» подростковый бунт вообще не характерен для восточных стран) облегчил применение властями жестоких мер по отношению к протестующим [3; 4].

Таким образом, с одной стороны, город обречен на протест так как представляет собой вечно-конфликтную среду, где интересы одних индивидов и групп неизбежно сталкиваются с интересами других и где любые изменения территориального характера неизбежно способствуют смене экономических и социальных позиций проживающего здесь населения. В ставшей классической в урбанистике «социалистической» перспективе «права на город» (А. Лефер, Д. Харви) рассматривается не как право горожанина получать доступ к городским ресурсам, а как право на изменения себя посредством изменения городского пространства. Это коллективное право, осуществление которого возможно только через присвоение публичного пространства социальными группами, способными открыто представлять себя широкой публике. «...право на город – это не просто условное право доступа к тому, что уже существует; это активное право на преобразование города, на приведение его в соответствие с нашими общими нуждами и желаниями и, следовательно, преобразование нашей повседневной жизни, изменение наших архитектурных практик и просто альтернативное определение того, что значить быть человеком» [8]. Ежедневные примеры с точечной застройкой, вывозом мусора, размещении и закрытии производств заставляют горожан выбирать одну из описанных А. Хиршманом опций «выход, голос или лояльность» [9]. С другой стороны, факторы, обеспечивающие

достаточно высокий уровень насилия, по нашим оценкам, не особо высоки на территории России. Не так много молодых неустроенных людей, имеющих опыт организованного применения насилия, в большей части регионов закрепились модель малодетной семьи, безусловно существующие стратификационные и культурные барьеры снижаются за счет некоторого достигнутого в начале века оптимального роста общего уровня потребления, доступного массового высшего образования, усилению культурного обмена. По всем этим факторам ситуация в современной России ближе к Европе 1989 года, чем к современному Китаю.

В какой степени и каким образом протесты влияют на последующий ход демократизации? На основании анализа событий в истории Западной Европы Чарльз Тилли выделил недемократические и демократические методы борьбы. Для первых характерно использование узколокального действия (ограниченного набора конкретных целей), использования посредников и тех же средств которые используют власти в упрощенной (карикатурной) форме. Места сбора в этом случае максимально приближены к местам «злодеяний», противопоставленным местам публичной власти, широко используются развешенные властью поводы для сборов, участники имеют одинаковый внешний вид, что подчеркивает их корпоративную солидарность, противопоставляют себя местным врагам, апеллируют к могущественным покровителям, используют оскорбительную символику. Для вторых, демократичных, характерны сложносоставные, космополитичные и автономные способы борьбы. Участники имеют широкий набор целей, используют сравнительно автономные методы, редко применяемые властями, планируют свои действия, в заметных общественных местах, включают в себя представителей разных групп, объединенных особыми интересами, бросают прямой вызов государственным властям и их представителям, демонстрируют программы и лозунги общности (флаги и знамена с лозунгами), используют формы взаимодействия, легко переносимые из одной ситуации или местности в другую [7].

Для выявления и объяснения процесса формирования городских протестных сообществ в сибирских городах, имеющих различные социально-экономические характеристики, мы собрали и обработали комплекс статистических и эмпирических данных по политической, экономической, социальной и культурной жизни в отдельных сибирских городах. Проводили интервью с лидерами и участниками протестных объединений (всего 46 интервью). Обычно беседа состояла из пяти ключевых блоков (биографии, проблемы города, оценка организации протеста, мотивация участников, перспективы на будущее). Аудиозапись прослушивалась каждым из участников исследовательской группы, и полученные сведения обсуждались и верифицировались. Полученные данные дополнялись провели пилотажным опросом (600 человек), наблюдениями проходивших митингов и пикетов, работой в фокус-группах.

Обычно считается, что чем хуже социальные условия, тем вероятнее всего возникнут протесты. Это верно лишь отчасти. Протест может вспыхнуть везде, как реакция на неординарное событие, но не везде может получить развитие. По итогам первого года можно утверждать, что происходит рост протестных настроений, но не увеличение степени организованности протестующих. Сильные и стабильные протестные сообщества формируются в наиболее модернизированных, экономически самостоятельных и благополучных городах (Новосибирск, Красноярск, Томск и Иркутск). В городах с тяжелой экономической ситуацией: Омске и Барнауле, Чите и Улан-Уде протестная активность имеет менее выраженный и скорее ситуационный характер. В благополучных и зависимых от федеральных трансферов городах Кузбасса, Кызыле, Горно-Алтайске и Абакане протестная активность минимальная в силу большей авторитарной специфики регионального режима. Абакан представляет наиболее интересный случай, так как показывает хрупкость авторитарной региональной модели, сменившейся в ходе обычных выборов.

Если исходить из критериев, предложенных Ч. Тилли, то большая часть наблюдаемых протестов ориентирована на недемократические методы борьбы. Протестующие скорее используют те же способы действия властей, в утрированной и карикатурной форме, чем конструируют собственные автономные методы, обычно вторгаются в пространства власти, чем создают собственные заметные общественные места, чаще используют оскорбительную символику для демонстрации обид и требований, чем вырабатывают собственные программы и символы общности. У горожан нет своих общественных пространств, и территориально митинги и выступления практически во всех сибирских городах, за редким исключением, находятся в неудобных для проведения районах.

Организационная структура протестных сообществ, по оценкам наших экспертов, существенно ослабляется латентным конфликтом между структурами федерального и местного уровня и, обычно, наличием двух типов лидерства: рациональных менеджеров и эмоциональных идеологов, находящихся между собой в отношениях скрытого конфликта и борющихся за внутреннее влияние. В силу этих внутренних противоречий мобилизация властной коалиции пока проходит быстрее и эффективней, чем мобилизация протестующих. Сложившийся в городах властный режим построен на интересах и выгоде участников, а оппозицию, даже в случае выдвижения социальных требований, скорее объединяют сильно различающиеся между собой мифологические представления о социальной справедливости, что значительно снижает возможности выработки и реализации долгосрочных рациональных стратегий.

Тем не менее, в условиях ухудшения экономической ситуации протестные настроения будут расти, и ряды протестующих будут пополняться

ся людьми, имеющими опыт, но потерявшими работу в бизнесе, культуре, образовании и политике. Рискнем предположить, что нас ждет рост активности в городах, добивающихся политического успеха, в Новосибирске, Красноярске, Иркутске (городские режимы развития). Протестующие, скорее всего, будут расширять диапазон средств, дополняя уличную политику жалобами, петициями, обращениями в суд по самой широкой протестной повестке, совмещающей локальные территориальные проблемы с политическими правами и свободами.

Современный сибирский город представляет собой сложное сочетание интересов, усиленное здесь повседневными зимними тяготами, дороговизной, плохой экологией и удаленностью от центра. Он обречен на протест, который является затратным и рискованным мероприятием для всех участников противостояния. Гипотетически расширение поля институционального (в первую очередь, выборы) и символического (публичные открытые дебаты) конфликта должны снизить привлекательность экспрессивной уличной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Баженова Е.С.* Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ // <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0411/analit05.php>.
2. *Иванов С.А.* Почему коммунистический режим в Китае пережил 1989 г. // Россия и АТР. 2016. № 3.
3. *Пустовойт Ю.А.* Бархатные революции: причины, факторы насилия, результаты (опыт анализа событий 1989 года в Восточной Европе) // Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности: сб. науч. тр. 7 Всероссий. научн. конф. / Новосиб. Гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018.
4. *Пустовойт Ю.А.* Бунт, восстание, революция: организованное насилие горожан в контексте модернизационных процессов // Вестник бурятского университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 4.
5. Революционные реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: двадцать лет спустя. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2011.
6. *Розов Н.С.* Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис (Политические исследования). 2017. № 6. DOI: 10.17976/jpps/2017.0.
7. *Тилли Ч.* Борьба и демократия в Европе, 1650-2000 гг. / пер. с англ. М.: Олимп-бизнес, 2007.
8. *Харви Д.* Право на город // Философско-литературный журнал Логос. 2008. № 3.
9. *Хиршман А.О.* Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009.
10. *Эш Т.Г.* 1989 год и перспективы бархатных революций // Pro et Contra. Сентябрь-декабрь 2009.

Yu.A. PUSTOVOIT

*Candidate of Sciences (political sciences),
Associate Professor at the Chair of political science
and technology of the Siberian Institute of Management,
branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Novosibirsk, Russia*

A.M. BARSUKOV

*Candidate of Sciences (political sciences),
Deputy Dean of the Department of politics
and international relations of the Siberian Institute
of Management, branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Novosibirsk, Russia*

**«VELVET» STREET:
REVOLUTION, PROTEST, DEMOCRACY
AND AUTHORITARIANISM IN URBAN PERSPECTIVE
(AN ATTEMPT OF ANALYSIS OF MODERN
PROTESTS IN SIBERIAN CITIES)**

The article is devoted to the analysis of social revolutions and protests. The authors in the article describe the influence of socio-political factors on the transformation of the political regime and the growth of protest activity. In the article, the authors present some conclusions about the impact of democratization processes on public policy in Siberian cities.

Key words: *revolution, protest, democratization, democracy.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.005

УДК 32.323

В.С. НЕЧИПОРЕНКО

*доктор исторических наук,
профессор кафедры государственного управления и
национальной безопасности Института права и
национальной безопасности Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

М.Ф. МАГАДИЕВ

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного управления и
национальной безопасности Института права и
национальной безопасности Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
член-корреспондент РАЕН,
Россия, г. Москва*

КАДРОВЫЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, И МЕТОДОЛОГИЯ УГЛУБЛЕНИЯ ИХ СОДЕРЖАНИЯ

Статья посвящена необходимости уделить особое внимание кадровому обеспечению при реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и методологии его представления в новой редакции «Стратегии национальной безопасности». Авторами также подробно рассматриваются основные принципы, лежащие в основе методологии решения кадровых вопросов в интересах национальной безопасности РФ.

Ключевые слова: *государственное управление, национальная безопасность, Стратегия национальной безопасности, кадровый состав для обеспечения национальной безопасности, профессионализм, научность кадрового обеспечения национальной безопасности.*

В ходе корректировки Стратегии национальной безопасности актуальным является вопрос о кадрах и методологии их представления в Стратегии.

Принципиальным является вопрос о стратегических национальных приоритетах [2]. Среди девяти приоритетов проблема кадров отсутствует.

Между тем без правильного подбора и расстановки руководящих кадров реализация указанных приоритетов вряд ли достижима. И слабое осуществление приоритетов по повышению качества жизни российских граждан, экономическому росту, науке, образованию и здравоохранению подтверждает этот вывод. В связи с этим считаем, что целесообразно *в число приоритетов включить «национальные кадры»*. Соответственно Стратегию необходимо *дополнить разделом «национальные кадры»*, так как обеспечение национальной безопасности осуществляется кадрами. Это позволит избежать методологически необоснованного разброса проблем кадров по многим пунктам Стратегии.

Содержательная работа с кадрами предполагает *разграничение объекта и субъекта государственного управления* и учет их особенностей в системе национальной безопасности. В действующей Стратегии внимание сконцентрировано на *объектах* управления. В связи с этим на первый план выдвинуты специалисты сельского хозяйства, инженеры, технические специалисты, специалисты в области истории и культуры. Упоминается кадровый потенциал оборонно-промышленного комплекса, преподаватели, педагоги и т.д.

Представляется, что следует определиться со слабыми местами *кадровых ресурсов объектов управления*. Например, в сельском хозяйстве слабым местом является отставание в области селекции и племенного дела. Зарубежные «партнеры» могут использовать этот недостаток. В связи с этим важно взять под контроль подготовку специалистов по селекции и племенному делу, и решить эту проблему в течение 10 лет.

В лесном хозяйстве не хватает лесников. Необходимым является качественное восстановление системы охраны лесов, лесопосадок и, соответственно, определение потребности в подготовке кадров.

Проблемой стало сохранение рек. Многие из них из-за бесхозяйственности мелеют и перестают быть судоходными. Необходима подготовка соответствующих специалистов.

Эти и другие проблемы с кадрами объектов управления целесообразно проработать с соответствующими министерствами и ведомствами.

Другого плана проблемы стоят перед *кадрами субъекта управления*. Именно от них часто исходят угрозы безопасности страны, регионов: отток капиталов, хищения, коррупция, нарушения правил и норм безопасности; бесхозяйственность; пассивность, а порой предательство вплоть до измены Родине. В Концепции должны быть предусмотрены меры, предупреждающие преступления, совершенные такими крупными чиновниками и банкирами, как Абызов, Бородин, Белых, Вавилов, Захарченко, Маркин, Улюкаев, Чернухин и многие другие.

В связи с этим в разделе «Кадры» следовало бы обозначить дополнительные меры ответственности для кадров субъектов государственного управления, например, для тех, кто рекомендовал на должности работни-

ков, совершивших преступления. Для политических партий целесообразно ввести правило отчетности перед обществом путем изложения в официальном органе – «Российская газета» – оценки преступления своего члена партии, рекомендованного на государственную должность.

В новом варианте Стратегии необходима корректировка методологии решения кадровых вопросов в интересах национальной безопасности. В основу этой методологии следовало бы положить принципы, проверенные практикой России и многих развитых стран: профессионализм, научность, системность, функциональность, связь с обществом.

Принцип профессионализма руководящих кадров означает, что в системе государственного управления и безопасности неукоснительно обеспечивается соответствие знаний, навыков, умений и способностей претендентов на государственные должности требованиям этих должностей.

В последние годы распространенным явлением стало назначение неспециалистов на государственные должности и должности государственной службы – журналистов, банкиров, экономистов, юристов там, где нужны инженеры, конструкторы, строители, транспортники, специалисты сельского, лесного, водного и другого хозяйства и т.д. Понятно, что никакие банкиры, экономисты или юристы не сделают того, что осуществили специалисты – Королев, Калашников, Миль, Антонов, Курчатов и другие выдающиеся руководители стратегических направлений безопасности.

Подбор кадров в центральных органах государственного управления вопреки принципу подбора кадров по профессиональным, деловым и нравственным качествам и способностям уже привел к стагнации экономического роста и развития на протяжении многих лет, что является самой опасной угрозой для России: она оттесняется в зону стран «третьего мира» [1].

Научность кадрового обеспечения национальной безопасности предполагает, что кадры, особенно связанные с обеспечением национальной безопасности, рассматриваются государством и обществом как самый ценный капитал, который необходимо охранять по самым высоким меркам.

Безопасность страны будет возрастать, если принимаемые меры позволят улучшить кадровый состав сфер, вошедших в перечень приоритетов национальной безопасности, если сократится отток квалифицированных кадров за рубеж, если наоборот, мы найдем пути привлечения в страну кадры из республик бывшего СССР и зарубежных стран. В связи с этим важно предпринять суровые меры по отношению к тем, кто тормозит этот процесс, как правило, в корыстных целях. Это касается и правоохранительных органов, которые проявляют неоправданный консерватизм в решении этих вопросов, и миграционных служб, задачи которых по обеспечению квалифицированными кадрами, практически выпали из содержания Стратегии.

Принцип научности предполагает соответствующие методы формирования правящей элиты и лидеров, регулирования процессов инкорпорации

и экскорпорации управленческих кадров, применения к ним технологий элитной «инженерии».

Системность кадрового обеспечения национальной безопасности требует формирования ряда подсистем: кадров субъектов управления и кадров объектов управления; обеспеченности ключевыми специалистами по сферам, включенным в состав приоритетов национальной безопасности; контроля этих сфер со стороны органов государственной безопасности путем направления своих представителей в соответствующие государственные и негосударственные органы. В связи с этим актуальным является вопрос о подготовке в РАНХиГС при Президенте РФ специалистов по вопросам национальной безопасности в приоритетных общественных сферах [1].

Функциональность кадрового обеспечения национальной безопасности предполагает, что в структурах Совета национальной безопасности, органов государственной безопасности должны быть организованы специальные структуры, или (при их наличии) введены новые должности. По этим должностям следует:

- определить круг знаний, умений и навыков должностных лиц органов государственного и муниципального управления по вопросам национальной безопасности и стратегического планирования;

- внести соответствующие дополнения в должностные регламенты государственных служащих и программы их подготовки и переподготовки.

- Важнейшей функцией кадровых структур государственных органов должно быть:

- расширение подготовки кадров в сфере анализа информации и информационной безопасности;

- создание системы переподготовки и повышения квалификации кадров муниципальных образований в приграничных районах, ЗАТО и наукоградах, играющих особую роль в обеспечении национальной безопасности.

Государственные органы обязаны:

- включить в перечень критериев оценки состояния национальной безопасности уровень подготовки кадров по вопросам национальной безопасности в систему государственного и муниципального управления;

- сформировать систему стимулирования притока зарубежных специалистов, особенно русскоязычных, в Российскую Федерацию.

Функциональность кадрового обеспечения национальной безопасности предполагает также осуществление следующих функций: привлечение кадровой информации в соответствии с приоритетами этой безопасности; участие в работе государственных органов в ходе планирования потребностей в квалифицированных кадрах на перспективу в десять-двадцать лет по приоритетам национальной безопасности; обеспечение подготовки и переподготовки кадров, необходимых для системы национальной безопасности, в вузах на условиях бюджетной обеспеченности; участие в подготовке

кадровых решений, которые касаются вопросов национальной безопасности, независимо от ведомственной или территориальной принадлежности.

Принцип связи с обществом предполагает активное участие гражданского общества в обеспечении своей безопасности и безопасности государства как гаранта национальной безопасности. Это требует взаимодействия органов государственной безопасности с гражданским обществом и его организациями по поводу безопасности граждан по всем приоритетным направлениям. При этом следует учитывать тот факт, что нарастает разрыв власти и общества: в доходах, в правах, в возможностях реализации своего кадрового потенциала.

Выходом из тупиковой ситуации могло бы быть использование мер по демократизации кадровой сферы:

- назначение на государственные должности следует доводить до граждан с полной аргументацией в плане профессионализма – знании, умении, навыках, опыта, способностей, соответствия компетенции назначаемых лиц;
- включить в состав общественных советов при министерствах и ведомствах рядовых работников ведущих предприятий, объединений, школ, вузов – рабочих, крестьян, инженеров, ученых, учителей, актеров и т.д.

Таким образом, методология корректировки кадровых аспектов Стратегии национальной безопасности должна быть основана на принципах разграничения ответственности кадров субъектов и объектов государственного управления, реализации принципов кадрового обеспечения этой безопасности – научности, профессионализма, системности, функциональности и связи с обществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. Изд. 2. М.: Изд-во РАГС, 2005.
2. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/.

V.S. NECHIPORENKO

*Doctor of Sciences (history), Professor
at the Chair of public administration and national security
of the Institute of law and national security, Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia*

M.F. MAGADIEV

*Candidate of Sciences (sociology), Associate
Professor at the Chair of public administration
and national security of the Institute of law and national
security, Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

PERSONNEL ASPECTS OF THE NATIONAL SECURITY STRATEGY AND METHODOLOGY FOR DEEPENING THEIR CONTENT

The article is devoted to the necessity to pay special attention to the personnel support in the implementation of the National Security Strategy of the Russian Federation and the methodology for its presentation in the new version of the National Security Strategy. The authors also consider in detail the main principles underlying the methodology for solving personnel issues in the interests of national security of the Russian Federation.

Key words: *public administration, national security, National Security Strategy, personnel for national security, professionalism, scientific character of personnel support of national security.*

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРАВА И СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Судебная система является одной из важнейших структурных составляющих системы государственного управления. При этом в последнее время социологи фиксируют постоянно нарастающее отчуждение населения от органов государственной власти, падение доверия к судебной системе и как следствие – кризис легитимности ее решений. Приведены экспертные позиции ряда ученых изучающих судебную власть также фиксирующих ряд проблемных аспектов ее функционирование. Сделан вывод, что суды в большинстве дел защищают не частные, а публичные интересы, что подтверждается статистикой рассмотренных дел. Исследуются причины такого положения дел. Сделан вывод, что в рамках функционирования российской судебной системы смешиваются две формы социального упорядочивания: управленческое воздействие и право. После распада советской системы власти такая ситуация характерна для всех государств Восточной Европы, включая Россию. Современная легитимность российской судебной власти носит нисходящий характер и основана на концепте государства, на которое фактически возлагается политическая ответственность за принятие судебных решений. Нисходящая легитимация судебной системы подразумевает, что право рассматривается не как продукт взаимодействия целевых ориентаций гражданина и государства, а как одностороннюю проекцию власти, сходящую от правительства и направленную на гражданина. Тем самым, суды самоустраняются от принятия на себя ответственности за защиту интересов граждан и конструирование ткани социальной жизни, считая это политической задачей, которая лежит на государстве, что несет серьезные риски для политико-правовой системы. В статье на примере конкретных судебных

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31652/19/ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31652/19.

кейсов показана ориентация судебной власти на защиту интересов государства, а не частных лиц. Фактически, сталкиваемся с использованием позитивизма, как проводника политической воли государства, исходящей отнюдь не из традиционно понимаемых принципов законности. Сделан вывод, что судебная система выступает одним из методов политического регулирования вертикального управления в государстве.

Ключевые слова: *судебная система, политическая власть, нисходящая легитимация, интересы общества, права человека.*

Понимание политики, как особой формы социальной деятельности, связанной с отправлением функций публичной власти, которая в современной России делится на законодательную исполнительную и судебную, предопределяет необходимость осмысления институтов судебной власти в свете их политической функциональности. Государственные органы, осуществляющие полномочия по судебному разбирательству, с каждым годом играют все большее значение в политической системе Российской Федерации. Они являются важной структурной составляющей системы государственного управления, для которой в первую очередь актуальны взаимоотношение личности и государства. Обойти роль судебной системы здесь не представляется возможным.

В последнее время социологи фиксируют постоянно нарастающее отчуждение населения от органов государственной власти, падение доверия к судебной системе и как следствие – кризис легитимности ее решений. А.И. Соловьев в 2011 году констатировал, что, превратившись в бесконтрольных операторов власти, правящие элитные корпорации не только поставили себе на службу ресурсы государства, но и способствовали перерождению ряда функциональных профилей его активности и приводит пример судебной системы, которая практически утратила свою независимость, так же, как и система охраны общественного порядка, сориентировавшись, в основном, на обеспечение интересов наиболее обеспеченных и статусных слоев общества. Это резко снизило многие конституционные гарантии, в том числе гражданских прав личности, прав частной собственности и др., минимизировало применение этических ориентиров в деятельности госорганов, снизило эффективность антикоррупционных мер и т.д. [24. С. 125-141]. В 2013 году Б.В. Сангаджиев в качестве одной из центральных проблем указывал на эффективность правового механизма защиты прав человека [22. С. 3], в связи с чем, совсем недавно, в 2016 году Е.Е. Гришнова выделила следующие особенности функционирования судебной власти в российской политической системе: 1) продолжающаяся определенная зависимость судебной власти от исполнительной; 2) демонстративная отстраненность от политической жизни и политического процесса; 3) фактическая неза-

висимость от общественного мнения; 4) фактическое отсутствие контактов с негосударственными институтами отечественной политической системы; 5) высокая степень закрытости внутренних механизмов функционирования; 6) высокая степень субъективного фактора в принятии решений по т.н. «знаковым» и резонансным делам, касающихся действий власти в целом, либо ее высокопоставленных представителей [8. С. 210-212]. Таким образом, политические проблемы функционирования судебной власти последние годы отнюдь не теряют своей актуальности, а скорее наоборот – имеют тенденцию к усугублению.

Выделяют базовые различия между судом-посредником (арбитром) и судом-карателем. Отказ от последнего концепта считается важным достижением цивилизации. В правовом демократическом государстве в его классическом понимании основное предназначение судебной системы заключается в защите прав и свобод граждан и разрешению в правовом поле конфликтов между ними, юридическими лицами и государством. На первом плане здесь частный интерес, который дал название частному праву – основной функционально-структурной подсистеме права. Данный концепт приживается в России не в полной мере, суды в большинстве дел защищают не частные, а публичные интересы.

Об этом свидетельствуют данные судебной статистики. В своем докладе на совещании судей 12 февраля 2019 г. Председатель Верховного суда В.М. Лебедев подвел итоги работы судебной системы за 2018 год и сообщил, что в минувшем году суды РФ рассмотрели более 31 млн дел. Суды общей юрисдикции рассмотрели 17 млн 300 тыс. дел, что на 19% больше, чем в 2017 г. [13]. Из 17,3 млн (точнее 17 270 149 дел [25]) рассмотренных дел, 7,1 млн (41%) – жилищные споры, из них 6,7 млн о взыскании платы за жилую площадь, коммунальных платежей, взносов за капремонт. Истцом выступают организации, обслуживающие жильё граждан, которые требуют взыскания денег с населения. По сравнению с 2014 годом число таких дел увеличилось почти втрое (В 2014 г. – 2,136 млн дел). Далее, 5,6 млн дел – споры по кредитам. Иски в отношении граждан были поданы на 830 млрд рублей (в среднем 164 000 руб. на один иск), из которых суды взыскали более 96%. В 2013 году суды рассмотрели всего 1,359 млн подобных дел. Истцами выступают банки, коллекторские агентства и т.д. Остальные дела в основном рассматривались в порядке административного судопроизводства: 7 млн дела об административных правонарушениях, 4,4 млн – административные дела в судах общей юрисдикции (В 2017 году более 4 млн дел, рассмотренных согласно КАС (92% от их общего числа административных дел), связано с взысканием обязательных платежей и санкций с физлиц (то есть в основном налогов и пеней)).

Таким образом, мы можем видеть, что при самом грубом подсчете из 31 млн. дел, 24 млн. рассматриваются не по искам и обращениям граж-

дан, а как раз наоборот, в отношении них и связаны как правило с принудительным изъятием их денежных средств. Фактически суды РФ выступают как механизм юридической легитимации отъема денежных средств граждан по искам заинтересованных организаций государственного или банковского сектора.

Концептуальное осознание и осмысление данной парадигмы функционирования судебной системы РФ представляется достаточно важным. Экономико-политическая ситуация в стране постепенно выстраивается по пути все более возрастающего давления на граждан во всех сферах жизнедеятельности, где судебной системе, как одной из ветвей государственной власти отведена роль отнюдь не основного защитника прав и свобод граждан, а скорее легитиматора, призванного обеспечить законность их ущемления, в первую очередь решений об отъеме средств. Количество подобных дел нарастает темпами более чем по миллиону каждый год, что вызывает озабоченность представителей судебной власти и предложения по снижению нагрузки. Парадокс в том, что при регулярных высказываниях в пользу защиты прав граждан [10; 5], вводимые по инициативе Верховного суда и предлагаемые специалистами меры в большинстве своем связаны с ослаблением процессуальных гарантий для них. В первую очередь увеличивается количества дел, рассматриваемых в упрощенных, приказных производствах (Например, в 2016 году разрешено взыскивать долги по коммунальным платежам в приказном порядке) (3). Отсюда большинство дел рассматриваются вне ординарного порядка судебного разбирательства, когда происходит вызов сторон, заслушиваются их аргументы. Принцип состязательности здесь не действует. Число таких дел ежегодно растет. В 2017 году их было 13,5 млн., в следующем 2018 году уже на 3 млн. больше (16,5 млн.). Из них 6,2 млн. (37,4%) – о взыскании платы за жилую площадь и коммунальные платежи, тепло и электроэнергию; 4,9 млн. (29,5%) – о взыскании сумм по договору займа, кредитному договору, 4 млн. (24,3%) – о взыскании налогов и сборов и др. обязательных платежей (глава 11.1 КАС РФ).

Другая инициатива, это элиминация мотивировочной части судебных решений, когда судья не прописывает в решении основания и мотивировку его принятия. Представляется, что предпринимаемые меры вряд ли дадут значительный положительный эффект (2), так как концептуальная направленность политико-экономического функционирования государства не меняется. Как правильно было отмечено пределы расширения упрощенных процессуальных порядков и приказного производства фактически достигнуты [2. С. 50] и вызывают все большее отторжение научного сообщества и практиков. То же можно сказать и по поводу исключения мотивировки решений [18], которая, согласно позиции ВС РФ, отнимает у суда слишком много времени. Динамика увеличения количества дел растет темпами более значительными, чем положительный эффект, достигаемый предпринимаемыми мерами по снижению нагрузки.

Осмысление положения дел с политологической точки зрения представляется достаточно важным, выводящим нас на вопрос о концептуальном понимании судебной власти и права как такового. В каком соотношении они находятся с государством, между собой, а главное с остальным обществом.

В демократических обществах суд является главным властным институтом, обеспечивающим поддержание горизонтальной системы отношений. В недемократических обществах суд является рядовым институциональным участником обеспечения вертикальных отношений [7. С. 232]. Понятное дело, что такую схему не следует рассматривать как абсолютную и не имеющую исключений. Речь все-таки идет о вероятностном утверждении описывающим ведущие социальные тенденции. Тем не менее использование доктринально выделенных моделей позволяет научно изучить явление. Лон Фулер подчеркивал разницу двух форм социального упорядочивания, которые часто путают. Одна из них – управленческое воздействие, другая – право. Обе формы связаны с направлением и регулированием человеческой деятельности и подразумевают подчинение власти. Они совместно используют большое количество терминов: «власть», «приказы», «контроль», «юрисдикция», «повиновение», «согласие», «законность» – вот лишь несколько терминов, двойное «гражданство» которых стало источником путаницы [14. С. 245]. По нашему мнению, в рамках функционирования российской судебной власти они смешиваются тем более, что право само по себе является институтом, включенным в политическую систему [15. С. 76].

Классическое понимание права, как системы нормативных требований, исходящих от государства и обеспеченны его принудительной силой, характерное для России, исходит из нисходящей легитимации права, в свою очередь черпающую силы в аналитическом позитивизме Дж.Л. Остина, Г. Харта и Г. Кельзена. Право здесь рассматривается как односторонняя проекция власти, исходящая из наделенного властью источника и направленная на гражданина. По сути императивного предписания, исходящего от государства. Заметим при этом, что такая позиция не выделяет наличие молчаливого сотрудничества между законодателем, а в нашем случае и судебной системой и гражданином в качестве существенного элемента в процессе создания правовой системы. Право рассматривается просто как воздействие на гражданина – добродетельное или аморальное, справедливое или не справедливое, зависит от обстоятельств. Отношение к праву как к закону вообще характерно для континентальной правовой системы. В России, так же как в Германии или, например, во Франции, право видится в первую очередь в форме закона как некоего императивного предписания, исходящего от государства и направленного сверху вниз на гражданина.

В США, равно как и в Англии, Канаде или Австралии другое понимание. Право – это определенное выражение общего понимания, существующего на уровне политической власти. Здесь правовая система, понимаемая как

совокупность средств, институтов и элементов развития права в конкретном обществе, должна обладать признаками и процедурами либеральной (восходящей) трансформации [15. С. 173-190]. По мнению Jacobson А. новые государства Восточной Европы, включая Россию больше ориентированы на административные формы реагирования (нисходящий механизм легитимации). В этом смысле, по его мнению, они подрывают требование к собственной легитимности [31. Р. 4], что, вполне естественно учитывая, что открытый и честный диалог власти и народа не может быть основан на привычном для России принципе властвования и подчинения [21. С. 261-271]. А.А. Хованская описывает, принадлежность нисходящей легитимации к статической системе права, а восходящей к динамической [15. С. 173-190]. При этом делает достаточно пугающий вывод: в статической системе права как канала горизонтального сообщения между людьми не существует, что в своем развитии, привело А.И. Соловьева к констатации того факта, что в РФ право обрело статус лишь частичного инструмента, применяемого, в основном, в качестве санкции за нарушение негласного порядка и сохранения лояльности правящим структурам [24. С. 125-141].

Действительно, нормы правовой системы, в динамике служат в первую очередь цели установления отношений гражданина с другими гражданами и лишь опосредованно – его отношениям с властными органами, от которых исходят эти нормы. Фулер приводит пример с уголовным правом, которое иногда мыслится как определяющие запреты государства и обязательства гражданина по отношению к нему, однако на самом деле его главная функция состоит в том, чтобы обеспечивать твердые и неизменные рамки взаимодействия граждан между собой [14. С. 246]. Следует отметить, что концепция динамических возможностей, появившаяся в рамках теории стратегического управления, становится востребованной и в политологии для изучения стратегических изменений различных видов деятельности государства [3. С. 259-272]. Динамическая система права и как следствия судебной власти с нашей точки зрения является неотъемлемым элементом динамических способностей государства, которые определяются Л.В. Ведмецкой, как набор характеристик проактивного государства (политических, управленческих, когнитивных), являющихся условием максимально успешного осуществления его основных функций и инновационного развития через создание конкурентных преимуществ на долгосрочной основе в устойчивой среде [4. С. 13].

То есть, иными словами, право в России принято рассматривать как предписание государственной власти, подкрепленное силой государственного принуждения, исходящее сверху вниз от государства в лице органов власти к народу (формально провозглашенного высшей властью, но тем не менее фактически являющегося основным адресатом высших государственных властных постановлений). В связи с этим двойственное положение судьи –

с одной стороны, носителя государственной власти, а с другой – защитника права – традиционно для современных правовых систем. При этом в правовом государстве ответ на данный вопрос однозначен, поскольку базируется на конституционных ценностях, применительно к Российской Федерации, закрепленных в главах 1 и 2 Конституции РФ.

Исследование Фонда ИНДЕМ показало, что необходимо различать два типа судебной независимости – независимость судебной власти как одной из ветвей власти (институциональную независимость) и процессуальную независимость судей (независимость судебных решений) [7. С. 445]. При анализе правового дискурса не выявляется существенного различия этих двух типов. Если брать результаты опросов граждан независимость именно судебных решений оказалась в центре структуры правосознания. Это вполне оправданно, ибо граждане сталкиваются в своей практике взаимодействия с судебной властью именно с данным аспектом независимости. В то время как институциональная независимость осмысливается в гораздо меньшем объеме. Может быть по этой причине с начала 2000-х годов в России постепенно вводились нормы, ограничивающие институциональную независимость судов и судей. В итоге это привело и к уменьшению их процессуальной независимости.

Конечно, здесь следует иметь в виду, что институциональная независимость нигде не реализуется абсолютно. Судебные системы стран даже с развитыми традициями верховенства права не предусматривают и стремления к этому. По мнению ряда исследователей, ее пределы политически находятся в рамках двух основных идеологий, которые на сегодняшний день периодически приходят на смену друг другу и которые позволяют создавать структуры государственной власти, в том числе и судебной – это либерализм и консерватизм. По мнению E. Valibag они обладают содержательным политическим и институциональным видением [26. С. 263; 29 Р. 2-6]. Действительно, в рамках консервативной идеологии государство играет более значимую роль в обществе. Оно на законных основаниях централизует правосудие, предпочитая назначать судей, ограничивать число судебных органов с участием непрофессиональных судей, использовать строгие процедуры привлечения судей к ответственности перед своими коллегами, сдерживать взаимодействие гражданского общества и государства, что ведет к слабости парасудебных механизмов, таких как, например, медиация. Поэтому, консерватизм, как отмечается, всегда опасается участия народа в государственных делах и идет по пути сдерживания реформ [26. С. 264]. Мы можем сказать, что для консервативной системы концепт государства больше характерен, как основной источник легитимности судебных решений. Именно государство несет политическую ответственность за принимаемые судом решения. Отсюда идет столь характерное для России отторжение судебным корпусом своей политической роли в системе государственного

управления. Действительно, политическим актором, может являться тот, кто осознает свою политическую функцию, добровольно принимает ее на себя, и готов нести политическую ответственность за свои решения. В случае трансляции судами воли государства, их роль как политических акторов, скрывается за ним, вполне соответствуя логике вынесения решений «Именем Российской Федерации», если под последним понимать исключительно концепт Государства.

Другую картину представляет из себя либеральная идеология, где роль государства уменьшается. Причем касается это всех сфер жизнедеятельности общества, особенно проявляясь в экономической и социальной. Барьеров становится меньше, что является основанием для развития специализированного, третейского правосудия по социальным и торговым делам с ростом участия непрофессиональных, но специализированных судей. Правоприменение не является прерогативой только представителей государства. Усиливается роль общества как в плане состава судейского корпуса с установлением «мостов» между различными юридическими профессиями, так и в процессе принятия решений с допущением разного рода институтов типа *amicus curiae* (4). Общество вырабатывает собственные механизмы обеспечения правоотношений, исполнения обязательств. Легитимация здесь носит восходящий характер и опирается на признание и поддержку гражданского общества, откуда и идет характерная для англо-саксонской системы идея выборности судей. Следовательно, суд в качестве основного бенефициара своей деятельности воспринимается именно обществом, гражданское население, физических лиц, перед которыми и осознает свою ответственность. В некотором роде представление о консерватизме, здесь становится негативным, он предстает как идеология, выступающая против движения, против реформ, против модернизации. Порядок против свободы, государство против свободы. По мнению бывшего директора кабинета министров юстиции Франции С. Vigouroux, в какой-то мере такой ярлык нередко приклеивается и к правосудию, по определению, рассматриваемому в качестве консервативного института [33. Р. 7-8]. Здесь видна попытка сделать правосудие независимым – но не от политики, а от государства [26. С. 264].

С некоторыми оговорками понятно, что для консервативной идеологической модели функционирования судебной власти более характерна нисходящая легитимация, государство здесь понимается в широком смысле, как вся политическая структура общества. Либеральная же модель склонна к узкому представлению о государстве, как одного из институтов политической системы, располагающим аппаратом принуждения [15. С. 79-80]. Соответственно легитимность судебных решений имеет восходящий характер. Право больше понимается и действует как «субъективные права человека» [30]. Это определенное выражение общего понимания, существующего на уровне политической власти, некое всенародное понимание по вопросу

о необходимом регулировании определенных правоотношений, исходящее снизу-вверх от народа до единых с ним органов власти, являющихся избранными им же представителями уполномоченными на реализацию этого понимания на практике, его укрепление и защиту [1. С. 199-272].

Нисходящая легитимация в своей заточенности на государственные интересы потенциально опасна для надлежащей реализации прав и свобод человека. Л. Фуллер предупреждает, что, если брать идеальную модель, позитивист не признает, что в функционировании правовой системы имеется нечто такое, что можно назвать социальным измерением. Статическая система видит закон в момент его издания законодателем и затем в точки его воздействия на субъекта права. Взаимодействие между законодателем и гражданином выпадает из поля его зрения, и в итоге позитивист не в состоянии понять, что формирование эффективного взаимодействия между ними является одним из ключевых элементов права как такового [14. С. 230]. Суды самоустраиваются от принятия на себя ответственности за конструирование ткани социальной жизни, считая это политической задачей, которая лежит на государстве. Отсюда и проистекает падение доверия к судебной системе, отрицание собственной политической роли и встроенности в политику государственной власти. Фактически, однако мы сталкиваемся с использованием позитивизма, как проводника политической воли государства, исходящей отнюдь не из традиционно понимаемых принципов законности. История советской судебной системы дает здесь многочисленные примеры четкого понимания своей политической задачи. Даже если оставить массовые репрессии 20-40-х гг., когда принцип законности еще окончательно не устоялся, уже в эпоху его незыблемости, суды отнюдь не считали его таковым при реализации политической воли государства. Позволю себе привести пример из истории СССР, который иллюстрирует амбивалентность судебной системы.

В начале 1960-х годов проблема экономических преступлений (включая незаконный оборот иностранной валюты) явно приобрела в России такие размеры, что советские власти решили предпринять жесткие контрмеры. В соответствии с этим в мае и в июле 1961 г. были приняты законы, карающие такие преступления смертной казнью. Этим законам была придана обратная сила, в результате чего осужденные были казнены за действия, которые в то время, когда они совершались, не подлежали наказанию в виде смертной казни. Более того, некоторые из них были уже осуждены судом к лишению свободы, однако приговоры в отношении них, после принятия суровых законов были отменены и на основании новых приговоров они были приговорены к смертной казни. Верховным судом СССР июльскому закону была придана обратная сила, что явно противоречило Основам уголовного судопроизводства, принятым в 1958 г.

Представляется, что советские судьи отлично понимали явное попрание постулата законности и нарушение целостности права своими решениями. Однако они прикрылись необходимостью реализации целесообразной государственной воли искоренения преступлений, борьбой с которыми озабочилась государственная власть, которая очевидно и несла политическую ответственность за данное решение. Собственно говоря, если вспомнить, что доктрина разделения властей отрицалась при построении советского государственного аппарата это вполне закономерно. Концепция судебной реформы, принятая в 1991 году несколько эмоционально, но в соответствии с действительностью указала на место судебной системы в СССР: «Суды, как и вся система юстиции, составляли важный элемент командно-административной системы руководства страной, были проводниками ее воли. Они выступали преимущественно как репрессивный орган, подчас освящая ритуалом судебного решения предрешенную расправу» [12].

В новейшее время, особенно с момента принятия Конституции РФ 1993 года разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную становится аксиомой функционирования политической системы. Тем не менее инерция остается вполне действенной. При этом прежняя монолитность судебной системы уже не столь очевидна, так как суды различных уровней могут уже по-разному понимать свою политическую задачу. Показателен для нас кейс о начислении заработной платы для лиц, работающих в особых климатических условиях. Это дело затрагивает права десятков тысяч людей в России. До декабря 2017 года при начислении им заработной платы районный коэффициент и процентная надбавка за работу в местностях с особыми климатическими условиями включались в минимальный размер оплаты труда. Государство использовало этот механизм для сокращения своих расходов на выплату заработной платы работникам бюджетной сферы (детские сады, школы, больницы и т.д.). Люди для защиты своих прав обращались в суды, которые на всех уровнях отказывали им в исках о признании незаконными действий работодателя, начислявшего им заработную плату, которая без учета районного коэффициента и процентной надбавки составляла менее установленного в РФ минимального размера оплаты труда, а также о взыскании задолженности по заработной плате, обязанности начислять заработную плату в размере не менее минимального размера оплаты труда с последующим начислением районного коэффициента и процентной надбавки и о компенсации морального вреда. Такая судебная практика была узаконена Верховным судом РФ [17], осознававшим, что иной законный перерасчет повлечет существенное увеличение расходов государственного бюджета на повышение заработной платы нянечкам, помощникам воспитателей, медицинским сестрам и другим работникам бюджетной сферы, работающим на неквалифицированных работах в северных районах страны. Заявители пройдя все звания судебной системы, районные,

краевые (областные) суды, Верховный Суд РФ обратились в Конституционный суд РФ, который 7 декабря 2018 года удовлетворил их обращение, признав в общем-то очевидное правопонимание того, что надбавки не предполагают включения в состав минимального размера оплаты труда [20]. Как указал Конституционный суд РФ он принял такое решение исходя из политики России как правового и социального государства, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (преамбула; ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 7 Конституции РФ), стремясь обеспечить достойную жизнь проживающим на их территории гражданам на основе принципов равенства и социальной справедливости, подчеркнув при этом, что понимание закона в ином смысле, противоречит действующему правовому регулированию. Основываясь на решении Конституционного суда, суды различных регионов нашей страны (Архангельск, Иркутск, Алтай, Коми, Карелия и др.) в декабре 2017 – феврале 2018 года стали выносить решения в пользу истцов, пересматривали дела и принимали решения о перерасчете выплаченной заработной платы, в том числе за период до 7 декабря 2017 г., так как срок исковой давности по взысканию заработной платы установлен в 1 год с даты, когда должна быть выплачена соответствующая сумма. Однако столкнувшись с необходимостью перерасчета органы государственной власти фактически отказались это делать, мотивируя отсутствием средств в бюджете. Управленческая и финансовая политика государства воспротивилась правопониманию отраженному в решении Конституционного суда, так как, только в Петрозаводске исполнение решения утяжелило расходную часть бюджета на 26 млн. рублей [23]. Нарастающие по всей стране давление на судебную систему (обращения, совместные совещания и др.) [27] с целью принятия выгодных государственной власти решений принесло свои плоды. Конституционный суд, не готовый до конца принять политическую ответственность за свое решение и проявляя непоследовательность официально самоустранился от дачи разъяснений о том, с какого времени должно применяться его Постановление и возможен ли перерасчет в пределах срока исковой давности [16], при этом в достаточно завуалированной форме высказав мнение, что Постановление действует с момента его принятия. В результате нижестоящие суды, получившие право по своему усмотрению токовать Постановление КС, стали толковать его в пользу органов государственной власти. Проявляя корпоративную зависимость от обозначенного на высшем уровне мнения, суды стали удовлетворять иски лишь частично, пересчитывая зарплату с 7 декабря 2017, по сути действуя в ущерб гражданам и руководствуясь информационным письмом Министра Труда и занятости Л.Ю. Ельцовой [11]. Судебная и административная государственная власти проявили единодушие. К примеру, жительница Калевалы пожаловалась, что местный судья шесть раз (!) откладывал рассмотрение дела, ожидая указаний сверху [28]. Более того, суды стали

взыскивать обратно средства, полученные ранее истцами при перерасчете, так как Верховный Суд РФ [19], исходя из политических соображений экономии бюджета [27], принял решение, что Постановление КС действует с момента его принятия, чем по сути проигнорировал заложенный в нем политико-правовой смысл обеспечения прав граждан.

Данное судебное дело достаточно показательно, так как демонстрирует четкую ориентацию судебной системы на защиту интересов государства, а не частных лиц. Справедливости ради следует отметить, что Конституционный суд РФ отступает от данной парадигмы, В.Д. Зорькин давно и настойчиво проводит идею генерального проекта справедливого суда, так как проблема защиты прав и свобод человека является ключевой проблемой функционирования любой судебной системы. «Дух правосудия – это справедливость» [10]. Впрочем, как мы видим, пределы существуют, так как КС предпочитает в ряде острых ситуаций уклоняться от принятия на себя далеко идущей политической ответственности. При этом как основные и наиболее авторитетные правоприменительные государственные органы суды, держа в уме политические цели используют правовые механизмы, дающие широкий просто для дискреционного усмотрения и принятия на основе одних и тех же правовых норм диаметрально противоположных судебных решений.

Возвращаясь к доктринальному осмыслению, важно понять, что нисходящая легитимация судебной системы подразумевает, что право рассматривается не как продукт взаимодействия целевых ориентаций гражданина и государства, а как одностороннюю проекцию власти, сходящую от правительства и направленную на гражданина. Здесь государство само контролирует распределение прав и требований, используя закон в качестве нормативного легитиматора, реализации политических целей.

По мнению Георга Еллинека с точки зрения государственного (конституционного) права следует различать государство и его органы. Первое наделено свободой воли, это лицо, вторые – лишь «части» государства, наделенные компетенцией и действующие в ее пределах. Даже споры о компетенции не превращают органы в лица: лицом является лишь государство в целом [9. С. 305], которое и несет всю полноту политической ответственности за действия судебной системы. Из этого следует, что право действует только вертикально. Российская теория государства и права подчеркивает, что правоприменителем может быть только представитель государства (чиновник, сотрудник полиции, судья и др.), которому одному предоставлено право применять право. Отсюда, отмеченное нами в начале статьи огромное количество рассматриваемых судами дел, когда только государство в лице судов обладает полномочиями принять решение по делу, которое чаще всего вообще не содержит спора. Решить данные проблемы самим участникам судебная система, а если брать шире, и сама система права не позволяет, опасаясь развития политической самостоятельности внесударственных

субъектов, в первую очередь наиболее активных членов гражданского общества. По сути, судебная система выступает одним из методов политического регулирования вертикального управления в государстве.

Подобная конфигурация деятельности судебной власти, отрицательно влияет развитие государства, так как такие отмечаемые многими исследователями проблемы, как коррупция, слабая система защиты интеллектуальной собственности, слабость системы независимости судей и судов, постепенное возвращение к авторитарным формам правления напрямую обусловлены проблемным функционированием судебной системы. Регулирующие и правовые рамки (Regulatory & Legal framework), являются одним из немаловажных элементов Индекса способности государства к инновациям (Innovation Capacity Index), разрабатываемым Всемирным экономическим форумом при участии Международного университета Европейская бизнес-школа. В своем развитии негативные процессы, обусловленные функционированием судебной системы, становятся фактором дестабилизации политической системы, так как нарастающая неудовлетворенность, называется Т.Р. Гарром базовым побуждающим условием, ведущим к политическому насилию [6. С. 50-51].

Фактически мы сталкиваемся, по терминологии А.И. Соловьева, с верхними пределами состоятельности, которые всегда «упираются» в набор реально сформированных способностей государства. В случае резкого расхождения последних с потребностями общественного развития можно предвидеть, что отсутствие тех или иных компетенций способно не только затормозить развитие государства, но и спровоцировать протестную активность граждан, которая может либо изменить те или иные параметры государственности (например, режим правления), либо даже разрушить функциональные основания государственности [24. С. 125-141].

С нашей точки зрения понимание суда как полицентричной и сетевой формы организации государственной власти, которая только одна и способна осуществлять защиту прав и свобод человека в динамичном режиме представляется важным для осмысления и перспективным предметом научного изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31652/19/ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31652/19.

(2) Например, по данным судебного департамента в 2018 г. из 17 270 149 дел, только по 1 187 споров были урегулированы путем проведения процедуры медиации // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.

(3) См. ФЗ от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в ГПК и АПК РФ», в соответствии с которым были внесены изменения в Гражданско-про-

цессуальный кодекс РФ, который де-юре закрепляет упрощенный приказной порядок в качестве основного алгоритма получения задолженностей по квартплате в судах общей юрисдикции (а не в арбитраже).

(4) *Amicus curiae* (мн. ч. – *amici curiae*, лат. – *друг суда*) – правовой институт, распространенный в настоящее время в ряде стран, а также в международных судебных инстанциях. Первоначально – юридический термин римского права. Термин обозначает лицо, оказывающее содействие суду, предлагая вниманию суда информацию, имеющую отношение к делу, при том, что указанное лицо не является стороной в деле и не привлекается к участию в деле его непосредственными участниками. Информация, которую «друг суда» предоставляет суду может быть двух видов: фактическая и правовая. Фактически «друг суда» является лоббистом, но юридически таковым не считается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аболонин Г.О.* Теоретическое понимание гражданского процесса, его участников и судебной юрисдикции в США и в России // Вестник гражданского процесса. 2014. № 2.

2. *Бочаров Т.Ю., Волков В.В., Воскобитова Л.А., Дмитриева А.В., Смола А.А., Титаев К.Д., Цветков И.В.* Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации. М., 2018.

3. *Ведмецкая Л.В.* Знания для развития и формирования динамических способностей государства // Политическая экспертиза: Политэкс. 2012. Том 8. № 2.

4. *Ведмецкая Л.В.* Динамические способности государства и политика развития. Автореф. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.

5. Выступление Председателя ВСРФ В.М. Лебедева на VII, VIII, IX Всероссийских съездах судей / Официальный портал Совета судей РФ // <http://www.ssrp.ru/>.

6. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.

7. *Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А.* Трансформация российской судебной системы. Опыт комплексного анализа. М., 2010.

8. *Гришнова Е.Е.* Особенности функционирования судебной власти в российской политической системе // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3.

9. *Еллинек Георг.* Общее учение о государстве. Изд. Второе, испр. и доп. С.И. Гессеном. СПб.: Издание юридического книжного магазина, 1908.

10. *Зорькин С.Д.* Конституционно-правовые проблемы судебной системы РФ // Выступление на 8 съезде судей в 2012 году // http://www.rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/265821471.html.

11. Информационное письмо Министра труда и социальной защиты РФ от 4 июня 2018 г. № 14-1/10/В-4036 за подписью Министра Л.Ю. Ельцовой // СПС «Консультант-Плюс».

12. Концепция судебной реформы в РСФСР принята Постановлением Верховного Совета РСФСР № 1801-1 от 24 октября 1991 г. «О концепции Судебной реформы в РСФСР» // СПС «Консультант-Плюс».

13. *Лебедев В.М.* Доклад Председателя ВС РФ В.М. Лебедева на совещании судов общей юрисдикции и арбитражных судов (г. Москва, 12 февраля 2019 года) // https://www.vsrfr.ru/press_center/video_archive/27607/.

14. *Лон Фуллер.* Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой / под ред. А. Куряева. М., 2007.

15. О политической науке: Избранные произведения / Ф.М. Бурлацкий. М.: Изд. МГУ, 2013.

16. Определение Конституционного суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 252-О-Р «По ходатайству Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации об официальном разъяснении Постановления Конституционного суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 38-П» // СПС «Консультант-Плюс».

17. Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2016 года № 72-КГ16-4 и от 19 сентября 2016 года № 51-КГ16-10 // СПС «Консультант-Плюс».

18. Оптимизация гражданского судопроизводства: новый виток? (Абова Т., Ярков В., Брайг Б., Головки Л., Кудрявцева Е., Юдин А., Прокудина Л., Иванов М., Пацация М., Сарбаш С., Тай Ю.) // Закон. 2017. № 10 // СПС «Консультант Плюс».

19. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2018 г. № 4-ПВ17 // СПС «Консультант-Плюс».

20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. № 38-П по делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 1331 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.С. Григорьевой, О.Л. Дейдей, Н.А. Капуриной и И.Я. Кураш // СПС «Консультант-Плюс».

21. *Радиков И.В.* Активность российского гражданского общества как ресурс политической модернизации // Политэкс. Политическая экспертиза. 2012. Том 8. № 1.

22. *Сангаджиев Б.В.* Институциональные характеристики судебной власти в Российской Федерации: вопросы теории и практики. Автореф. дис. ... докт.юрид.наук. М., 2013.

23. Северные надбавки в Петрозаводске будут платить из федеральных средств / Интернет-портал «Петрозаводск говорит и показывает». 12.12.2017 // <https://ptzgovorit.ru/news/severnye-nadbavki-v-petrozavodske-budut-platit-iz-federalnyh-sredstv>.

---

24. Соловьев А.И. Способности и состоятельность Российского государства: к постановке проблемы // Политическая наука. 2011. № 2.

25. Статистические данные Судебного департамента ВС РФ // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.

26. Суд и государство / Под ред. Л.В. Головки, Б. Матъе. М.: Статут, 2018.

27. Чентемиров Георгий. «Власть опозорилась»: Судья пояснил, что случилось с выплатой северных / Интернет-портал «Петрозаводск говорит и показывает». 17.05.2018 // <https://ptzgovorit.ru/shortread/vlast-opozorilas-sudya-poyasnii-cto-sluchilos-s-vyplatoy-severnyh>.

28. Чентемиров Георгий. Компенсация «северных»: закон суров, но денег жалко / Интернет-портал «Петрозаводск говорит и показывает». 28.02.2018 // <https://ptzgovorit.ru/shortread/kompensaciya-severnyh-zakon-surov-no-deneg-zhalko>.

29. Conservatisme, libéralisme, socialisme / Sous la dir. de E. Balibar // Genèses. 1992. № 1 // https://www.persee.fr/doc/genes_1155-3219_1992_num_9_1_1663.

30. Dworkin R. Talking rights seriously. Oxford, 1977.

31. Jacobson A. Static and Dynamic Dimensions of Right // Sajo A. (ed.). Western Rights? Post-Communist Applications. Kluwer Law International. Netherlands, 1996.

32. Porter M.E., Stern S. National innovative capacity // The global competitiveness report. 2001. Т. 2002.

33. Vigouroux C. Du conservatime, de la contestation et de la complexite en Justice // Apres-de-main. 2014. № 2.

F.A. VOSCRESENSKY

*Researcher, Laboratory of Political
and Legal Studies, Moscow State University,
Moscow, Russia*

ON THE ROLE OF LAW AND THE JUDICIARY IN THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA

The judicial system is one of the most important structural components of the public administration system. At the same time, recently, sociologists have recorded a constantly growing alienation of the population from public authorities, a drop in confidence in the judicial system and, as a result, a crisis in the legitimacy of its decisions. There are expert positions of a number of scholars studying the judiciary are also fixing a number of problematic aspects of its functioning. It is concluded that the courts in most cases protect not private, but public interests, which is confirmed by the statistics of the cases examined. The reasons for this state of affairs are being investigated. It is concluded that

---

within the framework of the functioning of the Russian judicial system, two forms of social ordering are mixed: managerial influence and law. After the collapse of the Soviet system of power, this situation is typical for all states of Eastern Europe, including Russia. The current legitimacy of the Russian judiciary is downward and based on the concept of the state, which actually has political responsibility for making judicial decisions. The downward legitimization of the judicial system implies that law is not seen as a product of the interaction of the target orientations of a citizen and the state, but as a one-sided projection of power coming from the government and aimed at the citizen. Thus, the courts are self-relieving from taking responsibility for protecting the interests of citizens and constructing the fabric of social life, considering it a political task that lies with the state, which carries serious risks for the political and legal system. The article shows the orientation of the judiciary towards protecting the interests of the state, not private individuals. In fact, we encounter the use of positivism as a vehicle for the political will of the state, which does not come from the traditionally understood principles of legality. It is concluded that the judicial system is one of the methods of political regulation of vertical governance in the state.

Key words: *judicial system, political power, downward legitimation, public interests, human rights.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.007

УДК 342.571

В.В. ГОНЧАРОВ

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного
и международного права Кубанского
государственного аграрного университета
им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар*

Д.В. ГРИЦАЙ

*студент Кубанского государственного
аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
лаборант отдела конституционно-правовых
исследований Краснодарского филиала Института
проблем глобализации Кубанского государственного
аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Россия, г. Краснодар*

Д.А. ЧЕРНИКОВА

*сотрудник отдела конституционно-правовых
исследований Краснодарского филиала Института
проблем глобализации, студентка юридического
факультета Кубанского государственного
аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Россия, г. Краснодар*

Е.Ю. ЕГОРОВА

*сотрудник отдела конституционно-правовых
исследований Краснодарского филиала Института
проблем глобализации, студентка юридического
факультета Кубанского государственного
аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Россия, г. Краснодар*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О СОСТОЯНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Настоящая статья посвящена исследованию эволюции понятия конституционного права граждан Российской Федерации на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Актуальность данной проблемы, по мнению авторов статьи, обусловлена стремительно ухудшающимся экологическим состоянием окружающей среды, возрастающим

негативным воздействием на нее антропогенного фактора, а также неспособностью органов власти в большинстве государств создать адекватный правовой механизм охраны и защиты окружающей среды, который позволил бы обеспечить ее устойчивое сохранение и развитие.

В статье использовался ряд методов научного исследования, в частности: анализа, синтеза, классификации, сравнительно-правовой, исторический.

В статье обосновывается авторский подход в проведении анализа этапов возникновения и закрепления права граждан Российской Федерации на достоверную информацию о состоянии окружающей среды в законодательстве страны, путем опоры на хронологию его первичной институционализации, раскрытия и конкретизации в российских нормативно-правовых актах.

По мнению авторов, создание дополнительных условий для реализации права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды позволит улучшить экологическую обстановку в России и мире.

Ключевые слова: экологическое право, конституция, Российская Федерация, понятие, достоверная информация, окружающая среда, ООН, народ, международный, защита.

Проблема получения достоверной информации о состоянии окружающей среды в наше время является одной из самых актуальных тем для обсуждения в научной и учебной литературе [13. С. 755-759; 9. С. 124-130; 4. С. 1358-1367]. Кроме того, во всем мире решение данной проблемы является объектом пристального внимания со стороны законодателей.

Актуальность данной проблемы обусловлена стремительно ухудшающимся экологическим состоянием окружающей среды, возрастающим негативным воздействием на нее антропогенного фактора, а также неспособностью органов власти в большинстве государств создать адекватный правовой механизм охраны и защиты окружающей среды, который позволил бы обеспечить ее устойчивое сохранение и развитие.

Эти обстоятельства послужили своеобразным толчком к формированию новой отрасли российской правовой науки – «Экологическое право», – а также соответствующей отрасли российского законодательства.

Необходимость разрешения проблемы получения достоверной информации о состоянии окружающей среды была осознана и авторами Конституции Российской Федерации, закрепившими в ее 42 статье право граждан России на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии, которое можно назвать «представителем экологического права в Основном законе страны».

Содержание права граждан России на достоверную информацию о состоянии окружающей среды мы можем раскрыть, основываясь не только на Конституции Российской Федерации, но также и на другие норматив-

но-правовые акты. Данное право состоит в гарантированной Основным законом страны и действующим законодательством возможности получения гражданами России неискаженной информации, касающейся состояния окружающей среды и мерами по ее охране (далее также – экологическая информация).

При этом, приоритетное значение имеет важная информация, отражающая процессы и явления, происходящие в сфере взаимодействия природы и общества, а также необходимые методы и способы защиты окружающей среды. Так, по мнению, М.М. Бринчука, экологическая информация содержит в себе следующие данные: состояние земли, почвы, недр, воды, атмосферного воздуха, фауны, флоры, природных комплексов; об экологической угрозе или риске для здоровья и жизни людей; о химических, физических и биологических воздействиях на состояние окружающей среды и их источниках; о деятельности, отрицательно влияющей или могущей повлиять на природные объекты; о мерах по охране окружающей среды, в том числе правовых, административных и иных мерах [1. С. 211-237].

В связи с этим, можно сделать вывод о том, что информированность граждан Российской Федерации о состоянии окружающей среды является необходимым условием обеспечения охраны их жизни и здоровья. Отсутствие же подобной информации, с одной стороны, способствует росту числа заболеваний среди населения, а с другой стороны, способно стать катализатором роста социальной напряженности в обществе (примеры этому имелись в последние годы существования СССР, когда отсутствие объективной информации о состоянии окружающей среды воспринималось населением как умышленное сокрытие якобы имевших место экологических катастроф) [6. С. 11-14].

Исследуем этапы возникновения и закрепления права граждан Российской Федерации на достоверную информацию о состоянии окружающей среды в законодательстве страны, опираясь на хронологию его первичной институционализации, раскрытия и конкретизации в нормативно-правовых актах.

Этот метод качественно отличается от попыток исследования эволюции данного права иными авторами, закрепляющими в качестве основания ее типологизации лишь место закрепления права граждан Российской Федерации на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (конкретные виды нормативно-правовых актов) [1; 14]. Он позволит не только исследовать эволюцию развития данного права, но и проанализировать этапы изменения отношения власти к праву на экологическую информацию.

Рассмотрим понятие «право граждан Российской Федерации на достоверную информацию о состоянии окружающей среды» через призму более общего понятия «право на информацию». Данное право впервые было закреплено в Законе РСФСР от 27.12.1991 № № 2124-1 «О средствах массовой информации», согласно 38 статье которого граждане имеют право на полу-

чение через СМИ достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Закрепление права граждан страны на информацию выступило одним из первых шагов Российской Федерации на пути к расширению возможностей населения на получение точных неискаженных полных сведений о ситуации в государстве.

Однако формирование данного права в 1991 году только начиналось. В 1993 году принимается Конституция России, в которой в части 2 статьи 24 была закреплена обязанность обеспечения государственными органами каждому гражданину возможности ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы. Данная статья тесно перекликается с части 4 статьи 29, указывающей, что каждый может свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (правда в ней есть оговорка, ограничивающая оборот информации, являющейся государственной тайной).

Анализ части 2 статьи 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1, позволяет сделать вывод о том, что информация о состоянии окружающей среды не является государственной тайной и, следовательно, может получаться, передаваться, производиться и распространяться гражданами России и юридическими лицами любыми законными способами.

Однако действительность такова, что граждане нашей страны зачастую не знают, что у них есть право не только на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии, но и на возмещение ущерба, причиненного их здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Это обстоятельство, по нашему мнению, обусловлено плохими знаниями гражданами Российской Федерации Основного закона страны, что подтверждается и опросами социологов. Так, по мнению опроса ВЦИОМ в 2018 году, Индекс информированности о содержании Конституции Российской Федерации не превышает 6% [3].

Также хочется обратить внимание на вышедший в 1993 году Указ Президента Российской Федерации «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию», согласно которому для граждан стали доступны: информация выражающая общественный интерес или затрагивающая их личные интересы; обязательное систематическое информирование граждан о предполагаемых или принятых решениях; создание условий для обеспечения граждан Российской Федерации зарубежными информационными продуктами и оказания им информационных услуг, имеющих зарубежное происхождение. Таким образом, в который раз законодательная ветвь власти конкретизировала право граждан на информацию, от которого напрямую зависит гражданское право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

Важное значение в динамике развития процесса раскрытия и конкретизации содержания права граждан Российской Федерации на достоверную информацию о состоянии окружающей среды в действующем законодательстве сыграли: Закон Российской Федерации от 10.06.1993 № 5154-1 «О стандартизации», закрепивший принципы формирования российских стандартов качества товаров, работ и услуг; Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», который предусмотрел обязанность органов государственной власти субъектов Российской Федерации информировать население о чрезвычайных ситуациях; Федеральный закон от 23.11.1995 №174-ФЗ «Об экологической экспертизе», закрепивший в 19 статье право граждан и общественных организаций (объединений) получать информацию от специально уполномоченных государственных органов, отвечающих за проведение государственной экологической экспертизы конкретных объектов; Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения», предоставивший право гражданам и юридическим лицам на получение объективной информации от организации, осуществляющей деятельность с использованием источников ионизирующего излучения, в пределах выполняемых ею функций о радиационной обстановке и принимаемых мерах по обеспечению радиационной безопасности; Федеральный закон от 04.07.1996 № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене», предоставивший возможность гражданам получать международную и зарубежную информацию о состоянии окружающей природной среды; Федеральный закон от 19.07.1998 № 113-ФЗ «О гидрометеорологической службе», закрепивший право граждан на получение информации об изменениях состояния природной среды.

Отдельно хочется отметить роль в этом процессе Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, закрепившего возможность привлечения виновных лиц к ответственности за сокрытие, умышленное искажение или несвоевременное сообщение полной и достоверной информации: о состоянии окружающей среды и природных ресурсов; об источниках загрязнения окружающей среды и природных ресурсов или иного вредного воздействия на окружающую среду и природные ресурсы; о радиационной обстановке; о данных, полученных при осуществлении производственного экологического контроля; информации, содержащейся в заявлении о постановке на государственный учет объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду.

Последним в хронологическом порядке, но не последним по смыслу является Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», закрепивший: право каждого гражданина на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды (а что еще интереснее – участие граждан в принятии решений, касающихся их прав на благопри-

ятную окружающую среду); право граждан направлять обращения в соответствующие органы и должностным лицам о получении своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды в местах своего проживания и мерах по ее охране; обязанность формирования и ведения единой информационной базы данных в области охраны окружающей среды.

Заканчивая тему закрепления права граждан на достоверную информацию об окружающей среде в нормативно-правовых актах Российской Федерации, хочется в конце мельком коснуться таких документов, как: Водный кодекс РФ от 16.11.1995 № 167-ФЗ (ст. 78-79); Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ст. 70); Лесной кодекс РФ от 29.01.1997 № 22-ФЗ (ст. 75); Федеральный Закон от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (ст. 27-32); Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (ст. 14); Федеральный закон от 19.07.1997 № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» (ст. 17); Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» (ст. 5, 6, 27, 29); Федеральный закон от 24.05.1999 № 100-ФЗ «Об инженерно-технической системе агропромышленного комплекса» (ст. 14); Федеральный закон от 01.05.1999 № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» (ст. 23); Федеральный закон от 02.01.2000 № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре» (ст. 6-8).

После всего этого напрашивается вывод о том, что в нашем законодательстве право граждан на достоверную информацию об окружающей среде представлено достаточно широко, и детализировано во многих документах. Это наталкивает на мысль о том, что власти осознают всю важность экологического вопроса. Проследив в хронологическом порядке изменения и дополнения, мы увидели закономерность развития государства и его нормативно-правовых актов.

Можно задаться вопросом относительно того, было ли закреплено право граждан на достоверную информацию об окружающей среде в законодательстве СССР? Анализ советского законодательства показывает, что ни в одной из Конституций СССР и РСФСР не было закреплено права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

В этой связи, М.М. Бринчук пишет: «Чернобыльская катастрофа с особой остротой поставила вопрос об экологической информации и доступе к ней граждан. Как реакция на эту общественную потребность, Законом РСФСР «Об охране окружающей природной среды» гражданам было предоставлено право требовать от соответствующих органов предоставления своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды и мерах по ее охране» [1. С. 311]. Так, в статье 10 данного закона определялось, что к ведению органов местного самоуправления в области охраны окружающей природной среды относится обеспечение населения необходимой экологической информацией; в статье 12 написано,

что граждане имеют право требовать от соответствующих органов предоставления своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей природной среды и мерах по ее охране, на что также имеют право экологических объединения (согласно статье 13).

То есть, сами законодатели в СССР не задумывались над данным правом граждан. Регулирование этого вопроса являлось следствием ужасной трагедии мирового масштаба. На наш взгляд, именно это стало хорошим примером и уроком для составителей Конституции Российской Федерации, ведь они, поняв насколько необходимо право на экологическую информацию для успешной жизнедеятельности человека и гражданина, откликнулись на это и внесли соответствующее право в новый основной закон нашей страны.

Но как же в остальных странах закреплено право граждан на достоверную информацию об окружающей среде?

Прежде чем перейти к изучению закрепления данного права в некоторых зарубежных странах, будет не лишним упомянуть о международных документах, которые обеспечивают данное право. Многие из них ратифицированы в большинстве стран мира и носят обязательный к применению порядок.

Явными примерами могут служить:

1) Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды 1972 года, принятая Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды в Стокгольме. В своем девятнадцатом принципе она закрепила положение о том, что «важно также, чтобы средства общественной информации не способствовали ухудшению окружающей среды, а, напротив, распространяли знания, касающиеся необходимости охраны и улучшения окружающей среды, с целью обеспечения возможностей всестороннего развития человека» [5].

2) Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, принятая Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в 1992 году, которая являлась продолжением Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды 1972 года. Она провозглашала, что государство должно предоставлять гражданам экологическую информацию для осведомленности и участия населения в решении ухудшения состояния окружающей среды (принцип 10) [12].

3) Конвенция «О доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» от 25.06.1998, принятая в Орхусе. В своем содержании она определяет: доступ к экологической информации; сбор и распространение экологической информации; участие общественности в решении вопросов, касающихся планов, программ и политики, связанных с окружающей средой; закрепляет подвид экологической информации – информацию о состоянии здоровья и безопасности людей [10]. Однако следует отметить,

что Орхусская Конвенция не была ратифицирована Россией, хотя и не противоречит статье 42 Конституции Российской Федерации.

Как же обстоит дело с правом граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды в отдельно взятых странах (на примере Республики Беларусь, ФРГ и США)?

Так, анализ белорусского законодательства показал, что в Республике Беларусь (как и в России) данное право закреплено в Конституции. В частности, статья 34 гласит: «В Республике Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды ... государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы» [8]. Однако в этой же статье есть оговорка о том, что пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав.

Также стоит отметить, что Республика Беларусь ратифицировала вышеупомянутую Орхусскую конвенцию в 1999 году. В целом, система экологического законодательства в Республике Беларусь во многом схожа с российской, что легко объясняется тем, что оба государства наследники СССР.

В свою очередь, ФРГ располагает большим количеством нормативно-правовых актов, посвященных правом граждан на достоверную информацию об окружающей среде. Жители страны имеют право на получение экологической информации, согласно «Закону об экологической информации», принятому 08.07.1994 [11]. Но несмотря на это, в Основном законе ФРГ данное право не закреплено.

Уровень заинтересованности граждан в стране настолько велик, что в Германии даже имеется партия «Зеленые», которая занимается осведомлением экологических проблем. То есть, даже отсутствие закрепление экологических прав в Конституции не мешает немцам чувствовать себя притесненными этим обстоятельством, так как они уверены, что их государство все равно обеспечит им информацию о состоянии природы, благодаря наличию в парламенте, заинтересованной в этом партии. Если сравнивать с нашей страной, уровень осознанности граждан гораздо выше, они сами стремятся к защите этого права, хотя в нашей стране, оно имеет большую юридическую значимость, чем у них.

Соединенные Штаты Америки, одна из самых влиятельных стран мира, не отстает от других стран в предоставлении гражданам данного права. В стране существует Закон о свободе информации 1966 года [7], по которому граждане имеют право не только на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, но также в принятии административных решений по данному вопросу, участие в открытых судебных заседаниях, касающихся экологической безопасности.

Источниками информации для жителей США являются ведомства, которые по требованию обязаны предоставит абсолютно бесплатно любую информацию, касающуюся данной темы, а также предприятия, регулярно готовящие отчеты о воздействии на окружающую среду. Однако в США, в отличие от России, не может быть проведена общественная экологическая экспертиза, а само право на достоверную информацию, закрепленное в Декларации, не конкретизировано.

В заключении можно сделать ряд выводов:

1) Эволюция права на экологическую информацию началась в XX веке и продолжается до сих, так как появляются все новые и новые документы, в которых данное понятие расширяется, что позволяет гражданам получать больше сведений не только о состоянии окружающей среды, но также о мерах по ее защите.

2) В настоящее время не все страны закрепили в своих основных законах право граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, однако нельзя не отметить, что большинство государств понимает важность этого.

3) Имеет место динамика ухудшения экологической обстановки в России и мире. Так, Российская Федерация по уровню экологии в 2018 году занимала 52 место [15], а по уровню смертности от экологических проблем в 2016 году – 115 место [2]. Наша страна могла бы достигнуть лучших результатов, если бы граждане России более активно пользовались своим правом на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

4) В свою очередь, природоохранное и экологическое законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании и развитии, в том числе, и путем активного использования норм международного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бринчук М.М.* Экологическое право. М., 2011.
2. Всемирная организация здравоохранения: официальный сайт // <https://www.who.int/ru>.
3. ВЦИОМ. Индекс информированности о содержании Конституции за 2018 год // <https://wciom.ru>.
4. *Гусейнова Р.А.* Право граждан на информацию о состоянии окружающей среды // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 4.
5. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды 1972 года // В Сборнике «Международное экологическое законодательство». Киев, 2019.
6. *Жилин С.М.* Экология. Информация. Общество. Монография. Калининград.
7. Закон о свободе информации 1966 года США // В сборнике «Зарубежное экологическое законодательство». Калининград, 1996.

8. Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994. Минск, 2019.
9. Мельникова В.Г. Открытые данные в механизме реализации права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23.
10. О доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды: Конвенция Европейской Экономической Комиссии Организации Объединенных Наций от 25.06.1998 // В Сборнике «Международное экологическое законодательство». Киев, 2019.
11. Об экологической информации: Закон ФРГ от 08.07.1994 // В сборнике «Зарубежное экологическое законодательство». Калининград, 1996.
12. Рио-де-Жанейрская декларация Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию 1992 года // В Сборнике «Международное экологическое законодательство». Киев, 2019.
13. Фролова Н.А. Некоторые проблемы реализации конституционного права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды // Аллея науки. 2019. Т. 2. № 1 (28).
14. Экологическое право: Учебник / Под ред. О.И. Крассова, 4-е изд., пересмотр. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019.
15. The Environmental Performance Index 2018 // <https://epi.envirocenter.yale.edu/downloads/epi2018policymakerssummaryv01.pdf>.

V.V. GONCHAROV

Candidate of legal sciences, associate professor of the department of state and international law, Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilina, Krasnodar, Russia

D.V. GRITSAY

Student of Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilina, laboratory assistant of the department of constitutional and legal studies of the Krasnodar branch of the Institute of globalization problems, Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilina, Krasnodar, Russia

D.A. CHERNIKOVA

Laboratory assistant of the Department of constitutional and legal studies of the Krasnodar branch of the Institute of globalization problems, student of Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilina, Krasnodar, Russia

E.YU. EGOROVA

Laboratory assistant of the Department of constitutional and legal studies of the Krasnodar branch of the Institute of globalization problems, student of Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilina, Krasnodar, Russia

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO RELIABLE INFORMATION ABOUT THE STATE OF THE ENVIRONMENT

This article is devoted to the study of the evolution of the concept of the constitutional right of citizens of the Russian Federation to reliable information about the state of the environment. The relevance of this problem, according to the authors, due to the rapidly deteriorating ecological environment, the increasing negative impact of human factor and the inability of authorities in most States to create an adequate legal mechanism of protection of the environment, which would ensure its sustainable preservation and development.

The article used a number of methods of scientific research, in particular: analysis, synthesis, classification, comparative legal, historical.

The article substantiates the author's approach in analyzing the stages of emergence and consolidation of the right of citizens of the Russian Federation to reliable information about the state of the environment in the legislation of the country, by relying on the chronology of its primary institutionalization, disclosure and concretization in Russian legal acts.

According to the authors, the creation of additional conditions for the realization of the right of citizens to reliable information about the state of the environment will improve the environmental situation in Russia and the world.

Key word: *environmental law, Constitution, Russian Federation, concept, reliable information, environment, UN, people, international, protection.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.008

УДК 32:17.022.1(045)

М.Е. РОДИОНОВА

*кандидат социологических наук, доцент, Ph.D.
директор Центра европейских исследований,
доцент Департамента политологии и массовых
коммуникаций Финансового университета
при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО КОНСАЛТИНГА В РОССИИ

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей формирования и становления электорального консалтинга в России, дан краткий обзор становления таких российских компаний как «Никколо М», «Имидж Контакт» (ICCG), «PROtect», «Минченко консалтинг», «Старая площадь» и др. Выделены особенности электорального консалтинга современного этапа, рассмотрен ценообразующий фактор стоимости услуг.

Ключевые слова: *электоральный консалтинг, медиакампании, избирательные кампании, стратегический консалтинг.*

Электоральный консалтинг – деятельность, которая направлена на оказание профессиональной помощи участникам избирательного процесса по решению ими специализированных задач, требующих использование самых новых технологий по маркетингу и средств по воздействию на электоральное сознание населения. Данный термин появился сравнительно недавно. Его история начинается почти 30 лет назад в конце прошлого века. Это направление деятельности можно считать сравнительно новым и еще не до конца изученным, но оно является очень интересным и актуальным в наше время. Большинство известных современных политических партий и деятелей пользуются услугами электорального консалтинга, чтобы оставаться востребованными на современном рынке в условиях жесткой конкуренции.

Данная деятельность начала зарождаться в 1995, когда происходили сильные изменения в политической системе страны. Со временем происходило все большее и большее развитие деятельности электорального консалтинга, что даже привело к появлению феномена интернационализации электоральных услуг, то есть выход услуг консультантов за пределы национальных границ, выезд их в различные страны для обмена и опытом и знаниями и для приобретения новых навыков в ведении избирательных кам-

паний. Так, в начале 90-х годов XX века русскими фирмами и агентствами по электоральному консалтингу с успехом было проведено более 300 избирательных кампаний на территории РФ, стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья. Консалтинговая группа «Никколо М», старейшая, на протяжении 10 лет провела около 200 избирательных, PR и медиакампаний на территории России. Еще одной крупнейшей кампанией по консалтингу в России «Имидж Контакт» (ICCG), которая была основана в 1989 г., было успешно организовано и проведено более 400 кампаний на федеральном и региональном уровне. С 1993 г. консультантами агентства «PROtect» было проведено десятки избирательных кампаний и исследовательских проектов, которые были связаны с анализом предвыборной ситуации в регионах России.

Минченко консалтинг. Опираясь на сведения, указанные на официальном сайте данной фирмы, она находится на рынке с 1993 года. Она предоставляет такие услуги, как исследование и аналитика различных экономических и политических явлений, PR, GR, геополитический лоббизм и политический консалтинг. В рамках политического консалтинга компания принимает участие в предвыборных кампаниях по всей России, а также странах СНГ. В августе 2012 года компания разместила исследовательский доклад «Большое правительство Владимира Путина» и «Политбюро 2.0», в котором оценивалась нынешняя обстановка и основные перспективы в развитии группы наиболее авторитетных представителей российской элиты. Термин «Политбюро 2.0» был применен создателями отчета для обозначения системы принятия решений в команде Владимира Путина.

Консультационная группа «Старая Площадь» – одна из ведущих отечественных фирм, оказывающих услуги в области стратегического консалтинга. Фирма произвела свой собственный высокопрофессиональный подход более 20 лет назад с победы во Всесоюзном рекламном конкурсе «Золотой соловей» в номинации «Открытие года: самый нестандартный креатив». В 1993-1996 годах компания принимала участие в выборах в ГосДуму, выборах Президента РФ. В 1996 году. Компания проводила предвыборную кампанию Бориса Ельцина, проходила она под лозунгом «Голосуй или проиграешь». В итоге свой голос за Ельцина отдало 53,82% голосовавших. В 1999-2000 г. группа принимала участие в создании партии «Единство» и в предвыборной кампании В. Путина, который был избран Президентом РФ и получил 51,95 % голосов. Компания содействовала в дальнейшем продвижению партии «Единая Россия» и таких кандидатов на пост президента, как Д. Медведев (2008 г.) и В. Путин (2004 г., 2012 г., 2018 г.) [2].

Начальный этап. «Электоральный консалтинг» как вид деятельности, оказывающей профессиональную помощь участникам избирательного процесса начал свое развитие в середине 90-х годов XX века. Начальные этапы развития политического рынка с 1995 года по 1999 год именуется «непродолжительным золотым веком» российского электорального консалтинга.

Данные годы имели такие характерные черты, как рост количества участников избирательного процесса, увеличение числа новых консалтинговых агентств и политических консультантов, которые предоставляют услуги во время избирательных кампаний, видоизменение и активное использование избирательных технологий, которые заметно влияют на электоральное поведение и сознание. Данные особенности являются результатом институциональных изменений (был введен институт выборности глав субъектов Российской Федерации, появление Федерального Закона «Об основных гарантиях избирательных прав граждан российской Федерации»). Следовательно, масштаб консалтинговой деятельности расширился: консалтинговые услуги предоставлялись и на федеральном, и на региональном, и на муниципальном уровнях. В 1997 году рынок электоральных услуг трансформировался в новую сферу бизнеса, тем самым отделился от научной и академической области. Каждый год, начиная с 1999, на специально организованных конференциях происходил обмен опытом, решение информационных и технологических проблем, возникших во время проведения избирательных кампаний, поиск новых путей и способов работы на рынке электоральных услуг. Участники конференций (руководители консалтинговых агентств, специалисты по электоральному консалтингу, пиар-фирмы, аналитики избирательного права, эксперты в области избирательных технологий) обсуждали вопросы по функционированию электорального консалтинга на политическом рынке страны, по использованию новых специальных технологий по ведению предвыборной кампании, по особенностям развития рынка электоральных услуг.

Современный этап. А особенности электорального консалтинга современного этапа – это реформирование партийного и избирательного законодательства, изменении качественного и количественного состава участников и политического рынка, и рынка консалтинговых услуг, усиление влияния политических партий, становление внутрипартийного консалтинга. Предпосылки к этому рождались с конца 1990-х годов до начала 2000-х годов, когда происходила смена исполнительной власти и формирование новой линии политики. Изменения происходили во всей политической системе, произошло трансформирования политического рынка: сокращение количества участников избирательного процесса и уменьшения самого рынка электоральных услуг.

Современный этап можно разделить на 2 стадии. Первая – с 2000 по 2008 год первый и второй срок правления Владимира Владимировича Путина. Данный период характерен тем, что происходило усиление роли вертикали власти, была отменена выборность глав субъектов России (губернаторов). Также произошло изменение партийного и избирательного законодательства, которое привело к тому, что была введена пропорциональная избирательная система, произошло усиление значения партий

на электоральном рынке, сократилось количество политических кандидатов. Все это послужило причинами резкого сужения актуальности рынка электоральных услуг [3]. Более того, началось развитие внутривнутрипартийного консалтинга – деятельности, направленной на позиционирование политических партий. Вторая же стадия – с 2008 года по настоящий год отличается модернизацией российской политической системы, увеличением значения таких участников политического рынка, как политические партии.

Согласно пропорциональной избирательной системе в выборах участвуют только кандидаты, которые выдвигаются от политической партии. Следовательно, у политических партий появились новые цели в создавшихся условиях, которые заключались в необходимости повышения политического статуса, позиционирования и формирования благоприятного имиджа партии. Стали востребованы высококвалифицированные специалисты-партологи. Отечественный политический консультант Олег Матвейчев отмечает, что сейчас, как правило, консультантов, участвующих в выборной кампании, не отпускают сразу после выборов. Они остаются на должностях пресс-секретарей, помощников по связям с общественностью. То есть консалтинговые фирмы набирают себе клиентов на «абонентское обслуживание», что означает на весь срок от выборов до выборов.

В то же время исследователями было подчеркнуто то, что полное введение пропорциональной системы и условия, при которых это произошло, в совокупности являются опасностью. Так как не до конца развитая политическая система и жесткий ФЗ-№ 95 от 11.07.2001 «О политических партиях» и отсутствующее равноправие партий, участвующих в избирательном процессе ведут к уничтожению политической конкуренции, что значительно снижает необходимость деятельности электорального консалтинга.

Советник аппарата Комитета Совета Федерации по делам федерации и региональной политике, Денис Журавлевский, отмечал взаимовлияние преобразования политико-правовой системы и изменение рынка избирательных технологий и говорил, что руководство страны так изменило партийную систему, что за эти последует смена приоритетов рынка избирательных технологий и политического пиара.

В новых условиях приобрел свою актуальность внутривнутрипартийный консалтинг, то есть деятельность, направленная на повышение социально-политического статуса политической партии, формирование ее имиджа. Победа политической партии на выборах и ее общий успех зависит от профессиональной помощи специалистов-партологов, которые привлекаются партиями на постоянную занятость [1]. Их главная задача – это усиление роли политической партии в электоральном пространстве. Также востребованы независимые политические консультанты, которые способны определить дальнейшие перспективы партии и задать путь ее развития.

Стоимость услуг. Электоральный консалтинг необходим политической партии при желании заинтересовать своих избирателей. Консультанты ана-

лизируя программы и действия политиков, после поясняют их поступки и дают прогноз на будущее. Цены на электоральный консалтинг снижаются с каждым годом, потому что в таких услугах нуждаются многие, но из-за уменьшения платежеспособности граждан не многие могут позволить себе это. Действия консультантов могут быть как позитивными, так и негативными. Все зависит от грамотности и правильных действий кандидата. По мнению М. Ризвановой, цены консалтинга аккуратно опускаются из-за падения платежеспособности большинства клиентов. «Консультанты зависимы от общей экономической ситуации в стране и не могут жить лучше, чем страна, где они работают. Поэтому главный ценообразующий фактор – желание получать заказы, пусть и за меньшую цену, но не оставаться без выручки», – поясняет эксперт. Думают, что наоборот, цены на электоральный консалтинг постоянно растут из-за инфляции: «Зарплаты консультантов и цены на услуги консультационных компаний растут темпами ниже уровня инфляции, и эта тенденция наблюдается уже не первый год, с начала экономического спада в 2014 году», – наблюдения гендиректора «2К-Аудит» Т. Касьяновой. При этом она отмечает: несмотря на падение цен на услуги, за счет расширения физических объемов рынка выручка консультантов в целом увеличивается – по итогам 2017 года темпы ее роста превысили уровень потребительской инфляции и оказались на уровне «инфляции, рассчитанной на основании тарифов и других характерных для аудиторских организаций статей расходов». Но ситуация на рынке до сих пор нестабильная и все равно многие, не обращая внимание на цены, пользуются услугами электорального консалтинга.

Современные тенденции. По анализу экономики можно оценить ситуацию в стране. Если экономические показатели улучшились, то реальный доход граждан увеличился, то население и страна будут в хорошем положении. Такое развитие говорит о хорошей программе кандидата. Это и делает электоральный консалтинг. Он помогает разобраться в программе, кандидате, партиях, чтобы субъект (избиратель) смог сделать правильный выбор. На протяжении многих лет мода, мировоззрение, жизнь все время меняется, поэтому кандидатам нужно следовать тенденциям, чтобы заинтересовать большее количества народа. Если они будут предлагать устаревшие принципы, идеи, то и меньшее количество людей проголосует за них. Но ведь нужно смотреть не только внутрь страны, но и вне ее пределов. Взаимоотношения с другими странами также способствует положительному эффекту, ведь нужно представлять страну на международной арене, следовательно, нужно защищать и показывать, что страна, действительно, сильная. Так может сделать только сильный правитель, за которого как раз и проголосовало большинство людей. Таким образом, с постоянным изменением в современном мире, электоральный консалтинг помогает выбрать наиболее выгодный путь, программу [5].

В 90-х годах политические технологии начали развиваться, многие люди заинтересовывались этой темой. После они связали свою жизнь с электоральным консалтингом или PR областью. А рынок услуг, связанный с обслуживанием политических партий увеличился на 10-30%. PR-программа может существовать, в большинстве случаев, только с помощью средств массовой информации (телевидение, радио, газеты, журналы, социальные сети). Именно через такие пути проходит реклама кандидата, его программ, намерений. Поэтому появились современные тенденции электоральных услуг в ближайшем будущем:

- электоральное поле остается неизменным, но сужается в физическом плане;
- расширяется пространство работы на власть (от собственной консалтерской до пропагандистской);
- появляется возможность получения заказов от радикальной оппозиции;
- востребованными становятся лоббизм и межэлитные коммуникации конкурентного характера.

Виды тенденций. Специалистами делится тенденция на несколько видов: стабильность рынка; цивилизованное развитие электоральных услуг; стагнация рынка электоральных услуг.

Под стабильностью рынка имеется в виду то, что рынок неизменен, а трансформация связана с усилением конкуренции. В последнее время появилось много фирм и частных консультантов, занимающихся проведением выборов. Субъект, участвующий в одной-двух кампаниях, как правило, считает себя большим профессионалом. Как следствие, на рынке появляются некомпетентные участники, нередко предлагающие по демпинговым ценам услуги весьма сомнительного качества. В итоге общие цены падают, а неудовлетворенные заказчики перестают пользоваться услугами консультантов.

Также специалисты считают, что рынок развивается по цивилизованному пути. Такая тенденция подразумевает появление новых идеи и предложений. Электоральный консалтинг переходит постепенно на новый уровень от сопровождения рутинной череды выборов к системному креативному политическому консультированию. Такое мнение высказывают С. Маркелов, и В.Г. Зазыкин. По их мнению с ужесточением законов и с повышением качества профессиональной деятельности, консалтинг переходит на более качественный уровень. уменьшается число черного PR, грязных денег, выборы проводятся строже. В итоге возникнет востребованность профессионалов высокого качества.

О стагнации рынка электоральных услуг, можно сказать, что роль электорального консалтинга падает, и в ближайшем будущем такой услуга не будет востребована. Эта сфера, приходит в упадок. Ведь сама политическая деятельность подразумевает действия и наличие политика, кандидата, а такие услуги и рекламные ходы ставят субъекта политики на второй

план, а на первый же – рекламу, маркетинг. Только сейчас в политическую практику стали активно внедряться методы политического маркетинга, радикально отличающиеся от старомодной политической пропаганды. Если методы пропаганды мало отличались от концепции расширения сбыта готового продукта (партийной идеологии), то маркетинговый подход предполагает обязательное первоначальное изучение потребностей потребителей (избирателей) и лишь затем переход к производству конкурентоспособного товара (имиджа политических лидеров и по преимуществу идеологизированных партий). Связи с общественностью становятся основным содержанием политической деятельности профессиональных политиков. И эта деятельность уже немислима без участия политических консультантов.

Заклучение. Таким образом, особенность электорального консалтинга на современном этапе заключается: во-первых, в том, что российский электоральный консалтинг в наше время является структурой, имеющей разветвленную сеть многочисленных федеральных и региональных консалтинговых агентств, отлаженный механизм технологического инструментария, активно формирующуюся научную школу политического PR-сообщества, действующие этические кодексы и нормативно-правовые документы. Также, российский рынок электоральных услуг отличается от западных молодостью и интенсивностью взросления, систематичностью, быстрой адаптацией к изменяющимся экономическим и социально-политическим условиям, креативностью и новизной подхода российских политических консультантов к ведению избирательной кампании, интернациональностью предоставляемых услуг; во-вторых, в настоящее время после изменения избирательного законодательства рынок электоральных услуг поменялся в сторону уменьшения числа субъектов избирательного процесса, произошло переупрофилирование услуг, переход консультантов в смежные отрасли деятельности (лоббирование, GR). Из-за сокращения числа мелких консалтинговых агентств и использования «черных PR-технологий» рынок получил цивилизованный характер; в-третьих, «партийное реформирование» 2003-2005 гг. увеличило влияние политических партий на политическом рынке, усложнило условия попадания партий в представительные органы власти. Нововведения дали толчок к развитию деятельности внутрипартийного консалтинга, произошел переход от внешнего консультирования к внутреннему, в работу стали вовлекаться профессиональные политические консультанты, специалисты-партологи, их главная задача имела направление на выстраивание грамотной стратегической линии политической партии. Так, по замечанию российских специалистов в избирательном процессе, руководители холдинга «Паблсити» Г.Г. Ханова и Д.В. Чижова, сущность внутрипартийного консалтинга – стратегия поведения политических партий в партийной системе, которая предполагает определение основной линии в отношении электората, групп интересов, органов власти, политических партий, кото-

рые конкурируют между собой, СМИ и других факторов политических процессов. Политические партии позиционируются через реализацию таких крупных проектов на федеральном и региональных уровнях как, например, «Единая Россия» через национальные проекты, «Справедливая Россия» через проект «Спорт доступен каждому» и другими; в-четвертых, современный рынок электорального консалтинга от начала 90-х гг. XX в. отличается профессионализмом и качеством предоставляемых услуг, цивилизованностью, профессионализмом, селективностью подхода заказчика при подборе консультанта или консалтингового агентства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Европа перед вызовами начала XXI века: коллективная монография / под общ. ред. М.Е. Родионовой. М.: КНОРУС, 2017.
2. *Файрушина М.З.* «Специфика российского электорального консалтинга на этапе развития политического рынка» // <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-rossiyskogo-elektoralnogo-konsaltinga-na-etape-razvitiya-politicheskogo-rynka>.
3. *Файрушина М.З.* «Особенности российского электорального консалтинга» // <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-rossiyskogo-elektoralnogo-konsaltinga-na-sovremennom-etape>.
4. *Файрушина М.З.* «Электоральный консалтинг в постсоветской России: этапы и особенности развития» // <http://www.dslib.net/polit-instituty/jelektoralnyj-konsalting-v-postsovetskoj-rossii-jetapy-i-osobennosti-razvitija.html>.
5. Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии / Под общ. ред. М.Е. Родионовой, С.Ю. Белоконова, П.С. Селезнева, Д.А. Ежова. Москва: КноРус, 2018.

M.E. RODIONOVA

*Candidate of Science in Sociology,
Associate Professor, Ph.D., Director Center
for European studies, Associate Professor
of the Department of Political Sciences,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ELECTORAL CONSULTING IN RUSSIA

The purpose of this article is to consider the features of the formation and establishment of electoral consulting in Russia, a brief overview of the formation of such Russian companies as Niccolo M, Image Contact (ICCG), PROTest, Minchenko Consulting, Old Square, etc. is given. The features of the electoral consulting of the current stage are highlighted, the pricing factor of the cost of services is considered.

Key words: *electoral consulting, media campaigns, election campaigns, strategic consulting.*

*соискатель кафедры национальных
и федеративных отношений Российской
академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье анализируется деятельность институтов гражданского общества в условиях модернизации политического процесса в Чеченской Республике. Важное внимание уделяется изучению роли институтов гражданского общества в формировании политической стабильности и предсказуемости в республике. Исследуется влияние политической системы на формирование и функционирование гражданского общества.

Ключевые слова: *политическая система, политические процессы, гражданское общество, институты гражданского общества.*

За последнее десятилетие в Чеченской Республике произошли существенные социально-политические и экономические трансформации: функционируют институты рыночной экономики, складываются институты гражданского общества, власть становится более открытой прозрачной.

Исследования гражданского общества на региональном уровне позволяют выявить основные элементы и возможности его формирования в условиях нашего общества.

Исследователь В.Н. Соловьев считает, что анализ социально-исторического опыта последнего десятилетия позволяет утверждать, что в России нет необходимости проходить все этапы генезиса классической модели гражданского общества, характерной для западных стран. По его мнению, понимание и осознание стартовых возможностей и перспектив институтов гражданской самодеятельности в России должно происходить с учетом ее исторических традиций, социокультурных и национальных особенностей [10. С. 32]. Это значит, что у России, а также у субъектов, входящих в нее, свой путь формирования и развития институтов гражданского общества, так что нельзя сравнивать западноевропейский и российский модели гражданского общества, особенно тех регионов, где сохранились и действуют

по настоящее время традиционные национальные этические и культурологические нормы и требования.

Экономические реформы, проводившиеся в России, начиная от «шоковой терапии», осложнившей материальное положение многих людей, и приватизации, приведшей к резкой социальной дифференциации, вынудили граждан искать разные пути выхода из тяжелой социально-экономической и политической ситуации. Что касается Чеченской Республики, то она прошла свой трагический путь к нынешней политической стабильности и предсказуемости, до этого испробовав и политическую самостоятельность, и независимость и кровавые события, связанные с наведением конституционного порядка на ее территории, пережила она и тяжелые годы восстановления экономики и социальной сферы. Все эти сложные политические процессы вынудили чеченское общество активизировать свои усилия по поиску стабилизации отношений с федеральным центром и созданию институтов гражданского общества с учетом особенностей и менталитета чеченского населения. И естественно путь этот непременно приводил к необходимости формирования и развития институтов гражданского общества, которые обеспечивали бы и политическую стабильность, и защиту прав и свобод гражданина.

Как отмечает исследователь В.Г. Марахов, «идея гражданского общества воспринималась массовым сознанием как иное, лучшее общество, в котором будет покончено с катастрофической ситуацией» [12]. Это прямо касалось и той тяжелой политической, экономической, культурологической ситуации, в которой Чеченская Республика оказалась в постконфликтный период.

В итоге на территории Чеченской Республики сформировался, как отмечает далее В.Г. Марахов, большой активный людской потенциал, без которого невозможно становление структурных элементов гражданского общества: самостоятельных и добровольных гражданских объединений, где «созревает» гражданская активность и личность [12].

Как известно, для формирования и становления институтов гражданского общества главную роль играют принципы взаимодействия власти и общества. Они изложены в концепции реформирования системы государственной службы России. Что это за принципы? Вот они:

- открытость власти;
- возможность участия граждан и институтов гражданского общества в обсуждении и принятии важных государственных решений;
- информирование населения о принятых решениях, деятельности государственных органов власти и должностных лиц;
- контроль гражданского общества;
- предупреждение, выявление и устранение обстоятельств, способствующих коррупции и злоупотреблениям на государственной службе [5].

Согласно данной концепции, каждый государственный служащий должен найти формы взаимодействия с гражданами, которые содержали

бы в себе интерес и уважение граждан. Такими формами взаимодействия с институтами гражданского общества и с населением в условиях Чеченской Республики являются не только частые встречи руководства региона и высших должностных лиц с населением, но и социальные сети, которые позволяют в современных условиях обеспечить максимальную действенность и эффективность подобной практики. Глава Чеченской Республики, Герой России Рамзан Ахматович Кадыров постоянно поддерживает прямую связь с местным населением и имеет многомиллионную аудиторию подписчиков. Решения принимаются максимально оперативно, о принятых мерах тут же через социальные сети, местные каналы телевидения сообщаются населению. Конечно, во многих случаях инициаторами подобных акций выступают также общественные объединения, молодежные организации, которые владеют обстановкой и знают о существующих социальных проблемах.

В Чеченской Республике сформированы соответствующие механизмы взаимодействия власти и общества, введены специальные должности, обладатели которых призваны нормализовать систему взаимодействия органов государственной власти со всеми институтами гражданского общества. Это, как правило, различные службы социального управления по изучению и созданию институтов социальной организации и самоорганизации, а также по введению инноваций как в системе государственной службы и государственного управления, так и в деятельности институтов гражданского общества. В качестве примеров можно привести реальные предпосылки для стимулирования социальной самоорганизации, социальной коммуникации, социального регулирования, социальной экспертизы, созданные и функционирующие в Чеченской Республике. Многие должностные лица, ответственные за работу с населением, общественными объединениями, разными категориями граждан выявлены в ходе таких мероприятий или через социальные сети и мобилизованы для решения конкретных социальных задач. Они несут личную ответственность перед Главой Чеченской Республики, который часто в режиме реального времени проводит с ними совещания, строго спрашивая по каждому конкретному пункту работы с населением.

В Чеченской Республике государственные должностные лица всех категорий строго ведут мониторинг негативных проявлений в обществе, анализируют их причины, разрабатывают инновационные подходы к системе социального управления вместе с институтами государства и гражданского общества. Как правило, такую работу проводят не только аппарат Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике, Совет при Главе Чеченской Республики по защите прав и свобод граждан, Общественная палата Чеченской Республики, но и многочисленные Общественные советы, организованные при каждом министерстве и ведомстве.

Как известно, механизмы формирования социального капитала необходимо разделить на механизмы формирования и закрепления социальных

норм, учитывая и нормы социального взаимодействия, а также механизмы образования социального доверия.

Одним из важных механизмов формирования социального доверия между властью и обществом является социальное партнерство [11. С. 59-62]. Практика взаимодействия органов государственного управления и институтов гражданского общества в Чеченской Республике показывает, что социальное партнерство является эффективным механизмом социального взаимодействия и эффективным инструментом координирования интересов социальных структур государственных, общественных, некоммерческих и коммерческих. Он является также одним из механизмов демократии. В самом общем плане социальное партнерство между государственным, коммерческим и некоммерческим секторами понимается как конструктивное взаимодействие для решения социальных проблем [1. С. 103-109].

В этой связи нельзя не согласиться с мнением исследователя В.А. Михеева, считающего, что социальное партнерство – одна из самых цивилизованных форм общественных отношений в социально-трудовой сфере. Оно обеспечивает согласование и защиту интересов работников, работодателей (предпринимателей), органов государственной власти, местного самоуправления, путем заключения договоров, соглашений и стремления к достижению консенсуса, компромисса по важнейшим направлениям социально-экономического и политического развития [6. С. 3].

Исходя из вышеизложенного, надо полагать, что социальные отношения и социальное партнерство возможны только в том случае, если сложились гармоничные отношения между властью и институтами гражданского общества. Здесь ключевую роль играет взаимодействие как процесс достижения общественного согласия. Именно таким социальным партнерством и социальным согласием характеризуются в настоящее время отношения между органами государственного управления Чеченской Республики и институтами гражданского общества – общественными объединениями и другими некоммерческими общественными молодежными и иными организациями. Все имеющиеся в Чеченской Республике некоммерческие организации широко представлены и в Парламенте Чеченской Республики [7] и в Общественной палате Чеченской Республики [8].

Здесь уместно будет сказать также о взаимодействии государственных органов власти и институтов гражданского общества через политические сети, объединенные общим интересом, взаимозависимостью и сотрудничеством.

Во-первых, они являются такой структурой управления общественными делами, которая скрепляет государство и гражданское общество и состоит из множества различных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, имеющих некий совместный интерес.

Во-вторых, политическая сеть образовывается для выработки договоренностей в процессе обмена ресурсами, имеющимися у ее факторов, что предполагает их заинтересованность друг в друге.

В-третьих, главным элементом политической сети является общий кооперативный интерес, рознящий ее с рынком, где каждый участник преследует, прежде всего, собственные интересы.

В-четвертых, между участниками сети складываются горизонтальные связи, так как с точки зрения возможностей формирования совместного решения все они сходны.

В-пятых, сеть – это договорная структура, которая основана на согласованных формальных и неформальных правилах коммуникации, в ней есть особая культура консенсуса. По меткому выражению Л. Сморгунова такая сеть есть система государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на базе ресурсной зависимости в целях получения согласия по занимающему всех политическому вопросу, используя при этом формальные и неформальные нормы [9. С. 108].

Как отмечают исследователи А.Г. Воржецов, И.Ю. Ханнова, местное самоуправление можно считать важной формой отражения степени эффективности взаимодействия институтов управления государства и гражданского общества. С одной стороны, местное самоуправление как форма самоорганизации населения символизирует общественный институт, институт гражданского общества, который не входит в сферу государственного управления. С другой стороны, местное самоуправление представляет форму публичной власти. В Чеченской Республике эта форма взаимодействия власти и общества также используется действительно и эффективно [2. С. 155-156].

Одной из главных целей местного самоуправления в Чеченской Республике является создание условий для неформального участия жителей муниципальных образований в формировании органа местного самоуправления. Как правило, можно выделить два основных способа реализации права граждан на местное самоуправление: форма прямого волеизъявления (референдумы, выборы, собрания, сходы, самоорганизация граждан и т.п.) и формы косвенного, опосредованного членства граждан в управлении местными делами (через выборные или иные органы местного самоуправления) [2. С. 155-156]. Общественные советы, созданные при всех органах государственной власти, в том числе при министерствах, ведомствах и управлениях, является одной из таких форм взаимодействия.

В Чеченской Республике, как и в других субъектах Российской Федерации, глава региона имеет право выдвигать на обсуждение граждан Российской Федерации, постоянно или преимущественно проживающих на территории Чеченской Республики, главные вопросы государственного значения, проекты нормативных правовых актов, принимаемых главой республики (статьи 63-77 Конституции Чеченской Республики) [4]. Это тоже один из эффективных механизмов взаимодействия органов власти и гражданского общества.

Еще одной определяющей формой выражения степени эффективности взаимодействия институтов государства и гражданского общества является роль общественных объединений как посредников между гражданским обществом и властью.

Исследователь С.М. Елисеев отмечает, что непартийные институты гражданского общества не признают в большинстве политических партий равноправных партнеров, видя в них институты, управляемые государством. Сложно с этим не согласиться. Действительно создаваемые в стране партии картельного типа не способствуют росту демократической легитимности, они наоборот порождают тенденцию к делегитимации всего политического режима, так как своими действиями формируют в обществе убеждение во временности имеющихся институтов и норм [3. С. 80].

Таким образом, за годы системной трансформации в стране между обществом и властью так и не появился ответственный посредник, объединяющий наиболее активную часть граждан. Тем не менее, существуют правительственные концепции, имеющие непосредственное отношение к гражданскому обществу. В 2009-2010 годах были приняты два важнейших документа, направленные на обеспечение государственной поддержки благотворительности и добровольчества.

Распоряжением правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 года № 1054-р была одобрена концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации и утвержден план действий по ее реализации в 2009-2010 годах.

Концепцией содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ в качестве основной цели государственной политики в этой сфере была определена задача активизации потенциала благотворительности как основного ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационных практик социальной деятельности, позволяющего, в том числе, дополнить бюджетные источники внебюджетными средствами. В соответствии с этой концепцией на территории Чеченской Республики действует масса благотворительных фондов и организаций, как местного, так и республиканского уровня, которые помогают институтам гражданского общества решать важные социальные проблемы. Ярким примером такого сотрудничества является деятельность Регионального благотворительного фонда имени Первого Президента Чеченской Республики Ахмата-Хаджи Кадырова.

Основными принципами реализации задач содействия развитию благотворительной деятельности определены партнерское взаимодействие государства, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества на федеральном уровне и в регионах, а также активизация механизмов самоорганизации участников благотворительной деятельности и саморегулирования благотворительных организаций.

Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» от 5 апреля 2010 года № 40-ФЗ закрепляются полномочия органов государственной власти, субъектов и муниципальных образований в части оказания поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям.

Поправками, вносимыми указанным законом в Федеральный закон «о некоммерческих организациях» в частности расширяются полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации по решению вопросов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, к которым отнесены в частности благотворительные организации.

Изменения, вносимые указанным законом в Федеральный закон «О защите конкуренции» расширяют возможности НКО получать во владение и в пользование по договору государственное и муниципальное имущество на льготной основе. Все эти положения российского законодательства находят эффективное применение на территории Чеченской Республики при взаимодействии органов государственного управления и институтов гражданского общества. Все это позволяет обеспечивать руководству Чеченской Республики политическую стабильность, мир и безопасность на территории региона, который по праву считается одним из самых развивающихся и безопасных субъектов Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Василенко Л.А.* Механизм социального взаимодействия государственной службы и гражданского общества // Государственная служба в современной России. М.: ИНИОН, 2003.

2. *Воржецов А.Г., Ханнова И.Ю.* Взаимодействие институтов гражданского общества и государства в современной России / Монография. Казань: КГТУ, 2008.

3. *Елисеев С.М.* Выйти из «бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // Полис. 2002. № 6.

4. Конституция Чеченской Республики (принята 23 марта 2003 г.). Глава 4. Глава Чеченской Республики (ст. 63-77) // https://constitution.garant.ru/region/cons_chech/.

5. Концепция реформирования системы государственной службы России // Российская газета. 16 августа 2001.

6. *Михеев В.А.* Политика социального партнерства. М., 1999.

7. Сайт Парламента Чеченской Республики // <http://www.parlamentchr.ru/>.

8. Сайт Общественной палаты Чеченской Республики // <http://www.opchr.ru/index.php/dokumenty>.

9. *Сморгунов Л.В.* Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3.

---

10. Соловьев В.Н. Условия формирования гражданского общества в России. М., 2008.

11. Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества; опыт регионов и муниципалитетов / Шадрин А.Е. О государственной поддержке благотворительной деятельности и добровольчества. М., 2010.

12. Теория и практика гражданского общества в России / Под ред. проф. Д. Гузины, проф. П. Дудкевича, проф. В.Г. Марекон. СПб., 2005.

U.S. MAAZOV

*Post-graduate student working
for the candidate's degree at the Chair
of national and federative relations, Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AS A SUBJECT OF THE POLITICAL PROCESS IN CHECHEN REPUBLIC

The article analyzes the activity of civil society institutions in the conditions of modernization of the political process in the Chechen Republic. Important attention is paid to the study of the role of the civil society institutions in the formation of political stability and predictability in the Republic. The author studied the influence of the political system on the formation and functioning of civil society.

Key words: *political system, political processes, civil society, civil society institutions.*

ГОТОВЫ ЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ?

Целью данной статьи выступает анализ степени готовности сегодняшней РФ к цифровой трансформации и построению полноценной цифровой экономики, а также выявление факторов, как способствующих процессам инновационного развития, так и факторов, препятствующих экономическому росту, инновационному развитию и цифровизации. Проанализировав и обобщив результаты исследований, посвященных поиску взаимозависимости качества институтов и экономических процессов, делается вывод о том, что качество институциональной среды является основополагающим фактором развития, как экономического в целом, так и инновационного в частности. В результате агрегации и анализа актуальных кейсов и иных эмпирических данных, выделяются десять основных системных проблем, с которыми сталкиваются политические и государственные институты в ходе своего функционирования в условиях современной РФ, и которые во многом являются факторами торможения развития.

Ключевые слова: цифровая экономика, политические институты, институты, инновационное развитие.

Прежде всего, стоит отметить, что цифровая модернизация в целом, и цифровизация экономического сектора в частности, определенная руководством государства как один из приоритетных векторов развития РФ, не может быть осуществлена отдельно от модернизации остальных сфер, поскольку одним из основополагающих факторов, оказывающих влияние на экономическое и инновационное развитие является качество институциональной среды. В работах, посвященных анализу влияния качества институтов на инновационное развитие экономики РФ, авторы обычно приходят к выводу, что «формирование в России инновационно-ориентированной экономики непосредственно связано с качеством институтов» [16. С. 175], в частности отмечается необходимость повышения уровня доверия к государству, снижение коррупции и демонтаж существующих административных барьеров.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 9; 11; 15; 18; 28].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Согласно исследованию, акцентирующему свое внимание на влиянии институционального доверия на экономическое развитие, дефицит доверия увеличивает неопределенность и нестабильность институциональной среды, умножая институциональные барьеры и делая институты неэффективными, что в свою очередь приводит к невозможности достижения таких целей как инновационное развитие, цифровизация, модернизация и устойчивое экономическое развитие в целом [14. С. 19]. Результаты исследования, анализирующего влияние политических институтов на динамику макроэкономических показателей, свидетельствуют о том, что «развитие демократических политических институтов способствует качественному изменению показателей экономического роста: для демократий характерен интенсивный экономический рост, а для диктаторских режимов – экстенсивный» [13. С. 62]. При этом, наличие демократических политических институтов способствует стабильному экономическому росту (дисперсия показателей темпов экономического роста значительно ниже для обществ с развитыми демократическими институтами) [13. С. 43-68]. Кроме того, для государств с развитыми демократическими институтами свойственна устойчивость основных макроэкономических показателей [13]. Существует также ряд широко признанных в научном сообществе работ, опирающихся на обширную эмпирическую базу, подчеркивающих взаимовлияние качества политических и государственных институтов на экономическое развитие (Норт [21. С. 69-91], Аджемоглу, Робинсон [2. С. 695] и Джонсон [3. С. 4-43]).

Соответственно, если нам необходимо построить качественно новую, цифровую, экономику, то можно предположить, что в первую очередь необходимо обеспечить соответствующие условия для этого. Качество институциональной среды в этом случае должно быть действительно высоким. Это необходимо прежде всего для того, чтобы избежать ситуации дисбаланса формаций, когда, к примеру, мы пытаемся построить цифровую инновационную экономику при дисфункциональных институтах, не отвечающим ни запросам устремленной в «цифру» экономики, ни запросам общества, которое также во многом самостоятельно сетевизировалось и цифровизировалось посредством распространения и удешевления современных информационно-коммуникативных технологий.

Таким образом, для ответа на вопрос: а готова ли сегодняшняя РФ к цифровой трансформации и построению полноценной цифровой экономики, прежде всего, необходимо оценить качество существующей институциональной среды и выявить факторы, препятствующие развитию.

Лето 2019 запомнится не столько избирательными кампаниями в преддверии единого дня голосования 8 сентября, сколько возникшими у кандидатов проблемами при регистрации, обернувшимися в конечном итоге масштабными митингами против недопуска независимых кандидатов. Основная критика была направлена на непрозрачность бюрократических процедур в процессе регистрации кандидатов, а также к избирательному подходу при рассмотрении поданных кандидатами документов.

В частности, наиболее распространенной причиной отказа кандидатам в регистрации был брак подписей избирателей. По заявлениям самих кандидатов причиной этого брака стало несоответствие баз данных МВД и ГАС «Выборы», а также несоответствие данных баз фактическим данным, предоставленным кандидатам реальными избирателями. Здесь могут возникнуть вопросы к качеству вышеупомянутых баз данных, к актуальности данных в этих базах, к их версиям, времени их обновления, гипотетической возможности фальсификации данных в этих базах и так далее.

Также значительный пласт брака подписей был выявлен вследствие графологической экспертизы [19]. Стоит отметить, что обе процедуры верификации подписей проводились в закрытом режиме, что сводит всю процедуру верификации не к фактическому аспекту, а исключительно к аспекту веры в компетентность и неподкупность проверяющего лица. Иными словами, встает вопрос человеческого фактора в рамках процедуры верификации подписей. И исходя из того, что акция против недопуска кандидатов на выборы в Мосгордуму 10 августа 2019 г. стала самой массовой протестной акцией с 2011 г. [17], уровень доверия граждан к бюрократическому аспекту регистрации кандидатов нельзя назвать высоким.

В Санкт-Петербурге, где 8 сентября 2019 наряду с выборами губернатора города должны состояться выборы муниципальных депутатов, также были зафиксированы проблемы с получением регистрации кандидатами в рамках бюрократических процедур. Препятствия возникали на этапе физической подачи документов в избирательные комиссии. Одной из причин являлось физическая недоступность избиркомов: двери некоторых комиссий оказались заперты [26]. Второй причиной стали фиктивные очереди в избиркомах, которые не позволяли реальным кандидатам подать документы [27]. Также был зафиксирован случай явного конфликта интересов: в одной из избирательных комиссий города члены комиссии являлись непосредственными подчиненными одного из кандидатов в муниципальные депутаты [3].

Согласно докладу движения «Голос», посвященному итогам выдвижения и регистрации кандидатов на выборах 08.09.2019, происходит «процесс деградации самого института выборов» [10] на фоне «растущего запроса общества на участие в принятии решений» [10]. По утверждению авторов доклада, также наблюдается «эрозия институтов» [10], затрагивающая ра-

боту избирательных комиссий, продемонстрировавших «несоблюдение принципа политического нейтралитета в деятельности комиссий и нарушение принципа равенства в отношении кандидатов с разными политическими программами» [10], а также сложившуюся практику правоприменения [10]. Сформировавшаяся ситуация, отмечается в докладе, является признаком политического и институционального кризиса в РФ [10].

Действительно, согласно аналитическому докладу консалтинговой компании Edelman, в рейтинге доверия государственным институтам за 2019 год РФ набирает 34 пункта из 100, потеряв по сравнению с прошлым годом 10 пунктов, что классифицируется в докладе как полное недоверие к институтам власти [29]. По уровню доверия к институтам в целом РФ занимает последнее место – 26 из 26. Так россияне также не доверяют неправительственным организациям (23 пункта из 100, -2 пункта по сравнению с прошлым годом), бизнесу (34 пункта из 100, -7 пунктов по сравнению с прошлым годом), средствам массовой информации (26 пунктов из 100, -10 пунктов по сравнению с прошлым годом) [29].

О значительном недоверии граждан РФ к политическим и государственным институтам сигнализируют и другие данные. Исходя из результатов исследования, посвященного институциональному доверию в РФ, в 2018 году 29% опрошенных граждан РФ считают, что местные (городские, районные) органы власти «совсем не заслуживают доверия», еще 34% считают, что они «не вполне заслуживают» доверия (общий индекс институционального доверия: -19) [7]. Областные (краевые, республиканские) органы власти «совсем не заслуживают» доверия среди 26% респондентов и «не вполне заслуживают» среди 35% опрошенных (общий индекс институционального доверия: -14,5). «Совсем не заслуживает» доверия 25% и «не вполне заслуживает» 31% респондентов прокуратура (общий индекс институционального доверия: -11,5). Правительство «совсем не заслуживает» доверия среди 31% опрошенных граждан, еще 37% считает, что Правительство РФ «не вполне заслуживает» доверия (общий индекс институционального доверия: -22,5). 32% респондентов утверждают, что ГосДума «совсем не заслуживает» доверия и еще 40%, что «не вполне заслуживает» доверия (общий индекс институционального доверия: -29). Полиция «совсем не заслуживает» доверия среди 24% опрошенных и «не вполне заслуживает» доверия у 38% (общий индекс институционального доверия: -12). Суды «совсем не заслуживают» доверия у 25% респондентов и «не вполне заслуживают» доверия у 33% опрошенных, доверяют судам лишь 28% (общий индекс институционального доверия: -13,5). В 2019 году Левада-центр отказался от сводного индекса институционального доверия, однако результаты опроса за 2019 г. остаются в аналогичных исследованию 2018 г. значениях [8]. Факт того, что практически все государственные институты (за исключением Армии, Президента и спецслужб) имеют отрицательный индекс институционально-

го доверия может свидетельствовать о надвигающемся институциональном и политическом кризисе в РФ. Также отрицательный индекс институционального доверия выборных представительных органов власти (кроме Президента) может свидетельствовать как о кризисе института выборов, так и о кризисе института представительства в целом.

Ситуация усугубляется также и ростом бюрократии, обслуживающей эти институты. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления возросла с 1,1 млн. человек в 2000 г. до 2,1 млн. в 2018 г. [5]. Очевидно, что чем выше количество чиновников, тем пропорционально выше и вероятность человеческой ошибки или обусловленных человеческим фактором иных затруднений в функционировании институтов, например, повышение коррупционности бюрократических процедур в рамках институциональных практик. Синхронно с ростом численности чиновников и падением уровня доверия к институтам возрастает индекс восприятия коррупции. По данному показателю в рейтинге стран по уровню восприятия коррупции РФ опустилась с 82 места в 2000 г. до 138 места в 2018 г. [25]. По индексу восприятия коррупции РФ набирает 28 баллов, где 0 – это самый высокий уровень восприятия коррупции, а 100 – самый низкий, расположившись по этому показателю между Папуа-Новой Гвинеей и Коморскими островами [25].

Агрегируя приведенные выше кейсы и выявив основные сложности, возникающие в процессе функционирования государственных и политических институтов в современной РФ, можно выделить ряд основных системных проблем, с которыми сталкиваются политические и государственные институты в ходе своего функционирования в условиях современной РФ.

Во-первых, одной из основных проблем является отсутствие единой и актуальной базы данных. Примером тому может служить описанное выше несоответствие баз данных МВД и ГАС «Выборы», а также, как утверждают незарегистрированные кандидаты, их несоответствие реальному положению дел, иными словами – устаревшие данные.

Во-вторых, возможна подмена сведений в базах данных, которыми пользуются органы государственной и муниципальной власти. Ярким примером тому может являться широко известный случай подмены, а затем и удаления из Росреестра данных о имуществе ряда бизнесменов [23; 24], деятельность которых ранее привлекла внимание широкой общественности вследствие обвинений в их адрес в неправомерном ведении бизнеса и связях с криминальным миром [19].

В-третьих, отсутствие единого стандарта и единой технической базы при ведении документооборота в ряде случаев, и как следствие значительное влияние человеческого фактора. Так известны случаи, когда ИКМО не регистрировали кандидатов по причине смены алгоритма в программе для заполнения заявлений с сайта горизбиркома. Без предварительного уве-

домления кандидатов, во время процесса подачи документов, формулировка при наименовании округа была изменена с «пятимандатный» на «многомандатный», хотя ранее на протяжении двух недель алгоритм называл округ «пятимандатным» [6]. Вследствие этих обстоятельств в регистрации кандидату было отказано.

В-четвертых, техническая некомпетентность ряда государственных и муниципальных служащих. Примером тому может служить описанный в приложении к вышеупомянутому докладу «Голос» случай, когда значительно количество подписей избирателей в подписных листах за одного из кандидатов было признано недействительными по причине вследствие того, что Excel-таблица, в которую члены избиркома заносили паспортные данные, начала преобразовывать формат данных, а также заменять «е» на «ё» [22]. Подобные ошибки также были распространены и в предыдущих электоральных циклах: от отказа в регистрации из-за начертания букв до отказа в регистрации по причине указания кандидатом своего адреса проживания «слишком подробно» [12].

В-пятых, одной из основных проблем, связанных с функционированием государственных институтов в современной РФ, является низкий уровень транспарентности деятельности обслуживающей государственные институты бюрократии.

В-шестых, общая низкая скорость работы институтов, обусловленная и человеческим фактором, и множеством уровней бюрократии, численностью и компетентностью обслуживающих институты чиновников.

В-седьмых, высокая коррупционность институциональных практик, обусловленная прежде всего человеческим фактором и эрозией самих институтов, заключающейся во всех описываемых выше проблемах.

В-восьмых, бреши в самих институциональных дизайнах. Например, возможная зависимость ИКМО от политических сил и исполнительной власти, политическое давление, возможность злоупотребления ряда политических сил административным ресурсом и так далее.

В-девятых, возможность саботажа работы бюрократических алгоритмов, обслуживающих институты, самыми тривиальными способами. Красноречивыми примерами тому могут служить описанные выше искусственные очереди в ИКМО в период подачи документов с целью препятствования некоторым кандидатам.

В-десятых, возможность конфликта интересов. Обслуживающая институты бюрократия может зависеть ресурсно, или иным образом от исполнительной власти, либо иных политических сил.

В заключении следует особо отметить, что сегодняшнее качество институциональной среды в современной РФ с очень низкой вероятностью может соотноситься с возможностью исполнения намеченных целей национальных проектов, в частности проекта «цифровая экономика». Более того,

подобное качество основных политических и государственных институтов, вместе с ярко выраженным недоверием к этим институтам (и практически ко всем остальным общественным и негосударственным институтам) со стороны граждан РФ, может стать причиной стагнации, как экономической, так и социально-политической сферы. Таким образом, необходима скорейшая модернизация институтов с целью «оздоровления» институциональной среды и возвращения доверия граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Адамов М.М., Шангараев Р.Н.* Информационные коммуникации как метод цифровой дипломатии во внешней политике США // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 6 (51).
2. *Аджемоглу Д., Робинсон Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные // Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.
3. *Антонова П.* В МО Народный кандидат от «Единой России» отказалась от участия в выборах после жалобы оппозиции // Форпост Северо-Запад // <https://forpost-sz.ru/a/2019-08-20/v-mo-narodnyj-kandidat-ot-edinoj-rossii-otkazalas-ot-uchastiya-v-vyborah-posle>.
4. *Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Д.* Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста // Экономический вестник. 2006. № 5.
5. Государство, общественные организации // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/#.
6. Документы не найдены. Как кандидатам от оппозиции отказывают в участии в выборах // Фонтанка.ру // <https://www.fontanka.ru/2019/07/06/071/i>.
7. Институциональное доверие // Левада-Центр // <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/>.
8. Институциональное доверие // Левада-Центр // <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/>.
9. *Ирхин Ю.В.* Преимущества и проблемы современного государственного управления на принципах цифровой платформы: методология, теория, опыт России // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 9 (49).
10. Итоги выдвижения и регистрации кандидатов на выборах в представительные органы государственной власти и органы местного самоуправления 8 сентября 2019 года // Голос // <https://www.golosinfo.org/articles/143665#1>.
11. *Косоруков А.А.* Роботизация в контексте цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 11 (51).
12. *Кагермазов С.* ИКМО на выдумки горазды // ЗакС.ру // <https://munizipal.zaks.ru/archivemo/3162>.

13. *Калягин Г.В.* Влияние политических институтов на динамику макроэкономических показателей // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2009. № 2.

14. *Кривошеева-Медянцева Д.Д.* Доверие как фактор экономического развития: исследования с позиций институциональной экономической теории // Пространство экономики. 2013. № 2.

15. *Крючков А.В.* Трансформация политических элит России при переходе к сетецентрическому (цифровому) государству // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2018. № 1-2.

16. *Логинова Т.П., Полушкина И.Н.* Влияние качества институтов на инновационное развитие российской экономики // Вестник ННГУ. 2012. № 2.

17. *Лысенко Я.* Крупнейшая за 7 лет: как прошла протестная акция в Москве // Газета.ru // <https://www.gazeta.ru/social/2019/08/10/12569575.shtml>.

18. *Муравых А.И.* Цифровая экономика: угрозы и вызовы глобальной и национальной безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 2.

19. *Мухаметшина Е.* Навальный рассказал о бизнесе семьи генпрокурора Юрия Чайки // Ведомости // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/12/01/619134-fond-navalnogo-rasskazal-biznese-semi-chaiki>.

20. *Мухаметшина Е.* Оппозиция добивается регистрации на выборах в Мосгордуму протестам // Ведомости // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/07/14/806532-oppozitsiya-dobivaetsya-registratsii-na-viborah-protestami>.

21. *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2.

22. Приложение к Докладу «Итоги выдвижения и регистрации кандидатов на выборах в представительные органы государственной власти и органы местного самоуправления», 8 сентября 2019 года // Google документы // https://docs.google.com/document/d/1i7goAsMK7-YC2ruM2ES2tmNGRjs1e58ObZOVJNmBnvM/edit?fbclid=IwAR23rnNxewV31Ax69_SOI-XjBNYzZmuoIU3-7csFrATgkv17FFJITPNTJ_4.

23. *Райбман Н.* Игорь Чайка узнал, что стал ЙФЯУ9, из СМИ и смеялся // Ведомости // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/09/30/659166-igor-chaika>.

24. Росреестр удалил данные о сыновьях генпрокурора Чайки // РБК // <https://www.rbc.ru/politics/25/08/2016/57bed7879a794782d81f25d4>.

25. Россия в Индексе восприятия коррупции – 2018: 28 баллов из 100 и 138 место // Трансперенси Интернешнл – Россия // <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2018-28-balloov-iz-100-i-138-mesto.html>.

26. Трудности выборов: в Петербурге кандидатов встречают закрытыми дверями избиркомов // НТВ // <https://www.ntv.ru/novosti/1116836/>.

---

27. Царева М. Очереди, драки, закрытые избиркомы: в Санкт-Петербурге жалуются на подготовку к муниципальным выборам // Коммерсантъ // <https://www.kommersant.ru/doc/4012832>.

28. Яланузян М.С. Интернет как политический инструмент XXI века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).

29. 2019 Edelman trust barometer: global report // Edelman // https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf.

A.A. NOSIKOV

*Post-graduate student working
for the candidate's degree at the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,*

MOSCOW, RUSSIA ARE POLITICAL AND STATE INSTITUTIONS READY FOR THE DIGITAL ECONOMY?

The objective of this article is to analyze the degree of readiness of the current Russia for digital transformation and building a full-fledged digital economy, as well as identifying factors that contribute to the processes of innovative development and factors that impede economic growth, innovative development and digitalization. After analyzing and summarizing the results of studies devoted to the search for the interdependence of the quality of institutions and economic processes, it is concluded that the quality of the institutional environment is a fundamental factor in the development of economic and innovation development. As a result of aggregation and analysis of relevant cases and other empirical data, ten institutional factors of development inhibition in the conditions of the modern Russia are identified.

Key words: *political institutions, institutions, innovative development.*

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

В этом исследовании обсуждается влияние глобализации на культурную политику, которая является типом управления, ориентированным на культуру на местном, национальном, региональном или международном уровне, предназначенным для непосредственного влияния на культурное выражение отдельных лиц и групп людей, включая создание и распространение культурных мероприятий, товаров и услуг и свободный доступ общества к этим областям. Рассматриваются такие понятия, как культура, культурная политика, идентичность, а также то, как национальная культура формируется под влиянием глобализации, которая влияет на местную и универсальную культуру. Делается вывод о том, что культурно-неоднородное государство более жизнеспособно, особенно когда успешно управляет культурной неоднородностью. В данной работе используются неинституциональный, интерпретационный методы анализа и политико-культурный подход.

Ключевые слова: глобализация, культура, культурная политика, идентичность, глобальная культура, культурная гомогенизация, национальная культура.

Культурную политику можно охарактеризовать как создание благоприятных условий для каждого члена общества, направленных на поддержание участия людей в культурной жизни, развитие их творческого потенциала, общественных организаций, экономических и социальных благ. Культурная политика – это политика государственных учреждений, министерств, местных администраций, неправительственных организаций, ассоциаций, университетов, реализуемая для защиты и развития культуры.

Актуальность темы исследования обоснована происходящими в мире поливариативными политическими процессами. Необходимо осмысление, описание и тестирование динамики изменений, детерминирующих культурную политику в национальных государствах в условиях глобализации. Перед подготовкой исследования был сделан обзор литературы, авторы

некоторых изданий по культурной политике ограничиваются лишь общей характеристикой деятельности в этой области (например, В.А. Тихонов, О.В. Шлыкова, С. Цзя, П.А. Мошняга [7; 11; 9; 4] и пр.), что и обуславливает необходимость более детального изучения реализации культурной политики. В научной литературе отражаются многочисленные исследования в различных областях, включающих понятия «государство», «культура», «глобализация», «идентичность», «культурная политика». Однако публикаций, в которых рассматриваются упомянутые вопросы в контексте глобализации, недостаточно. Поэтому целью данного исследования является выявление влияния глобализации на культурную политику и характеристика культурной политики в условиях глобализации. В исследовании используются неинституциональный и интерпретационный методы анализа и политико-культурный подход.

Преобразования, обусловленные глобализацией, уникальным образом проникли в повседневную жизнь и повысили значение культуры. Слово «культура» происходит от латинского слова «cultura», и первоначально означало «возделывание земли». В науку термин «культура» был введен философами немногим более 200 лет назад: он впервые появился в немецких книгах и словарях в последней четверти XVIII века [1. С. 165]. Л.Е. Кертман обнаружил свыше 400 определений слова «культура», причем с годами это разнообразие лишь возрастает, что еще раз заставляет признать исключительную сложность и многогранность этого феномена.

Культура – это многообразный, искусственный, отличный от природы мир, творимый многими поколениями людей [8. С. 339]. Гегель философски изложил понятие «культура», используя понятие «объективная душа» (Objective Geist) как его синоним. Гартман, последователь Гегеля, вывел концепцию культуры из метафизической области в сферу эмпиризма. Шпенглер понимал культуру как внешнее проявление души народа. Каждому народу присуще свое мироощущение, из которого происходит все богатства культурных форм, на основе которых коллективная душа живет, чувствует, творит [25. Р. 115]. В работе Тодорова [26. Р. 419] культура также относится к памяти, в которой используется один и тот же язык, история, традиции и обычаи, а также правила, которые допускают совместную жизнь. Так, культура – уникальный инструмент политического регулирования, способный сглаживать конфликты, гармонизировать международный климат, активировать гуманитарные процессы, объединять людей.

Концепция культурной политики приобретает высокую значимость в начале XX века. Можно рассмотреть культурную политику как способы, которым необходимо следовать для достижения целей и задач, поставленных в области культуры. Данная концепция впервые появилась на заседаниях ЮНЕСКО в 1960-х годах, во время председательства генерального директора Рене Маэу, что нашло свое отражение в 27-й статье Всеобщей декла-

рации прав человека, в которой констатируется, что «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами».

Культурная политика – это комплекс мер, разработанных и реализуемых государством для поддержания национальной культуры и языка и направленных на формирование позитивного имиджа страны с целью укрепления ее авторитета в мире. В культурной политике переплетаются три важные цели.

1. Создание позитивного имиджа государства для обеспечения использования культуры и культурных связей в качестве специального инструмента.

2. Продвижение культурных ценностей страны, распространение национальной культуры и языка и повышение достижений за рубежом.

3. Создание благоприятных условий для реализации политических, экономических и других задач страны на международной арене. Еще одним выражением культурной политики является деятельность государства в сфере культуры, которая включает в себя круг акторов со строго определенными функциями, целями, способами, методами и средствами, соответствующими политическим интересам страны. Культурная политика должна основываться на стратегическом подходе и должна включать продуманный план действий по развитию культурного сотрудничества [5. С. 24, 48].

В область культурной политики включены такие понятия, как история, язык, религия, национальная идентичность, национальные меньшинства, культурное наследие, глобализация, образование, искусство, наука, технологии, творческая деятельность, интеграция с культурой, культурная самобытность [6. С. 22]. Сфера культурной политики включает теле- и радиовещание, киноиндустрию, исполнительское искусство, музеи, исторические памятники и т.д. В этих рамках культурная политика – это политика, осуществляемая органами власти с целью поддержки и регулирования всей деятельности в вышеупомянутых секторах [15. Р. 123]. Определяя государство как главный субъект культурной политики, исследователи отводят второстепенную роль «объекта управления» деятелям и институтам культуры. С точки зрения государства, целью национальной политики является обеспечение высокого влияния и достижение престижа страны. Культурная политика – это культурная основа политики. Если политика несовместима с культурой, эта политика не поддерживается нацией.

Беннет утверждает, что теоретически этот предмет в основном рассматривается в гуманитарных науках и социологии. Он заявляет, что наиболее заметные споры в исследованиях культурной политики – это отношения между культурой и политикой [15]. Миллер и Юдице подчеркивают цель исследований культурной политики: выявить связь между культурой и политикой или понять, какими аспектами культуры можно управлять [21. Р. 114]. Культурная политика служит различным целям, но главным образом она направлена на экономическое и социальное развитие. В культурной политике, разра-

ботанной с целью экономического развития, такие темы, как глобализация экономики, постиндустриальная городская трансформация и новые отрасли промышленности, являются приоритетными областями исследований. В культурной политике, разработанной для социального развития, основными областями интереса являются использование культуры, культурная глобализация и то, какую политику следует разрабатывать для развития и защиты культуры [28. Р. 222]. Независимо от методов культурной политики важной проблемой является глобализация.

Термин «глобализация» начал широко использоваться в середине 1980-х годов, заменив термины «интернационализация» и «транснационализация». Он охватывает широкий спектр изменений в различных аспектах социальной, экономической и политической жизни, включая финансы, корпоративную организацию, окружающую среду и, что наиболее важно для этого явления – коммуникации и культуру [13. Р. 370-371]. Основные обсуждения глобализации сегодня ведутся по следующим вопросам: соотношение глобализации и интеграции, роль национального государства, существование глобальной культуры, влияние глобализации на идентичность, место культурной самобытности и культурной политики и т.д. [16. Р. 53]. До сих пор встречаются противоречивые мнения. Так, Херст и Томпсон утверждают, что глобализации не существует. Многие мыслители, от Гидденса до Фридмана, от Робертсона до Кокса, выступают против идеи, что глобализация объединит все общества в одну экономическую, политическую и культурную единицу (глобальная интеграция). С другой стороны, такие мыслители, как Джон Мейер и Даниэль Белл, настаивают на том, что глобализация ведет к интеграции [19. Р. 244].

Существует разные взгляды на национальное государство. Роберт Кокс утверждает, что система независимых государств рухнула и заменяется многоуровневым порядком средневековой Европы [22. Р. 215]. Смит констатирует, что глобализация не оказывает негативного влияния на национальное сознание и национально-государственная система не сталкивается с кризисом. Роберт Гилпин признает существование экономической глобализации и сохранение национального государства в этой структуре. Маршалл Маклюэн указывает, что возникла глобальная культура, которую он описывает понятием «глобальная деревня» [20], а Омаэ определяет ее как «трансграничная цивилизация». Роланд Робертсон утверждает, что различия могут быть сохранены в процессе интеграции: поскольку развитие современного национального государства основано на межгосударственных отношениях, государственные границы становятся более выраженными, т.е. глобализация повышает национальный уровень самосознания на местном уровне, а не уничтожает национальное государство [14. Р. 27-28]. Актуальными становятся проблемы культурной идентичности и политики, акцентируется внимание на взаимодействии между культурой, национальной самобытностью и глобализацией.

После обсуждения ряда идей, связанных с глобализацией, необходимо привести более полное понимание культуры и культурной идентичности. Общества, являющиеся пионерами глобализации, позитивно относятся к глобальной культуре, поскольку именно они формируют ее. Настоящая проблема возникает из-за того, что остальные общества вынуждены заново формировать свою идентичность в условиях влияния глобализационных процессов на их культуру, чтобы утвердиться как нечто целостное. Проблема идентичности является важнейшей ценностью в культурном измерении глобализации. Требования национальной, религиозной и культурной идентичности выдвигают проблему культуры в центр политики и ставят под сомнение идеи, принципы и предположения, которые определяли политическую жизнь на протяжении десятилетий. Таков результат понимания мультикультурного мира – одного из культурных образов глобализации. Среди важных детерминант идентичности выделяются этнические, социальные, религиозные различия, семейные традиции, язык, пол и т.д. Ни один человек не может существовать без культурной идентичности [12. Р. 44].

Идея национальной идентичности возникла после Французской революции [17. Р. 1]. Термин идентичность (*identity*) происходит от латинского корня «*idem*», который значит «тот же». Идентичность – один из наиболее эффективных механизмов мобилизации, побуждающий людей к коллективным действиям, поэтому релевантность данного понятия для политической практики вряд ли подлежит сомнению [3. С. 18-19]. Идентичность в социально-гуманитарных науках на Западе стала исследоваться со второй половины 1960-х годов. Согласно Глисону, это концепция широко использовалась в социальных науках в 1950-х годах для обсуждения отношений между человеком и обществом [18. Р. 194]. Идентичность выявляется на всеобщем и единичном уровнях соответственно мультиплицитному характеру форм и проявлений [10. С. 11].

Традиционные обсуждения глобализации и развития лежат в основе коллективной системы мышления и таких понятий, как национальное государство, идентичность или национальная территория. Сегодня эти концепции находятся под угрозой извне и изнутри: с одной стороны, глобализация экономики и культуры имеет тенденцию стирать национальные границы и связанную с ними идентичность. С другой стороны, социокультурное разнообразие увеличивается даже в национальных общинах. Роль государства сводится к поддержанию культурно-политического единства и к функциям урегулирования конфликтов между экономикой и социальными субъектами [16. Р. 135]. Культурная идентичность остается источником массовых движений и противостояний [27. Р. 23]. Сэмюэль Хантингтон утверждает, что глобализация ведет к межкультурному разнообразию, поляризации и даже конфликтам [12. Р. 47].

Чтобы изучить содержание и направленность культурной политики в условиях процесса глобализации, необходимо сделать несколько пояснений

о культурных индустриях. В последние годы развитие индустрии культуры (1) создало политикам серьезные проблемы. Возникла необходимость определять культурную политику, которая, с одной стороны, защищала бы уникальное культурное пространство государств от внешних воздействий, а с другой – стимулировала бы культурное производство внутри страны. Из-за глобализации экономика, идеология и политическая практика становятся все более интегрированным и гомогенным миром, и с возможностями, которые приносят информационные технологии, теперь можно говорить о глобализированной культуре. Робертсон [23. Р. 53] считает, что глобальная культура является результатом взаимодействия других культур.

Общественные действия традиционно основывались на двух основных стратегических концепциях: популяризации и защиты от внешнего мира культуры коренных народов. В экономике, организованной как всемирная сеть, политика должна постоянно содействовать обменам между коренными и другими культурами, который направлен на укрепление и развитие культуры коренных народов [16. Р. 67]. Восприимчивые массы постепенно восстанавливают свою идентичность на основе представления культурных индустрий, что приводит к кардинальным переменам в сознании и восприятии реальности. Именно концепция мультикультурализма навязывается повсеместно в наиболее индустриализированных обществах благодаря механизмам глобализации и перехода к постмодернизму. Постмодернизм характеризуется полным отрывом от модернизма, в то время как для других – это маскировка/новая версия модернизма. Некоторые воспринимают постмодернизм как конец истории и подтверждение вымирания национальных государств. Другие утверждают, что он выделяет социальное представительство, делает границы прозрачными, разрушает социальные, политические, экономические, психологические барьеры и тем самым дает людям беспрецедентное равенство возможностей.

Подготовка и реализация культурной политики совпадает с различными целями в различных социально-политических рамках. Кроме того, они отличаются некоторыми общими характеристиками, например, необходимостью адаптации к последствиям глобализации. Особое внимание следует уделять социальным и культурным программам действий, которые делают акцент на культурной самобытности, а также на чувстве принадлежности к сообществу. Культурная политика отражает коллективную волю граждан страны, которая более или менее принимает ценность культурной деятельности в зависимости от социальных, политических и идеологических аспектов, а не от экономического измерения. Использование культуры во внешней и внутренней политике стало особой сферой исследования в контексте современных международных отношений. Культурная дипломатия в начале XXI века приобрела весомое значение и стала носить плановый характер. Внимание государств, правительств и международных организаций к куль-

туре, таким образом, проистекает из того факта, что многие методы проведения внешней политики стали неэффективными и государства не добиваются необходимых результатов в мировом лидерском соревновании.

Культура и культурные отношения выполняют множество различных функций, но в первую очередь служат эффективным средством коммуникации и уравнивания в противоречивых ситуациях. Оказывая значительное положительное влияние, они могут нивелировать кризисные ситуации, гармонизировать международный климат и ускорять реформы. Зачастую культурные связи могут объединять государства даже при отсутствии дипломатических отношений. В таких случаях использование культурного потенциала в интересах государства приобретает особую значимость. Понимание роли культуры в международных процессах проявляется через повышение интереса к ней со стороны научного сообщества, что способствует формированию культурной политики государств на мировой арене.

Страны, которые уделяют внимание вопросам распространения своей культуры за рубежом и поощряют деятельность по созданию позитивного имиджа своего государства, добиваются значимых результатов и становятся лидерами. Сегодня многие страны успешно демонстрируют модели национальной культурной политики, основанные на исторических традициях, адаптированных к реальной действительности. В процессе глобализации богатейший национальный опыт, который сумел соединить мировую культуру с современностью, становится предметом притяжения для стран, которые только начали продвигать собственную культуру, пытаясь не отставать от современных условий, и формировать имидж своего государства. Изменения и события в мире в последние годы показывают, что все страны нуждаются в серьезной культурной политике, которая заключается в минимизации неблагоприятных тенденций возникающих перемен.

Заключение. В данном исследовании, включающем анализ концепции культурной политики, глобализации и идентичности, делается вывод о том, что культурные и политические отношения взаимно важны, поскольку невозможно исключить культурный аспект, когда речь идет об управлении обществом. Наиболее характерной чертой отношений между культурой и политикой является их диалектический характер, проявляющийся в том, что каждый из акторов (правительственные органы, отделы, отвечающие за культуру) воспринимает действия и реагирует на действия другого. В этом смысле каждая государственная политика является культурной в той степени, в которой она создает свою собственную версию культурных устремлений.

В текущем столетии каждая страна, в которой глобализация все больше влияет на культурное развитие, должна иметь универсальные принципы в своей культурной политике. Среди этих принципов можно назвать следующие:

• единственный способ быть универсальным перед лицом глобализации – это добиться патриотизма путем осуществления необходимой культурной политики и внести вклад в универсальную культуру в мире, который благодаря развитию коммуникативных технологий стал «глобальной деревней».

• в современном мире в рамках феномена культурной идентичности невозможно проанализировать политику, игнорируя требования людей к своей идентичности. Одним из наиболее решительных испытаний будущих демократий является способность поддерживать плюралистические общества.

• государство сильно не потому, что оно культурно-однородно, а потому, что оно способно управлять культурной гетерогенностью. В такой период идея единой монополистической культурной политики является излишне дорогостоящей и практически невозможна. Новая культурная политика будет успешной в той мере, в которой она поможет облегчить организацию общества путем интеграции множества идентичностей.

• чтобы человечество жило в мирном и счастливом мире, мы должны работать над тем, чтобы не превратить феномен глобализации в глобальную катастрофу. Для этого нужно использовать разум, здравый смысл, совесть, осознавая ответственность за справедливость и этичность наших действий.

Применимость этих принципов будет недостаточной, если они будут включены только в культурную политику. Очевидно, что существует необходимость в существовании параллельных практик с политикой в области образования, искусства и науки, а также государственной политики, в рамках которой будут приниматься последовательные решения для создания идеальной среды, в которой эти принципы будут применяться.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Индустрия культуры – это сектор деятельности, который может широко распространять свою продукцию на рынке, используя технологические достижения благодаря своим механическим или электронным производственным мощностям, например, книги, визуальные и аудио продукты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Герье В.И. «Республика или монархия установится во Франции?» // Сборник государственных знаний / Под ред. В.М. Безобразова. СПб., 1877. Т. 3.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41.
3. Малинова О.Ю. «Исследование политики и дискурс об идентичности» // Политическая наука. 2005. № 3 (18-19).
4. Мошняга П.А. Культурная политика Японии в условиях глобализации // Журнал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 2 // <http://www.zpujournal.ru/zpu/contents/2009/2/Moshniaga/>.
5. Николаева Ю.В. и Боголюбова Н.М. «Внешняя культурная политика. Опыт России, Франции и Германии». Saarbruchen: Germany, 2012.

6. *Стивак Д.* «Культурная политика в эпоху глобализации» // *Фундаментальные проблемы культуры*. СПб., 2008. Том IV.

7. *Тихонов В.А.* Проблемы культурной политики в условиях глобализации // *Московский форум культуры* // <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-kulturnoy-politiki-v-usloviyah-globalizatsii>.

8. *Филер А.Я.* «Культура. Культурология. XX Век» // *Энциклопедия*. СПб., 1998. Т. 1.

9. *Цзя С.* Культурная политика и индустрия Китая в контексте глобализации // *Журнальный клуб Интелпрос «Век глобализации»*. 2018. № 2 // <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/ek2-2018/35913-kulturnaya-politika-i-industriya-kitaya-v-kontekste-globalizacii.html>.

10. *Шайкемелев М.С.* «Казахская идентичность» / *Монография*. Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013.

11. *Шлыкова О.В.* Культурная политика региона в контексте глобализации и информатизации общества. Доклад: [Б.и.]. 2007 // <https://rucont.ru/efd/14240>.

12. *Akdemir A.* (2010) 'Küreselleşme ve Kültürel Kimlik Sorunu' // *Atatürk University Journal of Institute of Social Sciences*, 3 (1) / ['The Problem of Globalization and Cultural Identity' (In Turkish.)] // <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ataunisosbil/issue/2813/37829>.

13. *Armstrong S.* (2000) 'Magazines, Cultural Policy and Globalization: The Forced Retreat of the State? Canadian Public Policy', *Analyse De Politiques*, Vol. XXVI (3).

14. *Balci A.* (2006) 'Roland Robertson, Küreselleşme ve Kültür', *The Journal of Bilgi* (12). ['Roland Robertson, Globalization and Culture' (In Turkish.)].

15. *Bennett O.* (2006) 'Intellectuals, Romantics and Cultural Policy', *International Journal of Cultural Policy*, 12 (2).

16. *Bonet L., Négrier E.* (2008) 'Ulusal Kültürlerin Sonu mu? Çeşitlilik Sınavlarında Kültür Politikaları' (Translated by I. Ergüden, Istanbul: Bilgi University Publ. (2011). ['The End of National Cultures? Cultural Policies in Diversity Exams' (In Turkish.)].

17. *Brubaker R. and Cooper F.* (2000). 'Beyond 'Identity'', *Theory and Society*, 29 (1), Kluwer Academic Publishers: Netherlands.

18. *Gleason P.* (2006) 'Identifying Identity', B. Ashcroft, G. Griffiths ve H. Tiffin (ed.) *The post-colonial studies reader* (2nd Edition). Oxford: Routledge.

19. *Guillén M.F.* (2001). 'Is Globalization Civilizing, Destructive or Feeble?' *A Qri-tique of Five Key Debates in the Social Science Literature*, *Annual Review of Sociology*, Volume 27.

20. *McLuhan M.* (2001). 'Global Köy, 21. Yüzyılda Yeryüzü Yaşamında ve Medyada Meydana Gelecek Dönüşümler' (Translated by B.Ö. Düzgören). Istanbul: Scala Publ. ['Global Village, Transformations in the World Life and Media in the 21st Century' (In Turkish.)].

21. *Oğuz E.S.* (2011). 'Türk Devriminin Kültür Politikaları ve Türkiye'de Kütüphane Kurumunun Gelişimine Etkileri', *H.Ü. The Journal of Cumhuriyet*

Tarihi Araştırmaları, 6 (12). [‘Turkish Revolution Cultural Policy and Development of the Effects of the Library Authority in Turkey’ (In Turkish.)].

22. *Payne A.* (2004). ‘Globalization and Modes of Regionalist Governance’, (eds. D. Held and A. McGrew) *The Global Transformations Reader*, Great Britain: Polity Press.

23. *Robertson R.* (1999). ‘Globalleşme: Zaman-Mekân ve Homojenlik-Heterojenlik’, in *Postmodernizm ve İslam, Küreselleşme ve Oryantalizm* (Translated by: A. Topçuoğlu ve Y. Aktay). İstanbul: Vadi Publ.). [Globalization: Time – Space and Homogeneity – Heterogeneity in Postmodernism and Islam, Globalization and Orientalism (In Turkish.)].

24. *Robertson R.* (1999). ‘Globalization: Social Theory and Global Culture’ (Translated by: Ü.H. Yolsal). Ankara: Bilim ve Sanat Publ. [(In Turkish.)].

25. *Shpengler O.* (1918). ‘The Decline of the West: Perspectives of world-history’ (Translated by Giovanni S. 1978). İstanbul: Dergâh Publ. [(In Turkish.)].

26. *Todorov T.* (2010). ‘The Coexistence of Cultures’, *Policy Futures in Education*, Volume: 8 (3-4).

27. *Tok N.* (2003). ‘Kültür, Kimlik ve Siyaset’. İstanbul: Ayrıntı Publ. [‘Culture, Identity and Politics’ (In Turkish.)].

28. *Wise P.* (2002). ‘Cultural policy and multiplicities’ // *International Journal of Cultural Policy*, 8 (2).

KOC SEVGİ

Post-graduate,

Saint-Petersburg state University,

Saint-Petersburg, Russia

THE PHENOMENON OF GLOBALIZATION AND CULTURAL POLICY

This study discusses the impact of globalization on cultural policy that is a type of government-oriented culture at the local, national, regional or international level, designed to directly influence the cultural expression of individuals, groups, including the creation and distribution of cultural events, goods, and services and free access to societies to these spheres. This study primarily examines concepts such as culture, cultural policy, identity, as well as how national culture is shaped by the globalization, which affects the local and universal culture. As a result, the author concludes that a culturally homogeneous state is more viable, especially when it successfully manages cultural heterogeneity. In that work neo-institutional, interpretive methods of analysis and political-cultural approaches are used.

Key words: *globalization, culture, cultural policy, identity, global culture, cultural homogenization, national culture.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.011

УДК 323.14; 323.14

А.Г. КУЗЬМИН

кандидат политических наук,
доцент кафедры социальной работы
Сыктывкарского государственного университета
имени Питирима Сорокина,
Россия, г. Сыктывкар

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА: ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ¹

В статье рассматривается структура идеологии современного русского национализма. Цель работы – показать эволюцию развития идей русского национализма на примере одного из его основных направлений – национал-демократии.

Задачами исследования выступают попытка рассмотреть генезис современного русского национал-демократического течения, выяснение его основных характеристик и особенностей, общее и особенное в отношении других направлений русского национализма (имперских проектов, национал-социализма). Кроме того, рассматривается специфика географических границ будущего русского государства по мнению национал-демократов, в отличие от точки зрения по этому вопросу других направлений русских националистов, влияние текущего украинского кризиса на состояние русского национализма в целом и национал-демократического течения в частности.

В проведенном анализе в основном используются исторический и сравнительный методы исследования.

Результатом проведенной работы мы можем отметить, что русский национал-демократический проект прошел непростой путь развития и на сегодня является одним из актуальных идеологических вариантов в идейном багаже русских националистов. Но в то же время на его примере мы видим, что даже достаточно сложившаяся идеология испытывает перманентные проблемы, связанные с противоборством не только со стороны официальных властей и других течений русского национализма, но и порождая различные вариации внутри себя. Результаты исследования современ-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 19-011-00594 «Современный русский национализм и модернизация страны: идеологические аспекты воздействия и перспективы реализации».

ного состояния русской национал-демократии говорят о его Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 19-011-00594 «Современный русский национализм и модернизация страны: идеологические аспекты воздействия и перспективы реализации». кризисном состоянии, когда данное направление не имеет сегодня крупных авторитетных организаций, способных поддерживать последовательную позицию по целому ряду актуальных социально-политических вопросов, несмотря на все усилия представить ситуацию в положительной динамике. Особенно четко этот недостаток проявляется после украинских событий 2014 г., когда русские национал-демократы, как и практически все русское национал-патриотическое движение, фактически оказались не только расколота по украинскому вопросу, но и выступили против друг друга на стороне различных вооруженных формирований, противостоящих друг другу в реальных военных условиях.

Ключевые слова: политическая идеология, радикализм, русский национализм, национал-демократия, национал-социализм.

Идеология современного русского национализма неоднородна, в современном национал-патриотическом русском движении (помимо различных эксклюзивных вариантов) можно выделить национал-демократический (республиканский) вектор и имперский, которые стали особенно четко проявлять себя после украинских событий 2014 года, отделении Крыма и последующих событий на Донбассе. Данный водораздел существовал давно, но раньше он не был актуален в официальной политике и тем более, не сопровождался мощным политическим бэкграундом в виде реальных военных действий. Например, Лебедев И. в 2006 г. полагал, что разница между «имперцами» и «националистами» в том, что первые – «абстрактно мыслящие люди, не понимающие текущих задач России, и не видящие нынешних ее бед», а вторые – «живущих и борющихся за насущные интересы русского народа» [9].

Идеологию национал-демократии в русском националистическом движении развивал один из крупнейших современных теоретиков национализма Александр Севастьянов, бывший руководитель Национально-державной партии России (НДПР) [13. С. 138-140]. Как считал автор, с его публикации «берет отсчет история национал-демократического направления в русском националистическом дискурсе». Идеолог имеет в виду свои работы «Национал-капитализм» и «Национал-капитализм – II», вышедшие осенью 1994 г. в издании «Независимая газета». Сам Севастьянов полагает, что «капитализм и демократия есть сущности, неразрывно связанные в современном мире, переход от концепции национал-капитализма к концепции национал-демократии подразумевался, что называется, самой силой вещей».

Отечественный вариант национал-капитализма по А. Севастьянову включает в себя два главных положения: во-первых, капитализм в Россию пришел закономерно, всерьез и надолго; во-вторых, в РФ победил колониальный, а не национальный капитализм. Из этих первостепенных оснований следуют дальнейшие характеристики: 1) госпарткапитализм как строй, при котором государство, действуя, в идеале, через правящую партию, не только патронирует, но и контролирует отечественный бизнес, следя за балансом частных и национальных интересов; 2) подавляющее физическое преобладание представителей государствообразующего этноса и вообще коренных народов страны в составе класса буржуазии; 3) колониальный характер российского капитализма отражает слабость позиций русской национальной буржуазии, ее классовую незрелость и неконсолидированность. Эти рассуждения приводят автора к выводам о том, что:

1) Политэкономическая задача номер один для России – поворот от колониального капитализма к национальному, на «китайский путь развития». 2) Для достижения этой цели необходимо, чтобы русская национальная буржуазия выросла и политически созрела, чтобы осуществить диктатуру национального капитала. 3) Эта диктатура может сложиться только через «союз ума и капитала» (между Союзом русских купцов и промышленников и респектабельной Русской политической партией, исповедующей лозунг «нация – порядок-справедливость» [15. С. 62-63].

Во второй половине 1990-х гг. в русском националистическом движении формируется «активная группировка теоретиков и публицистов» (А. Севастьянов, П. Хомяков, В. Давыдов, С. Городников, В. Колосов) разрабатывающих и продвигавших национал-демократическое направление в противовес консерватизму всех сортов: 1) православному монархизму; 2) имперству; 3) национал-социализму. Одновременно была образована широкая идеологическая площадка для пропаганды идей национал-демократии – журнал и сборник статей «Национальная демократия», издание газеты «Национальная газета», семинары «Нация и государство» при комитете по геополитике Государственной Думы (А. Архипов, помощник депутата Алексея Митрофанова из ЛДПР) и «Национальная доктрина России» при Российском общественно-политическом центре (Андрей Савельев, один из руководителей Конгресса русских общин, хотя, по замечанию Севастьянова, «имперец и православный консерватор, но не избежал влияния национал-демократического тренда»), манифест «Русское согласие» (В. Авдеев, С. Городников, А. Савельев, А. Севастьянов, П. Хомяков) (1996/1997), книга А. Севастьянова «Национал-демократия» (1996), в конце 1997 г. была создана и зарегистрирована в Министерстве юстиции РФ как региональная организация Национал-демократическая партия (С. Городников, А. Лобков, А. Елисеев, при активном участии А. Савельева из КРО). Позднее Севастьянов отмечал, с сожалением, что, партия не стала массовой и не получила политических перспектив в то время, но обозначила восходящую тенденцию.

В манифесте «Русское согласие», в частности, указывалось, что русские националисты должны отказаться от архаики и консервативных взглядов, политическими целями объявлялись русский суверенитет, русская государственность, русская этнократия и воссоединение русского народа. Основные положения манифеста касались того, что в РФ следует закрыть «плавильный котел». В отношении нерусских нужна активная антииммиграционная политика. Расовая гигиена объявлялась «особой необходимостью». Новая политика была названа «технократической политикой», планируемой и осуществляемой при решающей роли интеллектуалов и предпринимателей.

Национализм и социализм в документе объявлялись не совместимыми. Национал-социализм – «неудачная, провалившаяся карикатура на национализм». Задача современных русских националистов – обеспечит переход из дезорганизованного общества к сословно-корпоративному. Русские националисты говорят «да» – всем социальным гарантиям, «нет» – социализму как общественному строю, заявляет Севастьянов [15. С. 64-66].

В определении Севастьянова, которое он сделал в одной из своих программных статей в 2010 г., и фактически дословно повторил в другом сочинении 2016 г. – национал-демократия – это демократия для своих. Она ограничена по национальному признаку. В области идеологии – это учение, противостоящее с одной стороны – национал-социализму, а с другой – автократизму, независимо от вида автократии (монархия, президентская республика и т.д.) с позиций этнократического цензового республиканизма. В области политики это такое государственное устройство, которое допускает все формы собственности на средства производства (но не на природные ресурсы, остающиеся в собственности государства), признает разделение властей при главенстве власти законодательной, имеет республиканскую форму правления, соблюдает основные права и свободы не только гражданина, но и нации (государствообразующего народа), однако гражданство при этом принадлежит только коренным народам стран и приобретается по праву рождения как в Германии, Израиле и др. В области экономики национал-демократия базируется на национал-капитализме и является его высшей функцией и одновременно высшей санкцией. Главный документ современного русского национально-демократического движения, разъясняющий все эти вещи до последней тонкости, по мнению Севастьянова, – это проект Конституции России, разработанный Лигой защиты национального достояния в 1997 году и с тех пор неоднократно публиковавшийся и обсуждавшийся. Данный проект коротко и ясно, в понятных всем четких и недвусмысленных формулировках разъясняет любому желающему суть Русского национально-демократического государства [15. С. 67].

К вопросу о водоразделе между национал-демократами и национал-социализма, о несовместимости концепта новой русской империи и национального русского государства русские националисты вновь обратились

в дискуссии в 2008 г. при ответе на так называемые «Семнадцать вопросов русскому националисту» российского журналиста и политтехнолога Павла Данилина. Первоначально Данилов обратился с этими вопросами к Константину Крылову [6], но доступная интернет-форма данного опроса вызвала широкий резонанс в сообществе русских националистов. В результате к опросу присоединились другие видные и не очень участники националистического движения. По сведениям националистического портала, Русская Энциклопедия Традиция среди «респондентов», принявших участие в данном мероприятии были – Константин Крылов, Александр Севастьянов, Петр Хомяков, Михаил Диунов, Юрий Тихонравов, «генерал Иванов», Яроврат (Владимир Фролов) [11]. Севастьянов добавляет к ним Андрея Борцов (Wagax) и Михаила Петрова.

На сайте «Русский обозреватель» – помимо уже упомянутых К. Крылова [7] и М. Диунова [4] размещены ответы Романа Носикова [10], Александра Самоварова [12], Ярослава Бутакова [2], Андрея Астахова [1]. Ответил на некоторые вопросы из «списка Данилова» и известный теоретик русского национализма имперского направления Егор Холмогоров [16].

При анализе обсуждения ответов националистов на вопросы Данилина Севастьянов приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что в русском националистическом движении действительно присутствует «капитальный водораздел» между национал-социалистами и национал-демократами, причем этот «водораздел» «не теоретического, а самого что ни на есть практического свойства» [14. С. 398].

По мнению идеолога, «Вся проблема в том, что национал-социалисты делают ставку на физическую активность широких масс, которые на деле уже давно социально дефективны и за последние пятнадцать лет показали свою полную неготовность к национальному восстанию... Национал-демократы (я в том числе), в отличие от НС, делают ставку не на революцию снизу, а на реформы сверху. Только одни из нас считают, что такие реформы Кремль сотворит добровольно... А другие (я в том числе), не питая уже никаких иллюзий, предполагают, что это произойдет не иначе как под давлением русского национального сопротивления, которое... перейдет от эксцессов... к целенаправленному и очень эффективному индивидуальному террору».

Такие рассуждения теоретика современной русской национал-демократии свидетельствует о серьезных расхождениях внутри самого национал-демократического направления в движении русских националистов. Кроме того, добавляет Севастьянов, национал-социалисты обладают по поводу сотрудничества с системой (Кремль или структурообразующие парламентские партии) совершенно другой позицией, для них характерно «тотальное неверие не только в сотрудничество», но и «диалог» с официальной властью.

Еще два пункта, по которым Севастьянов проводит линию «водораздела» между национальными «социалистами» и «демократами» – это отношение к империи и географические границы будущего русского государства.

Национал-демократы (Севастьянов, Крылов и другие) отказываются от имперских вариантов любой конфигурации (царской, советской, классической колониальной европейской).

Национал-социалисты выступают (в данном случае, в лице А. Борцова) за создание империи. Например, кратко аргументы «за империю» от Борцова: во-первых, империю следует понимать, как «единство всего народа в осуществлении ... Воли к Власти», во-вторых, империя «стремится» развиваться «экспансивно» и «интенсивно» (индустриализация СССР, подъем экономики Рейха перед войной), в-третьих, «Империя всегда имеет некую Высшую Идею».

Сомнения в такого рода «политическом романтизме», по мнению Севастьянова, подтверждаются указанием на «хилые демографические ресурсы» современной России, а также исторически обоснованная уверенность в том, что другого способа, кроме «русского штыка» наведения порядка и проведения «русофильской аккультурации» он не знает, а это значит, что «за имперскую химеру придется платить кровью» [14. С. 399-403, 406-407].

Для того чтобы в будущем избежать серьезных проблем и ненужных жертв среди русских, сторонники национал-демократии готовы вывести из состава России земли, от которых, по их мнению, исходит этнополитическая угроза для русского населения – Чечню, Ингушетию и Туву. Вопрос об этих территориях должен решаться на референдуме. Зато к России будут присоединены: Белоруссия, территории «Области Войска Донского» и Таврическая губерния (Крым и значительная часть современной Украины, Приднестровье), южноуральские земли (несколько районов северного Казахстана), Южная Осетия, Абхазия, Нарвский район Эстонии.

Пример «имперского синдрома» дан в «17-ти ответах Данилину» в понимании представителя русского консервативного национализма Петрова. Например, помимо вхождения Белоруссии, украинских земель до Закарпатья, русского севера «Казахстана», территории «агрессивных этнократий» (например, Тува, Якутия) «замиряются» путем изничтожения криминальных «элит», натравливания соседей, русским останется только «церемониальным маршем дочистить территорию». В дальнейшем практически идет восстановление границ российской империи, в том числе обещанных союзниками после победы в Первой мировой войне (Закарпатье, Восточная Анатолия до Средиземного моря, Константинополь с проливами). В свете событий мировой современной политики – возвращение русской Америки, иными словами, Россия будет простирается от Закарпатья до Калифорнии и от Северного полюса до Палестины» [14. С. 409-411].

Несмотря на явные расхождения между национал-демократическим (НД) и национал-социалистическим (НС) флангами русского национального движения, отмечавшиеся Севастьяновым на протяжении нескольких лет, в 2016 г. он пишет, что «При этом, что НД и НС солидарны в целом

по самому широкому спектру вопросов, в том числе острых и даже эпатирующих, и настроены на самое тесное и конструктивное сотрудничество. Их антагонизм носит не взаимоистребляющий, а скорее соревновательный, конкурсный характер: кто скорее и вернее добьется позитивных результатов, тот и будет молодец.

Определенное расхождение наблюдается также между сторонниками имперского устройства России, с одной стороны, и национального государства – с другой. Причем первые легче блокируются с НС, а вторые – с НД. Но, поскольку все понимают, что до воплощения той или иной модели еще далеко, это расхождение сегодня не взрывает единства наших рядов и представляет возможность решить наши противоречия в словесных баталиях, благо время ля этого есть» [15. С. 366-367].

Здесь налицо явное противоречие мы видим в рассуждениях самого Севастьянова. Так, в своей статье 2011 г. он утверждал, что различия «между указанными направлениями русского движения (НД и НС – А.К.) существует не только «в теории, и не только в их социальной базе, опорных слоях населения. Они еще и в практике; причем расхождения настолько, к сожалению, принципиальные, что способны в ответственный момент реально развести участников движения не только по разным штаб-квартирам, но и по разным сторонам баррикад (выделено мной – А.К.) ...» [14. С. 399].

Можно отметить, что данная позиция получила историческое реальное подтверждение. После украинского кризиса 2014 г., присоединения Крыма и событий на Донбассе размежевание русских националистов действительно развели их по «разные стороны баррикад», когда часть поддержала РФ, Донбасс и Крым, а часть выступила на стороне украинского радикального национализма под утопическим лозунгом «за вашу и нашу свободу». Здесь надо отметить, что если среди «заукраинцев» мы практически не видим русских имперцев, а национал-социалисты, напротив, в основном оказались на стороне официального Киева, то национал-демократы разделились во мнениях. Так, например, если А. Севастьянов (НДПР), К. Крылов и Владимир Тор (Владилен Кралин) («Национал-демократическая партия») поддержали Донбасс безоговорочно, то Владимир Басманов, Александр Белов (Поткин) встали на сторону киевского «майдана». Один из лидеров русских националистов, Дмитрий Демушкин, подверг события «Русской весны», резкой «антивоенной» критике, но воздержался от прямого выбора стороны конфликта. Такая позиция привела к неприятию его действий в националистическом лагере как со стороны и сторонников Киева, так и со стороны защитников Донбасса. После отбывания 2,5 года срока тюремного заключения и освобождения в феврале 2019 г. в риторике Демушкина специфического «пацифизма» и критических замечаний по поводу действия русских националистов в составе донецко-луганского ополчения стало явно больше, что позволяет сделать вывод о заметном крене бывшего лидера «Славянского Союза» в сторону «прокиевского» направления [8. С. 9-13].

В имперском течении русского современного национализма лидеры партий «Родина» (Андрей Савельев), «Народного собора» (Олег Кассин и Владимир Хомяков), «Русское имперское движение», а также «Другой России» Эдуарда Лимонова, «Русское Национальное Единство» (РНЕ) Александра Баркашова, «Народное ополчение имени Минина и Пожарского» Владимира Квачкова (НОМП) поддерживают политику Кремля в отношении Крыма и юго-востока Украины, считая ее попыткой защитить интересы русских. Стоит отметить, что, признание ДНР и ЛНР не обязательно защищает русских националистов от репрессий со стороны правоохранительных органов. Так, несмотря на активную поддержку Новороссии «Народное ополчение имени Минина и Пожарского» в феврале 2015 г. было признана террористической организацией и в РФ его деятельность запретили. Его бывшие участники теперь организованы в формацию под названием «Народное ополчение России», которым руководит бывшая «правая рука» Квачкова Юрий Екишев.

Некоторые русские националисты с оружием в руках выступили на стороне украинских радикалов, прибыв на Украину для участия в боевых действиях на юго-восток страны на стороне таких милитаризированных националистических объединений как батальон «Азов», «Торнадо» и другие подобные формирования. Например, к ним относится, получивший интернет-медийную известность Роман Железнов (Зухель), бывший член группировки Максима Марцинкевича (Тесак) «Реструкт», «Wotan Jugend», национал-социалист. 9 июля 2014 года Железнов, прибыв на территорию Украины, вступил в батальон «Азов». Надо сказать, что в состав «Азова» входило много достаточно известных в радикальных кругах русских националистов, уехавших из РФ воевать за Киев – Михаил Орешников (экс «Реструкт»), Сергей Грек (Балаган) (бывший москвич, футбольный фанат ЦСКА, затем николаевский ультрас), Алексей Кожемякин (Коловрат), (Славянская община, Рубеж Севера, г. Сыктывкар), Андрей Кузнецов (Национально-демократический альянс НДА, Санкт-Петербургское отделение), Сергей Букреев (Яромир) (волхв «северокавказской земли» Союза славянских общин славянской родной веры (ССО СРВ). Сергей Коротких (Малюта, Бодман), экс-участник РНЕ, Национал-Социалистического общества (НСО), дослужившийся до поста организатора так называемых украинских «Национальных дружин». Помимо «Азова» многие русские радикалы вступили в ряды «Правого сектора» и другие прокиевские ультранационалистические формирования, например, Александр Валов из организации «Новая сила» (Мурманск), Денис Тюкин (Вихорев) (ДПНИ, ЭПО «Русские», г. Киров), Алексей Левкин (группа M8J8TX, WotanJugend) (1), Иван Михеев (Фриц) (РНЕ, WotanJugend, г. Киров), Роман Стригунков («Новая сила», г. Белгород), актер Алексей Пашинин (партия В. Соловья «Новая сила») и другие.

По другую сторону, за республиканцев Донецка и Луганска воевали русские националисты из числа НС – Алексей Мильчаков (Серб, Фриц) – фанат «Зенита» из Санкт-Петербурга, в составе диверсионно-штурмовой группы «Русич» (ЛНР), Кирилл Римкус (Декабрист88) (экс «Мизантропик Дивижн» г. Санкт-Петербург), Антон Раевский («Черная Сотня», «Национал-социалистическая инициатива» (НСИ) г. Санкт-Петербург), Александр Матюшин (Варяг, де Крог), (НБП, ЕСМ, «ВарягЪ crew») и другие.

Надо отметить, что далеко не все добровольцы, принявшие участие в конфликте на стороне Донбасса, имели отношение к националистической идеологии. Подавляющее количество этих людей не имело отношения ни к радикальным идеям, ни к организациям подобного рода. Так, в конце августа 2014 г. глава ДНР Александр Захарченко заявил, что российских добровольцев в республике максимум четыре тысячи человек [5]. Думается, что мы не можем считать всех этих людей представителями русских националистических объединений. Эксперт Александр Верховский из центра информационно-аналитического «Сова», говоря о русских националистах на Украине в августе 2014 г., приводил цифру в двести человек – со стороны Донбасса, и на порядок меньше – в рядах украинских националистических батальонов [3].

Писатель Захар Прилепин, принимавший участие в военных действиях на стороне ДНР с октября 2014 г. по июль 2016 г., говорил о том, что в добровольцах из России по его подсчетам побывало за полгода около 35 тысяч человек, но единицы оставались на полгода, большинство – две-три недели, месяц, два месяца. Вряд ли все эти люди являются сторонниками идеологии русского национализма. Кроме того, при подсчете количества добровольцев с обеих сторон нужно принимать во внимание, что четкого учета никто, фактически, не вел. «Пока ополчение сколачивалось вокруг Стрелкова никто учета не вел» [5].

За все время военных действий люди гибли, пропадали без вести, получали ранения, выбывали из строя, меняли дислокацию, подвергались реформированию, увольнялись из своих формирований. Все эти события привели к тому, что мы сегодня имеем и, очевидно будем иметь в будущем, весьма приблизительные цифры, касающиеся численности русских националистов – участников современного украинского конфликта.

Тем не менее, очевидное присутствие представителей русского националистического движения по разные стороны окопов, можно назвать антагонистическим противоречием современного русского национализма, которое превратилось в вооруженное насильственное противостояние, приведшее к самому сильному размежеванию внутри лагеря русских националистов за все постперестроечное время.

Как отмечает Севастьянов, во второй половине 2000-х гг. в развитии самого национал-демократического тренда появились признаки идейного

раздвоения и внутренней противоречивости. В высказываниях ряда видных активистов на первый план стало выходить либерально-демократическое начало, вытесняя (и компрометируя) при этом начало националистическое. В 2012 г. была образована «Национал-демократическая партия (лидер – К. Крылов), основу организации составили члены «Русское Общественное Движение» (РОД) и Русский Гражданский Союз (РГС), в которой, по мнению Севастьянова, в отличие от Национал-Державной партии России (НДПР), именно державнический сегмент уже не просматривается, а скорее проявляется его противоположность, в виде актуализации дискурса о гражданских правах и свободах [15. С. 67-68].

В результате русская национал-демократия получила «два противоречащих друг другу варианта». Происходившие изменения связаны, как отмечает Севастьянов, во-первых, с «экспансией национал-анархистского, не только антиимперского, но и вообще антигосударственнического тренда (П. Хомяков, А. Широпаев, сайт Академии национальной победы (АПН), сайт Национально-демократического альянса (НДА), связанные с Широпаевым, Лазоренко и Хомяковым); во-вторых, это связано с появлением в Русском движении молодого поколения, воспитанного в постсоветской России на идеалах индивидуализма, эгоизма, потребительства, масскультуры и стремления к личной свободе и комфорту, в традиции преклонения перед западной моделью жизнеустройства, перед якобы неотвратимой поступью глобализации. Представления о демократии отчетливо отдают анархизмом и либерализмом. Итогом воздействия этих обстоятельств получалось замещение идеологии национал-демократии другой формой – национал-либерализмом, в котором национальная идея размыта до предела, а национальность подменяется гражданством, нация – согражданством.

Лидеры этой «новой национал-демократии» (Валерий Соловей, Константин Крылов, Владимир Тор, Александр Храмов), по мнению Севастьянова, идут на сближение с либералами, участвуют с ними в совместных мероприятиях и тем самым наносят огромный ущерб идеям русской национал-демократии. Тем не менее, сегодня русское движение дрейфует в сторону национал-демократии. Лидеры русских националистов осознали необходимость идейно завоевать и перетянуть на свою сторону верхние общественные страты – интеллигенцию (в том числе бюрократию) и предпринимателей. Национал-социализм, который обращается к народным массам, хотя и обречен на провал, так как на оболваненный российский электорат националисты, в принципе, не могут опираться, но НС остается все еще частью идеологического мейнстрима русского национализма, так как его сторонники – в низовых, социально дефективных стратах общества, которое представлено довольно массово из-за нищеты, безработицы, социальной и национальной напряженности. По-сути, в противостоянии национал-демократии и национал-социализма можно видеть столкновение двух обще-

ственных страт, имеющих свою идеологию. Одна в лице НД – идеология творческого, созидательного, сведущего и могущественного меньшинства, в лице НС – идеология бессильного и малосведущего большинства.

Севастьянов открыто заявляет, что трагедия в том, что обе части есть составляющие единую русскую нацию, которых необходимо будет примирять, их интересы и установки, искать компромисс через конвергенцию этих идеологий [15. С. 68-70].

Идеология русского национализма переживает сегодня впервые за постсоветский период время наибольшей политической актуализации, во многом это связано с украинскими событиями и присоединением Крыма в 2014 г. Но националистическая составляющая политической идеологии в наибольшей степени востребована сегодня в имперском, «державническо-объединительном» варианте, другие направления русского национализма, чьи программные лозунги не совпадают с данным направлением вряд ли могут рассчитывать на понимание большинства населения страны или на поддержку со стороны официальных структур. В сложившейся ситуации для представителей русского националистического лагеря, в том числе национал-демократического направления, практически остается два пути – либо попытка модернизации своей деятельности и идеологического багажа, в соответствии с имеющимися историческими обстоятельствами (часть из них, признав политику Кремля по украинскому вопросу правильной, уже сделала), либо политическое прозябание в ожидании «украинского варианта», трата последних ресурсов на «межвидовую борьбу», с перспективой окончательной потери имеющихся позиций и превращения в «политическую виртуальную формацию», без каких-либо внятных перспектив.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) WotanJugend – музыкальная организация, пропагандирующая ультраправые идеи национал-социализма, а также германо-скандинавской культуры, медиаресурс в сети ВКонтакте, на котором начали опубликовывать альбомы примкнувших к ним NSBM-коллективам, а также организовывать концерты, шествия, походы Летом 2014 г. был создан сайт. С началом событий на юго-востоке Украины, движение переехало из России на Украину и начало агитацию среди ультраправых в поддержку батальона «Азов».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Астахов А. Еще 17 ответов // <http://www.rus-obr.ru/opinions/1406>.
2. Бутаков Я. 17 ответов с точки зрения русского национального социалиста // <http://www.rus-obr.ru/opinions/1590>.
3. Дело правое. За кого воюют российские неонацисты на Донбассе // <https://snob.ru/selected/entry/80241>.
4. Диунов М. Семнадцать // <http://www.rus-obr.ru/ru-club/1384>.

5. Захар Прилепин рассказал о числе добровольцев из России // <https://rusevik.ru/politika/215623-zahar-prilepin-rasskazal-o-chisle-dobrovolcev-iz-rossii.html>.
6. Константин Крылов: 17 ответов // https://traditio.wiki/Константин_Крылов:17_ответов.
7. *Крылов К.* Семнадцать ответов о русском национализме // <http://www.rus-obr.ru/ru-web/1405>.
8. *Кузьмин А.Г.* Русский радикальный национализм и современный украинский политический кризис: особенности оценок и перспективы развития // *Общество: политика, экономика, право.* 2017. № 10.
9. *Лебедев И.* Националист и имперец (расшифровка диктофонной записи). Часть 1 // <https://kot-begemott.livejournal.com/298929.html>.
10. *Носиков Р.* Хотел бы принять участие в викторине... // <http://www.rus-obr.ru/ru-club/1440>.
11. Павел Данилин: 17 вопросов русскому националисту // https://traditio.wiki/Павел_Данилин:17_вопросов_русскому_националисту.
12. *Самоваров А.* Пушкин был бы «скинхедом» при дворе Николая I // <http://www.rus-obr.ru/ru-club/1399>.
13. *Севастьянов А.Н.* Национал-демократия – не национал-социализм. К истории вопроса // *Вопросы национализма.* 2010. № 2.
14. *Севастьянов А.Н.* Семнадцать мгновений истины // *Севастьянов А.Н.* Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении. М.: Русская правда, 2011.
15. *Севастьянов А.Н.* Русское движение за тридцать лет (1985-2015). Заметки очевидца. М.: Самотека, МИД Осознание, 2016.
16. *Холмогоров Е.* Паша Данилин задает некие «новые 17 вопросов русскому националисту»... // <https://holmogor.livejournal.com/2948183.html>.

A.G. KUZMIN
*Candidate of Sciences (political sciences),
Associate Professor at the Chair of social work
of Syktyvkar State University named
after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia*

MODERNIZATION OF THE IDEOLOGY OF MODERN RUSSIAN NATIONALISM: EVOLUTION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE NATIONAL DEMOCRATIC DOCTRINE

The article discusses the structure of the ideology of modern Russian nationalism. The purpose of the work is to show the evolution of the development of ideas of Russian nationalism on the example of one of its main directions – national democracy.

The objectives of the study are an attempt to consider the genesis of the modern Russian national-democratic movement, to elucidate its main characteristics and features, general and special in relation to other areas of Russian nationalism (imperial projects, National Socialism). In addition, the specificity of the geographical boundaries of the future Russian state is considered in the opinion of the National Democrats, in contrast to the point of view of other areas of Russian nationalists on this issue, the impact of the current Ukrainian crisis on the state of Russian nationalism in general and the national democratic movement in particular.

The analysis used mainly uses historical and comparative research methods.

As a result of our work, we can note that the Russian national-democratic project has passed a difficult path of development and today is one of the most relevant ideological options in the ideological baggage of Russian nationalists. However, at the same time, by his example, we see that even a established ideology experiences permanent problems associated with the confrontation not only from the official authorities and other currents of Russian nationalism, but also giving rise to various variations within itself. The results of a study of the current state of Russian national democracy indicate its crisis state, when this area does not today have large authoritative organizations capable of maintaining a consistent position on a number of pressing socio-political issues, despite all efforts to present the situation in positive dynamics. This shortcoming is especially clearly manifested after the Ukrainian events of 2014, when the Russian national democrats, like almost the entire Russian national patriotic movement, were actually not only split on the Ukrainian issue, but also opposed each other on the side of various armed groups opposing to each other in real military conditions.

Key words: *political ideology, radicalism, Russian nationalism, national democracy, National Socialism.*

ИДЕОЛОГИЯ И ЦЕННОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Часть I

Статья являет собой первую часть исследования, заданного целью выяснить, какую роль играют идеология и ценности в государственном управлении современной России: непосредственно в нем, как процессе определения направлений государственной политики и управления и их осуществления, и в его реализации в общественном пространстве, т.е. для их объяснения обществу. При этом важно выделить принимаемый во внимание факт, что в политической коммуникации государства с обществом в деле трансляции ценностных оснований государственной политики ценности фигурируют, в основном, в идеологических формах. Тогда как для характеристики восприятия этой коммуникации обществом ключевым понятием являются ценности. Эта статья, как первая часть названного исследования, является вспомогательной для второй части, представленной в нашей следующей статье, в которой поставленная цель осуществляется непосредственно. Она представляет собой обзор идеологических концепций, представленных в научной дискуссии на тему идеологии для современной России, коррелирующей с публичной дискуссией. Выясняется, что в этих дискуссиях представлены, в основном, следующие идеологические ориентиры: интегративная идеология на основе трех основных классических (консерватизма, либерализма и социал-демократии); идеологии «особого пути» в виде евразийской цивилизации, православной цивилизации и возрождения советского проекта, а также связанные с последними имперские настроения вкупе с насаждаемым патриотизмом и концепцией «русского мира». Найденное является базой для завершающего этапа нашего исследования, представленного в следующей статье – соотношения государственной политики и управления современной России, а также ценностей общества с циркулирующими в публичном пространстве идеологическими формами. И тем самым для нахождения роли идеологии и ценностей в государственном управлении современной России.

Ключевые слова: идеология, ценности, государственная политика и управление в современной России, политическая коммуникация государства с обществом, публичная дискуссия о российской идеологии, «духовный кризис», интегративная идеология, идеологии «особого пути», евразийская цивилизация.

Настоящая статья является третьей статьей нашего цикла, первые две которого служат базой для ее более глубокого и полного понимания. В тех статьях мы показали, что идеология и ценности в современном государстве раскрывают свой потенциал, в основном, в публичной сфере, где они имеют значение для восприятия государственных решений обществом и, соответственно, их реализации, на принятие же которых их влияние в немалой степени ограничено. При этом, когда говорится о презентации ценностных оснований принимаемых государством решений обществу, речь идет, в основном, об идеологических формах, а когда подразумевается восприятие их людьми, то имеются в виду ценности, а именно, сочетаемость ценностей, транслируемых этими идеологиями, с ценностями общества.

С учетом этого вывода о проявлении себя идеологией, главным образом, в публичной сфере, мы начнем наше нынешнее исследование с анализа научной дискуссии об идеологии в современной России, которая во многом коррелирует с публичным дискурсом на эту тему. Тем самым составив картину действия идеологии в публичной сфере государственного управления (1) современной России, мы получим базу для нашего дальнейшего анализа – выяснения соотношения этой картины с принимаемыми государством решениями и, таким образом, роли идеологии в их реализации. Кроме того, мы постараемся понять, насколько ценности современных российских идеологий соответствуют реальным ценностям нашего общества и, таким образом, насколько прочный и длительный успех у последнего они могут иметь.

Мейнстримом научной и публичной дискуссии об идеологии в современной России являются тезисы о **необходимости обретения российским государством идеологии дальнейшего развития** (а называя вещи своими именами, о необходимости государственной идеологии), в том или ином ее виде. Среди *обоснований такой необходимости* наибольшую популярность имеют мнения о *необходимости преодоления «духовного кризиса»* в обществе, вызванного отсутствием идеологии. Так, например, по мнению некоторых ученых, причиной отставания сегодняшней России от «магистральных линий исторического развития» является «состояние надлома и душевной пустоты, лишаящее людей перспективы, чувства своей востребованности и нужности», преодолеть которое можно путем «обретения страной и народом общих идеалов и целей», путем реидеологизации [8. С. 14]. Также популярна точка зрения, согласно которой идеология нужна *для интеграции современного российского общества, консолидации и мобилизации его усилий*, что так же важно для успешной реализации стратегий развития государства. Например, есть мнения, что в Конституции РФ запретом на государственную идеологию игнорированы аспекты духовной и национальной ориентированности государства, которые играют важнейшую роль в консолидации сил общества [20. С. 10], а также что советский опыт успешной мобилизации народа для решения государственных задач демонстрирует

результативность идеологического мотивирования [5]. Однако обоснования необходимости идеологии в России не ограничиваются публичной сферой. *Отсутствием государственной идеологии объясняют даже неэффективность* российского политического курса, *нерезультативность принимаемых государством стратегий* [2. С. 503], утверждая, что идеология помогает определить направление государственных стратегий [11]. Кроме того, снова применительно к публичной сфере, востребованность идеологии объясняют необходимостью обеспечения национальной безопасности в современных условиях информационно-идеологического противостояния («информационных войн») [10. С. 128]. Отсутствие национальной идеологии создает «идеологический вакуум», который заполняют «чужие» идеологии, которые могут нести угрозу национальной безопасности общества и государства.

Далее идет дискуссия о том, *какой следует быть идеологии, современного российского государства*. Отправной точкой современной дискуссии, можно считать разочарование в *либерализме*, попробовавшем свои силы в 90-е годы прошлого века и показавшем свою несовместимость с российскими данностями (2), а потому и неэффективность во всех отношениях. Последовал вывод о неизбежно неуспешной реализации любой стратегии развития государства на основе идей, ценностей, опыта других стран без учета национальной специфики, исторически сложившихся традиций и менталитета народа, т.к. будут вызывать «сопротивление исходного материала» [9. С. 18]. Поэтому пристальное внимание ученых обратилось к *консерватизму* и продолжает удерживаться, преимущественно, в этом направлении до сих пор. При этом некоторые ученые, говоря о консерватизме, подразумевают «консерватизм тенденций», т.е. базовые ценности российского социума, более глубокие, чем даже тенденции последних столетий, такие как мессианство, радикализм и эгалитаризм, а также тяготение к социальной справедливости [17. С. 216]. Вместе с тем консерватизм имеет другую крайность, по сравнению с либерализмом, – он не способствует развитию государства и общества, политическому, социальному и экономическому, не предполагает инноваций. Будучи сконцентрированным исключительно на нем, государство рискует совершенно отстать от мирового развития и перестать соответствовать требованиям, предъявляемым ко всем государствам сложностью и динамичностью современного мира. Поэтому нам представляется очень важной мысль Коваленко В.И. о том, что «сегодня одной из самых главных задач современной политической науки и даже обществознания в целом выступает осмысление принципов и механизмов взаимодействия непреложной логики общеисторических императивов и требований отечественной традиции» [7. С. 296].

В связи с этим развивается научная дискуссия об *интегративной идеологии*, начавшаяся еще во второй половине 90-х годов. В этой дискуссии

доминирующими являются представления о либерально-консервативном, а также либерально-консервативно-социалистическом идеологическом сплаве. Достоинство интегративной идеологии, помимо того, что она дает возможность гармонизировать нацеленность на модернизацию с консервативностью общественных ценностей, еще и в том, что она позволяет согласовать интересы и ценности всех основных социальных групп.

Так, «*либерально-консервативный синтез*» Кара-Мурзы А.А. заключается в соединении потенциала «осмысленных» западников (термин Плеханова Г.В.) и российских «почвенников», которые выступают за сокращение бюрократически-распределительной патерналистской опеки над обществом [4. С. 44-47]. Коваленко В.И. видит основной смысл *либерально-консервативно-социалистического консенсуса* в следующем факте исторического опыта нашей страны. Когда «в единой парадигме сливались духовно-нравственные начала» российской нации, заключающиеся в формуле «все, что связано с добром и благом» (социализм), и «идеи сильной государственности» (консерватизм), это «во многом обеспечивало уверенное вхождение страны в круг мировых держав», т.к. только принцип сильной государственности способен аккумулировать в себе возможности мобилизационного развития» [9. С. 19]. Однако «консолидация общества может оказаться прочной лишь в том случае, если принцип сильной государственности... будет тесно увязан с требованиями демократизации системы» (либерализм) [7. С. 298]. Согласно отдельным ученым, и перспектива, выстроенная на базе широкой исторической ретроспективы, наводит на мысль о том, что будущее за политическим центризмом, за конвергенцией различных идеологий, а именно, либерализма, консерватизма и социал-демократии [1].

Но, пожалуй, активнее всего в современном российском научном поле и публичном дискурсе развиваются *идеологии «особого пути»*, которые, кстати говоря, как уже видно из самого их обозначения, содержат весомую долю консерватизма. Прежде чем перейти к рассмотрению таких идеологий, считаем важным отметить, что в научной дискуссии объяснением необходимости особого идеологического пути называют не только вышеупомянутую невозможность развития в соответствии с современными трендами без учета национальной специфики, но еще и «*кризис неолиберализма*», являющегося своеобразной «макро-идеологией» современного мира. По мнению некоторых ученых, «в ситуации эрозии либерально-консервативно-социалистического консенсуса», которая имеет место в современном мире, «утрачивается и возможность возникновения какой-либо дееспособной национальной идеологии» на этой основе [14. С. 164]. Эта эрозия возникает потому, что либерализм, господствующая «метаидеология» этого консенсуса, уже давно не удовлетворяет общества, а консерватизм и социализм в силу объективных причин неспособны стать метаидеологиями [14. С. 158-164]. Отдельные ученые говорят о принципиальной бесперспективности неолиберализ-

ма ввиду его изначально неверной философско-гносеологической основы применительно к управлению государственными и общественными процессами (агностицизма) [21. С. 75-76]. Многие ученые в доказательство фиаско неолиберализма приводят мировой финансово-экономический кризис конца 2000-х годов. Некоторые обосновывают необходимость «особого пути» тем, что, по мнению большинства аналитиков, проводимые по неолиберальным рецептам реформы в странах бывшего соцлагеря и «третьего мира», не принесли ожидаемых успехов экономикам 90% стран [15. С. 324-325]. Да и сам президент нашей страны вызвал всплеск оживленных откликов мировой общественности летом 2019 года своим утверждением о том, что «современная так называемая либеральная идея... себя просто изжила окончательно» [3].

Основной «идеологией» «особого пути» можно назвать цивилизационный консерватизм. Главным объектом охранения такого консерватизма является *российская (или шире – евразийская, о чем далее) цивилизация* как культурно-историческая общность и как самодостаточная целостная система. Объяснением необходимости такого подхода к развитию страны зачастую служит утверждение о сохранении на планете в длительной исторической перспективе совокупности конкурирующих цивилизаций, впервые сделанное Хантингтоном С.Ф. Причем магистральной линией цивилизационной активности называется отмежевание стран незападного мира от процесса экспансии западных ценностей (и вышеупомянутого неолиберализма), происходящей вместе с соответствующими политическими институтами и политической культурой [22].

Доминирующим сегодня вариантом российской цивилизационной теории является евразийство, или *неоевразийство*, в контексте которого получили распространение в том числе и аксиологические основы православия. Говоря в самом широком смысле, евразийство осмысливает историю России, а также ее настоящее и будущее как цивилизации, совмещающей в себе как европейские, так и азиатские черты. Некоторые считают, что евразийство находит то самое «золотое», способствующее успешности современного развития страны, сочетание лучших элементов западной модели развития и национальной традиции [13. С. 33-45]. Есть мнения, что сегодняшнее евразийство трансформировалось из общественно-политической мысли в концепцию создания евразийского союза России и большинства бывших советских республик (многие из которых располагаются в Центральной Азии), а также, в расширительной версии, еще и Китая, и Индии для противодействия американскому гегемонизму [19. С. 59-63]. Православное направление неолиберализма утверждает, что будущее за «*православной цивилизацией*», т.к. в ней «больше всего подлинного, непреходящего, доброго» с основой в виде «русской духовной традиции – традиции сострадательности», а потому она способна реализовать истинно созидательный постиндустриализм [12].

Имеет место также обращение к духовному наследию *советского* прошлого. Например, есть мнение, что «новый советский проект» желаем и возможен для России, потому что он был осуществим даже при гораздо более низком уровне промышленного и технического развития и при этом соответствует культурным запросам и аксиологическим ориентирам большинства россиян [6]. Объясняют актуальность обращения сегодня к советскому прошлому и тем, что, например, на историческом «этапе больших прорывов» (первая половина 1960-х гг.) «национальное сознание вышло на один из высших рубежей своей истории», потому что определенным образом были сформированы «базовые ценностные основания новой технологической эпохи» [16. С. 96-106]. Сквозной основной мыслью многих работ Черняховского С.Ф. является то, что, согласно анализу автора, характеру стоящих сегодня перед нашей страной задач соответствуют прорывные установки и ценности, свойственные советскому периоду, такие как, в частности, установка на созидание и познание вкупе с низким значением ценности потребления [18. С. 98-107].

При трансляции в массовое сознание идеологии «особого пути» часто принимают формы *«русского мира»*, имперских ориентиров в формате установки на *«возрождение великой державы»* и *патриотизма*.

Получив представление о публичной идеологической палитре современной России, в следующей статье мы перейдем к заключительному этапу нашего анализа – выяснению соотношения этой картины с принимаемыми государством решениями и существующими в обществе ценностями. И тем самым к достижению цели нашего исследования – пониманию роли идеологии и ценностей в государственном управлении современной России как таковом и в политической коммуникации государства с обществом по разъяснению ориентиров этого управления для получения поддержки населения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Ведь не секрет, что в современной России публичная политика почти полностью контролируется государством, поэтому в нашем случае говорить именно о публичной сфере государственного управления, а не, шире, о публичной политике будет правильным.

(2) Отсутствие подобающих предпосылок и условий, таких как, во-первых, распространенность массового сознания либерального типа, а также демократический политический режим, правовое государство, развитое гражданское общество, партиципаторная политическая культура, широкий «средний класс».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Вольтер О.В.* Феномен российской государственной идеологии как духовно-политической основы государственной целостности России: история и современность (политологический аспект). Автореф. дис. ... д.п.н. Ростов-на-Дону: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2010.

2. Добреньков В.И. Ценностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2011.
3. Интервью Президента газете The Financial Times // Официальный сайт Президента России. 27 июня 2019 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/60836>.
4. Кара-Мурза А.А. «Либерально-консервативный синтез» как объединительная идеология // Полис. 1997. № 3.
5. Кара Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. XXI век. М.: Изд-во «Алгоритм», 2015.
6. Кара-Мурза С.Г. Матрица «Россия». М.: Изд-во «Алгоритм», 2007.
7. Коваленко В.И. Интегративная идеология как научная проблема отечественной политологии // Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Изд-во Московского университета, 2016.
8. Коваленко В.И. Интегративная идеология как фактор консолидации российского общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2003. № 2-3.
9. Коваленко В.И. Национальное самосознание в скрещении политических идеологий // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6 (57).
10. Морозов И.Л. Безопасность политических коммуникаций в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1.
11. Никонов В.А. Русская матрица. М.: Изд-во «Русское слово», 2016.
12. Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
13. Пархоменко Р.Н. Евразийство в современной российской социально-философской мысли: реинкарнация одного понятия // Философская мысль. 2016. № 3.
14. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / Под ред. В.С. Мартыянова, Л.Г. Фишмана. М.: РОССПЭН, 2016.
15. Тузиков А.Р. Идеология в теоретическом измерении: между прошлым и будущим. М.: Соц.-гуманитар. знания, 2005.
16. Черняховская Ю.С. Базовые ценности целеполагания идеального стратегического проектирования в отечественном национальном самосознании «этапа больших прорывов» // Вестник российской нации. 2018. № 4.
17. Черняховский С.Ф. Консерватизм и образы апелляции. Между динамическим консерватизмом и сохраняющим прогрессом // Тетради по консерватизму. 2014. № 3.
18. Черняховский С.Ф. Романтика и твердость // Развитие и экономика. 2015. № 14.
19. Шиловский М.В. Евразийство: трансформация концептуальных подходов // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 2.

---

20. Якунин В.И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Власть. 2007. № 3.

21. Якунин В.И. Новая гуманитаристика как производительная сила общества // Контуры глобальных трансформаций: политология, экономика, право. 2012. № 3.

22. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3.

M.V. OKUN

*Post-graduate of the Faculty
of Political Science of Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia*

IDEOLOGY AND VALUES IN THE PUBLIC GOVERNANCE OF MODERN RUSSIA Part I

The article is the first part of a study aimed at finding out what role ideology and values play in the public administration of modern Russia: directly in it, as a process of determining the directions of state policy and governance and their implementation, and in its realization in the public space, i.e. for explaining them to the public. At the same time, it is important to highlight the fact which we take into consideration, that in the political communication of the state with society translating the value bases of state policy, values appear mainly in ideological forms. Whereas, for characterizing the perception of this communication by society, the key concept is values. This article, as the first part of this study, is auxiliary to the second part, presented in our next article, in which the settled goal is carried out directly. It is a review of ideological concepts presented in a scientific discussion on the topic of ideology for modern Russia, correlating with public discussion on this theme. It turns out that in these discussions the following ideological guidelines are mainly presented: integrative ideology based on the three main classical ones (conservatism, liberalism and social democracy); ideologies of the “special way” in the forms of Eurasian civilization, Orthodox civilization and the revival of the Soviet project; as well as the imperial sentiments associated with the latter, coupled with imposed patriotism and the concept of the “Russian world”. The found is the basis for the final stage of our study, presented in the next article – correlating of state policy and governance of modern Russia, as well as the values of society with ideological forms circulating in public space. And thus, for finding the role of ideology and values in the public administration of modern Russia.

Key words: *ideology, values, public policy and governance in modern Russia, political communication of the state with society, public discussion about Russian ideology, “spiritual crisis”, integrative ideology, ideologies of the “special way”, Eurasian civilization.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.014

УДК 32.327

Д.И. ГАЛИМУЛЛИНА

аспирант кафедры Дипломатии и
консульской службы Дипломатической академии
МИД России, Россия, г. Москва

«ЦЫГАНСКИЙ ВОПРОС» КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЧЕХИИ

Статья посвящена вопросу цыганского национального меньшинства, проживающего в Чехии, положение которого отмечается проблемным. Цыганская тематика в этнонациональной политике актуальна и по сей день. В статье кратко рассматривается проблематика отсутствия постоянного места жительства, постоянной работы данной этногруппы, что позволяет относить их к социально опасным нациям. Для решения данной проблемы, улучшения интеграции цыганского общества в социальную среду Чехии правительством отрабатываются различные меры, предпринимаются различные попытки. В частности, в статье указывается создание на уровне правительства специальных органов, сосредоточенных на исправлении «цыганской проблемы», приводится ряд документов, принятых в сфере данной политики. А именно, в качестве основного, указывается Правительственный Совет по делам меньшинств рома, далее упоминается Агентство по социальной интеграции, Агентство по делам цыганской общины, возникшее по инициативе экс-министра Чехии Джамили Стегликовой. Помимо структур, имеются также следующие законодательные основы в кругу решения данного вопроса: Закон об образовании, об «интегрированных школах», «Стратегия интеграции населения цыганской национальности до 2020 года», «Декада цыганской интеграции 2005-2015 гг.». Кроме того, разработана так называемая Концепция интеграции цыган.

Проанализировав ситуацию с цыганами в Чехии можно сказать, что одних только правительственных мер недостаточно, необходимы также изменения общественного сознания с двух сторон этнических групп. Решать цыганский вопрос должны не политики. Окончательное слово должно быть за экспертами по национальным меньшинствам и психологами. Необходимо измениться всему обществу. В данный момент по обе стороны видится лишь эгоизм и нежелание отказаться от стереотипов. Цыганам необходимо интегрироваться в это общество, но не ассимилироваться.

Ключевые слова: национальные меньшинства, Чехия, цыганская диаспора, чешское правительство, стратегия.

Наиболее проблемной в части соблюдения прав национальных меньшинств в Чешской Республике остается многочисленная цыганская диаспора, территориально рассредоточенная практически по всей Чешской Республике [16]. Десятилетний с половиной период членства Чехии в Евросоюзе показал, что местные цыгане относятся к наиболее миграционно опасным нациям. За это время неоднократно возникали конфликтные ситуации с партнерами по ЕС по причине злоупотребления чешскими цыганами либеральным миграционным законодательством отдельных государств Европы (3).

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [2. С. 50-72; 4. С. 100-108; 5; 7. С. 284-302].

Однако проблему национальных меньшинств, этнополитики и этномиграции нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Цыгане проживают на территории Чехии с давних времен (4). Уже в XIV веке они странствовали по дорогам Богемии и Моравии, занимались кузнечным ремеслом, мелкой торговлей, выступали в амплуа бродячих музыкантов и танцоров. Так продолжалось вплоть до второй половины XX века, когда кочевой образ жизни был запрещен коммунистическими властями ЧССР. Нынешние цыгане в большинстве своем являются потомками выходцев из Венгрии и Словакии, перебравшихся после Второй мировой войны в Чехию в поисках работы.

Северо-западная Чехия [19] – один из лидеров по количеству проживающих здесь цыган. На нее приходится 40% всех цыганских поселений в ЧР. Лидируют по этому показателю Устецкий (63 поселения) и Либерецкий (26 поселений) края. В основном сюда переезжают безработные из Праги и Среднечешского края, большинство из которых – цыгане [18].

Положение подавляющего большинства цыганского населения ЧР является достаточно тяжелым [15] (точной оценки их численности нет, это связано с тем, что не все цыгане называют свою национальную принадлежность; приблизительно на территории ЧР проживает от 200 до 300 тыс. цыган, при этом, согласно данным переписи населения 2011 г., к цыганам себя причислили чуть более 5 тыс. чел.). Большинство местных цыган входят в категорию т.н. «социально исключенных»: не имеют постоянной работы, живут преимущественно на социальные пособия, во многих регионах Чехии проживают в «закрытых» кварталах («гетто»), отличающихся бедностью и высоким уровнем преступности.

Ситуацию усугубляет проблема отсутствия постоянного места жительства. Цыгане, как правило, не имеют средств на приобретения собственного жилья, и поэтому проживают преимущественно в муниципальных и т.н. «социальных» домах [8]. Из-за невозможности адаптироваться к стилю жизни

большинства населения среди цыган нередки случаи порчи предоставленных квартир. В этой связи многие владельцы жилого фонда (как частные лица, так и муниципалитеты) стремятся переселить цыган из относительно комфортно-го жилья в менее качественное, в неблагоприятных для проживания районах [3]. Все это зачастую приводит к появлению т.н. «цыганских гетто» (в качестве примера можно привести микрорайон «Посхлы» в г. Всетин (Восточная Чехия), где дома для цыган сделаны из железнодорожных грузовых контейнеров). По оценкам местных наблюдателей, у чешского правительства отсутствует системный подход к решению проблемы цыганской безработицы, отдельные инициативы в этой области носят разрозненный характер. Многие органы местного самоуправления не имеют концепции решения проблем цыганского населения, проживающего на их территории, а зачастую, попросту не решают эти проблемы до тех пор, пока они не приобретают острый характер и не выливаются в открытый конфликт с чешским населением (2).

На правительственном уровне [10] прорабатываются меры по улучшению системы дошкольного образования, созданию специальных квот для цыганских детей в подготовительных классах. Одновременно получают развитие региональные программы поддержки цыганских детей, включающих в себя издание книг и учебников на цыганском и чешском языках.

Однако в течение последних лет можно говорить о том, что правительство, местные власти не предпринимают конкретных шагов для предотвращения возможных конфликтов, хотя напряжение среди чехов, связанное с регионами проживания цыган возросло [1].

Из имеющихся принятых мер для исправления «цыганской» ситуации можно отметить следующие. На уровне правительства создан специальный орган, сосредоточенный на решении «цыганской проблемы» [12] – Совет Правительства ЧР по вопросам цыганского меньшинства [14]. Основной задачей данного консультативного органа является оказание широкого содействия интеграции цыган в чешское общество. Весьма представительный персональный состав этой структуры подтверждает приоритетность стоящих перед ней задач. В соответствии с его уставом Президент Совета является членом правительства, в компетенцию которого входят права человека. В настоящее время им является премьер-министр Чешской Республики, Андрей Бабиш. В состав также включены 5 министров и 2 заместителя министров, председатели Ассоциации краев Чешской Республики и союза городов и населенных пунктов, а также директор Агентства социальной адаптации.

Бюджет этого органа в 2013 году составил 3,5 млн. чешских крон (около 175 тыс. долл. США). Совет распределяет финансовые средства по линии трех дотационных программ по правозащитной тематике, в рамках которых в прошедшем году было освоено 29 млн. чешских крон (около 1,45 млн. долл. США.), занимается внедрением инклюзивного образования, проблематикой жилья для цыган, урегулированием социальной напряженности в отдельных регионах Чехии (антицыганские выступления).

Еще одним органом в сфере решения вопроса с цыганами является Агентство по социальной интеграции, которое является одним из подразделений Департамента по вопросам прав человека Аппарата Правительства ЧР. В 2012-2015 гг. Агентство реализовывало проект анализа эффективности политики социальной интеграции на местном уровне (финансирование велось из средств Европейского социального фонда, подключенного к решению вопросов борьбы с проявлениями расизма и нетерпимости).

Министерство образования, молодежи и спорта ЧР обращает внимание на то, что с 1 сентября 2016 г. вступила в силу новая редакция Закона об образовании [13] (№ 561/2004 Св. з. в редакции 2015 г.), которая предусматривает совместное обучение детей в т.н. «интегрированных школах», которые будут обеспечены специальными учебниками, адаптированными образовательными программами, индивидуальными учебными планами, педагогами-ассистентами и сурдопереводчиками. Подготовиться к обучению в «инклюзивной» школе поможет обязательное для всех дошкольников посещение подготовительных классов. Пока на практике все эти меры не действуют, и неизвестно, решат ли они проблему принципиально.

В феврале 2015 г. правительство Чехии приняло «Стратегию интеграции населения цыганской национальности до 2020 года» [17], определяющую главные направления усилий: безопасность, жилье, социальная поддержка, образование, трудоустройство и пособия. В отличие от предыдущих правительственных документов по данной проблематике, нынешняя стратегия концентрирует внимание на той части цыган, чья ситуация не столь бедственная, и кто потенциально может стать «благополучным членом общества», имеющим образование, жилье и работу. В связи с этим политики и журналисты высказывают опасения относительно содержащейся в документе идеи «позитивной дискриминации» цыган, означающей их преимущественное право при трудоустройстве. По замыслу стратегии, будут предприняты меры и для популяризации цыганской культуры, включая расширение изучения цыганского языка в вузах, оказание поддержки цыганским фестивалям и музеям и т.п. Для этого предполагается выделение бюджетных средств в размере 115 млн. крон в год (на 15 млн. крон больше, чем в предыдущие годы).

Чехия также участник «Декады цыганской интеграции 2005-2015 гг.» [6. С. 69-80], международной инициативы Испании и ряда государств ЦВЕ и Балкан. Сотрудничество ЧР с другими странами-участниками «Декады» проходит под эгидой Совета Правительства ЧР по вопросам цыганского меньшинства и в рамках Национального плана действий, который устанавливает перечень задач и график их выполнения, а также определяет механизм мониторинга хода реализации мероприятий (представляет ежегодные отчеты Правительству).

Государство разрабатывает и претворяет в жизнь меры по улучшению положения цыган, однако, несмотря на отдельные успехи, общая ситуация остается стабильно неблагоприятной. Так, попытки переселения цыган

в малые населенные пункты и пригороды себя не оправдала, так как муниципалитеты достаточными средствами не располагают на их социальную адаптацию, что приводит к росту криминала среди цыган и конфликтам с местным населением. Для поддержания цыганской культуры Правительство Чехии оказывает финансовую помощь цыганской диаспоре и участвует во многих проектах. Так, к примеру, в Брно открыт музей цыганской культуры, в Карловом университете в Праге создана кафедра, на которой изучается история цыганского народа и его культурное наследие. Кабинет министров оказывает поддержку деятельности молодежных цыганских организаций, в том числе в развитии спорта. Важным шагом на пути решения цыганской проблемы являлось одобрение правительством в декабре 2009 года Концепции интеграции цыган, реализация которой рассчитана на 2013-2020 годы.

Серьезным препятствием на пути улучшения положения цыган являются настроения в чешском обществе, которое в целом негативно, а зачастую враждебно настроено по отношению к ним [1].

Существует множество различных мнений относительно способа решить «цыганский вопрос». Но в одном сходятся точно. Необходимы изменения в социальной политике Чехии. Одни эксперты выступают за интеграцию национальных меньшинств в общество через разные социальные программы, помощь в трудоустройстве и предоставлении жилищных субсидий. Однако тогда чехи будут уверены, что цыгане ни за что получают дотации, в то время как они за такие же деньги вынуждены работать. Другие же, напротив, призывают создавать резервации – изолированные поселения, пансионы, больницы для людей, которые не вписываются в современную систему жизни. Но такие закрытые поселения могут в будущем принести еще больше проблем, являясь бомбой замедленного действия.

Есть мнение, что среди чехов нужно воспитывать толерантность и терпимость. Но тогда и цыганам необходимо следовать правилам стремительно изменяющегося общества. Они должны понять, что причиной их неуспеха является недостаточное образование, поэтому цыгане должны сделать все возможное, чтобы их дети получили хорошее образование. Только совокупность этих факторов может искоренить проблему цыганофобии в Чехии.

По мнению Розеты Мертовой, члена общественной организации, защищающей права цыган, «цыганский вопрос – не проблема чешского общества, а благодатная публичная тема». Политики, как правило, стараются получить выгоду от высказываний в адрес цыган, привлечь к себе внимание и снискать расположение избирателей. В нынешних чешских средствах массовой информации используется искусственно созданный образ. «Цыгана «рисуют» асоциальным индивидом, который не хочет работать и зависит от государственной социальной помощи». В общем, это человек, который в реальности не существует, потому что как среди цыган, так и среди всех жителей Чехии есть и социально слабые и очень уважаемые люди.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В 2013 году в восьми чешских городах состоялись акции протеста. В них приняли участие свыше 2,5 тысяч человек. Правые активисты требовали от властей выселить цыган из Чехии. Организаторы акций протестовали против цыганского террора. По их мнению, власти страны не предпринимают никаких мер, чтобы решить цыганский вопрос. URL: https://www.pravda.ru/world/1171906-czech_republic/

(2) Длительное время цыганский вопрос в Чехии никто не решал. Лишь после скандала со строительством забора между цыганской и нецыганской частью улицы Матични в городе Устье-на-Эльбе и кровавых столкновений в городе Литвинов государство решило заняться цыганами и создало Агентство по делам цыганской общины. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1489846>

(3) Не дожидаясь помощи властей, чешские цыгане, как и их румынские собратья, начали активно искать счастья за границей. Только в отличие от румын они штурмуют не страны Южной Европы, а Великобританию и Канаду. При этом исход чешских цыган в Канаду принял такие масштабы, что Оттава недавно снова ввела визы для граждан Чехии. Только за первое полугодие 2010 года политического убежища в Канаде попросили более 1720 жителей Чехии, преимущественно цыгане. Англия тоже собиралась ввести визовый режим с Чехией из-за массовой иммиграции цыган, но, не желая «наказывать» всех чехов, ввела дополнительный паспортный контроль прямо в аэропорту Праги. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1489846>

(4) Первое историческое свидетельство о цыганах в Чехии относится еще к 13-му веку. В Чешской хронике, названной «Хроника Далимила» в честь ее автора, который ее создал в период с 1308-го до 1314-го года, можно найти заметку, что в 1242-м году по Чехии бродяжничало много «татарских лазутчиков». Можно предполагать, что речь идет о первых цыганах на территории Чехии, так как запись их языка в хронике напоминает сегодняшний язык цыган. Само слово «Цыган» затем в первый раз появилось в 1399-м году, а именно в книге записи о казнях в имении господ из Рожмберка. Один пойманный разбойник в ней показал, что к членам его разбойничьей шайки принадлежал также один «Черный цыган». URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/progulki/istoriya-cyganskogo-menshinstva-v-cheshskoj-respublike>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В Чехии опубликованы результаты исследования об интеграции цыган в чешское общество // <https://www.svoboda.org/a/441434.html>

2. *Должикова А.В., Мосейкина М.Н.* Сравнительные исследования управления миграционными процессами: опыт России и зарубежных стран. В сборнике: Европа и Россия в условиях многофакторного кризиса: вопросы экономики, геополитики, миграции, регионального развития. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. М., 2017.

3. Домовладельцы попросту отказывают цыганам сдавать в аренду квартиры, а если это и делают, то по завышенной плате // https://www.pravda.ru/world/1171906-czech_republic/

4. *Медведев Н.П.* Межнациональные отношения и национальная политика // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 3 (17).

5. *Медведев Н.П., Майстат М.А., Краснов Л.Н., Гелеранский П.С., Ивайна М., Макухин А.В., Высоцкий А.В., Камара С.Б., Медведев В.Н., Кетцяна Г.В., Перкова Д.В., Чан Х.Т.* Этнополитическая регионалистика: автономия и сепаратизм. Коллективная монография / Москва, 2018. Сер. Труды научной школы профессора Н.П. Медведева. Том 11.

6. *Медушевский Н.А.* Толерантность к представителям цыганских общин в Европейском союзе // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 6А.

7. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи пост-социалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.

8. Специальное агентство будет решать проблемы чешских цыган // <https://www.radio.cz/ru/rubrika/demokrati/specialnoe-agentstvo-budet-reshat-problemy-cheshskix-cygan>

9. Цыгане – бич чешских городов // <https://zen.yandex.ru/media/czechsketches/cygame--bich-cheshskih-gorodov>

10. Bezpečnostní strategie České republiky // Pohodlné a bezplatné nástroje pro publikování a sdílení informací // <http://docplayer.cz/2638620-Bezpecnostni-strategie-ceske-republiky.html>

11. Cikánská otázka v ČR // Zvědavce // <http://m.zvedavec.org/komentare/2010/12/4090-cikanska-otazka-v-cr.htm>

12. Národnostní politika na teritoriu bývalého SSSR // Moravská zemská knihovna // <https://vufind.mzk.cz/Record/MZK01-001161914/Details>

13. Poslanci přehlasovali veto, podpořili školský zákon // Ministerstvo školství, mládeže a tělovýchovy // <http://www.msmt.cz/ministerstvo/novinar/poslanci-prehlasovali-prezidenta-podporili-novelu-skolskeho?highlightWords=Školský+zákon>

14. Rada vlády pro záležitosti romské menšiny // <https://www.vlada.cz/cz/pracovni-a-poradni-organy-vlady/zalezitosti-romske-komunity/uvod-5779/>

15. Romea // <http://www.romea.cz>

16. Romská národnostní menšina // <https://www.vlada.cz/cz/ppov/rnm/mensiny/romska-narodnostni-mensina-16149>

17. Strategie romské integrace do roku 2020 // <https://www.vlada.cz/assets/ppov/zalezitosti-romske-komunity/Strategie-romske-integrace-do-roku-2020.pdf>

18. Zákon o rovném zacházení a o právních prostředcích ochrany před diskriminací a o změně některých zákonů (antidiskriminační zákon). Předpis č. 198/2009 Sb. // <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-198>

---

19. Zpráva o situaci národnostních menšin v České republice za rok 2018 // <https://www.vlada.cz/assets/ppov/rnm/dokumenty/dokumenty-rady/Zprava-o-situaci-narodnostnich-mensin-v-Ceske-republice-za-rok-2018.pdf>

D.I. GALIMULLINA

*Postgraduate student, Department
of Diplomacy and Consular Services,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia*

“GYPSY QUESTION” AS A KEY PROBLEM IN THE ETHNO-NATIONAL POLICY OF THE CZECH REPUBLIC

The article is devoted to the issue of the gypsy national minority living in the Czech Republic, whose situation is noted as problematic. Gypsy topics in ethno-national politics are relevant to this day. The article briefly discusses the problems of the absence of a permanent place of residence, the permanent work of this ethnic group, which allows us to classify them as socially dangerous nations. To solve this problem, to improve the integration of Gypsy society in the social environment of the Czech Republic, the government is working on various measures and various attempts are being made. In particular, the article indicates the creation of special bodies at the government level, focused on correcting the «gypsy problem», a number of documents adopted in the field of this policy are given. Namely, the Government Council for Roma Minorities is indicated as the main one, followed by the Agency for Social Integration, the Agency for Gypsy Community Affairs, which arose on the initiative of the Czech ex-Minister Jamili Steglikova. In addition to the structures, there are also the following legislative foundations for resolving this issue: the Law on Education on “Integrated Schools”, “The Strategy for the Integration of the Gypsy Nationality until 2020”, and the “Decade of Gypsy Integration 2005-2015”. In addition, the so-called Roma Integration Concept has been developed.

After analyzing the situation with gypsies in the Czech Republic, it can be said that government measures alone are not enough; changes in public consciousness on both sides of ethnic groups are also necessary. It is not politicians who must decide the gypsy issue. The final word should be given to experts on national minorities and psychologists. The whole society needs to change. At the moment, on both sides only selfishness and unwillingness to abandon stereotypes are seen. Gypsies need to integrate into this society, but not to assimilate.

Key words: *national minorities, Czech Republic, gypsy diaspora, Czech government, strategy.*

доктор политических наук,
профессор кафедры международных политических
процессов факультета политологии Санкт-Петербургского
государственного университета, Россия,
г. Санкт Петербург

ЭТНИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ XIX-XX ВВ.: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

В статье рассматриваются процессы эволюции этнического терроризма на протяжении XIX-XX вв. Отмечается, что возникновение этнического терроризма связано с ростом национализма и подъемом национальных движений. Показывается взаимосвязь между этнополитическими конфликтами и этническим терроризмом. Подчеркивается, что этнические конфликты часто переплетаются с социально-политическими конфликтами. Рассматривается влияние левого революционного терроризма на этнический терроризм как в период его возникновения, так и в последующие исторические периоды. Анализируется воздействие на этнический терроризм леворадикальных и праворадикальных идеологических течений. Рассматривается идейно-политическая платформа и деятельность различных террористических организаций этнического характера. Констатируется, что конкретные формы и идейно-политические ориентации этнического терроризма зависят от социально-политической ситуации в той или иной стране и от тенденций, доминирующих в мировой политике в различные исторические периоды.

Ключевые слова: этнополитические конфликты, этнический терроризм, национализм, левый радикализм, правый радикализм.

Этнический терроризм представляет собой один из основных типов современного терроризма наряду с левым, правым и религиозным терроризмом. Его можно охарактеризовать как «неадекватную форму борьбы против действительного или мнимого ущемления прав и интересов отдельных наций и этнических групп» [5. С. 25]. В последние десятилетия этнический терроризм показал наиболее высокую степень активности. На долю груп-

пировок национал-сепаратистского толка пришлось 31% террористических актов, совершенных в мире с 1968 по 2016 гг., что превышает количество терактов, совершенных террористическими организациями леворадикального, праворадикального и религиозного характера [13. С. 47]. Этнический терроризм порождает этнополитические конфликты, а его формы и проявления обусловлены воздействием различных социально-политических и идейно-политических факторов, характерных для каждой отдельной страны и исторической эпохи.

Эпоха формирования наций и национальных государств породила национализм [11. С. 320], который стал идейной основой первых проявлений этнического терроризма. Американский этнополитолог Л. Снайдер увидел первые проявления «интегрирующего национализма» в европейской политической жизни 1815-1871 гг. Этот термин ученый использовал, характеризуя национализм как идейную платформу, которая должна была консолидировать политически разделенные этносы [16. Р. 48].

Итальянцы и немцы в первой половине XIX в. были рассеяны по территории множества средних и малых государственных образований Западной Европы. И процессы модернизации создавали объективную основу для объединения их в этнонации. А Великая французская революция, воплотившая на практике идею единства нации, предоставила идеологическую основу для такого объединения. Борясь за объединение своей родины, Гарибальди боролся и за утверждение республиканской формы правления. Этнополитический конфликт на итальянских землях характеризовался сложной структурой. Если на территориях, находившихся под властью итальянских монархических династий и Ватикана, борьба за национальную идею переплеталась с борьбой за антимонархические и антиклерикальные цели, то на территории Северной Италии, входившей в состав Австрийской империи, цели национально-освободительной борьбы превалировали над всеми остальными. Именно там и оформилось явление, которое сегодня принято называть этническим терроризмом. Впоследствии итальянский опыт заимствовали европейские анархисты и русские народовольцы, связав этнический и революционный терроризм. Отличие же этнического терроризма в том, что он возникает как форма проявления и развития этнополитического конфликта. С разрешением таких конфликтов почва для него исчезает. Так произошло в Италии вместе с объединением итальянских земель не «снизу», революционным путем, а «сверху», под властью Савойской династии.

Новая волна этнотерроризма в Европе поднялась в конце XIX в. и была обусловлена уже иным типом национализма, названным Л. Снайдером «разъединяющим» или дезинтеграционным [16. Р. 48]. Этот тип этнонационализма был связан с этнополитическими конфликтами, зарождавшимися в восточной части европейского континента. Во второй половине XIX в., за небольшим исключением, территория Восточной и Юго-Восточной Ев-

ропы входила в состав трех континентальных империй – Австро-Венгерской, Российской и Османской (Турецкой). Здесь проживали десятки народов, отличавшихся культурой, религией, языком, уровнем экономического развития. Во второй половине XIX в. Восточная Европа постепенно вставала на путь модернизации. И здесь ощущались такие ее последствия как урбанизация, индустриализация, развитие образования, науки, массовых коммуникаций. Наиболее остро этническая самоидентификация проявлялась в среде интеллигенции, которая формулировала собственную национальную идеологию. Первой задачей большинства национальных движений в восточноевропейских странах стала задача изучения, сохранения и развития национальной культуры в целом, письменности и национального литературного языка, в частности. Власти с недоверием относились к подобной активности национальных движений, препятствовали их деятельности, тем самым подталкивая к политическому национализму, главной целью которого было образование национальных государств. Переход национализма в политическую форму сопровождался усилением его агрессивности, формированием этноцентрического видения мира. Это стало почвой для зарождения и развития этнополитических конфликтов в Восточной и Юго-Восточной Европе в конце XIX – начале XX вв. В некоторых случаях острота этнополитических конфликтов толкала участников и активистов национальных движений на путь терроризма.

В это же период в Восточной Европе в целом и в Российской империи, в частности, активизировался революционный терроризм, вдохновлявшийся леворадикальными идеями немарксистского толка. Пример русских террористов из числа народовольцев, а затем эсеров оказывал воздействие не только на национальные движения, зарождавшиеся на окраинах Российской империи, но и на национально-освободительное движение славянских народов Балканского полуострова, которых объединяли с Россией цивилизационная идентичность и схожесть языка. Студенты из Болгарии, Сербии, Македонии, Черногории стремились получить образование в России и усваивали там не только профессиональные знания, но и общественные, в том числе революционные идеи. Причем происходило это не только в России, но и на территории западноевропейских государств, где молодые люди с Балканского полуострова поддерживали контакты с находившимися там в эмиграции русскими революционерами. Американский историк С. Фей отмечал: «В 60-х и 70-х годах XIX столетия многие сербские революционеры оказались в Швейцарии и там попали под влияние русских революционеров – Бакунина, Кропоткина и Герцена. Они усвоили революционную программу, которую предполагалось осуществить при помощи анархических актов насилия и террора» [9. С. 75].

После русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и Берлинского конгресса 1879 г. сербские земли были освобождены от турецкого господства, но часть

из них оказалась под контролем Австрийской империи. Именно там – в Боснии и Герцеговине – появился новый очаг этнического терроризма. Надежды сербов на воссоединение с исторической родиной были разрушены в результате аннексии Австро-Венгрией территории Боснии и Герцеговины в 1907 г. Возникшая в Боснии и Герцеговине организация «Млада Босна», ставившая цели воссоединения с Сербией, перешла к тактике индивидуального террора по отношению к представителям австрийских властей. Члены «Млада Босны» заимствовали опыт, воспринятый сербскими радикалами у русских революционеров в XIX в., они вдохновлялись также и более свежим примером Первой русской революции 1905-1907 гг. В конечном счете именно член «Млада Босны» Г. Принцип совершил теракт, ставший поводом для начала кризиса, приведшего к Первой мировой войне.

Планы послевоенного мирного урегулирования предполагали решение национального вопроса на основе принципов самоопределения народов. Но реализовать право наций на самоопределение на практике оказалось весьма затруднительно. На политической карте мира появились новые границы, а вместе с ними и новые очаги этнических конфликтов, при том что и ранее существовавшие конфликты полностью разрешить не удалось. Пример переплетения старых и новых этнополитических конфликтов – возникшее после Первой мировой войны Королевство сербов, хорватов и словенцев, получившее в 1929 г. новое название – Королевство Югославия. Однако основой национальной политики властей Югославии стала не идея единства южнославянских народов, а националистическая идея Великой Сербии, на практике означавшая навязывание всему населению Королевства сербского языка и культуры. В югославской части Македонии политика королевских властей столкнулась с сопротивлением стоявшей на позициях болгарофильского национализма и сепаратизма ВМОРО. Македонские террористы-националисты установили контакты с другими националистическими и сепаратистскими группировками, действовавшими в королевской Югославии, прежде всего с Повстанческой хорватской революционной организацией, члены которой были известны под названием «усташи». Эта организация определяла в качестве своей цели создание независимого Хорватского государства. Получая поддержку от фашистской Италии и нацистской Германии, совместно с македонскими террористами из ВМОРО усташи организовали в 1934 г. в Марселе убийство короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Л. Барту. Эта акция признана отправной точкой начавшегося в 30-е гг. XX в. процесса интернационализации терроризма.

После убийства Александра Карагеоргиевича и Л. Барту история ВМОРО и усташей развивалась по-разному. Тогда же, в 1934 г. ВМОРО заявила о самороспуске, хотя отдельные ее члены продолжали свою политическую и террористическую деятельность. Эволюция усташей шла в сторону от-

кровенно фашистской идеологии. В годы Второй мировой войны усташа сотрудничали с нацистской Германией и совершили многочисленные преступления против мирного населения.

Также, как и хорватские усташа эволюционировали в сторону фашистской идеологии и практики в 20-30-е гг. XX в. украинские националисты. Украинский национализм сформировался еще до Первой мировой войны. В то время он нередко прикрывался либеральными и социалистическими лозунгами. После Первой мировой войны появилась новая разновидность украинского национализма, сложившаяся под влиянием идей и практики фашистских движений Италии и Германии. В первой половине 1920-х гг. в среде украинской эмиграции возникло несколько группировок радикальной ориентации, которые в 1929 г. вошли в состав Организации украинских националистов (ОУН). Идеологической платформой ОУН стала концепция «интегрального национализма» Д. Донцова. В 1926 г. он опубликовал работу с откровенным названием «Национализм», в которой, руководствуясь тезисом социального дарвинизма о вечной вражде между «сильными» и «слабыми» нациями, предложил новую идейную платформу для украинского движения. В духе фашистской идеологии Д. Донцов определил, что движущей силой нового украинского национализма должны стать «воля, сила, экспансия и насилие, расизм, фанатизм, беспощадность и ненависть, волюнтаризм и романтизм, аморальность и антиинтеллектуализм» [7. С. 32].

Основным местом деятельности организации украинских националистов стала Западная Украина, после Первой мировой войны вошедшая в состав вновь воссозданного польского государства. Как и в случае с Балканским полуостровом, попытки решить национальные проблемы в рамках Версальского мирного урегулирования породили на территории Польши новые этнополитические конфликты. На протяжении XIX – начала XX вв. польские националисты активно поддерживали украинское национальное движение, видя в нем средство борьбы с Российской империей. Но после образования независимого польского государства цели польского и украинского национализма разошлись. На западно-украинских и западно-белорусских землях расселяли польских переселенцев-осадников, ограничивались и притеснялись непольские языки и культура. Недовольство национальных меньшинств подавлялось карательными акциями, получившими название «пацификации». Такая политика властей межвоенной Польши провоцировала вспышки этнического терроризма, главным субъектом которого стала ОУН. Праворадикальная идеологическая платформа ОУН позволяла активно использовать методы индивидуального террора. Наиболее громким террористическим актом, совершенным ОУН, стало убийство министра внутренних дел Польши Б. Перацкого. Организатором этого преступления был будущий лидер ОУН С. Бандера. Бандеровцы, как и усташа, запятнали себя массовым уничтожением ни в чем не повинных людей в годы Второй миро-

вой войны. Общеизвестный пример их жестокости – акция, получившая название «Волынская резня», в ходе которой было убито и замучено несколько десятков тысяч поляков.

В отличие от этнического терроризма XIX – начала XX вв., имевшего много общего с левым революционным терроризмом, этнический терроризм между двумя мировыми войнами был более связан с праворадикальным терроризмом фашистского толка. Этому можно дать ряд объяснений. Во-первых, всякий этнический терроризм базируется на идеях национализма, а именно крайний национализм и шовинизм лежал в основе идеологии фашистских движений межвоенного периода. Во-вторых, после Первой мировой войны влияние леворадикальных идей немарксистского толка снизилось. Левый фланг мирового политического спектра занимало коммунистическое движение. А марксизм отвергал тактику индивидуального террора как неэффективную, хотя в 20-30-е гг. XX в. предпринимались, пусть и безуспешные, попытки использовать террористов этнического толка в интересах «мировой революции» [2. С. 95-96].

После Второй мировой войны этнонациональные проблемы в мире обострились. Начался процесс деколонизации, сопровождавшийся подъемом национальных движений, возникновением множества этнополитических конфликтов и распространением этнического терроризма. Чаще всего идейной основой деятельности террористических организаций этнического характера являлся национализм, как это было, например, в Палестине в 40-е гг. XX в. или на Кипре в 50-е гг. XX в. [12. С. 67].

Вторая половина XX в. была отмечена ростом террористической активности во многих регионах мира. Наиболее распространенным типом терроризма в тот период вновь стал левый, революционный терроризм. Но, в отличие от прошлого, когда революционный терроризм обосновывался немарксистскими леворадикальными идеями, революционный терроризм 1960-80-х гг. преимущественно был представлен организациями и движениями, позиционировавшими себя как марксистские. В чем причина такой самоидентификации? Как уже было отмечено, сторонники марксизма официально отказывались от тактики индивидуального террора. Изменение их позиции связано с особенностями развития международного коммунистического движения после Второй мировой войны. Из-за роспуска Коминтерна оно утратило прежнее организационное единство. А после критики в СССР культа личности Сталина и определении на XX съезде КПСС новых подходов к ряду вопросов стратегии и тактики коммунистического движения в его рядах начался разброд и шатание. Не все коммунисты согласились с тезисом о возможности мирного пути к социализму, посчитав это отходом от марксистско-ленинского учения. Появившиеся среди коммунистов разногласия усилились на фоне советско-китайского конфликта. В результате в ряде стран появились параллельные компартии, называв-

шие себя «марксистскими» или «марксистско-ленинскими». Их представители в радикальном направлении трактовали коммунистическую доктрину и признавали террористические методы допустимыми и необходимыми в борьбе за социалистическую революцию. Леворадикальная версия марксизма стала идейной основой деятельности таких получивших известность террористических организаций как РАФ в ФРГ, «Рэнго Сэкигун» в Японии, «Красные бригады» в Италии. Бывший член ЦК Перуанской коммунистической партии К. Маригелла опубликовал работу под названием «Городская партизанская война» [15], ставшую настольной книгой террористов самого разного толка.

Хотя левозэкстремистские террористические организации и группы отмежевывались от ориентированного на СССР коммунистического движения, успехи Советского Союза и других социалистических стран в 60-70-е гг. XX в. способствовали росту популярности левых идей во всем мире. Поскольку в этнополитических конфликтах нередко присутствует социальная составляющая, то и этнический терроризм отчасти может мотивироваться идеями левого толка. Так, одна из самых известных террористических организаций этнического толка Рабочая партия Курдистана и в своем названии, и в документах открыто провозглашает приверженность коммунистическим ценностям в том виде как она их понимает. В принятой на учредительном съезде РПК в 1978 г. программе действий она «объявлялась партией рабочего класса Курдистана, вооруженной идеями марксизма-ленинизма, конечной целью которой является построение в Курдистане бесклассового общества» [3. С. 231]. Руководителей РПК не смутило то обстоятельство, что официальный марксизм-ленинизм осудил террористические способы борьбы, которые стала практиковать их партия. Правда, осознавая несовместимость коммунистических принципов и национализма, они подчеркивали свое негативное отношение к нему, хотя реально цели РПК совпадали с целями других курдских партий откровенно националистической ориентации.

Еще большую степень интеграции левых идей и национал-сепаратистских целей можно отметить у имевших большую известность во второй половине XX в. европейских террористических организаций – североирландской ИРА и баскской ЭТА.

Этнический терроризм в Стране Басков был спровоцирован этническим конфликтом, возникшим после окончания Гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. Баски впервые получили национальную автономию после установления республиканского строя. Не случайно все население Страны Басков в годы Гражданской войны поддержало правительство Народного фронта. Но если в целом в Народном фронте доминировали левые партии, то в Стране Басков власть принадлежала местным националистам. Они не проводили социалистических экспериментов, но баскские воинские части стойко сражались на стороне республиканцев [4. С. 69]. После пора-

жения Республики франкисты уничтожили все следы национальной автономии, баскские язык и культура были запрещены. Недовольство таким положением жестко подавлялось. Ухудшилось и социально-экономическое положение басков, поскольку экономическая ситуация после окончания Гражданской войны долго время оставалась тяжелой [1. С. 636]. Особенно радикально было настроено молодое поколение басков. Эти обстоятельства привели к созданию в 1959 г. организации ЭТА, взявшей на вооружение методы индивидуального террора. ЭТА объявила себя «социалистическим движением басков за национальное освобождение», рассматривая свою борьбу как «часть международной пролетарской революции» [10. С. 158]. Тем не менее идеологическая платформа ЭТА оставалась эклектичной, поскольку, по свидетельству самих участников организации, ее социалистический идеал в разное время воплощали «и израильские кибуцы, и югославское самоуправление, и марксизм-ленинизм, и расплывчатый маоизм, и никарагуанско-сандинистская модель нового общества» [10. С. 158]. Но для большинства рядовых боевиков ЭТА главными оставались идеи борьбы за национальное самоопределение.

Несмотря на увлечение левыми идеями, и ЭТА, и ИРА оставались национал-сепаратистскими организациями. Одновременно они взаимодействовали с террористами различных направлений. Российский политолог И. Хохлов отмечает: «Для расширения собственных возможностей и в целях элементарного выживания ИРА и ЭТА установили связи с другими террористическими организациями далеко за пределами своих регионов» [14. С. 89]. Среди этих организаций выделялись различные палестинские группировки.

Появление палестинского терроризма стало следствием развития арабо-израильского конфликта вокруг Палестины. Палестинские территории были разделены между соседними государствами, а после 1967 г. они оказались под израильским контролем. Все возникшие в 1950-60-х гг. палестинские организации стояли на платформе непризнания Израиля и необходимости вооруженной борьбы с ним. Но ресурсов для открытой вооруженной борьбы у палестинских организаций не было, и они встали на путь совершения террористических акций, направленных как против государственных структур, так и гражданского населения Израиля.

В 1964 г. была создана Организация Освобождения Палестины. Членов организации объединяло одинаковое понимание конечных целей и способов их достижения, а идейные установки отражали основные тренды развития политических процессов на Ближнем Востоке и в мире в 60-70-е гг. XX в. Одни организации, в частности ФАТХ, были приверженцами идей арабского национализма и антиимпериализма, другие, например Народный фронт освобождения Палестины или Демократический фронт освобождения Палестины, в идеологическом плане были близки к левозкстремистским террористическим организациям Европы и других регионов. Со вре-

менем влияние леворадикальных и светских политических идей на Ближнем Востоке стало ослабевать. Появилось большое количество экстремистских организаций и движений, руководствовавшихся идеями «политического ислама» или исламизма [6. С. 33-34]. В Палестине такой организацией стало Исламское движение сопротивления (ХАМАС), возникшее в 1987 г. на основе местной ячейки «Братьев-мусульман». Между этническим и религиозным терроризмом исламистского толка существует тесная взаимосвязь, поскольку имеют определенное сходство их идейные основы – национализм и исламизм. Российский исследователь политического ислама Ю.И. Успенский отмечает: «Национализм сглаживает противоречия внутри общества, но обостряет противоречия с другими обществами. Исламизм обостряет их как внутри общества, так и вовне его» [8. С. 71].

Этнический терроризм возникает на основе конфликтов этнополитического характера, но его конкретные формы определяются социально-политическими условиями и господствующими в данный период идейно-политическими тенденциями. Этнический терроризм может быть близок как к терроризму левого, так и правого толка, может практически сливаться с терроризмом религиозного типа, как это происходит сегодня, когда заметным явлением стал этнорелигиозный терроризм.

Рост националистических настроений среди отдельных этнических групп нередко провоцируется нарушением прав этих групп, дискриминацией по национальному, расовому и религиозным признакам. Национальная нетерпимость способствует эскалации этнических конфликтов, что ведет к усилению опасности международного терроризма, прежде всего в его этнической форме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бивор Э.* Гражданская война в Испании 1936-1939 / пер. с англ. А. Кабалника. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.
2. *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX в. М.: Изд. Гея итэрум, 2000.
3. *Вертлев К.В., Иванов С.М.* Курдский национализм: История и современность. М.: ЛЕНАНД, 2015.
4. *Ландбрасо Ангуло А.И., Коновалов А.М.* Терроризм и этнополитические конфликты. Книга первая. Из истории басков. М.: издательство «ОГНИ», 2004.
5. *Ланцов С.А.* Этнический терроризм и борьба за национальное освобождение. Серия 6 // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Вып. 1.
6. *Носенко В.* Долгая война с террором // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 4.
7. *Полищук В.В.* Правовая и политическая оценка ОУН и УПА // ПОЛИТЭК – POLITECH: Политическая экспертиза. Научный журнал. 2006. Том 2. № 3.

---

8. Успенский Ю.И. Политический ислам: проигранные сражения. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019.

9. Фей С. Убийство в Сараеве 28 июня 1914 года // Кто развязал Первую мировую. Тайна сараевского убийства / Ред.-сост. В.Л. Гончаров. М.: Вече, 2010.

10. Хенкин С.М. ЭТА: расцвет и кризис националистического терроризма в Испании // Полития. 2011. № 4.

11. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Издательство «Алетейя», 1998.

12. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри – Inside terrorism / пер. с англ. Е. Сажина. М.: Ультра. Культура, 2003.

13. Хохлов И. Идеологическое обоснование терроризма как инструмента // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 1.

14. Хохлов И. Контагиозная теория терроризма: социально-психологические истоки // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 11.

15. Marighella C. Minimanual of the Urban Guerrilla. 1969. Marxists Internet Archive. Marxism and Welfare. M.I.A. Library // <http://www.marxists.org/archive/marighella-carlos/1969/06/minimanual-urban-guerrilla/>.

16. Snyder L. The New Nationalism. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1968.

S.A. LANTSOV

*Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor
of the Department of International Political
Processes, School of Political Science
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia*

ETHNIC TERRORISM AND ETNO-POLITICAL CONFLICTS OF 19th AND 20th CENTURIES: ANALYSIS OF SOCIO-POLITICAL AND IDEOLOGICAL FACTORS

The article traces the evolution of ethnic terrorism in 19th through 20th centuries. It links the emergence of ethnic terrorism with growth of nationalism and elevation of national movements. It demonstrates the link between ethno-political conflicts and ethnic terrorism. It underlines that ethnic conflicts are often interconnected with socio-political conflicts. It demonstrates the influence of left-wing revolutionary terrorism on ethnic terrorism since emergence of the latter through more recent times. It compares the influence of radical left-wing and radical right-wing ideologies on ethnic terrorism. It studies ideational

---

political platforms and activities of various ethnic terrorist organizations. The study demonstrates that particular forms and ideational political orientations of ethnic terrorism depend on socio-political situation in particular country and of the tendencies that dominate in world politics in different times.

Key words: *ethno-political conflicts, ethnic terrorism, nationalism, left-wing radicalism, right-wing radicalism.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.016

УДК 32.327

З.М. КУРБОНОВА

кандидат политических наук,
докторант Института философии,
политологии и права им. А. Баховаддинова,
Республика Таджикистан, г. Душанбе

А.Н. МАХМАДОВ

доктор политических наук,
профессор, член-корреспондент Академии
наук Республики Таджикистан,
Республика Таджикистан, г. Душанбе

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И ПУТИ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ Часть I

Статья посвящена вопросу конфликтов и конфликтных ситуаций в современных условиях. Важным является то обстоятельство, что в настоящее время для достижения мира и гармонии необходимо умение действовать в условиях конфликта. Человечество много веков бьется над проблемой связи конфликта и терпимости. И каждый раз, когда оно делало выбор между войной и миром, и гармонией, на следующем витке развития оно вновь возвращалось к тому же выбору.

Ключевые слова: конфликт, конфликтные ситуации, политические конфликты и их источники, источники и формы, сценарии урегулирования и предотвращения подобных конфликтов.

Все возрастающий интерес к конфликту и конфликтным ситуациям имеет под собой два основания. Во-первых, рост конфликтов во всех сферах социального взаимодействия является уже приметой нашего времени. Отсутствие взаимопонимания между людьми, насилие, агрессия, разгул терроризма, страх перед будущим, т.е. постоянное усложнение самой проблемы конфликта в реальной жизни, делают конфликты важными и актуальными. Во-вторых, мы сегодня оказались в совершенно новой точке эволюционного развития, когда человечество осознанно берет на себя ответственность за свое дальнейшее существование. Если раньше уповали на Бога, на высшие силы, на магов и волшебников, на коммунистическую партию, то сегодня все более очевидно, что девизом современной жизни становится выражение «Помоги себе сам» [8. С. 3].

Сегодня всем известно, что проблемы безопасности в узком и широком смысле еще длительное время будут оставаться в центре внимания. Совершенно очевидно, что конфликт не только факт нашей жизни, но и фактор, который может внести в нее существенные коррективы. Так, семейный конфликт, доведенный до крайних проявлений, может сделать несчастными всех ее членов. Конфликт, приведший к войне между странами, может разрушить их, повлиять на судьбы граждан не только этих стран, но и всего мира. Но тот же конфликт, конструктивно разрешенный, откроет новые возможности для установления мира и развития сотрудничества.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [5; 6. С. 157-172; 7. С. 551-561; 11. С. 5-16].

Однако проблему политических кризисов и конфликтов нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Термин «конфликт» произошел от латинского слова *conflictus*, что означает буквально «столкновение, серьезное разногласие, спор». Как показывает анализ специальной литературы, понятие «конфликт», несмотря на его широкое распространение и актуальность, не имеет четкого и более или менее универсального определения [2. С. 127].

В современной литературе, посвященной конфликтам, выделяют 112 определений и значительные расхождения в их формулировках. Итак, что же такое «конфликт»?

Конфликт – это проявление объективных или субъективных противоречий, выражающихся в противоборстве сторон.

Конфликт – это наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями.

Конфликты бывают совершенно разными. Среди них выделяют: межличностные конфликты, межгрупповые конфликты и их типы, группы интересов, группы этнонационального характера, группы, объединенные общностью положения, конфликты между ассоциациями, внутри и межинституциональные конфликты, конфликты между государственными образованиями, конфликты между культурами или типами культур, политические, экономические, социальные, военные и др. [4. С. 17].

Из массы конфликтов, целесообразно выделить для рассмотрения политические конфликты, их источники и процесс их урегулирования. Источниками политических конфликтов в самом широком смысле могут быть социальные, внесоциальные, и комбинированные.

В качестве специфического источника политических конфликтов могут выступать противоречия промежуточного характера, отражающие взаимосвя-

вязи человека и природы, где обе стороны вносят свой вклад в развитие конфликта. Но значительно более широкий круг источников конфликта содержится в его социальных факторах и основаниях. Данные детерминанты крайне разнообразны и могут быть связаны со спецификой тех или иных сфер политики (внутригосударственной и международной), с характером субъектов (индивидуальных, групповых, массовых), а также с иными аспектами.

Чаще всего выделяют три основные причины, лежащие в основе политической конфронтации. Прежде всего это разнообразные формы и аспекты общественных отношений, определяющие несовпадение статусов субъектов политики, их ролевых назначений и функций, интересов и потребностей во власти, а также недостаток ресурсов и т.д. Таковы, условно говоря, объективные источники противоречий, которые имеют высокие шансы стать политическими конфликтами. Они, к примеру, фиксируют расхождения статусов между правящей элитой и контрэлитой, различными группами интересов, теми или иными государствами, регионами и т.д.

Как правило, внешнюю напряженность такого рода конфликтов удается погасить достаточно легко. Однако искоренить источники конфликтной диспозиции сторон, различным образом включенных в политическую игру можно только путем преобразований, либо меняющих саму организацию власти в обществе, либо реформирующих социально-экономические (культурные) основания политической деятельности конкурирующих субъектов. Например, ряд ученых предлагают сегодня концепции сглаживания противоречий между богатыми (Севером) и бедными (Югом) странами на основе утверждения их непреодолимости (теории «островов развития» и «золотого миллиарда»), предполагающие способность жить в достатке только населения развитых стран в отличие от иных государств и регионов мира).

Следует учитывать и постоянное видоизменение такого рода источников конфликтов. Например, в современных условиях можно наблюдать обострение отношений между индустриальными и сырьевыми странами, миграционными потоками и процессами урбанизации в развивающихся регионах. В то же время с международной арены уходят «классические» конфликты между национальными государствами, уступая место разнообразным региональным, локальным, цивилизационным противоречиям.

Еще одним важным социальным источником политических конфликтов являются расхождения людей (их групп и объединений) относительно ценностей и политических идеалов, культурных традиций, оценок тех или иных событий, а также другие субъективно значимые представления о политических явлениях. Такие конфликты чаще всего возникают в тех странах, в которых сталкиваются качественно различные мнения о путях реформирования государственности, закладываются основы нового политического устройства общества, ищутся пути выхода из социального кризиса. Например, применительно к системе мировых политических отношений

американский ученый Р. Инглхарт указывает, что в настоящее время многие концепции исламского, конфуцианского, буддистского и иных моделей мирового порядка построены не на учете сложившегося и изменяющегося баланса сил в мире, а на апелляции к собственным идеалам и ценностям; по сути дела они призывают к переоценке самых глубоких социокультурных основ современных реалий и философии политики [3. С. 64-74].

Как показывает опыт прогнозирования геополитической обстановки последних лет, зарождающиеся кризисы и конфликты не поддаются своевременному распознаванию и диагностике. Примерами тому являются многочисленные «цветные революции» и протестные движения, имевшие место на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке, к которым экспертное политологическое сообщество было не готово, несмотря на повторявшиеся предпосылки и сценарии организации подобных «революций». Волна «арабских революций» в государствах Северной Африки и протестных движений на Украине, в Киргизии, Грузии и Молдавии даже привели к устранению правящих режимов в результате применения технологий манипулирования сознанием человека. Феномен «цветных революций» впервые проявился в Сербии в конце 90-х гг. прошлого века. Затем аналогичные события произошли на Украине, в Грузии, Киргизии, Молдавии и вновь повторились на Украине в 2013 г. В Белоруссии, Узбекистане и России также были попытки организовать протестные движения, но там они не получили развития вследствие устойчивости государственных институтов и отсутствия достаточной поддержки со стороны населения. Там, где «цветные революции» закончились успешно, политические режимы претерпели трансформацию, в основном прозападную и антироссийскую. Это говорит о том, что данные явления представляют серьезную опасность для национальных интересов России, так как служат эффективным инструментом реформирования политических пространств в интересах внешних субъектов международной политики, занимающих антироссийские позиции [3. С. 140].

Главной особенностью современных кризисов и конфликтов внутригосударственного и регионального масштабов является широкое прямое или косвенное вовлечение в них заинтересованных внешних субъектов международной политики, стремящихся оказывать военную, финансовую и информационную поддержку одной из сторон в своих интересах, а также влиятельных международных организаций. Как показывают события в Ливии и Сирии, это не позволяет властям страны считать такой конфликт своим внутренним делом, даже если он и оказывается таковым с международно-правовой точки зрения [3. С. 137-138]. Частота конфликтных и кризисных ситуаций в современном мире обусловлена высоким уровнем конфликтности внутригосударственных и международных отношений, который определяется возросшей активностью дипломатических, неправительственных организаций и специальных служб, поощряющих, организуя-

щих и финансирующих оппозиционные силы в их борьбе с действующей властью, причем организаторы протестных движений иногда привлекают для участия третьи страны (как это было в Ливии и Сирии), вербующие и обучающие наемников и финансирующие их деятельность. Сценарии политических переворотов были успешно реализованы на Украине, в Грузии, Киргизии и Молдавии, а также в государствах Северной Африки, надолго дестабилизировавших социально-политическую обстановку в этих странах. При этом движущей силой подобных «революций» является молодежь в возрасте до 30 лет, доля которой в общей массе населения растет. Ожидается, что к 2020 г. она составит в Азии 47%, на Ближнем Востоке и в Северной Африке – 57%, к югу от Сахары – 70%. При этом в большинстве стран данных регионов в ближайшей перспективе условий для успешной социальной интеграции молодежи в общественные структуры не предвидится, что сделает ее источником грядущей социально-политической нестабильности и конфликтов [1].

Фактором, способствующим успеху «цветной революции», являются также слабость центральной власти и ее непоследовательность в решении социально-экономических проблем. На Украине это привело к тому, что в течение 10 лет (в 2004 и 2013-2014 гг.) произошло две «цветные революции». Международные организации и руководители стран Запада вместо того, чтобы оказывать реальную экономическую помощь этой стране, всячески стараются ослабить ее, ограничивая действия руководства Украины по пресечению деструктивной деятельности оппозиции, которая, используя демократические институты, занимается подрывом основ государственного строя. Поэтому не удивительно, что «цветные революции» происходили в наиболее благополучных с точки зрения соблюдения норм демократии странах СНГ: на Украине и в Грузии, где СМИ имели большую свободу действий, а в Киргизии А. Акаев формально считался чуть ли не самым демократическим президентом на постсоветском пространстве [10].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бордунова Е.* Молодежь в странах Ближнего Востока: социально-политические и экономические последствия быстрого демографического роста. ГУ-ВШЭ / Екатерина Бордунова. Фак. прикладной политологии ГУ-ВШЭ, рук. Е.М. Щербакова // Демоскоп Weekly: интернет-сайт. 22 марта – 4 апреля 2010. № 415-416 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/student03.php>.
2. *Гришина Н.В.* Психология конфликта // Учебное пособие. Издательство «Питер», 2008.
3. *Карякин В.В.* Современные кризисы и конфликты: особенности, сценарии развития и предотвращение // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 4 (25).

4. *Келли Р.* «Посредничество. Разрешение споров и управление конфликтом (из опыта 15-летней работы)» // Социальный конфликт. 1998. № 4.

5. *Медведев Н.П.* Политические кризисы и конфликты: теория и практика. Монография. М., 2017.

6. *Медведев Н.П., Нестерчук О.А., Слизовский Д.Е.* Постсоветское содружество (СНГ). Остались ли ресурсы для новой реинтеграции? // Przegląd Strategiczny. 2018. Т. 11.

7. *Медведев Н.П., Глебов В.А.* К вопросу о способах урегулирования политических конфликтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 5 (44).

8. *Мириманова М.С.* Конфликтология: Учебник для студ. сред. пед. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2004.

9. *Панов В.* «Мягкая сила» крушит Украину. Прозападные НПО и подготовка государственного переворота в стране / Валерий Панов // ЦентРАзия: интернет-сайт. 4 февраля 2014 // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1391492580>.

10. *Попов О.* Российские правозащитные организации и «западные» правозащитные фонды / Олег Попов // Сибирский центр политических исследований: интернет-сайт. 16 марта 2008 // <http://sibcenter.info/geopolitics/2008/03/rossijskie-pravozashhitnye-organizacii-i-zapadnye-pravozashhitnye-fondy.html>.

11. *Слизовский Д.Е.* Можно ли было избежать распада СССР: призма событий тридцатилетней давности и современности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 2 (24).

Z.M. KURBONOVA
*candidate of political sciences,
Doctoral candidate of Philosophy, Political Science
and Law named after A. Bahouddinov, AS RT,
Associated Professor of the TSUC, World Economy & IR
Department, Dushanbe, Republic of Tajikistan*

A.N. MAKHMADOV
*Doctor of Political Sciences,
professor, corresponding member of the Academy
sciences of the Republic of Tajikistan,
Dushanbe, Republic of Tajikistan*

SCENARIOS FOR THE DEVELOPMENT OF POLITICAL CONFLICTS AND WAYS TO PREVENT THEM Part I

The article is devoted to the issue of conflicts and conflict situations in modern conditions. Important is the fact that at present, to achieve peace and harmony, the ability to act in a conflict is necessary. For many centuries, humanity has been struggling with the problem of the connection between conflict and tolerance. And every time it made a choice between war and peace, and harmony, at the next round of development it again returned to the same choice.

Key words: *conflict, conflict situations, political conflicts and their sources, sources and forms, scenarios for the settlement and prevention of such conflicts.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.017

УДК 32.327

А.Д. НАЗАРОВ

*профессор, доктор исторических наук,
заместитель заведующего кафедрой
рекламы и связей с общественностью по научной работе*

*Института иностранных языков Московского
авиационного института (национальный
исследовательский университет) (МАИ),*

Россия, г. Москва

Е.А. НАЗАРОВА

*профессор, доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии*

МГИМО (Университет) МИД России,

Россия, г. Москва

ФЕНОМЕН ИМПОРТНОГО ЭКСПО: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КНР

В статье подробно анализируется накопленный опыт организации и проведения первых китайских международных выставок-ярмарок импортных товаров (China International Import Expo), участия в них России, как почетного гостя, представившей множество промышленных и технологических новинок в самых разных отраслях, а также комплексную презентацию в области развития торговли, инвестиций, туризма.

Ключевые слова: *выставочный коммуникационный менеджмент, государственное регулирование выставочной деятельности, мировые ЭКСПО, расширение импорта, Великий шелковый путь, «Один пояс, один путь», российско-китайское торгово-промышленное сотрудничество, трансграничная электронная торговля.*

Усилия КНР по расширению импорта, все активнее воплощаемые ныне в форме международного ЭКСПО, опираются на научно обоснованные и выверенные на правительственном уровне стратегические выводы о целесообразности осуществить в стране ширококомасштабные планы по превращению ее в мировую торговую державу. И эти намечаемые грандиозные планы имеют под собой серьезную основу – согласно прогнозов китайских

экспертов, в ближайшие пять лет объемы импорта товаров и услуг могут достигнуть 10 трлн долларов [5]. Поэтому еще в 2012 г. остро был поставлен вопрос расширения импорта [13; 32].

Вскоре эта идея получила одобрение Госсовета Китая, выпустившего специальный документ «Мнения об усилении импорта», а в мае 2017 г. на Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Одного пояса и одного пути» председатель КНР Си Цзиньпин, поддержав эту идею, объявил, что с 2018 г. Китай намерен проводить ежегодные представительные международные выставки [22. С. 51-52].

В последующий период руководство Китая на многочисленных международных площадках последовательно разъясняло свою новую политику по регулированию выставочной деятельности, осуществляло меры по стимулированию расширения импорта. Так, в 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин, уточнив проводимую политику, обнародовал ключевые направления открытости современного китайского рынка.

Это, во-первых, – расширение доступа к китайскому рынку; во-вторых, – расширение импорта; в-третьих, – улучшение деловой среды; и, в-четвертых, – защита прав на интеллектуальную собственность [13. С. 32; 1. С. 8-11].

Впоследствии эти тезисы были дополнены новым содержанием. Так, при открытии второго импортного ЭКСПО 5 ноября 2019 г. Председатель Си Цзиньпин подтвердил намерение Китая еще шире распахнуть двери для импортеров, взяв за основу такие экономические меры, как снижение тарифов, последовательное придерживание своей основополагающей политики открытости, поднимая ее на еще более высокий уровень, устранение барьеров, препятствующих потоку знаний, технологий, талантов и других факторов, способствующих инновациям [24]. В проведении данного широкомасштабного мероприятия также просматривается, но не доминирует, и определенная политическая составляющая, вызванная в последнее время обострившемся торговым конфликтом между Китаем и США. В контексте этого конфликта смысл импортной ярмарки становится все более широким, – отмечают специалисты [3; 2; 12; 23].

Во-первых, такое ЭКСПО свидетельствует, что КНР намерен проводить импортные ярмарки, активно расширять импорт, демонстрируя неизменность позиции по продвижению взаимовыгодной стратегии открытости и защите свободы торговли.

Во-вторых, проведение второй раз представительной импортной ярмарки служит предостережением для предприятий и компаний США, некоторых других стран, которые, страдая в настоящее время из-за экономического спада на зрелых рынках [24; 9], реально могут упустить китайский рынок и огромные коммерческие шансы, что в условиях увеличивающейся экономической нестабильности в мире не сулит им ничего хорошего.

Между тем гигантские размеры и объемы представленных на ярмарке товаров и услуг вызывают большое уважение, что нашло подтверждение

в ее поддержке со стороны авторитетных международных организаций. Так, партнерами импортной ЭКСПО выступили Всемирная торговая организация, Конференция ООН по торговле и развитию, Организация ООН по промышленному развитию [1. С. 8], а в первой выставке в 2018 г. приняли участие представители 172 стран (на второй выставке в 2019 г. – уже 181), 58 стран из региона «Одного пояса, одного пути», более 3600 компаний (в 2019 г. – 3800), в том числе – более 200 ведущих отраслевых предприятий и компаний из топ-500 крупнейших мировых, более 400 тысяч закупщиков из Китая и других стран, приняли участие 800 тыс. человек (на следующий год их количество достигло 910 тысяч), а общая сумма потенциальных годовых сделок составила 57,83 млрд. долларов (в 2019 г. – уже 71,1 млрд., или выросла на 23%) [9; 14. С. 43].

Весьма характерно, что из общего объема потенциальных сделок, их сумма в области интеллектуального высокотехнологического оборудования составила 28,5% (16,46 млрд. долл.), в сфере продуктов питания и сельскохозяйственной продукции – 21,9% (12,68 млрд.), в сфере автомобилей – 20,7% (11,99 млрд.), медицинская аппаратура и здравоохранение – 10,0% (5,76 млрд.), потребительская электроника и бытовая техника 7,5% (4,33 млрд.), одежда, украшения и товары повседневного пользования – 5,8% (3,37 млрд.), торговля услугами – 5,6% (3,24 млрд.) [14. С. 43].

Специалисты особо отмечают, что площади под проведение II ЭКСПО в сравнении с первым ЭКСПО были увеличены в несколько раз, несмотря на это, а также значительную стоимость одного квадратного метра выставочной площади (как правило, около 3000 долларов), получить выставочный стенд было очень нелегко.

Посетители ЭКСПО, ученые, экспертное сообщество видят основную причину столь большой популярности, которая кроется в необыкновенной истории как этой торгово-экономической выставки, так и традиций торгового дела в Китае, имеющих тысячелетние корни. Речь идет о Великом шелковом пути, уникальном коммуникационном проекте в истории человеческой цивилизации, все больше привлекающем внимание отечественных и зарубежных ученых и специалистов [11; 12; 16; 17 и др.], а также усилиях руководства КНР, разработавшего и реализующего концепцию возрождения этого легендарного пути, в рамках инициативы «Одного пояса и одного пути», вовлечении в этот проект новых партнеров [11. С. 120].

В минувшее пятилетие Китай уже вложил свыше 80 млрд долларов в экономику стран Нового Шелкового пути, заключив 105 соглашений о сотрудничестве со 106 государствами и 29 международными организациями. За это время созданы 22 района торгово-экономического сотрудничества, инвестиции в эти проекты превысили 28 млрд долл., а также почти 250 тыс. рабочих мест. В целом, по оценкам специалистов, такая деятельность КНР и стран Экономического пояса Шелкового пути позволила довести объем

двустороннего товарооборота до 6 трлн долларов, а всего импорт в эту страну продукции и услуг в течение ближайших пяти лет составит не менее 10 трлн. долл. [1. С. 8].

О правильности выбранного курса на открытость внутреннего рынка Китая, огромной организационной работы его правительства, свидетельствует то, что, согласно сходящимся в едином мнении экспертов, уже первая Китайская международная импортная ярмарка по своим масштабам превзошла все ожидания и вошла в число глобальных коммерческих выставок [4]. В то же время, вторая выставка зарекомендовала себя уже как важная и прошедшая успешную апробацию платформа для торгового взаимодействия между КНР и другими странами [19], отдавая тем не менее предпочтение государствам, входящим в проект «Один пояс и один путь». Становится все более очевидным, что китайское международное импортное ЭКСПО – это новое слово, своего рода «ноу хау», в современной теории и практике выставочного менеджмента, первый в мире государственный форум, ориентированный исключительно на заполнение собственного внутреннего рынка товаров и услуг [26].

Согласно уточненным сводным данным по всемирно известным коммерческим выставкам, по мнению экспертов [4], Китайская международная импортная ярмарка, проводимая на базе Национального выставочного центра в г. Шанхае, действительно, по своим масштабам входит в число глобальных коммерческих выставок. Согласно справочным данным, подготовленным Бюро по организации китайской международной импортной ярмарки, ЭКСПО такого уровня – первая в мире государственная выставка, посвященная исключительно импорту. Мировую значимость она получила за конструктивное содействие укреплению торгово-экономического обмена и сотрудничества между всеми заинтересованными странами планеты; стимулирование роста глобальной торговли и содействие росту мировой экономики открытого типа [4; 18; 20].

Весьма важно, что выставка выступила в роли эффективной платформы сотрудничества открытого типа для презентации достижений национального развития и перспектив роста международной торговли. Другой ее особенностью является патронаж правительства Китая в продвижении экономической глобализации, и, соответственно, отнесение ее к категории глобальных общественных благ. И наконец, по мнению экспертов, выставка в Шанхае становится знаковым проектом новой концепции развития и продвижения нового раунда высокоуровневой внешней открытости Китая, что особенно значимо сегодня, когда «силы протекционизма вновь поднимают голову, а свободная торговля сталкивается со все большими вызовами», а именно Китай «посылает отчетливый сигнал всему миру, что взаимная выгода и общий выигрыш – верный путь развития» [1. С. 8; 21].

Отличительными особенностями импортного ЭКСПО в Китае по праву считаются: крупный масштаб и разнообразие проводимых мероприятий;

открывающийся огромный китайский рынок, динамичный рост потребления и импорта; одновременное осуществление различных мероприятий деловой программы, высокоэффективное и всестороннее обслуживание его участников; огромный опрос на закупки, организация посещения выставки большим количеством профессиональных закупщиков (более 400 тыс. человек) [3]; понимание в широкой общественности значимости того, что проводимая в Шанхае выставка позволит ощутить эффект всему Китаю.

Весьма профессионально и с учетом современных подходов в мировом выставочном менеджменте, были определены основные составляющие ЭКСПО. Рассмотрим их более основательно:

1. *Комплексная выставка торгово-инвестиционного потенциала стран-участниц.* На площади около 30 тыс. м участники имеют возможность продемонстрировать свой торгово-инвестиционный потенциал, в том числе успех и в торговле товарами и услугами, развитии промышленности, инвестиций, туризма, показать оригинальные продукты.

Как показал анализ, при проведении данной ЭКСПО организаторами учитывался разный уровень экономического развития стран-участниц. Это позволило создать режим преференций, обеспечивающих участие в столь масштабной выставке для целого ряда компаний, не имеющих возможности конкурировать за право участия с транснациональными корпорациями. Так, некоторым странам «Пояса и пути», в частности менее развитым, трудно было рассчитывать на соседство с экономическими гигантами. Среди 2800 предприятий – участников первого импортного ЭКСПО в 2018 г. многие – более чем из 50 стран и регионов «Пояса и пути», а 44 – из наименее развитых стран. Поэтому организаторы Шанхайской ярмарки безвозмездно представляли два стандартных стенда каждой такой стране [4].

2. *Международный экономический форум Хунцяо.* Он также ежегодно проводится в рамках импортного ЭКСПО, организация работы которого постоянно совершенствуется. Так если на первой ярмарке он состоял из официальной церемонии и трех т.н. подфорумов, посвященных «торговле и открытости», «торговле и инвестициям», «торговле и инновациям», то основной темой форума в 2019 г. стала «Открытость и инновации, сотрудничество и общий выигрыш».

Это весьма значимое мероприятие проходило в формате «1+4»: одна церемония открытия (основной форум) плюс четыре подфорума, на которых обсуждались новые тенденции развития мировой экономики, способы ее восстановления и перспективы роста [20. С. 25]. Немаловажно, что оказать аналитическую и техническую поддержку форуму, и вполне логично, вызвались Департамент ООН по промышленному развитию, другие международные организации.

3. *Коммерческая выставка предприятий.* Она состоит из двух частей: выставки торговли товарами (на площади около 180 тыс. кв. м разверну-

ты потребительская электроника, бытовая техника, одежда, повседневные товары, автомобили, интеллектуальное и высокотехнологическое оборудование, пищевые и сельскохозяйственные продукты, медицинское оборудование, лекарственная и оздоровительная продукция и т.д.) и выставка торговли услугами (на площади примерно в 30 тыс. кв. м были представлены новые технологии, услуги аутсорсинга, креативного дизайна, культуры, образования и туризма) [4].

Принятое уже по итогам Первого международного импортного ЭКСПО решение правительства КНР о ежегодном его проведении, как отмечают эксперты, в полной мере отражает решимость Китая активно продвигать новый раунд внешней торговой политики и открывать свой рынок миру последовательно используя и совершенствуя механизмы выставочного менеджмента.

Опыт проведения двух международных импортных ЭКСПО в Шанхае показывает, что эта модель равноправного взаимного сотрудничества разных стран обладает мощной привлекательностью.

Во-первых, ЭКСПО представляет собой идеальную площадку для тестирования и внедрения новых продуктов. Так, на первом ЭКСПО в 2018 г. высокую оценку получили выполненные из джута изделия ручной работы из Бангладеш, которые вошли в продажу ведущего магазина японской сети универмагов Такашима в городе Шанхае. Крупнейший экспонент в отрасли «бытовая химия» компания Л'Ореаль (L'Oreal) в первом и втором ЭКСПО, назвала ЭКСПО «ускорителем» запуска новых продуктов и формирования рекламы ходовой продукции. Все четыре бренда этой фирмы, продемонстрированные в первом и втором ЭКСПО, уверенно вошли на китайский рынок, завоевав большую популярность.

Во-вторых, ЭКСПО – это хорошая возможность почувствовать пульс китайской экономики, действенная форма помощи профессиональной аудитории и закупщикам из числа иностранных компаний сформировать достоверное представление о масштабах рынка потребительских товаров и услуг, существующих в Китае тенденциях. В частности, это привело к изменению бразильского бренда говядины, перешедшего на новую модель оптовых сделок, отдавая предпочтение запуску на продажу этой продукции в небольших упаковках, распространив ее в сравнительно небольших населенных пунктах, значительно повысив тем самым объем своих продаж.

В-третьих, ЭКСПО выступила в роли своего рода платформы, где компании могут найти наиболее подходящих партнеров. Примером может служить компания Стендерс (Stenders), специализирующаяся на выпуске брендовых средств ухода за кожей, продукцию которой теперь можно приобрести не только в специализированных универмагах, но и на автозаправочных станциях, платформах электронной коммерции и в местных магазинах повседневных товаров.

В-четвертых, ЭКСПО стало местом сбора заинтересованных покупателей со всего мира. Так, выставочный стенд компании Джонсон и Джонсон

посетили несколько правительственных делегаций, подписавших договоры о закупках с более чем 50 известными больницами КНР. Другой яркий пример – всемирно известный немецкий производитель бытовых электроприборов Worwerk продемонстрировал в ЭКСПО интеллектуальный робот-пылесос и завоевал весьма положительную оценку. При этом, в ходе проведения ЭКСПО в 2018 г. покупателям напрямую было успешно продано большое количество таких экспонатов, в том числе медицинское и производственное оборудование, измерительные приборы.

В-пятых, практика проведения двух международных импортных ЭКСПО показывает, что это лучшая платформа для выхода иностранной продукции на китайский рынок. Этот факт подтверждается серьезными специалистами. Так, огромным успехом стало пользоваться в Китае молоко из Новой Зеландии, выпускаемое компанией LewisRoad Creamy, что, по мнению ее директора О'Вурк, стало возможно благодаря ЭКСПО, уделившему большое внимание «огромному рынку Китая с неограниченным потенциалом развития». Эксперты отметили, что второе ЭКСПО создало прочную основу для долгосрочного развития новозеландской продукции, закрепления направившегося в Китае нового бренда популярной молочной продукции [8].

Важно отметить, что ключевым участником импортных ЭКСПО, проводимых в Китае, по праву является Российская Федерация [1. С. 8-9; 14]. Ей отведена особая роль – она участвует в выставках в статусе почетного гостя, что подчеркивает не только уровень и масштабы участия России, но и говорит о значительном потенциале российско-китайского торгово-промышленного сотрудничества, демонстрирует особое внимание к этой проблеме высшего руководства обеих стран. Как отмечает Президент РФ В.В. Путин, – «благодаря усилиям председателя Си Цзиньпина, правительства Китая мы продвигаемся очень хорошо в торгово-экономической сфере, превысили даже наши планы по объемам торгового оборота» [7. С. 23].

Так, в 2018 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Россией побил прежние рекорды, впервые превысив сумму в 100 млрд. долл. США. А в 2019 г., ознаменовавшем 70-ю годовщину установления дипломатических отношений между нашими государствами, китайско-российские отношения стратегического партнерства и взаимодействия совместными усилиями обеих сторон достигли наивысшего уровня в истории [6. С. 33].

Следует особо отметить, что ныне динамично развивается новый тип китайско-российской торговли – трансграничная электронная торговля. По мере ее роста, упрочения и оживления всей цифровой экономики к этому виду бизнеса приковывается все больше внимание политических и деловых кругов Китая и России. В будущем обеспечение долгосрочного и упорядоченного развития трансграничной электронной торговли имеет большое значение для дальнейшего повышения уровня торгово-экономического сотрудничества двух стран.

Согласно данным Ассоциации компаний Интернет-торговли (АКИТ) России, в 2018 г. российская почта обработала около 380 млн международных отправок, этот показатель увеличился на 30,1% по отношению с данными 2017 г. При этом 92% торговых отправок приходилось на посылки из Китая, за которыми следовали почтовые отправления из ЕС (3%) и США (2%). Доля китайских посылок в трансграничной электронной торговле России с каждым годом увеличивается, однако в денежном выражении эта динамика пока намного меньше: всего 53% – Китай, ЕС – 22%, а США – 12%. Все это показывает, что цена большинства товаров в посылках из Китая пока невелика.

Количество заказов в Китае, сделанных российскими покупателями через Интернет, все более увеличивается, объем трансграничной электронной торговли между Китаем и Россией в 2019 г. тоже растет, на что указывают прогнозы экспертов [6. С. 33].

В частности, согласно прогнозу АКТИТ России, к концу 2019 г. объем ее рынка электронной торговли может достичь 33,8 млрд. долл. США (2,2 трлн. рублей). Во-вторых, в Китае быстрыми темпами увеличивается потребление и импорт. Имея самую большую численность населения в мире, КНР является второй по величине экономикой и вторым по емкости потребительским рынком, который именно сейчас вступил в новый этап непрерывного увеличения масштабов потребления. В ближайшие пять лет Китай готов к импорту товаров и услуг более чем на 10 трлн. долл. США, что даст возможность занятия соответствующих ниш китайского внутреннего рынка.

На недавней очередной, 24-й по счету, встрече глав правительств Китая и России, премьер-министр Госсовета Китая Ли Кэцян продемонстрировал всемерное содействие сотрудничеству между двумя государствами в новых областях, – в трансграничной электронной торговле и технологических инновациях. В «Совместном коммюнике», подписанном после встречи, отмечено, что «реализация «Меморандума о содействии качественному развитию двусторонней торговли» позволит оптимизировать ее структуру, создать новые точки для торгово-экономического роста, и стимулировать развитие новых форм торговли, таких как электронная торговля и торговля услугами».

Стороны договорились об «активном расширении инвестиционного сотрудничества в области высокотехнологичной и цифровой экономики». Из этого видно, что лидеры правительств Китая и России проявили максимальную уверенность и достигли полного единства в реализации стратегии продвижения двустороннего торгово-экономического сотрудничества на более высокий уровень.

Большим импортным потенциалом, который следовало бы переориентировать на китайский рынок, располагают некоторые субъекты Федерации. Среди них – Москва [10], Приморский, Красноярский, Забайкальский края [7. С. 19; 25. С. 13-14].

Следует признать, что экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и Россией долгое время продвигалось главным образом усилиями правительства двух стран, а «народная торговля», ориентированная на рынок, так и не смогла совершить прорыв. Возможно, что трансграничная электронная торговля сможет стать тем пробным камнем, тем народным потоком, который разрушит все барьеры в свободной рыночной торговле двух народов, послужит мостом и связующим звеном для укрепления взаимного понимания и осуществления чаяний народов Китая и России [6. С. 35].

На дискуссионных площадках выставки обсуждались и такие перспективные инвестиционные проекты на территории России, как сооружение современных трансграничных торгово-туристических комплексов. Туристические проекты вызывают повышенный интерес у китайцев, они в прошлом году стали лидерами по количеству въездных туристических поездок в Россию – 1,478 млн посещений, или с ростом на 14% к предыдущему периоду. Не случайно, поэтому на импортном ЭКСПО в Китае регионы России демонстрировали новые виды туризма. Так, это Свердловская область наглядно показавшая имеющиеся возможности медицинского туризма, Удмуртия – представившая «оружейные туры» на родину автомата Калашникова, много говорилось также о развитии арктического и гастрономического видов туризма. Разрабатываемые ныне межправительственные документы предусматривают возможность расширения рамок безвизового туризма, продление сроков безвизового пребывания [25. С. 14-15].

Эксперты отмечают возросший задел в наращивании экспертных поставок из России в Китай, на выставке в 2019 г. состоялось открытие представительства Российского экспортного центра (РЭЦ) в Шанхае, аналогичная штаб-квартира откроется в Пекине, а в перспективе – агентские точки в 20 городах КНР. Это позволит, отмечает гендиректор РЭЦ А. Слепнев, – «представить весь комплекс услуг по поддержке российско-китайской торговли: кредитную и страховую поддержку, содействие в логистике, участие в выставках и поиск партнеров [25. С. 15].

Это приведет к выходу российских компаний на китайский рынок через платформы электронной торговли, позволит создать на территории КНР полноценную интегрированную систему обеспечения российско-китайской торговли» [25. С. 15], тем более, что выступивший на церемонии открытия второй ЭКСПО председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что общий объем китайского импорта товаров и услуг в ближайшие 15 лет составит 40 трлн долларов. В том числе намечается импортировать товаров на 30 трлн. долл., услуг – на 10 трлн., для чего, в качестве поддержки импорта в Китай в стране намечается продолжить снижение таможенных пошлин, упрощать процедуру таможенного оформления [25. С. 15].

Как показало исследование, Россия прочно вошла в число 20-ти ключевых партнеров Шанхайской торговой площадки. Ныне планируется, по-

мимо интернет-площадок и туризма, взаимодействовать с предприятиями общественного питания и гостиничного бизнеса, поскольку они способны обеспечить максимальные объемы закупок. Все это и многое другое отвечает обоюдным намерениям существенно увеличить объемы внешнеторгового оборота КНР и РФ, который предстоит в ближайшие годы довести до 200 млрд. долларов в год, как об этом договорились лидеры двух стран – Владимир Путин и Си Цзиньпин [24; 7. С. 23 и др.].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авдеев В.* Новая эра приблизит общее будущее: Первая китайская международная импортная ЭКСПО призвана продемонстрировать миру открытость рынка КНР // Дыхание Китая. 2 ноября 2018.
2. *Бай Мин.* На пути к мировой торговой державе // Китай. 2019. № 11.
3. *Бай Мин.* Товаров стало больше: Развитие импорта в Китае перешло на новый уровень // Российская газета. 8 ноября 2019.
4. *Бай Мин.* Экспорт ищет баланс: Китай намерен активно наращивать импортную торговлю // Российская газета. 7 ноября 2018.
5. Более 100 новых товаров представят миру на китайской ЭКСПО // Дыхание Китая. 18 ноября 2018.
6. *Гун Яньхуа.* Рассвет электронной торговли между Китаем и Россией // Китай. 2019. № 11.
7. *Дробышева И.* Масштабы сотрудничества расширяются: Россия и Китай увеличивают инвестиции в совместные проекты на Дальнем Востоке и в Арктике // Дыхание Китая. 5 ноября 2019.
8. *Ли Цзе.* Блага достанутся людям: Китайское импортное ЭКСПО вошло в десятку лучших выставок мира // Российская газета. 8 ноября 2019.
9. *Маслов А.* Окно возможностей открыто: Российские компании должны извлечь максимум пользы от выставки в Шанхае // Российская газета. 7 ноября 2018.
10. *Мелешенко А.* Made in Moscow: Объем московского экспорта вырос на 15 процентов // Российская газета. 27 декабря 2019.
11. *Назаров А.Д., Кораблева И.С.* Великий шелковый путь как уникальный коммуникационный проект в истории человеческой цивилизации: уроки, проблемы, перспективы // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 1.
12. *Назарова Е.А.* К истокам теории и практики социальной коммуникации в различных сферах современного общества // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 4.
13. Первая международная выставка импорта / Данные Управления китайской международной импортной ЭКСПО // Китай. 2018. № 12.
14. *Станченко Л.* Российский итог Шанхайской ярмарки // Китай. 2018. № 12.
15. *Тянь Хун.* Big Data помогает продавцам и покупателям: Китай создает торговые платформы для расширения влияния ЭКСПО // Российская газета. 8 ноября 2019.

16. Франкопан П. Шелковый путь / Пер. с англ. В.Ю. Шаршуковой. М.: Издательство «Э», 2018.
17. Хансен В. Великий шелковый путь: портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай – Согдиана – Персия – Левант / Пер. с англ. С.А. Белоусова. М.: Издательство Центрполиграф, 2014.
18. Ху Билян. Платформа сотрудничества для совместного развития // Китай. 2019. № 11.
19. Ху Билян, Лю Минь. Найти торговый баланс: ЭКСПО является надежной платформой для совместного развития стран мира // Российская газета. 8 ноября 2019.
20. Цзин Ту. Создание открытой мировой экономики // Китай. 2019. № 11.
21. Чжоу Синь. Совместное использование китайских возможностей // Китай. 2019. № 12.
22. Чжун Хэ. Поделиться с миром шансом // Китай. 2019. № 12.
23. Чун Яту. Идти в ногу с новым трендом // Китай. 2019. № 11.
24. Ши Дзин, Хань Баои и др. ЭКСПО приглашает на рынок: Стоимость сделок по сравнению с прошлым годом резко возросла // Российская газета. 22 ноября 2019.
25. Щепин К. Контрактов прибавилось: Россия подводит свои итоги китайской импортной ЭКСПО // Дыхание Китая. 21 января 2019.
26. ЭКСПО как демонстрация мощи Китая: Совместное использование возможностей ведет к совместному развитию // Российская газета. 8 ноября 2019.

A.D. NAZAROV

*Professor, Doctor of Sciences (history),
Deputy Head of the Chair for scientific work
at the Chair of advertising and public relations,
Institute of foreign languages of the Moscow
Aviation Institute (National Research
University) (MAI), Moscow, Russia*

E.A. NAZAROVA

*Professor, Doctor of Sciences (sociology),
Chair of Sociology, Moscow State Institute
of International Relations of the Foreign Ministry
of RF, Moscow, Russia*

PHENOMENON OF IMPORT EXPO: NEW APPROACHES IN THE STATE POLICY ON THE REGULATION OF EXHIBITION ACTIVITIES IN CHINA

The article analyzes in detail the accumulated experience of organizing and holding the first Chinese international exhibitions and fairs of imported goods (China International Import Expo), Russia's participation in them as an honorary guest, which presented many industrial and technological innovations in various industries, as well as a comprehensive presentation in the field of trade, investment and tourism development.

Key words: *exhibition communication management, state regulation of exhibition activities, world EXPOS, import expansion, the Great silk road, » one belt, one road, Russian-Chinese trade and industrial cooperation, cross-border e-Commerce.*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ФАКТОРЫ-НОСИТЕЛИ БУДУЩЕГО

В условиях глобализации внешнеполитическое прогнозирование становится все более необходимым и все более сложным. Резко возросли требования к его реалистичности и достоверности. В то же время сократились сроки, отводимые как на само прогнозирование, так и на процесс принятия решений.

В предлагаемой статье автор делает некоторые выводы и опыта практической прогностической работы в сфере внешней политики. Предлагается система факторов-носителей будущего, качественный и количественный анализ которых делает внешнеполитический прогноз более достоверным и реалистичным. Среди этих факторов особое значение придается научно-техническому прогрессу и его осмыслению политическими элитами для реализации в практике международных отношений в интересах формирования целостного устойчивого мирового порядка на основе социального равенства и межнационального равенства.

Ключевые слова: *прогнозирование и планирование, фактор-носитель будущего, научно-технический прогресс, глобальные проблемы, человек, миропорядок, устойчивое развитие.*

Внешнеполитическое прогнозирование – сложный и многоплановый процесс. Он включает **анализ** и **экстраполирование** на перспективу целого ряда составляющих мирового политического и не только политического процессов. При этом, однако, важно не усложнять этот процесс второстепенными деталями, которые могут исказить картину будущего и отрицательно сказаться на конечном результате прогноза. Из огромного множества явлений и составляющих событийной «картинки» (the picture) повседневной прогностической деятельности следует выделить феномены, определяющие основное направление событий на длительную перспективу. В практике прогнозирования эти феномены делятся на группы, получившие определение **факторов-носителей будущего**.

В эпоху абсолютизма и династических войн круг факторов-носителей будущего замыкался практически на один – возраст царствующего монарха. С этим фактором были связаны важнейшие политические события средневековья – борьба за наследство того или иного феодального правителя.

В наше время значение **геронтологического** фактора-носителя, будущего существенно снизилось, а применительно к развитым демократическим странам не играет столь заметной роли даже в государствах с монархической формой правления. Тем не менее возрастная составляющая продолжает оставаться существенным элементом внешнеполитического и, в особенности, дипломатического прогнозирования при анализе электоральных процессов. Так, например, одним из главных аргументов противников избрания на пост президента США независимого политика Берни Сандерса является возраст последнего, т.к. в случае избрания он вступит в должность в 2021 г. на восьмидесятом году жизни. В то же время в целом ряде восточных стран преклонный возраст отнюдь не является препятствием при занятии руководящих государственных постов.

Четыре промышленные революции и две мировые войны вызвали к жизни и поставили во главу угла мирового развития качественно новые факторы-носители будущего. Таких факторов бесчисленное множество. Но мы выделим из них несколько главных, определяющих развитие всех остальных. Это – **политический, экономический, демографический, экологический**, и, в особенности, **технологический** факторы. Их совокупное воздействие определяет картину международных отношений XXI века.

Внешнеполитический анализ неотделим от анализа **внутриполитического**. Более того, изучение состояния внутриполитического положения того или иного государства является первичным по отношению к исследованию его потенциала как актора международных отношений. Именно попытка поставить решение внутриполитических проблем в зависимость от военных побед за рубежами страны явилась главной причиной коллапса Российской империи в 1917 г. Победа, де-факто одержанная в Первой мировой войне, не спасла от краха ни империю, ни династию. Игнорирование назревших реформ навлекло неисчислимые жертвы на все народы бывшего великого государства. «Нельзя направлять внешние судьбы государства, не исходя из глубокого знания его внутренних нужд. Из экономических, культурных, политических внутренних задач вытекают задачи внешние» [4. С. 3] – писал летом 1917 г. по горячим следам событий российский, а впоследствии советский дипломат, выдающийся ученый В.Н. Муравьев.

Зависимость внешней политики от внутренней учитывается и в современной внешней политике России. Так, отвечая на вопрос о ходе подготовки к российско-американской встрече на высшем уровне в июле 2018 г., Президент России поставил итоги этого саммита в прямую зависимость от внутриполитического положения в США: «В целом, я считаю, такую встречу

полезной. Вопрос только в том, чтобы внутривполитическая ситуация в Соединенных Штатах позволила это сделать» [3].

Соотношение сил, **военный** потенциал государств и его динамика всегда являлись одним из важнейших факторов-носителей будущего во внешнеполитических прогнозах. Создание ядерного оружия внесло, однако, качественные коррективы как в практику, так и в теорию анализа состояния системы международных отношений. Результатом такого анализа ранее являлась оценка текущего состояния и прогноз **баланса сил** на глобальном, региональном и субрегиональном уровнях. Нарушения баланса сил в прошлом неоднократно приводило к войнам и формированию нового **миропорядка**. Научно-техническая революция и создание оружия массового уничтожения сузили сферу применения вооруженных сил как рационального средства в решении международных проблем, сделав их, скорее, средством сдерживания. Соответственно, в современную эпоху вместо баланса сил чаще употребляют термин **баланс интересов**, понимая под ним рациональное взаимодействие государств при уважении их национальных ценностей – территории, экономических интересов, национально-культурной самоидентичности, научно-образовательного потенциала, доступа к природным ресурсам и мировым торгово-финансовым потокам.

Одновременно значительно расширился спектр конвенциональных военных средств достижения внешнеполитических целей. Если стратегические ядерные силы (СЯС) играют в основном роль арсенала сдерживания, гарантирования национального суверенитета и территориальной целостности, то силы общего назначения (СОН), как показывает опыт, могут применяться в региональных и локальных конфликтах различного рода, в том числе и анонимно в т.н. **гибридных** войнах.

Конкретные составляющие военного потенциала государств – предмет анализа, прежде всего, военных специалистов. Для дипломатов достаточно черпать информацию для своих прогнозов из фундаментального ежегодного исследования Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI). В то же время опоры только на военный потенциал бывает далеко недостаточно. Защита национальных интересов предполагает формирование системы союзов и внеблоковых сетевых альянсов, объединяющих различные субъекты международных отношений для достижения своих целей. При этом необходимо иметь в виду, что освященный веками миропорядок, в котором ограниченное число ведущих государств-грандов играло главную роль в поддержании международной безопасности для себя, втрагивая в бесконечные конфликты мировую периферию, рухнул, и никогда не будет восстановлен. «Сегодня, как пишет патриарх американской политологии Г. Киссинджер, ставится под сомнение сама природа возникающего миропорядка, и регионы за пределами Европы станут играть важную роль в определении характеристик этого порядка».

В действительности уходит в прошлое не миропорядок, а представление о незыблемости иерархии в системе субъектов международных отношений. Мир становится, по выражению профессора университета штата Огайо Р. Швеллера, «плоским». И в этом «плоском» мире нет места гегемонизму и претензиям на мировое господство. Такая концепция соответствует принятому в современной России представлению о необходимости формирования демократической полицентрической системы международных отношений.

Но путь к демократическому миропорядку, основанному на равенстве **прав человека и демократических свободах**, оказался намного более сложным, чем он представлялся либералам в середине 90-х гг. XX века. В первой четверти XXI века реальность мировой политики характеризуется, скорее, не утверждением демократических ценностей, а вульгарной, ничем не прикрытой борьбой за «советское наследство». Т.н. «демократические» державы стремятся разорвать на куски постсоветское пространство, Россию, разделить на бесформенный конгломерат малых государств, лишенных какой-либо самостоятельной роли. С этой целью последовательно, хотя и безуспешно, проводится линия на изоляцию нашей страны, на формирование глобальной антироссийской коалиции.

В этих условиях достоверный политический прогноз должен строиться на тщательном расчете баланса интересов как на глобальном, так и на региональном уровнях с тем, чтобы, не сползая к открытой конфронтации с США и их союзниками, находить оптимальные пути защиты национальных интересов России в партнерстве со всеми другими противниками гегемонистских устремлений при опоре на волю международного сообщества к формированию демократического миропорядка.

Примером успеха в проведении этой линии может служить активное участие России в противостоянии международному терроризму (Сирия), распространению ядерного оружия (Корейский полуостров). В то же время стремление к повсеместному решению возникающих проблем мирным путем не противоречит активной защите национальных интересов силовым путем в тех случаях, когда это представляется целесообразным и оправданным.

При анализе соотношения сил акторов международных отношений следует постоянно иметь в виду, что сами понятия «сила», «влияние», «могущество» (*power*) постоянно модернизируются, пополняются новыми составляющими. Отсюда и понятие «мягкой» и «умной» сил. Это понятие введено в современный политологический оборот американским политологом Дж. Наем, но по существу идея использования во внешней политике не только «жестких» (*hard*) силовых, но и *мягкосиловых* методов стара, как мир. Исследователи связывают ее появление с именами таких известных древнекитайских мыслителей как Конфуций, Лао-цзы, Сунь-цзы и др [8. С. 16].

Для политического прогнозирования и планирования важно проводить различие между «мягкой силой» как широким спектром вполне легальных

средств повышения престижа государства на международной арене, так и мягкосиловыми приемами информационной войны, включающими использование **социальных сетей** для вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

В политическом прогнозировании стабильно возрастает значение факторов-носителей будущего в области **экономики, финансов и бизнеса**. Родоначальником экономической дипломатии можно считать отца Александра Великого царя Филиппа II Македонского, полагавшего, что нагруженный золотом осел может с легкостью взять любую крепость.

После окончания «холодной войны» значение экономической дипломатии резко возросло, повысилось значение дипломатического сопровождения и поддержки отечественного бизнеса.

Для правильного понимания значения экономического фактора во внешнеполитическом прогнозировании важно уяснить, что место того или иного актора в системе международных отношений зависит от того, сколь велика доля овеществленного труда в его валовом внутреннем продукте (ВВП). Разумеется, страны с количественно бóльшим ВВП играют и более значимую роль в мировой политике, но независимо от этого все государства стремятся к более высокому органическому строению своего ВВП. Идеальной целью такой политики является положение страны-эмитента мировой резервной валюты, которое монополизировали США.

Субъекты мирохозяйственных связей, таким образом, уподобляются акторам пищевой биологической цепи, в которой происходит перенос вещества и энергии путем «поедания» одних особей другими. Организмы последующего звена «поедают» организмы предыдущего звена. Отсюда стремление каждого субъекта международных отношений занять более высокое положение в пирамиде этой экономической «биологической цепочки», т.е. повысить конкурентоспособность своей продукции на мировом рынке, производить больше высокопередельных товаров.

Применительно к России это стремление В.В. Путин охарактеризовал как национальную идею: «Мы должны быть конкурентоспособны во всем – и человек, и отрасль, и население, и страна. Вот это должна быть наша основная национальная идея» [1].

Цели реконструкции мировой финансовой системы и повышения наукоемкости национальной экономики служит присоединение России к внеблоковому сетевому альянсу БРИКС, обозначившему в качестве своей основной цели реформу мировой финансовой инфраструктуры и создание новых резервных валют для мировой экономики.

В то же время из самой сути внешнеполитического курса России на построение полицентрической демократической системы международных отношений вытекает признание законности стремления всех государств и всех национальных экономик к повышению наукоемкости своих экономик и эквивалентному экономическому обмену.

В условиях глобализации дипломаты, отстаивая интересы отечественного бизнеса, должны учитывать и сложившуюся в последние десятилетия систему международного разделения труда, а также тот простой факт, что наращивание наукоемкой и высокотехнологичности национальной экономики невозможно без инвестиций, т.е. без денег. Главным же источником валютных поступлений в российский бюджет является экспорт сырья и энергоносителей – нефти и газа. Поэтому содействие продвижению перспективных проектов трубопроводов, лоббирование выгодных контрактов по линии топливно-энергетического комплекса (ТЭК), прогнозирование оптимальных транспортных товаропотоков является важнейшей составной частью прогностической политической работы.

Демографический фактор всегда был важен во внешнеполитическом прогнозе. В недалеком прошлом все военно-стратегические расчеты строились на числе призывников, рекрутируемых государствами в случае войны. В XIX веке в общеполитическом плане воздействие демографического фактора на ситуацию было изучено английским священником и ученым Томасом Мальтусом (1766-1834). Его оценки и выводы неоднократно подвергались критике, в частности марксистами. Многие в этой критике были логичными. Но один вывод британского монаха представляется бесспорным – ресурсы нашей планеты не безграничны, реализация модели **устойчивого развития** мирового сообщества требует решения задачи регулирования численности населения Земли.

Ежегодный прирост численности населения Земли примерно соответствует населению такой большой европейской страны как Германия. Одновременно при этом наблюдается резкая неравномерность между критически низким (на грани вырождения) приростом населения в развитых странах Европы и избыточным приростом населения в развивающихся странах. Вследствие этого наблюдается резкое изменение *этнодемографической структуры* населения как в региональном, так и в глобальном аспектах. Во внешнеполитическом прогнозировании и планировании постоянно приходится считаться с тем, что эти изменения часто ведут к повышению *конфликтности* и возрастанию риска возникновения военных конфликтов. Демографическая структура современного мира с середины прошлого столетия претерпела столь радикальные изменения, что с ними нельзя сравнить никакие другие изменения в истории формирования народонаселения. Так, если в середине XX века население РСФСР составляло 4% человечества, то в настоящее время доля Российской Федерации снизилась до 2% и продолжает сокращаться.

Неравномерности в росте населения различных стран привели к резкому увеличению *миграционных потоков*. Эта тенденция согласно прогнозам будет продолжаться, как минимум, до середины текущего столетия. Управление миграционными потоками стало глобальной проблемой в современ-

ных международных отношениях. Страны-реципиенты мигрантов заинтересованы в пополнении своих резервов рабочей силы. Этим объясняется либеральная иммиграционная политика некоторых западноевропейских государств, в частности Германии.

В то же время неконтролируемый поток мигрантов вследствие конфликтов и стихийных бедствий порождает проблемы, связанные с сопряжением различных культур, ростом преступности, ксенофобии, межконфессиональной дисгармонии и социальной напряженности. Прогнозисты обязаны заранее давать оценку перспектив миграционных потоков, вытекающих из этого положительных и негативных факторов, вносить соответствующие предложения с тем, чтобы избежать стихийности миграционных процессов и добиваться их оптимального регулирования в интересах отечественного народного хозяйства.

Деградация окружающей среды – едва ли не самый главный негативный фактор глобализации для среднестатистического землянина. Нарушения озонового слоя Земли, опустынивание, обезлесивание, таяние вечной мерзлоты и повышение уровня Мирового океана так или иначе воздействует на условия жизни всех слоев населения всех государств. Но в неравной степени. Островным государствам Науру и Тувалу грозит, например, полное исчезновение с карты Земли. Аналогичным образом исчезают под водой вследствие повышения уровня Мирового океана острова Индонезии. Не случайно поэтому такие государства являются лидерами в борьбе за принятие эффективных мер по сокращению выбросов в атмосферу т.н. парниковых газов.

На Парижском саммите в декабре 2015 г. удалось согласовать Парижское соглашение под эгидой Рамочной конвенции ООН по изменению климата, которой предусматриваются реальные шаги по снижению выбросов парниковых газов в атмосферу в период до 2025-2030 гг. Одновременно предполагается принять дополнительные меры по развитию низкоуглеродных технологий; продвижению этих технологий в другие страны и регионы; созданию задела для будущего технологического потенциала сильного снижения выбросов.

Вместе с тем Парижская конференция стала ареной столкновения интересов стран, развитие которых предполагает увеличение потребления углеродосодержащего сырья и стран, ориентирующихся на радикальное внедрение возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и современных технологий. Россия, в частности, внесла предложение о включении в соглашение понятия «цены углерода», т. е. установления единой глобальной платы за выбросы парниковых газов. Это предложение было заблокировано, что отражает все еще низкий уровень понимания важности проблемы мировым сообществом.

Важно также иметь в виду, что современное антиглобалистское движение базируется на лозунгах защиты окружающей среды. При этом однако

не следует забывать и о том, что лозунгами этими могут манипулировать различные политические силы в своих корыстных интересах. Один и тот же трубопровод может квалифицироваться как вредный или безвредный для окружающей среды в зависимости от того, в каком политикогеографическом направлении он прокладывается.

В будущем значение экологического фактора-носителя будущего, как и других связанных с глобальными проблемами факторов будет возрастать.

На историческом этапе **НБИК-конвергенции** (NBIC-convergence), основанной на объединении и синергетическом усилении достижений нано-, био-, информационных и когнитивных технологий значение динамики научно-технических и опытно-конструкторских разработок, численности научных работников и студентов, нобелевских и других лауреатов, числа открытий и всего того, что принято называть интеллектуальным потенциалом общества в области естественных и точных наук качественно возросло. Совокупным выражением этого этапа истории является выход на рубежи овладения человеком технологий создания *искусственного интеллекта*. «Искусственный интеллект – будущее не только России, это будущее всего человечества. Здесь колоссальные возможности и трудно прогнозируемые сегодня угрозы. Тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира. И очень не хотелось бы, по выражению Президента В.В. Путина, чтобы эта монополия была сосредоточена в чьих-то конкретных руках. Поэтому мы, если будем лидерами в этой сфере, также будем делиться этими технологиями со всем миром, как мы сегодня делимся... ядерными технологиями» [5].

Возрастающее значение уровня научно-технических исследований тесно связано с тем, что их локомотивом являются разработки в области создания новейших систем вооружений. Поэтому государство с мощным интеллектуальным потенциалом способно создать и соответствующий ему арсенал сдерживания и возмездия перед лицом угроз возможной агрессии или ущемления своих интересов в экономической и других областях.

При анализе любой внешнеполитической ситуации необходимо исходить из того, что достигнутый на сегодняшний день уровень развития науки и техники – это не просто «четвертая промышленная революция», как принято говорить в салонном обиходе. Это качественный скачок в эволюции человека и выход на подступы к т.н. точке сингулярности – физическому пределу возможностей познания, за которым должна последовать *смена материального носителя разума*. Именно такая задача, кстати говоря, фигурировала в программе одного из кандидатов на президентских выборах США в 2016 г. Возникающий, однако при этом целый комплекс вопросов требует глубокого синергетического осмысления, в том числе и представителями *гуманитарных отраслей знаний*. В противном случае возникают, по выражению академика И.Т. Фролова, технологические перекосы, которые ведут к кризису самого биологического вида *гомо сапиенс* как средства материи познать самое себя.

При прогнозировании состояния баланса интересов и планировании внешнеполитических акций необходимо знать, что научно-технический прогресс не только сулит безграничные возможности для удовлетворения потребностей человека, но и означает резкое увеличение рисков, связанных с распространением научно-технических достижений. Задача защиты национальных интересов все более увязывается с общепланетарной целью выживания в условиях нарастающего бремени глобальных проблем. Решение этой задачи требует укрепления механизмов демократического *глобального управления* на основе повышения эффективности международных организаций и прежде всего ООН.

***

Внешиполитическое прогнозирование и планирование внешнеполитических мероприятий приобретают в условиях глобализации особое значение. Предвидеть и планировать необходимо не только события, имеющие значение для защиты национальных интересов, но и факторы, формирующие возможности выживания всей земной цивилизации, столкнувшейся с глобальными проблемами, каждая из которых несет угрозы для самого существования человечества. На смену баланса сил пришел баланс интересов. Анализ интересов отдельно взятых государств, возможностей соблюдения этих интересов без ущерба для своей страны представляется столь же сложным, сколь и необходимым, как условие выживания человечества. Для того, чтобы этот прогноз и основанные на нем целеполагания были достоверными и реалистическими необходим отказ от гегемонизма, стремления построить новый иерархизированный миропорядок на основе доминирования одного государства, даже такого мощного как США.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Выступление кандидата в президенты России Владимира Путина перед доверенными лицами. Москва, 12 февраля 2004 г. // Информ. портал агентства Регнум // <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:mQJeoTEDt4QJ:www.regnum.ru/news/polit/217331.html+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.
2. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 48-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 4 февраля 2012 года // Информационный портал МИД России, док. 205-04-02-2012 // http://www.mid.ru/obsie-voprosy-mezhdunarodnoj-bezopasnosti-i-kontrola-nad-vooruzeniami/-/asset_publisher/6sN03cZTYZOC/content/id/171750.
3. Интервью В.В. Путина программе «Вести в субботу» телеканала «Россия-1» ВГТРК, 9 июня 2018 г. // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3026552>.
4. *Муравьев В.Н.* Будущее внешней политики. Петроград, 1917 г.
5. Открытый урок «Россия, устремленная в будущее» / Официальный сайт Президента Российской центр военно-полит. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2015.

6. Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2013 года / Официальный сайт Президента России // <http://kremlin.ru/news/19825>.

7. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // Официальный сайт Президента России // <http://news.kremlin.ru/news/17118/print>.

8. *Регзенова Д.Б.-О.* Исторический опыт стратагемности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2012.

9. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография в 2-х т. / под ред. А.И. Подберезкина. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. Центр военно-полит. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 1. ISBN 978-5-9228-1238-2.

V.F. PRYAKHIN

D.Sc. (political science),

Professor (International Relations Dept., RSHU),

Professor (Diplomacy Dept., MGIMO-University),

Moscow, Russia

FOREIGN POLICY FORECASTING IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION. FACTORS-CARRIERS OF THE FUTURE

The globalization makes foreign policy forecasting more and more necessary and more complex one. The requirements for its realism and reliability have sharply increased. At the same time, the periods allocated to both forecasting itself and the decision-making process are reduced.

In the article proposed the author draws some conclusions and experience of his practical prognostic work in the field of foreign policy. A system of future carrier factors is proposed to make the qualitative and quantitative analysis of international situation more realistic and the foreign policy forecast more reliable. Among these factors, political elites attach particular importance to scientific and technological progress and its evaluation. Such an evaluation is vitally needed for the creating a harmonic, stable world order based on social equality and interethnic equality.

Key words: *forecasting and planning, future making factor, scientific and technological progress, global problems, people, world order, sustainable development.*

доктор политических наук, заведующий
кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Национального государственного университета
физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта,
эксперт комиссии по вопросам обороны и безопасности
Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ,
Россия, г. Санкт-Петербург

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: УРОКИ ПОБЕДЫ ДЛЯ ГЕОПОЛИТИКИ XXI ВЕКА

В статье рассматривается геополитическая ситуация в мировом раскладе сил в предверии Второй Мировой войны. Сущность мировых процессов в межвоенный период. События, предшествовавшие возникновению боевых действий. Причины войны. Участие СССР во Второй Мировой и Великой Отечественной войне. Уроки и геополитические итоги Победы.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Победа советского народа, разгром германского фашизма, Советские вооруженные силы, Красная Армия, ленд-лиз, движение Сопrotивления, интернационализм, патриотизм, геополитика, международные отношения.*

«...Я считаю, что все, кто наживается на войне и кто способствует ее разжиганию, должны быть расстреляны в первый же день военных действий доверенными представителями честных граждан своей страны, которых они посылают сражаться».

**Эрнест Хемингуэй,
из предисловия к книге «Прощай, оружие!»**

История, как известно, ставит перед нами больше вопросов, чем дает ясных ответов. Любая попытка оценить историческое событие только с одной точки зрения обречена на неудачу. В стремлении к правде историка подстерегает большая опасность. Даже к событиям вчерашнего дня у многих из нас отношение неоднозначное. Еще в большей степени это относится к событиям прошлого.

Сейчас история – настоящее поле битвы, на котором сталкиваются и геополитические интересы, и интересы отдельных национальных элит.

На наших глазах современные политики превращают историческую науку в поле сражения. Она, как и всякая другая наука, формируется конкретными людьми с их мироощущением и интересами. Даже простое перечисление общеизвестных исторических фактов всегда носит личностный характер. Любая интерпретация простой хронологии – уже есть точка зрения, отличная от других точек зрения на эту же хронологию.

Скоро мы отметим 75 лет со дня окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн. По историческим меркам – это миг, но это немалый срок по человеческим меркам. Поэтому интерес к событиям тех времен не ослабевает. Тому есть немало причин.

Великая Отечественная война Советского народа перекроила карту мира и определила новый мировой порядок не только в XX, но и в XXI веке. Ужасы войны заставляют задаваться вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?», чтобы это не повторилось. Война явилась небывалым по своей строгости испытанием всех материальных и духовных сил Советского Союза и стала самой суровой проверкой боевых качеств Красной Армии.

В наше время неизбежно приходится оценивать результаты этого «экзамена» с точки зрения эффективности социальных систем и руководств различных государств, и использовать результаты такой оценки для «внутреннего потребления» и в пропагандистских целях.

По меткому выражению Л. Ивашова в предвоенное время «на мировую арену активно выходил новый глобальный субъект в лице «мировой закулисы» (финансово-промышленный капитал в союзе с политическими и военными элитами Запада), целевой установкой которого стала мировая власть финансового капитала» [11. С. 4-13].

СССР, как геополитический центр евразийского материка, оставался, как и ранее Россия, главным объектом устремлений претендентов на глобальное доминирование.

Практически ничего не изменилось с тех пор, когда будучи премьер-министром Великобритании Л. Джордж заявил, что «Традиции и жизненные интересы Англии требуют разрушения Российской империи, чтобы обезопасить английское господство в Индии и реализовать английские интересы в Закавказье и Передней Азии» [11. С. 8].

Вторая мировая война начала готовиться, когда еще не была окончена первая. Инициатором был снова финансовый капитал. Государства были лишь инструментом. Подготовка к войне шла непрерывно и не была, и не могла быть неожиданной ни для кого из политиков или военных. Вопрос заключался только в том, кто начнет ее первым и когда. Это решала лидирующая финансовая группа, претендующая на мировое лидерство. Внутренние противоречия еще не сложившейся до конца мировой финансовой системы разрешались войной государств.

Как пишет А. Ральф Эпперсон в своей книге «Невидимая рука: посвящение в тайную версию истории», банкир-мультимиллионер Мейер Ротшильд

сказал: «Дайте мне контроль над деньгами нации и мне будет наплевать, кто издает ее законы» [27. С. 455].

25 ноября 1936 г. Германия и Япония заключили в Берлине договор о совместной деятельности в борьбе против Коммунистического Интернационала (Коминтерна) с целью не допустить распространения коммунистической идеологии в мире. В ноябре 1937 г. к пакту присоединилась Италия, в феврале 1939 г. – Венгрия и Маньчжоу-го (государство, образованное Японией на оккупированной территории Маньчжурии), в марте 1939 г. – франкистская Испания. В ноябре 1941 г. пакт был продлен на 5 лет, тогда же к нему присоединились Финляндия, Румыния, Болгария, а также существовавшие на оккупированных немцами территориях марионеточные правительства Хорватии, Дании, Словакии и образованное японцами на оккупированной ими части Китая правительство Ван Цзинвэя [20].

Историки отмечают, что на примере испанской войны будущая гитлеровская коалиция смогла проверить, как далеко страны Запада могут пойти ради обеспечения безопасности в Европе.

Участник тех событий Джордж Оруэлл (Эрик Артур Блэр) в своем эссе «Вспоминая войну в Испании», изданном в Лондоне в 1943 году писал «Исход испанской войны решался в Лондоне, Париже, Риме, Берлине – где угодно, только не в Испании. После лета 1937 года все, кто был способен видеть вперед, поняли, что Республике не победить, если не произойдет глубоких перемен в международной расстановке сил» [17].

Но чем дальше в прошлое уходят те дни, тем острее становится борьба за истину, тем изощреннее фальсификация истории тех лет и событий. Все чаще проявляется тенденциозное стремление отдельных конъюнктурных, ангажированных не только историков и публицистов, но и политических деятелей исказить правду о предыстории Второй мировой войны, о слагаемых Победы, предпринимаются попытки дегероизировать ее, обелить некоторых участников, а порой и настоящих предателей.

В предверии 75-летия Победы активизировались различные русофобские организации, пытающиеся на весах ответственности за развязывание Второй Мировой войны поставить Гитлера и Сталина.

Так в сентябре 2019 г., в канун открытия выставки «75 лет освобождения Восточной Европы от нацизма», болгарская политическая элита спровоцировала скандал вокруг исторической памяти о Второй мировой войне, обвинив Россию в «полувековых репрессиях». В Чехии власти пытаются убрать из Праги памятник маршалу Ивану Коневу. И подобных деяний сегодня в спасенной от нацизма Европе немало.

19 сентября 2019 года Европейский парламент 535 голосами «за», 66 голосами «против» и 52 воздержавшимися принял резолюцию «О важности европейской памяти для будущего Европы».

Инициаторами этого документа выступили польские евродепутаты от имени фракции «Европейские консерваторы и реформисты», в которую входит правящая партия Польши «Право и справедливость». В тексте резолюции подчеркивается: «Вторая мировая война, самая разрушительная в истории Европы, стала непосредственным следствием печально известного нацистско-советского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года, также известного как пакт Молотова-Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми два тоталитарных режима, задавшиеся целью завоевать мир, делили Европу на две зоны влияния».

При этом в резолюции нет ни слова о проводившейся западными странами политике умиротворения агрессора с целью переориентирования захватнических планов Гитлера с Запада на Восток и о кульминации этой линии - Мюнхенском сговоре 1938 г. Его участники отдали на растерзание Гитлеру суверенное государство – Чехословакию, а впоследствии к дележу присоединились Польша с Венгрией. В то время как СССР был единственной державой, которая в предвоенные годы противостояла нацистской военной угрозе.

Подобную попытку переписать историю предпринимает и так называемый «институт национальной памяти Польши». Поляки пытаются переложить свою ответственность за начало Второй мировой войны в Европе на правительство СССР, но здесь важны не разглагольствования, а исторические факты: союзники Польши Великобритания и Франция не захотели в сентябре 1939 года прийти ей на помощь. Почему? Более того, в отличие от их политической позиции в отношении Германии, которой они тогда все же формально объявили войну, Советскому Союзу они войны не объявили. Тем самым они для себя и своих потомков навсегда разделили действия СССР и Третьего рейха как в отношении Польши, так и в принципе в контексте начала Второй мировой войны в Европе.

Известны слова Уинстона Черчилля, который 1 октября 1939 года заявил, что советские войска должны были стоять на тех рубежах, на которые они тогда вышли. Он даже назвал их присутствие там «вторым фронтом» против Гитлера.

Но именно Польша была среди тех стран, которые с антисоветскими целями заигрывали с Гитлером в 1930-е годы. Причем в отличие от Великобритании или Франции Польша рассчитывала стать непосредственным союзником Третьего рейха в его агрессии против СССР, а в 1938 году практически приняла участие в разделе Чехословакии, оторвав от нее Тешинскую область.

Это посол Польши Юзеф Липский в 1938 году поддержал Гитлера в решении «еврейского вопроса» – выслать евреев, проживающих в Европе, в Африку. «Если он это сделает, отмечал посол в своем донесении, мы поставим ему великолепный памятник в Варшаве».

Прочитав донесение посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку, даже политические дальтоники сегодняшних дней, пытающиеся фальсифицировать историю, думаю должны прозреть.

Вдумаемся: «..канцлер (Гитлер) принял меня сегодня в Оберзальцберге в присутствии министра иностранных дел Риббентропа в 4 часа дня. Беседа продолжалась свыше двух часов. Перед этим канцлер принял премьер-министра Венгрии и начальника венгерского генштаба. ... (Гитлер) указал на то, что заявил Чемберлену, что судетский вопрос должен быть решен мирно или путем войны таким образом, чтобы Судеты были возвращены Германии.

Чемберлен вернулся в Лондон, убежденный в результате этой беседы в необходимости отторжения Судетов. Занятие Судетов силой было бы, по словам канцлера, более полным и определенным решением. Тем не менее канцлер утверждает, что если его условия будут приняты, то перед общественностью своей страны он не сможет их уже не принять, даже если часть чехословацкой проблемы осталась бы неурегулированной. Поэтому канцлер находится в раздумье, как в таком случае разрешить оставшуюся часть проблемы, касающуюся Венгрии и Польши. В связи с этим он и пригласил для переговоров премьера Венгрии и меня.

В отношении венгерских требований я специально выделил вопрос о Закарпатской Руси, делая упор на стратегический момент по отношению к России, на коммунистическую пропаганду, проводимую на этой территории, и т. д. У меня сложилось впечатление, что канцлер очень заинтересовался этой проблемой, особенно когда я ему сказал, что протяженность польско-румынской границы относительно невелика и что посредством общей польско-венгерской границы через Закарпатскую Русь мы создали бы более крепкий барьер против России. Кроме того, я указал относительно Закарпатской Руси, что территория эта, на которую Словакия не претендует, была дана Чехословакии только как мандат, что население ее находится на очень низком уровне и сильно смешано и что наибольшую заинтересованность в ней имеет Венгрия.

Уточняя нашу точку зрения относительно непосредственного района, который интересует Польшу (Тешин), я отметил: ... в этом пункте мы не отступили бы перед применением силы, если бы наши интересы не были приняты во внимание.

При дальнейшем анализе тактики, какую следовало бы применять для решения всего чехословацкого вопроса, канцлер заявил:

1. Если его предложения не будут приняты Чемберленом, то положение станет ясным, и, согласно его предупреждению, он готов на вооруженное выступление для присоединения Судетов к рейху.

2. В случае, если будут приняты предложения о Судетах и от него затребуют гарантий для оставшейся части Чехословакии, он займет позицию, за-

ключающуюся в том, что он сможет дать гарантию при условии, если то же самое будет сделано Польшей, Венгрией и Италией (включение Италии он считает важным противовесом французской и английской гарантиям). Он понимает, что Польша и Венгрия не дадут этих гарантий без решения вопроса об их меньшинствах. Я сделал заверение об этом от имени польского правительства.

3. Канцлер совершенно конфиденциально, подчеркивая, что я могу сделать из этого надлежащие выводы, довел до моего сведения, что уже сегодня, в случае если между Польшей и Чехословакией дело дойдет до конфликта на почве наших интересов в Тешине, рейх станет на нашу сторону (думаю, что подобное заявление канцлер должен был также дать венгерскому премьеру, хотя мне об этом не было сказано). Канцлер советует, чтобы при таких обстоятельствах начало наших действий последовало бы только лишь после занятия немцами Судетских гор, так как тогда вся операция была бы более короткой.

В дальнейшем во время беседы канцлер настойчиво подчеркивал, что Польша является первостепенным фактором, защищающим Европу от России.

... за линией известных германских интересов мы имеем совершенно свободные руки;

... что его осенила мысль о решении еврейской проблемы путем эмиграции в колонии в согласии с Польшей, Венгрией, а может быть и Румынией (*тут я ответил, что, если это найдет свое разрешение, мы поставим ему прекрасный памятник в Варшаве*).

В соответствии с инструкцией в вышеприведенной беседе я затронул еще вопрос о польско-германских отношениях. Должен отметить, что момент был не очень подходящим, так как канцлер целиком был занят предстоящей беседой с Чемберленом.

Я затронул вопрос о Данциге, внушая ему возможность заключения прямого польско-германского договора, стабилизирующего положение вольного города.

...В конце беседы я коснулся возможности скорейшей Вашей встречи с канцлером, в случае необходимости. Канцлер принял это с удовольствием, отметив, что встреча может быть очень полезной, особенно после разговора с Чемберленом.

Риббентроп со своей стороны просил, чтобы я узнал у Вас, не пожелали ли бы Вы сделать заявление по вопросу о польских требованиях относительно Чехословакии по примеру того, как это сделал премьер Венгрии, чтобы это могло быть использовано при переговорах с Чемберленом. Кроме того, Риббентроп заверил, что германская пресса будет как можно шире освещать наши действия в отношении нашего меньшинства в Чехословакии» [8].

Что бы сегодня ни говорил так называемый «институт национальной памяти Польши», историю ему не переписать: Польша была среди тех стран,

которые с антисоветскими целями заигрывали с Гитлером в 1930-е годы. Причем в отличие от Великобритании или Франции Польша рассчитывала стать непосредственным союзником Третьего рейха в его агрессии против СССР, а в 1938 году практически приняла участие в разделе Чехословакии, оторвав от нее Тешинскую область. По всей видимости, под антироссийской риторикой Варшавы скрывается желание спрятать свои собственные промахи во внутренней и внешней политике государства в 1938 году.

Так нижняя палата польского парламента приняла 9 января 2020 г. резолюцию, в которой утверждается, что Советский Союз виновен в начале Второй мировой войны точно так же, как и гитлеровская Германия.

Это решение прокомментировала официальный представитель МИД России М. Захарова: «Такое впечатление, что, как и во времена инквизиции, наука объявлена польским сеймом ересью, а сторонники исторических фактов обвинены им в колдовстве. Вот так идеология побеждает правду. А правда зафиксирована Нюрнбергским трибуналом. Если польский сейм сомневается в его решениях, так и надо об этом заявить. У подобного подхода есть своя квалификация – пересмотр итогов Второй Мировой войны» [30].

Нужно быть предельно слепым и глухим, чтобы этого не замечать тогда и откровенным русофобом, чтобы ставить в вину за развязывание Второй Мировой войны Советскому Союзу сегодня .

Но по мере того как проходят годы и десятилетия, события и люди, в них участвовавшие, заволакиваются дымкой неопределенности, становятся как бы не в фокусе. Происходит это оттого, что каждое поколение историков пишет книгу жизни людей под сильным влиянием своего времени, исторической воли и идеологических установок.

Если это происходит во время революции, то восприятие событий окрашено в ее тона. Приход контрреволюции меняет палитру красок, которыми историки и дипломаты часто пользуются, и тогда белое становится черным и наоборот. И только в условиях политической демократии появляется возможность не убогого одномерного видения и оценок минувшего, а возможность взгляда объемного и объективного.

Именно такой подход наиболее продуктивен. Он предполагает, что историки должны попытаться объяснить события и дать оценку историческим личностям и событиям.

Сегодня, вновь обращая свои взоры к истории этой великой войны, мы еще больше убеждаемся в том, что победа над германским фашизмом стала возможной в первую очередь потому, что сама война носила характер всеобщей, народной, каковой может считаться не всякая война.

Народной становится только та война, которая затрагивает чувства национального достоинства и самолюбия, задевает душу людей, пробуждает инстинкт народного самосохранения, вызывает стремление стать на защиту поруганных святынь и права существовать и жить в соответствии с собственными воззрениями и убеждениями.

По официальным данным в мировую войну было вовлечено 72 государства с населением 1,7 млрд. человек, мобилизовано 110 млн. человек, за 6 лет войны погибло 55-60 млн. населения планеты.

На советском фронте действовало 70-80% всех войск Гитлера и его союзников. На долю Британии, США и всего остального союзного СССР мира (всего 56 стран) пришлось лишь чуть более 20% всей тяжести войны. В 1943 г. на всех других театрах военных действий сражались в совокупности только от 25 до 45 дивизий Британии и США, а у СССР – до 489 дивизий.

Вместе с тем мы должны хорошо помнить о том, что помощь наших союзников по антифашистскому блоку небыла такой масштабной, как сейчас это пытаются представить некоторые фальсификаторы истории.

В начальный период Второй мировой войны в США действовал так называемый акт о нейтралитете, согласно которому единственной возможностью оказания помощи любой из воюющих сторон была продажа вооружения и материалов исключительно за наличный расчет, причем транспортировка также возлагалась на заказчика – система «плати и забирай» (cash and carry).

Основным потребителем военной продукции в США тогда стала Великобритания, но очень скоро она исчерпала свои валютные средства. В то же время президент Франклин Рузвельт отлично понимал, что в сложившейся ситуации наилучшим выходом для США является всемерная экономическая поддержка стран, воюющих против нацистской Германии. Поэтому он фактически «продал» 11 марта 1941 года в конгрессе «Закон по обеспечению защиты Соединенных Штатов», именуемый также актом о ленд-лизе. Теперь любой стране, чья оборона признавалась жизненно важной для США, оружие и стратегическое сырье предоставлялось на следующих условиях:

1. Оружие и материалы, утраченные в ходе боевых действий, не подлежат оплате.

2. Оставшееся после окончания войны имущество, пригодное для гражданских целей, должно быть полностью или частично оплачено на основе предоставляемых США долгосрочных кредитов.

3. Неутраченное оборудование после войны должно быть возвращено США [5].

О роли ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны до сих пор существуют различные, зачастую противоречивые мнения. В ходе дискуссий на тему «Мог ли СССР обойтись без ленд-лиза?» сломано немало копий. Многие авторы полагают, что, скорее всего, мог. Другое дело, что сейчас не представляется возможным подсчитать, какова была бы цена этого [3; 6; 19].

Поставки по ленд-лизу составляли по отношению к нашему собственному производству 15% по самолетам всех типов, 12% по танкам и САУ, около 2% по зенитным артиллерийским орудиям. Наиболее существенными стали поставки автомобилей. Красная армия получила 427 тыс. грузовых и легко-

вых автомобилей (70% всего имеющегося автотранспорта), что придало ей мобильность и подвижность. Значительную помощь по ленд-лизу получил и советский Военно-морской флот. В его состав вошли 596 боевых кораблей и судов, построенных на западных верфях, что составило 22,3% от общего количества кораблей и судов, произведенных тогда отечественной промышленностью.

Помощь по ленд-лизу, а также британские и канадские поставки в СССР в общей сложности не превышали 4% советского промышленного производства в военные годы, и их основной поток пришелся на 1943-1944 годы, когда уже был достигнут коренной перелом в войне.

Правительство Советского Союза оплачивало их золотом, марганцем и другими, необходимыми США материалами, которые везли назад их корабли и самолеты.

Тот факт, что ленд-лиз – уникальный прецедент объединения усилий стран с различным социально-экономическим устройством в борьбе с глобальным злом, общепризнан. Однако и через 70 лет после окончания Второй мировой войны не прекращаются споры по поводу конкретной роли ленд-лиза в победе СССР, причем многие зарубежные и российские авторы используют этот сюжет в самых неблагоприятных целях, пытаясь принизить подвиг советского народа, обесценить его небывалые в человеческой истории жертвы [19. С. 46].

6 июня 1944 года наши союзники открыли второй фронт в Европе. Союзные войска для высадки избрали побережье Нормандии (Франция). Здесь они сосредоточили 39 дивизий, 12 отдельных бригад и 10 отрядов «коммандос» (десантно-диверсионные части морской пехоты).

25 апреля советские войска встретились с войсками союзников на Эльбе, а 8 мая фашистская Германия подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Очаг второй мировой войны в Европе был ликвидирован [18. С. 12-13].

Таким образом, СССР вынес основную тяжесть второй мировой войны, стал главной преградой на пути немецко-фашистского господства над другими народами.

Против России на стороне Германии воевали Италия, Испания, Болгария, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Финляндия и даже Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Норвегия, Швеция, часть поляков, прибалтийцев, западных украинцев, кавказцев, крымчаков и даже русских, и многих других...

Не обязательно официально и не обязательно на фронтах с оружием в руках. Воевать можно экономикой, пособничеством и т.п.

Так, когда началась оккупация Франции, владелец фирмы «Renault» барон Луи Рено, желая уберечь свое предприятие от разорения, активно сотрудничал с немецкими властями. Он посещал Рейхсканцелярию, встречался с руководством третьего рейха и знакомился с последними образцами немецкой техники. Немцы наладили на заводах Рено выпуск грузовиков –

3-тонных АНS и 5-тонных АНR. Фирма Renault за годы войны изготовила для вермахта более 35000 грузовиков.

В Венгрии производились «мессершмитты». Во Франции для Люфтваффе выпускались бомбардировщики, транспортники, связные самолеты, разведчики и авиадвигатели (каждый восьмой двигатель для Люфтваффе выпускался во Франции). Французский автопром выпустил всего 20 процентов от всей произведенной за годы войны автотехники для Вермахта (это именно произведенные за время войны, без учета взятых после захвата Франции в 40-м уже построенных машин в качестве трофеев).

Бельгийское стрелковое оружие широко использовалось немцами (любимый пистолет в СС был бельгийский «Браунинг хай пауэр»). Основная часть нефти, потребляемой немецкими вооруженными силами, добывалась и перерабатывалась в Румынии.

Для военного производства Германии огромное значение имели экономические связи с нейтральными странами. Швеция, Швейцария, Испания, Португалия и Турция продолжали систематически поставлять ей стратегическое сырье, станки, оборудование, шарикоподшипники, качественную сталь, инструменты, ферросплавы, целлюлозу, автомашины, локомотивы, радиоаппаратуру, оптические приборы, морские суда, вооружение и боеприпасы.

В 1942 г. на долю Швеции, Швейцарии и Испании приходилось 50,3 процента всего германского импорта железной руды, на долю Швеции – 33,8 процента свинцовой и 28,2 процента цинковой руды. Общая стоимость материальных ценностей, полученных из нейтральных стран за год, превышала 1,2 млрд. марок. Кроме того, эти государства оказывали Германии услуги по воинским и торговым перевозкам [21].

Все это называется коллаборационизмом. Он требует отдельного обсуждения (1).

Это было самое страшное нашествие Европы на Россию. Такое было уже в истории: в первом тысячелетии в эпоху Великого переселения народов (империя Германариха), в XIII веке (крестовый поход псов-рыцарей, организованный Папой Римским и отбитый великим Александром Невским), в XIX веке – нашествие «двунадесяти языков» Наполеона).

С позиции сегодняшнего дня уместно задать вопрос: – Кто, зачем и как организовал нападение гитлеровской Германии на СССР?

Цель и замысел его красноречиво выразил сенатор США, впоследствии 33 Президент США Гарри Трумэн: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше...» [28].

В предверии Второй мировой войны мир оставался европоцентричным, однако его геополитическая структура была неустойчивой.

В политических процессах ведущие мировые игроки четко придерживались сущности своих геополитических концепций.

Россия (СССР), геополитически резко ослабленная, находилась в это время практически в международной изоляции. Она имела в основном сельское неграмотное население и потеряла почти всю старую правящую и культурную элиты. Экономика и инфраструктура только начали формироваться заново, и поэтому страна представлялась мировым геополитическим субъектам идеальной территорией для разделов и последующего поглощения.

Как известно, одним из основных результатов Первой мировой войны явилось унижение Германии по древнеримскому принципу *Vae victis* («горе побежденным»), потеря ею обширных территорий и грабительские репарации, что и стимулировало в дальнейшем необходимость ревизии Версальско-вашингтонской системы, сконструированной державами-победительницами – Великобританией, Францией и США, и решительного переустройства «геополитически необоснованных» границ Европы и Азии в пользу Германии и ее союзников – Италии и Японии.

Разгромленная Британией и Францией в Первой мировой войне Германия, униженная и растоптанная, могла выжить, только изменив свое геополитическое положение. Сырьевые источники она должна была отнять либо у Британии и Франции, либо у России.

По авторитетному мнению проф. Л. Ивашова «разработанная профессором географии Мюнхенского университета, генералом Карлом Хаусхофером (1869-1946) «теория жизненного пространства» становится официальной доктриной нацистской Германии. Автор концепции «континентального блока» Хаусхофер считал, что «тот день, когда Германия, Россия и Япония объединятся, будет днем, определяющим судьбу англоязычной мировой державы, гибелью богов».

Немецкий геополитик считал, что совместными усилиями двух континентальных держав – Германии и России может быть установлен «Новый Евразийский Порядок» и переструктурировано пространство Мирового Острова с тем, чтобы полностью вывести его из-под влияния «Морской Силы» [10. С. 4].

Грядущая мировая война готовилась как борьба за мировое господство, главным ее содержанием являлась решающая битва за геополитическое пространство Евразии. Пространство, являвшее собой не только важный географо-ресурсный потенциал, но иной, кардинально отличный от западной цивилизации, образ человеческого сообщества.

СССР, как геополитический центр евразийского материка, был, как и ранее, главным объектом устремлений претендентов на глобальное доминирование.

Достижения независимого советского государства, успехи социалистического строительства стали к этому времени очевидными. Для покорения СССР был избран путь военного разгрома.

Для этого была определена страна – инициатор. Был найден политический деятель – Адольф Гитлер – энергичный и инициативный националист,

убежденный антикоммунист, бредивший идеей захвата на Востоке жизненного пространства для Германии, показавший хорошие способности штабного организатора.

Как только нацисты пришли к власти в Германии путем всеобщего народного волеизъявления, они принялись за свое черное дело. Сперва были грубо разогнаны профсоюзы. Потом начались аресты и расправы над коммунистами и им сочувствовавшими общественными деятелями. Затем имели место бесчинства штурмовых отрядов. Потом 15 сентября 1935 года на съезде НСДАП были приняты Нюрнбергские расовые законы: «о гражданине Рейха» и «об охране германской крови и германской чести», посредством которых все евреи были поставлены вне закона.

Далее политические события развиваются стремительно. В 1935 г. все ведущие европейские страны заключают союзные отношения с Германией, в 1936 г. Германия и Япония подписывают Антикоминтерновский пакт. 20 февраля 1938 г. в бундестаге Гитлер заявляет, что Германия стремится к сближению со всеми государствами, только не с Советской империей. Затем следует Мюнхен. Британский журнал «Тайм» в номере от 2 января 1939 г., ряд других изданий единодушно признают А. Гитлера человеком 1938 года. Таким образом А. Гитлеру помогли укрепить вооруженные силы и буквально вручили экономический потенциал Европы.

Фашисты взяли на идеологическое вооружение расовую уникальность германской нации, для большинства же народов (в том числе для славян) ввели категорию «унтерменш», то есть «недочеловек».

Советский Союз демонстрировал диаметрально противоположный национальный подход: единство и равноправие всех (более 170) наций и народностей, проживающих на его территории, равенство всех основных конфессий. Этот пример был особенно заразителен для народов Востока, американского континента, европейских славян.

Немецкий философ Вальтер Шубарт, который эмигрировал из Германии в 1941 г., рассказывая о предстоящей катастрофе западной цивилизации и об исторической миссии России, в своей книге «Европа и душа Востока» писал: «Русские с их развитой способностью к лицезрению целостности постоянно и ясно чувствовали, что ничего не должно рассматриваться в отдельности. С того момента, как они стали заниматься сами собой, их мысли вращаются, от Чаадаева до евразийцев, вокруг вопроса: кем мы являемся по отношению к Европе? Младшими или только более молодыми, или просто иными наследниками европейской или предвестниками новой, восточной культуры?»

Этот вопрос привел к более общему: в чем состоит разница между народами – в возрасте или противоположности типов? А это уже граничит с большой проблемой: чем являются определяющие факторы истории? Каков смысл истории?

Кто так смотрит на судьбы народов, тот расширяет свое рассмотрение до ранга общей культурной философии» [25. С. 92].

Касаясь будущего развития событий, он отмечал: «Я сейчас ставлю вопрос не о том, что значит большевизм для России, а о том, что он значит для Европы; причем вопрос не стоит так: Третий рейх, или Третий Интернационал, фашизм или большевизм. Нет, речь идет о мировом историческом конфликте между частью света Европой и частью света Россией, между западноевропейским и евразийским континентами» [25. С. 46].

Такое положение дел и неблагоприятные для Запада тенденции пугали элиту западных стран, «мировую закулису», и они искали выход из складывающейся ситуации. Выход, для «борьбы с большевизмом», был найден в создании фашистских режимов: фашизм против большевизма.

В союзники для борьбы с большевизмом был привлечен и Ватикан. В 1929 папа Пий XI заключил с фашистской Италией Латеранские соглашения, предусматривавшие образование папского государства Ватикан; в 1930 объявил крестовый поход против СССР, призвав «демократии», включая Италию и Германию, к совместному решению проблемы России. Какой проблемы?

19 июля 1933 года между Германией, в которой только что пришли к власти нацисты, и Святым Престолом был заключен конкордат, согласно которому церковь признавала нацистский режим, а правительство гарантировало права церкви. В 1937 папа Пий XI издал энциклику против коммунизма [24].

Ради исторической справедливости стоит сказать, что новый Папа Римский Пий XII (с начала 1939 года) осудил действия нацистов против евреев и поляков в декабре 1939 года. Но к этому времени на просторах Европы уже разгорался пожар большой войны и позднее церковное прозрение в отношении личности А. Гитлера, его истинных целей и задач, уже мало что могло изменить. Он с маниакальным упорством шел к своей цели.

Так, в 1936 году Германия и Италия поддержали мятеж в Испании против законного республиканского правительства. Берлин и Рим, послав свои войска в Испанию, стали главными виновниками трехлетней гражданской войны в этой стране, а в 1937 году Германия насильственно присоединила к себе Австрию. Фашистская Италия в 1936 году захватила Эфиопию, а в 1939 году оккупировала Албанию.

В 1937 году Германия, Италия и Япония подписали так называемый «антикоминтерновский пакт», а в 1940 году они же заключили договор о военно-экономическом союзе, в основе которого лежала договоренность о разделе сфер влияния. В этот период эти страны усиленно наращивали свой военно-экономический потенциал, переводили экономику на военный лад, развертывали многомиллионные армии.

В таких условиях внешнеполитические интересы советского руководства сосредоточились на создании системы коллективной безопасности,

однако западные государства не поддержали такое стремление к миру, они не пошли на соглашение о совместной борьбе против агрессора во время советско-англо-французских переговоров в августе 1939 года. Западные страны «с пониманием» отнеслись к экспансионистским планам Гитлера, рассчитывая направить их против Советского Союза.

И эта «благая» цель была к удовольствию закулисных организаторов озвучена в ноте Министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 22 июня 1941 года «...правительство Германии не может безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе. Поэтому Фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу. Немецкий народ осознает, что в предстоящей борьбе он призван не только защитить Родину, но и спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма и расчистить дорогу к подлинному расцвету в Европе» [29].

Политика советского государства в предвоенный период сводилась к оттягиванию войны всеми возможными и невозможными способами. Сегодня это ставится руководству государства в упрек. Этому посвящено много страниц разных текстов с цифрами поставляемых Германией нефти, металла, леса, хлеба. Но иного варианта поведения для СССР не было.

Великая Отечественная война стала развитием и следствием развязанной с молчаливого согласия европейских стран фашистской Германией 1 сентября 1939 года Второй мировой войны. Для ведения войны против СССР была создана агрессивная военная коалиция, основой которой стал троитовенный пакт, заключенный между Германией, Италией и Японией.

Перед руководством нашей страны стояла непростая задача сделать выбор:

– Провести превентивный удар, стать агрессором в глазах мировой общественности и остаться в полной мировой изоляции? А СССР уже был в глазах мировой общественности агрессором после финской кампании, а так же по идеологическим соображениям капиталистического Запада. Для превентивного удара надо было сконцентрировать войска на границе. Крайне неудачные боевые действия с японцами на Востоке в 1938-1939гг. говорили о слабой боеспособности армии, хотя те столкновения пропагандистски воспринимали победными. Опыт финской кампании окончательно показал неспособность армии к превентивному удару.

Такой удар для России означал гибель всего сообщества в целом, а не просто военной поражение!

– Сконцентрировав войска на границе, ждать удара, спровоцировав Гитлера, чтобы СССР стал жертвой агрессора в глазах мировой общественности. Война станет неизбежной. Появится возможность заполучить союзников для дальнейшей борьбы.

Однако сконцентрированные войска могут в случае неудачи одномоментно погибнуть под ударами опытного противника. В этом случае в ре-

зультате быстрого захвата западных районов страны, в руках врага окажется самая современная военная промышленность СССР. На Востоке она еще только строится (предприятия-дублиеры).

Тогда гибель всего сообщества неминуема, так как вооружить новую армию, да еще и обучить ее, будет невозможно принципиально.

– Рассредоточить войска и продолжить их обучение. Это, безусловно, сохранит часть войск в случае неудачи в момент нападения врага и даст возможность поэтапно вводить их в соприкосновение с противником. Но он их, скорее всего, постепенно перемелет и СССР может потерять большую часть армии. Однако при этом Германия потеряет время, которое позволит эвакуировать промышленные предприятия на Восток, и возникнет возможность модернизировать их там для военных целей. Тогда появляется шанс на выживание сообщества. Только – шанс! Единственный.

Как справедливо отмечает доктор исторических наук, профессор Ю.Т. Трифанков, Сталин выбрал последний вариант. Это был его выбор, его право и ответственность [22].

В создавшихся условиях СССР вынужден был согласиться на заключение договора о ненападении с Германией. Такой договор был подписан в Москве 23 августа 1939 года. Договор определял взаимные обязательства сторон в политической и военной областях. Он был заключен сроком на 10 лет. Советский Союз получил возможность продолжать укреплять обороноспособность страны.

Рассматривая причины тяжелых поражений Красной Армии в начальном периоде войны, можно согласиться с мнением Тугова В.М., который отмечает, что:

Во-первых, фашистская Германия подчинила себе весь экономический и военный потенциал большинства стран Европы.

Во-вторых, фашистские армии обладали большим опытом ведения победоносных войн на Западе.

В-третьих, Сталин просчитался в оценке возможного времени нападения на СССР.

В-четвертых, серьезной причиной наших неудач были сталинские репрессии. Они затронули многих теоретиков и практиков военного дела. Только с мая 1937 года по сентябрь 1938 года было репрессировано около 40 тысяч командиров и политработников.

В-пятых, фашисты имели превосходство в техническом оснащении и уровне боевой подготовки своих войск.

В-шестых, неудачи были вызваны также перекосами в идеологической работе. Долгое время в общественном сознании советских людей насаждались такие негативные стереотипы, как убежденность в абсолютной мощи Красной Армии и слабости врага, о низком морально-политическом сознании его тыла и др. [23. С. 10].

Вторая мировая война продолжалась 2194 дня или 6 лет и один день, в ней участвовало 61 государство или почти 80% населения мира. Военные действия велись на территории 40 государств. Обе войны были настоящей глобальной катастрофой в истории человечества. Они унесли жизни более 60 млн. человек [15; 14. С. 548-551; 12].

Кинохроника сохранила для потомков кадры, на которых 24 июня 1945 г. маршал Г.К. Жуков, восседая на белом коне, принял Парад Победы, которым командовал маршал К.К. Рокоссовский. Когда 200 воинов резко повернули направо и у Мавзолея бросили наземь знамена гитлеровского вермахта, Красная площадь замерла. Лил дождь, но в ту великую минуту торжества все забыли о ненастье и трагедиях, которые принесла война в каждый наш дом. И сегодня мы помним цену Великой Победы.

Победа над фашистской Германией и ее сателлитами была достигнута совместными усилиями государств антигитлеровской коалиции, всех свободолюбивых народов. Однако объективный ход и итоги войны свидетельствовали, что все ее тяготы легли на участников антигитлеровской коалиции далеко не в одинаковой степени. Главную роль в разгроме фашистской Германии, милитаристской Японии и их союзников сыграли советский народ и его вооруженные силы [2]

6 марта 1942 г. президент США Ф.Д. Рузвельт писал: «С точки зрения большой стратегии... трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые» [13. С. 55].

Анализ военно-политических итогов второй мировой войны позволяет сформулировать некоторые выводы и извлечь необходимые исторические уроки.

Геополитические итоги войны и победы:

1. Главным итогом Великой Отечественной войны стал полный разгром фашистского блока, освобождение мира от угрозы нацистского порабощения. Сохранение не только Советским Союзом, но и многими странами мира своей независимости и суверенитета.

Народы Советского Союза и его Вооруженные Силы сыграли решающую роль в победоносном исходе второй мировой войны. На советско-германском фронте были разгромлены и пленены 607 дивизий фашистского блока, тогда как союзники разгромили и пленили 167 дивизий.

Советский Союз вынес основную тяжесть Второй мировой войны. Необходимо особо подчеркнуть, что он в течение трех лет один на один воевал против фашистского блока. Советско-германский фронт оставался главным на протяжении всей войны. В течение четырех лет противник сосредоточивал против советских войск от 56% до 77% дивизий. На других фронтах он ограничивался 20 дивизиями, что составляло не более 6% от их общего числа.

2. Великая Отечественная война была важнейшей составной частью второй мировой войны. Она явилась самой тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых нашей Родиной. По масштабам ведения боевых действий, участию людских масс, применению огромного количества техники, напряжению она превосходила все войны прошлого.

СССР вышел из Второй мировой войны державой-победительницей, с мощнейшим военно-промышленным потенциалом, огромной боеготовой армией (более 11 млн. человек), вооруженной лучшей боевой техникой, бесценным боевым опытом и высочайшим боевым духом и представлял собой силу, с которой нельзя было не считаться.

3. Итогом войны стало и значительное изменение политической карты мира. Рухнула старая колониальная система, развалилась Британская империя. В странах третьего мира поднималась мощная волна народно-освободительного движения, борьба за национальную независимость. Советский Союз получил новых союзников в лице освобожденных им стран Восточной Европы, дальнего Востока, Китая.

4. Победа в Великой Отечественной войне стала решающим фактором, открывающим человечеству новые перспективы социального развития и прогресса, создала многим странам и народам мира условия для выбора своего пути развития.

5. Цена, которую заплатил советский народ за Великую Победу:

– общие потери составили 27 млн. человек, в том числе безвозвратные потери на фронте составили 8,668 млн. чел., т.е. основными жертвами войны было именно мирное население, старики, женщины, дети. Около 1 млн. советских воинов погибли, освобождая страны Европы;

– разрушено 1710 городов, 70 тыс. сел и деревень, 30 тыс. предприятий промышленности, 1876 совхозов и более 90 тыс. колхозов разорено и разграблено.

Итоги Великой Отечественной войны способствовали осознанию той опасности, которую несут войны, привели к пониманию, что они должны быть исключены из жизни общества. Обращение к временам Второй мировой войны – хорошая возможность вспомнить о том, что для отражения любой вероятной агрессии и надежного обеспечения безопасности страны требуются мощные и боеспособные армия и флот.

Источники победы:

1. Главный исток выстраданной, безмерно дорогой, но такой трудной победы лежит в духовных пластах нашего народа. Народ поднялся на справедливую Отечественную войну. Подвижничество, мужество, беспримерная стойкость, вера, героизм сцементировали политические, социальные, военные, технические факторы войны в тот пласт, который и лег в основу победы. Ратный и трудовой подвиг народа был достойно оценен:

Орденами и боевыми медалями награждено свыше 7 млн. человек.

– Звание Героя Советского Союза получили свыше 11,7 тыс. человек, в том числе дважды – 104, трижды – 3;

– Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945» награждено свыше 16 млн. человек;

– Звание Герой Социалистического труда получил 201 человек;

– Трудовыми орденами и медалями награждено 204 тыс. человек;

– Высшим полководческим орденом «Победа» награждены 11 выдающихся советских военачальников: маршалы Л.А. Говоров, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, К.К. Рокоссовский, С.К. Тимошенко, Ф.И. Толбухин и генерал армии А.И. Антонов, а генералиссимус И.В. Сталин, маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский награждены этим орденом дважды.

2. Важным источником победы стала более высокая эффективность советской экономической организации [1. С. 832].

В 1941-1945 гг. советская промышленность произвела:

– самолетов – 1428 тыс. шт.;

– танков и САУ – 110,3 тыс. шт.;

– орудий – 523,5 тыс. шт.

Промышленностью Германии в период 1941-1944 гг. произведено:

– самолетов – 638 тыс. штук;

– танков и САУ – 53,8 тыс. штук;

– орудий – 170,1 тыс. штук.

3. К числу источников победы следует так же отнести и превосходство советской военной школы над германской.

«Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 г., развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время как немецкое командование под влиянием полководца А. Гитлера отказалось от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в конечном итоге приведшей к полному поражению», – напишет в послевоенных мемуарах начальник Генерального штаба сухопутных войск Вермахта генерал Франц Гальдер [7].

4. Победа была обеспечена устойчивостью и непрерывностью государственного и военного управления. С началом войны был создан главный орган государственного и военного управления – Государственный Комитет Обороны.

5. Создание антигитлеровской коалиции, объединение усилий стран-союзниц.

В конце 1941 г. и в феврале 1942 г. США предоставили СССР беспроцентные кредиты по 1 млрд. долларов с условием возврата через 5 лет после окончания войны в течение 10 лет. В целом поставки по ленд-лизу состави-

ли: по самолетам – 15%; по танкам – 12%; по боевым кораблям и судам 22% от советского производства. Была оказана значительная помощь в автотранспорте, паровозах, вагонах поставках алюминия.

США получили из СССР 300 тыс. т. хромовой руды, 32 тыс. т. марганцевой руды, значительное количество платины, технологию производства морозостойких шин. Основной пик поставок приходится на 1943-1944 гг.

Открытие второго фронта, как показали события, создало более благоприятные условия для наступления Красной Армии, уменьшило ее потери. С лета 1944 г. Германия оказалась в тисках двух фронтов. Страны антигитлеровской коалиции тесно взаимодействовали оказывали друг другу поддержку.

Уроки Великой Победы для геополитики XXI века:

1. Главным уроком Великой Победы является вывод – к войне нужно готовиться в мирное время. Современная военная наука это четко себе представляет, но готовность к войне – это не только готовность Вооруженных Сил, но и готовность всего государства, всех институтов власти, всей системы управления. Система управления государством должна обеспечить его готовность к войне, должна обладать высокой живучестью, надежностью, мобильностью.

2. Один из уроков состоит в том, что войну значительно легче начать, чем закончить. Начавшись, она развивается далее уже по своим собственным законам, исход ее запланировать практически невозможно. Далеко не всегда победа приходит к тому, кто развязал войну. Германские фашисты планировали кратковременную победоносную войну. Но она оказалась тяжелой и привела к их поражению.

3. Войну нельзя спланировать ни по масштабам, ни по характеру используемых средств. Начинаясь как локальная, она может втянуть в свою орбиту другие государства и стать мировой. Подобный ход событий тем более вероятен, чем выше уровень развития человеческого общества.

4. Первый период Великой Отечественной войны ясно показал: не отобилизованная, с низким уровнем боевой подготовки армия не в силах противостоять внешнему врагу. Экономия на нуждах обороны, на Вооруженных Силах, боевой подготовке приводит к тяжелейшим последствиям.

«Когда об Армии нет должной заботы, ей не оказывается моральная поддержка, то появляется новая мораль, разлагающая Армию. К военным начинают относиться пренебрежительно. Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа, правительства – в этом величайшая моральная сила Армии. Армию нужно лелеять» – эту простую истину озвучил И.В. Сталин в своей речи на выпуске слушателей военных академий в мае 1941 г.

Важно об этом помнить сегодня.

5. Великая Отечественная война явилась невиданным испытанием на прочность нашего государства. Устоять перед армиями врага, покорив-

шего всю Европу, мог только народ, обладающий могучей стойкостью и патриотическим сознанием. Патриотизм советских людей явился важным источником победы над фашизмом. Говоря об уроках войны, невозможно в свете сказанного обойти молчанием острейшую проблему патриотического воспитания, патриотического сознания общества, формирования государственного патриотизма как гармоничного единства общенациональных и личностных интересов.

6. Создание внешнеполитических условий, формирование блока надежных союзников. Невозможно недооценить огромную роль в разгроме фашизма стран антигитлеровской коалиции, достижения ее членами единства взаимных целей, задач и действий при разгроме общего врага.

7. Необходимость постоянного изучения опыта самой кровавой и безжалостной из войн за всю историю человечества, изучение боевого опыта, глубокий и беспристрастный анализ побед и неудач, причин и следствий. Об этом нельзя забывать, нельзя забывать свою историю. Это то, что поможет избежать прежних ошибок и не совершить новых.

8. Опыт войны доказал: победа может быть достигнута только общими усилиями всех видов Вооруженных Сил в их тесном взаимодействии, что приводит к выводу о необходимости гармоничного всестороннего развития Вооруженных Сил. Это напутствие в своей книге «Воспоминания и размышления» оставил нам маршал Победы Г.К. Жуков [9].

Выводы:

Анализ итогов и уроков Второй мировой войны на протяжении всего послевоенного периода являлся сферой идеологических столкновений и попыток переписать историю в пользу геополитическим и иным интересам стран Запада, которые и ранее пытались присвоить себе основную заслугу в победе над фашистской Германией.

Победа изменила мир, придала ему новое качество. Вторая мировая война в очередной раз привела к насильственному изменению глобальной геополитической конфигурации. Это закреплено юридически решениями Ялтинской и Потсдамской конференций. В результате перераспределения зон геополитического влияния снова существенно изменилась расстановка сил во всех стратегически значимых регионах мира [4. С. 286].

На послевоенную политическую авансцену вышли только две великие державы – СССР и США. СССР создал империю качественно нового типа – мировую социалистическую систему, которая объединила страны на основе единой идеологии. США упрочили свое лидерство в капиталистическом мире. Военно-политический и экономический центр капиталистической системы впервые переместился из Западной Европы в Северную Америку.

Сегодня, спустя 75 лет после победы советского народа в Великой Отечественной войне в условиях глобализации и меняющегося баланса сил в мире появляются новые центры влияния, создается полицентрическая

система международных отношений. Динамику и направленность формирования нового миропорядка обуславливает комплекс противоречий между участниками мирового политического процесса. Для ведущих держав еще памятен опыт совместных действий против общего противника. Однако многое сегодня воспринимается по-иному.

Главное из противоречий состоит в острой конкуренции между стремящимся к глобальному доминированию Западом, прежде всего США, и странами НАТО и набирающими экономический и политический вес растущими новыми центрами силы – Китаем, Россией, Индией и некоторыми другими государствами. Географическая площадка такой конкуренции – весь мир.

По мнению известного американского политолога и политического деятеля Зб. Бжезинского «для Соединенных Штатов евразийская геостратегия включает целенаправленное руководство динамичными с геостратегической точки зрения государствами и осторожное обращение с государствами-катализаторами в геополитическом плане, соблюдая два равноценных интереса Америки: в ближайшей перспективе – сохранение своей исключительной глобальной власти, а в далекой перспективе – ее трансформацию во все более институционализирующееся глобальное сотрудничество.

Употребляя терминологию более жестоких времен древних империй, три великие обязанности имперской геостратегии заключаются в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и недопущении объединения варваров» [16].

Человечество вступило в XXI век с большим грузом опасностей и угроз для своего развития. И, хотя эти угрозы, на первый взгляд, более предсказуемы, чем прежние, но уровень их опасности в полной мере до конца не осознан. Более того, очевидна тенденция к расширению в мире конфликтного пространства и, что крайне опасно, его распространение на зону наших жизненно важных интересов.

По мнению известного ученого-американиста А.И. Уткина «новый глобальный передел мира уже идет. И в центре схватки – вновь Россия с ее колоссальными запасами сырьевых ресурсов. Поэтому не случайны «бархатные» и «оранжевые» революции на постсоветском пространстве, войны на Балканах, в Ираке и Афганистане, спланированные и развязанные США в последнее время. Американский реваншизм – это месть за Великую Победу СССР над фашизмом» [26].

В современном мире развернулась беспрецедентная информационная война, которая приводит к извращению смысла и значения Второй мировой и Великой Отечественной войн. Любые извращения итогов и значения Второй мировой войны возникают в связи с желанием всей Европы смыть свой позор, ведь СССР противостояла не просто Германия, но объединенная Европа во главе с Германией.

Это ставит на повестку дня задачу переосмысления всего комплекса вопросов, связанных как с основными аспектами международной безопасности, так и с принципами национальной безопасности России, защиты ее национальных интересов.

Россия, как великая держава, выстраивающая собственную (цивилизационную) стратегию развития, всегда будет сталкиваться с угрозами своей национальной безопасности. Поэтому, с одной стороны, не должно быть никакой самоуспокоенности на уровне гражданина, руководства, общества. А с другой – никакой драматизации и стремления к закрытости.

Должна быть нормальная, ответственная, эффективная работа в первую очередь тех структур, которые имеют отношение к обеспечению национальной безопасности. Такая работа – важная традиционная составляющая политики любого жизнеспособного, независимого и самостоятельного государства.

Предвоенный опыт и уроки Великой Победы учат, что угрозы и вызовы – это те важнейшие элементы, которые закладываются в стратегию национальной безопасности государства. Угрозы не возникают сами по себе из ниоткуда. Они тесно связаны с тем, в какой степени национальные интересы тех или иных государств входят в противоречие между собой.

Современные угрозы и вызовы национальной безопасности Российской Федерации определяются тем, что сегодня наша страна выстраивает свой собственный цивилизационный путь развития и как, в какой степени крупные игроки на международной арене принимают или не принимают этот факт. До тех пор, пока сохраняется угроза возникновения войны, гарантом мира остается сохранение сильных боеспособных Вооруженных Сил и поддержание их в высокой степени боевой готовности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Коллаборационизм (фр. Collaboration – «сотрудничество») в юридической трактовке международного права – осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом, в его интересах и в ущерб своему государству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия / Под ред. Козлова М.М. М.: АСТ, 2007.

2. Великая Отечественная война: правда и вымысел: Сб. статей. СПб., 2000. Вып. 1 (2000). Вып. 2 (2003).

3. Великая Отечественная война. 1941-1945. Энциклопедия / Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

4. Великая Победа 1941-1945. СПб.: Знание, 2015.

5. Военное обозрение. 21.05.2016 // <https://topwar.ru/95477-znachenie-lend-liza-dlya-sssr.html>.

6. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ-Государственное издательство политической литературы, 1947 (переиздание: Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2003. («Русская классическая библиотека. Экономика и духовность»).

7. *Гальдер Франц.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск в 3-х томах: М.: Воениздат, 1971.

8. Док. Письмо министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши в Германии Ю. Липскому. 19 сентября 1938 г. // <https://mikle1.livejournal.com/383131.html/>.

9. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. М.: Олма-Пресс, 2002 // Книга на сайте: <http://militera.lib.ru/memo/russian/zhukov1/index.html>.

10. *Ивашов Л.Г.* Геополитика Второй мировой // Международные отношения. ТОП. 10 мая 2011.

11. *Ивашов Л.Г.* Геополитика Второй мировой // Мир и политика. 2011. № 05 (56).

12. *Космач В.А.* Вторая мировая война: уроки истории и современность // Вестник Вітебскага Дзяржаўнага ўніверсітэта. 2005. № 2 (36).

13. *Космач В.А.* Величие победы: главные итоги, геополитические последствия и уроки великой отечественной и второй мировой войн 1939-1945 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015.

14. *Литвиненко В.В.* Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М.: Вече, 2015.

15. Мировые войны XX века: Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.

16. Независимое военное обозрение. 12.07.13.

17. Оруэлл Джордж: Вспоминая войну в Испании / Перевод Зверева А.М. М.: Издательский дом: «Прогресс», 1989 // https://www.orwell.ru/library/essays/Spanish_War/russian/rsw_1.

18. Путь от Эльбы до Красной площади. Взаимоотношения с союзниками по антигитлеровской коалиции спустя 65 лет после Победы // Московская неделя. 14 мая 2010. № 85.

19. *Рыжков Н.И.* Фактор ленд-лиза // Контуры глобальных трансформаций: Политика, Экономика, Право. 2015. Выпуск 3. и др.

20. ТАСС // <https://tass.ru/spec/wwii>.

21. *Трифанков Ю.Т.* «Великая Отечественная война: геополитический и региональный уровни» // Суть времени. 25.06.2011.

22. *Трифанков Ю.Т.* Великая Отечественная война: геополитический и региональный уровни // <http://rugraz.net/index.php/ru/istoricheskoe-dostoinstvo/velikaja-otechestvennaja/601-j-t-trifankov-velikaya-otechestvennaya-voina-geopoliticheskii-i-regionalnyi-urovni>.

---

23. *Тугов В.М.* Внешнеполитические условия накануне войны и военно-политические итоги Второй мировой войны / в сб. научных статей «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Актуальные проблемы современного анализа». СПб., 2008.

24. *Шейнман М.М.* Ватикан между двумя войнами. М., 1948.

25. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М.: «Русская идея», 2000.

26. *Уткин А.И.* Месть за Победу – новая война. М.: Эксмо: Алгоритм, 2005.

27. *Энперсон Ральф.* «Невидимая рука». М.: «Образование-Культура», 1996.

28. *NewYorkTimes.* 24.06.1941.

29. <http://www.analysisclub.ru/index.php?art=2148&page=hist>.

30. <https://vzglad.mirtesen.ru/blog/43022569520/Zaharova-ne-sderzhalas-posle-vyipada-oskorblyonnyih-Putinyim-pol>.

V.V. PYZH

doctor of political science, head

Department of social and humanitarian disciplines

national state University

physical culture, sports and health named after P.F. Lesgaft,

expert of the Commission on defense and security

Inter-parliamentary Assembly of the CIS member States,

Saint Petersburg, Russia

THE GEOPOLITICAL PICTURE OF THE WORLD ON THE EVE OF WORLD WAR II: LESSONS OF VICTORY FOR THE GEOPOLITICS OF THE XXI CENTURY

The article deals with the geopolitical situation in the world balance of forces in the run-up to the Second World war. The essence of world processes in the interwar period. Events preceding the outbreak of hostilities. Cause of war. Participation of the USSR in the Second World war and the great Patriotic war. Lessons and geopolitical results of the Victory.

Key words: *Great Patriotic war, world war II, Victory of the Soviet people, defeat of German fascism, Soviet armed forces, Red Army, lend-lease, Resistance movement, internationalism, patriotism, geopolitics, international relations.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.020

УДК 32.327

С.Р. ИБРАГИМОВ

аспирант Дипломатической академии
МИД России, Россия, г. Москва

Э.Т. МЕХДИЕВ

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник центра анализа,
управления рисками и финансового контроля в
цифровом пространстве Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва

ВЛИЯНИЕ ГАЗОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

В статье освещаются последние события в энергетической сфере Восточного Средиземноморья. За последние десять лет Израиль, Кипр и Египет превратились из импортеров природного газа в экспортеров. Каждый из них обладает богатыми запасами природного газа и стремится получить прибыль от экспорта. С двумя основными игроками, такими как ЕС и Турция, проблема становится политизированной. Основной движущей идеей европейской газовой политики является диверсификация поставщиков, в то время как Турция находится на пути к тому, чтобы стать распределительным хабом природного газа в Европе и на Ближнем Востоке. Автор рассматривает месторождения природного газа Израиля и Кипра и возможности их экспорта. Имея три варианта для экспорта, такие как Восточно-средиземноморский газопровод, израильско-турецкий трубопровод и египетские СПГ-установки, автор отдает приоритет последним как наиболее выгодным.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, нефтегазовые маршруты, Израиль, Кипр, Турция, ЕС, Южный газовый коридор.

Последние события на европейских энергетических рынках показывают, что краеугольным камнем европейской энергетической политики является секьюритизация импорта энергоносителей. Зависимость от российского газа когда-то приводила к нехватке энергии в течение зимы 2006 и 2009 гг. Теперь европейская бюрократия стремится достичь независимо-

сти несколькими способами, и наиболее важным из них является диверсификация экспортером природного газа и нефти [4].

Большинство ведущих мировых аналитических центров и энергетических компаний согласны с тем фактом, что природный газ укрепит свою долю в европейском потреблении энергии. По мнению экспертов, потребление природного газа в Европе останется стабильным на нынешнем уровне. Среднегодовой показатель в долгосрочной перспективе по разным источникам составляет 450 млрд м³, а самый скромный прогноз дан Европейской комиссией – 429 млрд м³. Международное энергетическое агентство предполагает уровень потребления 466 млрд м³, а Eurogas – 437-585 млрд м³ [9]. В отличие от потребления, внутренняя добыча газа значительно снижается. По данным Международного энергетического агентства, в 2040 г. он будет равен 91 млрд м³ в год, что на 47% ниже уровня 2013 г. Таким образом, ЕС будет импортировать 83% потребляемого газа. В долгосрочной перспективе минимальный уровень импорта в общем потреблении газа составляет 68% согласно ENTSO-G, а ВР считает, что импорт составит 75%.

Открытие нескольких месторождений природного газа в Восточном Средиземноморье заставило некоторых экспертов предположить, что эти открытия значительно изменят энергетическую политику ЕС и соседних регионов. Тем не менее, некоторые эксперты высказали мнение, что доказанных и вероятных объемов открытых месторождений недостаточно для изменения геополитики региона. Несомненным является следующее: теперь Израиль обладает достаточным количеством природного газа, чтобы быть нетто-экспортером ископаемого топлива, и ситуация на Кипре близка к израильской, если будет решено несколько проблем.

Обзор последних открытий природного газа в израильских и кипрских исключительных экономических зонах. В последнее десятилетие было сделано несколько значительных открытий месторождений природного газа в Восточном Средиземноморье.

Левиафан является крупнейшим газовым месторождением в ИЭЗ Израиля. Он был обнаружен в 2010 г. Подтвержденные запасы составляют 476 млрд м³. Газовые месторождения разработаны Noble Energy (39,66%, оператор), Delek Group с 43,33% и Ratio с 15%. Согласно плану разработки, первые объемы газа с этого месторождения должны поступить на рынок к концу 2019 г. Планируемый объем добычи газа на первом этапе составляет 21 млрд м³ [3].

В начале разработки месторождения население Хайфы активно выступало против этого проекта, поскольку месторождение находится в непосредственной близости от города. Тем не менее, Бини Зомер, вице-президент Noble Energy по региональным вопросам, сказал, что разработка месторождения происходит на глубине 5 км и на расстоянии 100 км от берега и с учетом всех угроз для окружающей среды не представляет опасности.

Существует проблема с продажей продукции, так как не было найдено достаточного количества покупателей, чтобы разработка месторождения окупилась. Пока что был заключен только один крупный контракт с иорданской государственной энергетической компанией NEPCO. Общий объем продаж должен достичь 45 млрд м³. в течение 15-17 лет без возможности сокращения закупок. Остальные 4 контракта заключены с израильскими компаниями, общий объем поставок составляет 31 млрд м³ сроком на 15-20 лет с возможностью сокращения объема закупок. Т.е. Левиафан столкнулся с проблемой экспорта газа на международные рынки. В 2015 г. было заключено соглашение на экспорт газа в Египет, как для внутреннего потребления, так и для потенциальных поставок на месторождения СПГ. Но открытие месторождения Зор в 2015 г. ставит под сомнение выполнение этого соглашения.

Месторождение Тамар было открыто в 2009 г., добыча газа началась в начале 2013 г. Общий объем газа в оценочных запасах составляет 282 млрд м³. Консорциум по разработке месторождения состоит из Noble Energy (оператор) – 32,5%, Delek Drilling – 31,2%, Isramco – 28,7%, Dor Gas – 4% и Everest – 3,5% [3]. Согласно закону, принятому правительством Израиля, который запрещает монополии и регулирует компании в газовой промышленности (Правительственный рамочный документ по природному газу), Delek Group должна продать свою долю в месторождении Тамар до конца 2021 г., а Nobel Energy должна сократить свою долю до 25%. Годовой уровень производства составляет около 11,5 млрд м³.

Согласно закону 2015 г., 40% добываемого газа можно экспортировать, а 60% должно сохраняться для внутреннего потребления. Двумя крупнейшими покупателями газа на израильском рынке являются Israel Electric Corporation (87 млрд м³) или Or Power Energies (Dalia) Ltd (23 млрд м³). С частными компаниями был заключен контракт на 58 млрд м³. Был заключен контракт с египетским Dolphinus Holdings сроком на 7 лет, но выполнение контракта зависит от транспортных маршрутов. Ведутся переговоры с испанским Union Fenosa о поставках газа для месторождения СПГ в Дамiette в Египте. Планируется, что он будет поставлять 4,5 млрд м³ в год в течение 15 лет с возможным увеличением поставок до 7 млрд м³.

Месторождения Танин и Кариш были открыты в 2011 и 2013 гг. соответственно. Они разрабатываются для внутреннего потребления Израилем, поскольку экспортная квота была передана консорциуму Левиафан во время продажи месторождения в 2016 г. Разработчиком является Energean Israel Ltd., дочерняя компания греческой компании Energean, которая приобрела в августе 2016 г. права на разработку от Noble Energy и Delek Group после принятия Правительственного рамочного документа по природному газу в 2015 г. Уже подписаны контракты на закупку газа с этих месторождений с частной израильской электроэнергетической компанией Or Power Energies (Dalia) Ltd. Объем законтрактованного газа составляет 23 млрд м³. Ожидается, что поставки газа начнутся в 2021 г.

Афродита – газовое месторождение в ИЭЗ Кипра. Месторождение было открыто Delek Group и Noble Energy в 2011 г. Объем газа составляет 140 млрд м³. Месторождение разрабатывают Noble Energy (35%, оператор), Delek Group (30%) и Shell (35%) [3]. У этого газового месторождения есть несколько проблем. Во-первых, отсутствие внутреннего спроса на природный газ. Большинство электростанций на Кипре работают на нефти. Сейчас перед властями Кипра стоит вопрос о переводе электростанций на потребление газа. Даже в случае газификации размер экономики страны все еще невелик для коммерческой разработки, и добываемый газ необходимо экспортировать. Во-вторых, не хватает экспортных газопроводов. Одним из вариантов является газопровод Восточно-средиземноморский газопровод, который может связать израильские месторождения с Италией через Кипр и Грецию. Второй вариант – это строительство газопровода от Афродиты до месторождений СПГ в Египте, но этот вариант зависит от объема добычи газа в самом Египте и его экспортных возможностей. Благоприятным является вариант совместной разработки месторождений Афродиты и израильского Левиафана, расстояние между которыми составляет всего 7 км. Кроме того, с точки зрения экспорта некоторыми исследователями считается выгодной совместная продажа продукции треугольника Зохран (Египет) – Левиафан (Израиль) – Афродита (Кипр). В-четвертых, проблема заключается в позиции Турции в отношении выдачи лицензий правительством Южного Кипра.

Возможности экспорта природного газа Восточного Средиземноморья. В настоящее время три основных региональных игрока влияют на разработку ресурсов природного газа Восточного Средиземноморья. Это ЕС, Турция и Египет. У каждого из них есть свои планы по развитию регионального энергетического сотрудничества и свое видение будущего взаимодействия в регионе. Наиболее активной среди них является Турция с ее установленным видением региона и целей, которые необходимо достичь. ЕС, стремящийся к независимости в решении энергетических вопросов, имеет базовые инструменты и механизмы, когда дело доходит до новых потенциально прибыльных газовых месторождений. Египет наиболее пассивен из-за внутренних проблем и проблем безопасности. Тем не менее, он влияет на энергетическое взаимодействие в Восточном Средиземноморье, обладая огромным количеством газа и, таким образом, определенным образом становясь конкурентом Израиля и Кипра.

Важнейшим вопросом повестки дня с точки зрения решения остающихся в регионе проблем является вопрос о том, как будут транспортироваться энергоресурсы. Рассматривая проекты, выделяющиеся в регионе, на первый план выходит проект Восточно-Средиземноморского газопровода (EastMed), инициированный Израилем, Грецией и греческими властями Южного Кипра в обход территории Турции.

Трубопровод протяженностью более 1300 км начинается в Израиле и будет иметь три точки выхода: Кипр, Крит и Греция, а далее – до итальянских

терминалов [7]. Проект должен окупиться за десять лет, исходя из среднегодовой пропускной способности 38 млн м³. без каких-либо дополнительных инвестиций. Греческая DEPA и итальянская Edison (газовый оператор под крылом французского гиганта Electricite de France с активами более 70 млрд евро) поровну покрывают инвестиции.

Участие крупного европейского капитала вносит свои особенности в трактовку целей и смыслов проекта, в том числе политических. С самого начала проект EastMed был представлен СМИ как инструмент стратегии ЕС по снижению энергетической зависимости Европы от Москвы в условиях эскалации конфликта и взаимных санкций. Однако ни одна из стран-участниц EastMed не подтвердила антироссийский характер проекта. Газ из России остается оптимальным решением для Европы.

Однако, учитывая маршрут этого проекта, очевидно, что он не самый финансово выгодный. Более того, этот проект фактически остается в повестке дня с помощью ЕС. Но проблема финансирования и ограниченный объем резервов в регионе являются наиболее важными препятствиями на пути реализации этого маршрута [10].

Это связано с тем, что объем инвестиций и затраты, необходимые для планируемого проекта, увеличивают цену на газ в Восточном Средиземноморье. Поэтому страны ЕС, которые хотят покупать более дешевый газ, обращаются к альтернативным маршрутам.

Турецкий маршрут для транспортировки восточно-средиземноморского природного газа является самым коротким (~ 550 км). Благодаря этому Израиль сможет быстро доставить свой газ в Европу. Однако Израиль может не захотеть попасть в транзитную зависимость от Турции, хотя две страны подписали соглашение о нормализации отношений в конце июня 2016 г. Израиль теперь показывает Турции, что у него есть альтернатива и он может поставлять свой газ в Европу через будущий газопровод EastMed. Израиль заинтересован, во-первых, в том, чтобы начать поставки газа в Турцию, которая является основным покупателем газа, и, во-вторых, в начале поставок газа в Европу. Самый дешевый и самый короткий способ доставки израильского газа в Европу – по трубопроводу через Средиземное море в Турцию (провинция Мерсин), и в этом случае, скорее всего, не будет необходимости строить второй, более длинный и более дорогой газопровод EastMed. Однако второй трубопровод, безусловно, нужен Израилю с точки зрения диверсификации экспорта газа. Видимо, что если Израиль будет действовать вместе с Кипром и Грецией, может быть построен длинный и дорогой газопровод, но если Израиль будет действовать в одиночку, то строительство газопровода Израиль-Турция, из которого израильский газ будет поступать в Европу, более вероятно. Турция выступает за строительство газопровода. В этом случае Турция увеличит количество поставщиков газа и сможет снизить свою зависимость от трех основных (Россия, Иран и Азербайджан).

В основном это касается России и Ирана, поскольку цена на газ из этих стран намного превышает цену азербайджанского газа. В настоящее время строится Трансанатолийский газопровод (TANAP), по которому азербайджанский газ будет доставляться в Турцию и, далее, в Европу по Трансадриатическому (TAP) газопроводу. Азербайджан станет вторым по величине поставщиком газа Турции. Теоретически, газ из Туркменистана, Ирана, Ирака и Катара также может быть доставлен в Европу по этому газопроводу. Кроме того, российский газ может поставляться в Европу по газопроводу Турецкий поток. Теперь Турция должна бороться за доставку восточно-средиземноморского газа в Европу через свои территории. Если газ из всех вышеперечисленных стран будет транспортироваться в Европу через Турцию, она, вероятно, станет крупнейшим газовым коридором в мире, поскольку газ из примерно 10 стран будет направляться в Европу через одну страну.

Самая большая проблема для транспортировки природного газа из восточно-средиземноморского бассейна через Турцию – это европейская политика диверсификации. Со строительством трубопровода из Израиля в Турцию в сочетании с Южным газовым коридором, ЕС, похоже, станет зависимым, помимо России, также от Турции. Южный газовый коридор – это проект, инициированный Европейской комиссией, направленный на диверсификацию как стран-поставщиков, так и маршрутов транспортировки природного газа в Европу. Проект Южного газового коридора был предложен после отмены транспортного проекта Nabucco. Отправной точкой маршрута является Сангачальский терминал недалеко от Баку, а конечной точкой является Италия. Сам газопровод состоит из трех частей: Южно-Кавказского, Трансанатолийского (TANAP) и Трансадриатического (TAP) газопроводов.

Первая часть Южного газового коридора – Южно-Кавказский газопровод (также называемый газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум). Этот маршрут экспортирует азербайджанский газ с месторождения Шахдениз. Поставки в Грузию по газопроводу начались в конце 2006 года, а в Турцию – в июле 2007 года. Пропускная способность составляет 8 млрд м³. Газопровод проложен в непосредственной близости от нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, чтобы минимизировать ущерб, наносимый экологической среде региона. Доли компаний в консорциуме распределяются следующим образом: BP (оператор) – 28,8%, SOCAR (через AzSCP) – 10,0%, ТРАО – 19%, Petronas – 15,5%, Лукойл – 10%, NICO – 10% и SGC Midstream – 6,7% [6].

К 2020 г. планируется увеличить пропускную способность до 20 млрд м³ в год путем установки двух дополнительных компрессорных станций на территории Грузии и Турции и строительства второй линии, параллельной уже существующему трубопроводу. Окончательное решение об инвестициях в расширенный Южно-Кавказский газопровод было подписано 17 декабря 2013 года одновременно с решением о разработке второй фазы месторождения Шахдениз.

Вторая часть Южного газового коридора – Трансанатолийский газопровод (TANAP). Идея проекта была предложена на III Черноморском энергетическом и экономическом форуме, состоявшемся в Стамбуле в ноябре 2011 г. Меморандум о взаимопонимании по строительству газопровода между правительствами Азербайджана и Турции был подписан в декабре 2011 г. Строительство газопровода протяженностью 1850 км началось в марте 2015 г. Первоначальная проектная мощность газопровода составляет 16 млрд м³, из которых десять предназначены для европейского рынка, а шесть – для турецкого рынка. К 2026 г. планируется увеличить объем транспортируемого газа до 31 млрд м³. Доля компаний в проекте следующая: 58% принадлежит азербайджанской SOCAR через закрытое акционерное общество «Южный газовый коридор», турецкой BOTAS принадлежит 30%, а BP – 12% [8].

Третья линия Южного газового коридора – Трансадриатический газопровод (TAP). В 2013 г. между Грецией, Италией и Албанией было подписано трехстороннее межправительственное соглашение, подтверждающее приверженность проекту. Доля участия компаний в этом проекте распределяется следующим образом: BP – 20%, SOCAR – 20%, Snam S.p.A. – 20%, Fluxys – 19%, Enagás – 16% и Axpo – 5% [5].

Стоит отметить деятельность правительств балканских стран по поддержке Трансадриатического газопровода. Меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве были подписаны между правительствами и компаниями-разработчиками стран, участвующих в проектах TAP и Ионо-Адриатическом трубопроводе (IAP). 27 мая 2013 г. Совет Адриатической и Ионической инициативы, представленный главами правительств Албании, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Греции, Италии, Черногории, Сербии и Словении, подписал в Брюсселе декларацию о согласии на сотрудничество в дальнейшем развитии газопроводов TAP и IAP. Основными бенефициарами транзита каспийского газа через Южный газовый коридор являются страны Юго-Восточной Европы, для которых этот проект является одной из важнейших переменных в процессе диверсификации поставщиков природного газа на национальные рынки.

Наиболее выгодный вариант еще транспортировки природного газа из Левантийского бассейна в Европу – это доставка газа на СПГ-установки в Египте. В настоящее время в стране их два – в Идку и Дамьетте. Однако есть и проблемы. Несколько лет назад Египту был нужен газ, и его внутреннего производства было недостаточно даже для собственных нужд, но открытие месторождения Зохр перевернуло эту ситуацию с ног на голову. Объем доказанных запасов месторождений составляет 850 млрд м³. Это позволяет Египту развивать собственное потребление и экспортировать топливо. Тем не менее, многие эксперты полагают, что трем странам выгоднее объединить свои усилия и совместно решить проблему экспорта природного газа.

Заключение. Поскольку потребление природного газа в Европе увеличивается на фоне сокращения его добычи, для европейских стран важно диверсифицировать поставки природного газа. Открытие новых месторождений на востоке Средиземного моря у побережья Израиля, Кипра и Египта открыло новые возможности для ЕС. В то же время существует проблема с определением маршрутов поставок.

Проект трубопровода EastMed, поддерживаемый ЕС, является самым дорогим и наименее прибыльным с экономической точки зрения. Это также сложно выполнить с технической точки зрения, так как он проходит через сейсмически активные зоны Средиземного моря, а глубина на нескольких участках составляет более 3000 метров. Возможность ремонта поврежденных участков на такой глубине не совсем очевидна.

Проект газопровода из Израиля в Турцию с последующим экспортом газа в Европу технически возможен и экономически выгоден. Тем не менее, есть несколько проблем. Во-первых, этот трубопровод проходит через сирийскую ИЭЗ. Во-вторых, ЕС также не хочет, чтобы Турция стала газовым центром. В противном случае Турция будет контролировать транспортировку значимого количества природного газа, импортируемого Европой.

По мнению автора, экспорт природного газа из Кипра и Израиля в Египет с последующим сжижением и экспортом в различные части мира с помощью СПГ-танкером является наиболее выгодным вариантом для этих стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Мехдиев Э.Т., Гулиев И.А. Анализ технологии последовательной перекачки по трубопроводам нефти и нефтепродуктов, применяемой в ведущих странах Европы // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10-2 (75).
2. Чернявский С.И., Мехдиев Э.Т. Южный газовый коридор в энергетической политике ЕС // Вопросы политологии. 2018. № 4 (32).
3. East Med E&P: Our Business Environment // <https://www.delek-group.com/our-operations/east-med-our-business-environment/>.
4. Hafner M., Tagliapietra S. The Role of Natural Gas in EU Decarbonisation Path. Fondazione Eni Mattei Milano. 2016.
5. Shah Deniz Stage Two, Caspian Sea // <https://www.offshore-technology.com/projects/shah-deniz-stage-2-caspian-sea/>.
6. South Caucasus pipeline // https://www.bp.com/en_az/caspian/operation-projects/pipelines/SCP.html.
7. Tagliapietra S. Energy Relations in the Euro-Mediterranean. Palgrave Macmillan. 2017.
8. Trans Anatolian Natural Gas Pipeline Project // <http://www.tanap.com>.
9. World Energy Outlook 2017. Executive Summary.
10. Yoruca V., Mehmet O. The Southern Energy Corridor: Turkey's Role in European Energy Security. Springer International Publishing. 2018.

S.R. IBRAGIMOV

*Post-graduate student of the Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of RF, Moscow, Russia*

E.T. MEKHDIEV

*Candidate of Sciences (history), leading
researcher at the Center for analysis, risk management
and financial control in the digital space of the
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

THE INFLUENCE OF EASTERN MEDITERRANEAN GAS FIELDS ON EUROPEAN ENERGY SECURITY

The article highlights the latest developments in the energy sector of the Eastern Mediterranean. Over the past ten years, Israel, Cyprus and Egypt have evolved from importers of natural gas to exporters. Each of them has rich reserves of natural gas and seeks to profit from exports. With two major players, such as the EU and Turkey, the problem is becoming politicized. The main driving force behind European gas policy is the diversification of suppliers, while Turkey is on track to become a natural gas distribution hub in Europe and the Middle East. The author considers the natural gas fields of Israel and Cyprus and the possibilities of their export. Having three options for export, such as the East Mediterranean gas pipeline, the Israeli-Turkish pipeline and Egyptian LNG installations, the author gives priority to the latter as the most profitable.

Key words: *energy security, oil and gas routes, Israel, Cyprus, Turkey, EU, Southern Gas Corridor.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.021

УДК 32.327

АДОУНДЕ ЯОВИ СИЛЬВЕСТР

*аспирант Российского университета
дружбы народов, Республика Бенин*

Н.В. ШУЛЕНИНА

*кандидат политических наук,
доцент кафедры политического анализа
и управления Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва*

ЗАПАДНАЯ АФРИКА: ЭТНОС КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Статья посвящена изучению этноса как фактора, оказывающего большое влияние на политические и социально-экономические процессы в Западной Африке. Этнополитическая нестабильность влияет на политическую систему, повышая уровень конфликтности, что в конечном итоге порождает социально-экономическую нестабильность. В статье предлагается вариант построения эффективной системы, в которой этническое разнообразие не должно служить поводом для возникновения конфликтов, а выступать преимуществом для социально-экономического развития стран региона.

Ключевые слова: *этнос, Африка, социально-экономическое развитие, менталитет, политика, Западная Африка, политические конфликты, деструктивная политика, национальная принадлежность, социализация, хамитская теория, конструктивная политика, политическая нестабильность, конфликт.*

Западная Африка является одним из регионов африканского континента, где наблюдаются политические и экономические проблемы. Эти проблемы в большей степени приводят к глобальной нестабильности в регионе так, как политические и экономические проблемы взаимосвязаны. Они (политические и экономические проблемы) также имеют большее влияние на политическую ситуацию до такой степени, что проблемы приводят к недопустимому высокому уровню конфликта.

Прежде чем исследовать феномен нестабильности в западной Африке, важно напомнить, что регион на плане социально-экономического развития

обусловлен различными факторами. Эти факторы следующие: демографические, географические и социокультурные.

Демографические факторы заключаются в том, что наблюдается высокий процент смертности у детей. Т.е. продолжительность жизни у младенцев не значительно высокая, хотя на плане демографического развития, регион выигрывает по сравнению другими регионами или странами других континентов. Например, в Нигере и в Нигерии (страны Западной Африки), среднее статистическое количество детей у мам составляет 7,6 и 8,2 соответственно [7]. Но, тем не менее, смертность у младенцев является большой опасностью для социально-экономического развития региона.

Географический фактор заключается в том, что у Западной Африки есть свой климат и в климате огромный потенциал для развития сельскохозяйственного производства. Это говорит о том, что специфика природно-климатических условий тропического пояса является большим преимуществом, которая должна быть максимально использована в пользу социально-экономического развития.

Под словом социокультурные, понимаются ценности и поведенческие установки людей, а также этнические разнообразия людей, языки и религиозные группы. Западная Африка является одним из регионов, где живет значительное количество людей, имеющие разные этнические принадлежности. Исходя из этой логики, факты показывают, что разнообразие этнических групп оказывает большее влияние на процесс социально-экономического развития в регионе (в Западной Африке) [5].

Мировые экономические кризисы уже показали по всему миру до какой степени они могут повлиять на глобальные экономические процессы, а также на экономический прогресс каждого региона и каждой страны. В случае Западной Африки где уровень развития большинства стран еще далек от уровня европейских и даже некоторых азиатских стран, необходимо немедленно вести экономическую политику, которую позволила бы странам региона меньше страдать во время мировых экономических кризисов и быстро восстановиться после них. По мнению некоторых ученых, решение этой проблемы находится в вопросе региональной интеграции. В докладе «ЮНКТАД» в 2009 году речь шла об этом где говорилось о важности региональной интеграции как устойчивого инструмента развития на африканском континенте особенно во время мировых кризисов [6]. Но Западная Африка в широком понятии как территория объединяющая некоторые страны является специфичным регионом. Региональная интеграция, какая бы она не была прежде всего должна пройти через народ так, как территория определяется с помощью народа, который на ней живет.

Этническое разнообразие Западноафриканских государств является важным фактором, который определяет социально-политические проблемы в регионе. Из-за этнических разногласий наблюдаются жесткие конфликты

политического и религиозного характера, что в конечном итоге тормозит на всех планах (экономические, политические, социальные и т.д.) развитие стран региона. Продолжая в этой логике, Западной Африка становится противоречивым регионом не только для исследования, но и для совершения благоприятной экономической политики, которая так важна допустим для решения проблем бедности в регионе. Поэтому в нашем исследовании очень важно отметить, что этническая неоднородность в Западной Африке является фактором, который сильно влияет на работу африканских элит и ухудшает стабильность стран в политическом и экономическом плане.

Этнос – это совокупность людей, которые имеют общий менталитет и общий характер на основе определенных исторических факторов, а также различаются от других подобных людей (от других этносов) или групп людей. На самом деле понятие этноса и понятие нации немножко не идентичные. Но в продолжении исследования мы попробуем сильно их не различать. Некоторые факты показывают, что человек не может обойтись без этнической принадлежности так, как его психика и поведение, связанные с ней (с этнической принадлежностью). Если глубоко копать, то можно сказать, что речь идет о биологической принадлежности и о социально-культурной принадлежности. Биологическая принадлежность касается генетики человека, т.е. кто его отец и мать, какие его предки. А социокультурная принадлежность заключается в какой окружающей среде человек родился и какое воспитание получил. Но в сегодняшних условиях социокультурный фактор играет большую роль на плане психики и поведения людей. Если опираться на понятие этноса как нация, то национальная принадлежность на сегодняшний день – это некое явление, которое определяется языком с одной стороны, поскольку человек считает этот язык своим родным, своей культурой и чувствует всю историю через этот язык, а с другой стороны за человеком стоит семья, которая родилась в определенной нации и относит себя к части этой нации. Такое объяснение говорит о том, что понятие этноса как нация – это некое историко-социально-культурное явление.

В контексте этнической группы, социализация человека имеет ментальные и витальные характеристики. Под словом «ментальные» понимается способность человека владеть фундаментально-духовными свойствами для того чтобы легко адаптироваться и погрузиться в культуру своего этноса. А слово «витальные», говорит о том, насколько человек способен обеспечить себе жизнь. Тут вопрос чисто о жизненном условии и в случае региона Западной Африки (регион к югу от Сахары) речь идет о вопросе биолого-физического характера. Поэтому нельзя абсолютизировать роль этноса в качестве фактора социализации человека, а также нельзя ее игнорировать так, как он (этнос) отражает культурные ценности, которые давно увидели свет и нуждаются в сохранении и защите [3].

Рисунок 1. Наряд западноафриканского народа «Фулани»

Витальные особенности социализации человека в контексте Западной Африке также включают в себя окружающую среду, которая связана с географическими факторами. Помимо фактора окружающей среды есть также фактор обеспечения еды или вскармливания детей. От этого фактора зависит физическое развитие потому что, жизненные витальные условия не одни и те же как в других регионах и других странах мира. Важно тут напомнить, что в этом и заключается один из особенностей разнообразия этносов потому, что витальные условия разные. Самые заметные различия наблюдаются особенно на плане культуры, но природно-климатические условия тоже играют большую роль. По мнению некоторых ученых, наблюдается очень быстрый темп развития ребенка особенно в первом месяце жизни. Такой быстрый темп развития младенца объясняется ученым как тесный контакт с матерью после рождения так, как мать грудью кормит ребенка своим натуральным молоком, которое дано от природы. Но после того как ребенок утрачивает свои живые и тесные контакты с матерью, ученые отмечают, что ребенок теряет опережение в развитии. В сравнении с европейскими нормами кормления ученые связывают такое отсутствие развития у детей с плохим или неправильным питанием.

Менталитет на самом деле может формироваться с детства, от всех учений, которые человек проходил или от всей полученной информации

до определенного момента своей жизни. На основе всех этих факторов можно сказать, что этнокультурные условия влияют на менталитет, а менталитет в свою очередь имеет большое влияние на политические процессы. Итак, менталитет является глубоким духовным складом с совокупностью коллективных представлений на наивном уровне (т.е. неосознанный уровень) и имея прямую связь с этносом (группа людей) в историко-культурных и природно-климатических условиях.

Менталитет этноса позволяет видеть и воспринимать окружающий мир на разных уровнях. Эти уровни следующие: когнитивный, аффективный и прагматический. Когнитивный уровень касается разума человека, а аффективный уровень говорит о его чувствах. Прагматический уровень касается прямых действий человека в своей окружающей среде. Таким образом, менталитет позволяет человеку действовать в политике и иметь определенное влияние во время политических конфликтов.

Исходя из этой логики и на базе данных анализа, в исследовании можно сказать, что менталитет в широком смысле слова как никогда имеет прямую связь с развитием государственности, с политическими процессами и кампаниями, с информационными пространствами, с выборами политических партий самими гражданами и в конечном итоге с восприятием политической информации. Тут важно отметить, что для современной политологии анализ национального фактора управления, определяющий характер человека, играет большую роль не только в процессе выбора типа политического участия групп и индивидов, но и в процессе формирования политической системы в целом. Если затронуть тему об эффективном управлении, то можно сказать, что на данный момент менталитет определяет уровень развития Западной Африки так, как для хорошего управления и для достижения благоприятных результатов развития на политическом и особенно на экономическом плане, нужно обязательно пройти определенные этапы, которые помогли бы преодолеть все сложности для того чтобы раз и навсегда вытащить регион из несчастного состояния, в котором он находится из-за разнообразия этноса. Эти этапы касаются особенно эффективного и конструктивного политического взаимодействия государств и гражданских обществ в регионе. Тут под словом «гражданское общество» однозначно понимается взаимодействие с социальными группами, этносами, политическими партиями и средствами массовой информации. Речь не идет о том, что надо избавиться от этнических групп, но найти как говорится золотую среду для наложения эффективного политического отношения с ними (с этническими группами).

Менталитет также играет большую роль в формировании характера человека и этот характер может рождаться уже с детства из-за различных межэтнических установок. Помимо этноса есть еще и колониальные факторы, которые сильно могут повлиять на менталитет и в конечном итоге иметь

большое давление на экономические процессы и процессы развития в целом. Важно отметить, что господствовала в африканистике, хамитская теория (хамиты на самом деле являются потомками Хама, а Хам является одним из сыновей библейского патриарха Ноя) [4], которая не способствовала развитию африканских стран и является застойной теорией для континента.

Опираясь на конкретные факты, можно сказать, что у Западной Африки своя история развития, которая заключается в образцах государств. На самом деле в регионе наблюдается огромное желание и старания в экономическом плане. Также наблюдаются различные политические модели и различные политические взаимодействия. Такое изменение только может порадовать в том плане, когда хочется верить, что политические представители стран региона наконец пришли к осознанию и важности создать свою политическую модель, которая способствовала бы развитию. Но политические проблемы и бесконечная нестабильность продолжают иметь большое влияние на социально-экономическое развитие. Одна из источников этих проблем несомненно является менталитетом жителей Западной Африки.

Он (менталитет) влияет на политические процессы региона так, как проявляет себя негативным образом и иногда используется политическими личностями для усугубления кризиса во время политических конфликтов. Иногда есть ощущения, что Африка (в частности Западная Африка) пока не осознает свою экономическую отсталость, и отсталость своих политических моделей по сравнению с другими регионами других континентов или стран. В Африканской культуре есть анекдот, который заключается в том, что время для африканца является всего лишь неким циклическим процессом, в котором все возвращается на круги своя. Таким образом, если верить данному анекдоту, то можно сказать, что в нем и заключается вся суть медленного развития континента.

Уровень развития стран Западной Африки незначительно высокий, хотя такие страны как Нигерия, Гана, Кот-д'Ивуар или Сенегал в последнее время сделали огромную работу в плане подъема экономики, что им дает статус экономических гигантов региона. Но иногда хочется верить, что кроме проблем этнокультурного характера финансовый фактор, который заключается в быстром обогащении путем предательства не играет большую роль. Но, увы! Факты говорят о том, что Африканец готов предать Африканца за деньги, когда даже дело касается государства. В таких условиях можно наблюдать тотальный провал значения и существования этноса, который в первую очередь должен (существование этносов) консолидировать все силы для того, чтобы прийти к тому осознанию, когда нации – народы – этносы объединяются в одно и формируют Государство.

Заключение. У сознания африканского человека обращение к традициям имеет очень большое значение. Опираясь чисто на менталитет граждан в Западной Африке, государство является общиной где, земля принадлежит

предкам. Поэтому семья для, африканского человека имеет очень важное значение и играет большую роль в развитии личности. Она (семья) позволяет понять и познать все значения и преимущества терпения, открытости, свободолобия, общительности и эмоциональности.

Ряд ученых отмечают позитивные сдвиги экономического развития в Западной Африке. Если опираться на выступления Путина В.В., во время саммита «Россия – Африка» в Сочи в октябре 2019 года, где собрались главы около 40 африканских государств, можно сказать, что президент Российской Федерации не совсем согласен с мнением экспертов и выражая свою точку зрения дал понять, что Африка старается, но этого еще недостаточно учитывая все ресурсные потенциалы континента [2]. На самом деле важно отметить, что причины отсталости экономического развития и развития в целом, обусловлены определенными социальными факторами. Одним из видов этих факторов является этнос. Этнос в Западной Африке является одним из источников политических конфликтов и экономических кризисов, поскольку до сегодняшнего дня нет ни одной разработанной и эффективной системы, которая преодолела бы все проступки этноса как социальное явление в Западной Африке. Нигерия является одной из стран региона, где темпы прироста ВВП опережают средний, не только по региону Западной Африки, но и по континенту благодаря продаже нефти, которая формирует 90% бюджета страны [1]. В то же время Нигерия является одной из стран региона, где больше наблюдаются политические, экономические и социальные нестабильности из-за разнообразий этноса, что иногда превращается в некие гражданские войны из-за таких террористических группировок как «Боко Харам».

На самом деле красота Западной Африки находится в ее разнообразии, особенно в плане существования различных этносов. Элиты региона должны понять, что в этом разнообразии и заключается важность постройки эффективной системы для достижения благоприятного социально-экономического развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Андреев А.М.* Развитие национальных экономик стран Африки: основные этапы, современное состояние и перспективы // Глобализация и мирохозяйственные процессы // <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-natsionalnyh-ekonomik-stran-afriki-osnovnye-etapy-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy>.

2. *Евтякова А.* На саммит «Россия – Африка» в Сочи приехали главы больше 40 государств // <https://www.1tv.ru/news/2019-10-23/374468-na-sammit-rossiya-afrika-v-sochi-priehali-glavy-bolshe-40-gosudarstv>.

3. *Мудрик А.В.* Социализация человека. М., 2003.

4. *Ольдерогге Д.А.* Хамитская теория: Атлантида, расовое превосходство и душа // <https://medium.com/@Esvechepch/хамитская-теория-атлантида-расовое-превосходство-и-душа-88c5d80cc51d>.

---

5. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ // <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf>.

6. Юнктад: годовой доклад, 2009 год – UNCTAD // https://unctad.org/ru/docs/dom20101_ru.pdf.

7. Planetoscope. Statistique en temps reel // <https://www.planetoscope.com/agriculture-alimentation>.

ADOUNDE YAOVI SYLVESTER

*Post-graduate student, Peoples' Friendship
University of Russia, Republic of Benin*

N.V. SHULENINA

*Candidate of Sciences (political sciences),
Associate Professor at the Chair of political
analysis and management, Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia*

WEST AFRICA: ETHNOS AS THE MOST IMPORTANT FACTOR DETERMINING SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

The article is devoted to ethnos as a factor that has a great influence on the political and socio-economic processes in West Africa. Ethnos affects the political system with a high level of conflict, which ultimately affects social and economic stability. And when socio-economic stability is affected, discontent among citizens begins to appear, forming the ground for destructive conflicts. In addition to analyzing the phenomenon of ethnos as a factor affecting socio-economic development in West Africa, the article offers a variant of building an effective system in which the diversity of ethnic groups should not in any case be a reason for the appearance of conflicts, but an advantage for the socio-economic development of the region's countries.

Key words: *ethnos, Africa, socio-economic development, mentality, politics, land, West Africa, political conflicts, destructive politics, nationality, socialization, Hamitic theory, constructive politics, political instability, conflict.*

РОЛЬ «МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ» В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В КОНТЕКСТЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Сегодня мы являемся свидетелями активного продвижения национальных интересов через «мягкую силу», тактика и механизмы которой разрабатываются в различных «мозговых центрах» с упором на сотрудничество и объединение интересов между аналитическими, социальными, экономическими и политическими кругами.

Автор рассматривает современные «мозговые центры» в контексте системообразующих элементов международных отношений, аккумулирующих в своем поле участников для решения разнообразных политических задач. Всестороннее сотрудничество в этой системе – залог сохранения национальных интересов и поддержания имиджа страны на международной арене.

Ключевые слова: *мозговые центры, аналитические центры, мягкая сила, США, национальный брэндинг, коммуникационные технологии.*

«Мозговые центры» (англ. – «Think tanks») США сформировались в эпоху политики реформизма, на базе институтов, изучающих политическое поведение и специальных организаций по актуальным вопросам международной политики, в ходе ассимиляции страны в локализуемом мире и в условиях роста промышленного производства и экономической мощи в целом. В настоящее время мозговые центры США – это не только академический ресурс политической аналитики страны, но и полноправные акторы международной политики, генерирующие особые условия взаимодействия участников в процессе своей жизнедеятельности. Габитус мозговых центров располагает приспособленной к транснациональным отношениям структурой и является актуальным способом доставки политической ориентации, согласно концепции мягкой силы, в рамках которой реализуется политика США.

В общем, упрощенном смысле мозговые центры – это образование ученых, аналитиков, политиков и других лиц, исследующих ведущие полити-

ческие вопросы. Совокупность таких характеристик, как политическая направленность, общественная функция, компетентные и профессиональные интеллектуальные ресурсы, расширенный арсенал деятельности в формате публикаций, конференций, семинаров и практикумов дифференцирует термин «мозговые центры» с более общим понятием «аналитические центры».

Сложность определения понятия «think tank» встречается практически во всех исследованиях данного вопроса; не упрощает задачу, и проблема различной интерпретации в зависимости от географической и региональной специфики толкования данного явления.

Также изобилие и гетерогенность мозговых центров усложняют поиски маркеров для точного и универсального определения признаков мозговых центров. Специалист в этой области, профессор социологии калифорнийского университета Томас Медвец, исходя из основного элемента самоидентификации организации как «think tank», полагает, что мозговые центры определяет не их структура, а функции общественной направленности, которые заключаются в популяризации идей, поддержании открытой полемики, предоставлении площадки взаимодействия интеллектуальных ресурсов с политическими силами, группами интересов, лидерами общественных движений, легитимации и реализации политики отдельных групп и лиц, мониторинге и аудите государственной политики и событий и, наконец, в общественном, элитарном и политическом образовании. Таким образом автор предлагает индуктивный способ определения через функциональные особенности организаций, использующих ярлык «мозговой центр» [13].

В представленной работе мы будем исходить из традиционного перевода «think tanks» на русский язык как «мозговые центры» (далее – МЦ), что семантически подразумевает институт – академический резервуар, координирующий специалистов различных областей в процессе разработки и реализации аналитического подхода в политике.

«Классический» способ наглядной демонстрации феномена мозговых центров США – организация их в эволюционной последовательности, отображающая различные структурные, функциональные и модификационные особенности развития МЦ в специфической международной и внутренней обстановке.

Многие западные и отечественные специалисты представляют историческую хронологию возникновения «мозговых центров» США в своих работах: Беляевой А.П. [1], Теленьга М.П. [8], Коротышева А.П., Сорокина А.С., Леушкина Д.В. [6], Ричарда Н. Хаас [7], Дональда Э. Абельсон [2], Джеймса Дж. Макганн [3].

В совокупности вышеуказанные источники разделяют этапы образования МЦ на три-четыре волны, первая из которых набирала обороты, меняя социально-экономический ландшафт внутренней политики (1) и закладывающая фундамент международной системы (2), в которой на США в будущем будет возложена «особая миссия».

Причинно-следственная связь в формировании международного права, экономики и социально-культурных аспектов международной политической истории красной нитью проходит через базовые мозговые центры их разработки и спонсоров, имеющих определенные политические и экономические ориентиры в направлении среды своей жизнедеятельности. В этот период политика США в высокой степени находилось под влиянием мозговых центров.

Группа Эдварда Хауса «Исследование», состоящая из специалистов в области политологии и коммуникации, принимала активное участие в составлении стратегии Вудро Вильсона, представленной на парижской мирной конференции, результатом которой стали ратификация «Версальского договора», создание «Лиги наций» и «Совета по международным отношениям» (Council on Foreign Relations (CFR) (1921 г.)) [15].

В 30-е гг. под патронажем фондов Форда, Рокфеллера и Карнеги были созданы региональные комитеты, влияющие на формирование лояльного к продвигаемой Советом политике общественного мнения. Таким образом, были реализованы концептуальные основы в области коммуникации и политики лоббирования, выдвинутые авторами политической и экономической теории, среди которых особое место занимал видный журналист Уолтер Липпман, основоположник научного подхода к изучению общественного мнения.

Вторая волна (1945-80 гг.) на смену «политических институтов» принесла сам термин «think tanks», характеризующийся как союз аналитиков, специализирующихся на консультации по тактике ведения войны. Ведущей организацией, соответствующей термину «think tanks» периода после второй мировой, стала «RAND Corporation». Первоначально в составе военно-воздушных сил специалисты РЭНД занимались разработками ядерного оружия и ракетостроения. После 1948 года организация начала относительно самостоятельную деятельность и обеспечивала координацию между исследовательским сообществом с программами ВВС. Помимо сотрудничества по проблемам национальной обороны Корпорация разработала ключевые инновации в таких разнообразных областях, как информатика, экономическая теория, искусственный интеллект, космические технологии и общественные науки.

В тоже время появились первые мозговые центры, открыто пропагандирующие либеральную или консервативную системы политических убеждений. Либеральный – Институт политических исследований (Institute for Policy Studies (IPS)) в 1963 г. и, соответственно, консервативный – Фонд «Наследие» (Heritage Foundation) в 1973 г.

В послевоенный период деятельность мозговых центров США фокусируется вокруг международных проблем, связанных с противостоянием в ходе «холодной войны» и гонкой вооружений. Мозговые центры все больше включаются в коммуникационный процесс между политическими сила-

ми и общественностью, выпускаются печатные издания, устанавливается целевая аудитория. Возникают так называемые «адвокационные центры», действующие в интересах заказчиков. Именно в этот период мозговые центры обретают современную форму с присущими им свойствами, такими, как активное развитие «политики вращающихся дверей», сложные механизмы финансирования и взаимозависимости, конфликты интересов, активное международное сотрудничество и присутствие в регионах.

Вызовы, с которыми мировое сообщество столкнулось в конце XX века, требовали кардинально новых решений. «Дилемма безопасности» привела неореалистическую концепцию к тупику, выход из которого наметился с преобразованием математической теории игр Джона Нэша и применением ее к международным отношениям. Так, один из разработчиков доктрины ядерного сдерживания, будучи исследователем корпорации RAND, Томас Шеллинг, в своей работе «Стратегия конфликтов» при рассмотрении поляризованной системы международных отношений, ставшей ареной противоборства двух держав, выявляет у них общие интересы, для реализации которых потребовалась существенная кооперация противников.

С развитием информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ) и вовлечением негосударственных акторов в международную систему новым направлением в рамках неолиберальной концепции в 60-70-е гг. стал транснационализм, декларируемый в работах Джозефа Ная и Роберта Кохэна. Здесь подверглись глубокому анализу тезисы об изоляционистской политике «Power and Interdependence: World Politics in Transition» (1977); о переходе к свободной конвертации валют «After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy» (1984); о распределении власти во взаимозависимом мире и роли государства, как основного актора, влияющего на международную систему «Power and Governance in a Partially Globalized World» (2002).

Трехмерная звезда транснационального взаимодействия Джозефа Ная описывает комплексные взаимоотношения между гражданским обществом, правительством и транснациональными организациями [11].

После распада Советского Союза пропагандистский характер публичной дипломатии США переходит в качество так называемой «мягкой силы», ставшей способом удовлетворения экспансионистских амбиций США.

Модель Дж. Ная по эффективному преобразованию «мягкой силы» в успешный результат состоит нескольких этапов: определение ресурсов для конкретных задач, определение объектов – целей, преобразование, реакция целевой аудитории, результат [14].

Определение ресурсов, то есть потенциала преобразования «мягкой силы» государства, производится за счет исследований в мозговых центрах, социальных учреждениях и общественных организациях. Совокупность таких показателей, как уровень развития культуры, национальных ценностей,

успешность внешней политики, обеспечение социальных и экономических свобод являются исходными данными экспертизы. Результаты могут быть представлены в качестве субъективного (взгляд аналитика) и объективного (комплексный анализ реальных культурных, образовательных и других возможностей) заключения.

Разработка коммуникационных стратегий, проводимая в аналитических центрах, позволяет эффективно реализовать ресурсы «мягкой силы». Взаимовыгодное сотрудничество по различным вопросам с международными организациями, НПО, религиозными и социальными образованиями существенно расширяет горизонты влияния.

Демонстрация правительственной поддержки таких универсальных ценностей, как прозрачность, справедливость, равенство и открытость, повышает уровень общественной лояльности из-за рубежа, продвигает моральный авторитет страны, действует в качестве глобальной силы. Международные опросы населения, даже косвенно затрагивающие данный предмет, также являются источником данных, на которых базируются рейтинговые исследования (3).

В результате глобализации и окончания холодной войны в 80-хх гг. прошлого столетия количество мозговых центров по всему миру резко возросло, а к началу XXI американских МЦ насчитывалось более 1200. За последние десятилетия их число умножилось в два раза, чем обусловлено переполнение «рынка идей» «адвокационными» мозговыми центрами.

На сегодняшний день старейшие МЦ США не теряют своего авторитета в области международных отношений, успешно ассимилируются в меняющемся мире и развивая исторически сложившуюся корпоративную политику. Международные организации, такие как Всемирный банк, поощряют работу аналитических центров по всему миру.

Мозговые центры не просто «прокладывают мост» между академическими и политическими кругами, они сосуществуют и генерируют особую среду, которую Т. Медвец, опираясь на теорию Пьера Бурдьё, определяет, как «поле, как социальное пространство» [9], представляет, как эмерджентное поле взаимодействия академических знаний, экономики, СМИ, госучреждений, партий и общественных организаций (рис.1) [12].

За фасадом мозговых центров нередко скрываются различные формы образования, это и «адвокационные центры», которые относят к учреждениям, продвигающим подготовленные политические идеи в интересах заказчиков, и институты, специализирующиеся на определенной тематической направленности, и организации регионального уровня и, наконец, исследовательские центры практически распределяющие финансовые ресурсы по неправительственным организациям. Все вышеперечисленные категории не исключают друг друга, МЦ может практиковать как международную, так и региональную деятельность, заниматься лоббированием

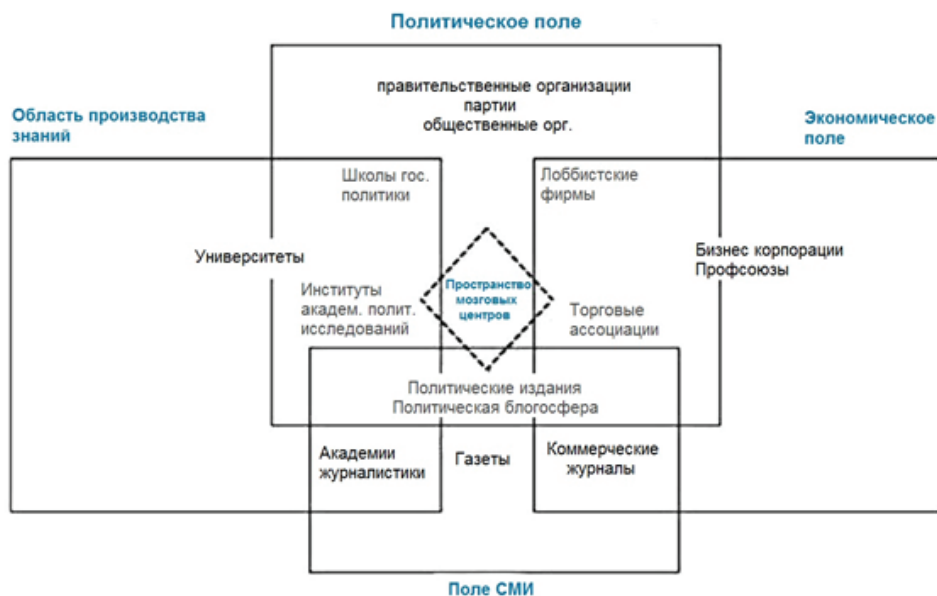

Рисунок 1. Политическое поле

интересов в дополнении к рядовой аналитической деятельности, тематика которой включает в себя как международные отношения, так и локальные проблемы. По результатам популярного рейтинга пенсильванского университета «Global Think tanks index report» [10] за 2018 год, самыми влиятельными МЦ признаются те, которые обладают большим набором характеристик, а, следовательно, более развиты функционально.

Переход к постиндустриальному обществу в результате трансформации третьей волны научно-технической революции в информационную – условия, в которых возникает еще одно пространство международной кооперации, интенсифицирующей глобальный коммуникационный процесс (4). На современном этапе развития мировое сообщество объединено горизонтальными связями, образующими кластеры, в свою очередь представляющие собой узлы взаимодействия повышенной плотности.

В духе времени мозговые центры четвертого поколения расширяют свои возможности, работая с регионами, присутствуя не только и не столько в географическом ареале, но и в информационном эфире различных стран.

Заключение. Продвижение мозговых центров на уровень международной интерактивности способствует разработке глобальных политических исследований и реализации проектов без опоры на приоритеты и интересы

отдельных государств и лиц. Равное взаимодействие с различными структурами позволяет данным организациям поддерживать хрупкий баланс автономии.

По определению капиталом МЦ является «власть», заключающаяся в лояльности аудитории. Однако показатели независимости организации от финансовых вливаний небезосновательно ставит под сомнение имидж и репутацию МЦ.

Актуальность данного вопроса вынуждает МЦ действовать максимально открыто и многие из них публично декларируют данные об источниках своих дотаций. Тем не менее, вмешательство во внутреннюю политику государства путем воздействия на общественное мнение реципиента зачастую вызывает защитную реакцию власти, оправданную сомнениями относительно подлинности продвигаемых ценностей при учете больших ассигнований со стороны политических, экономических оппонентов и других заинтересованных лиц.

Закон «Об иностранных агентах» (FARA) [4] в США и закон «О некоммерческих организациях» [5], действующий в России – акты, включающие пункты, направленные на защиту национальных интересов от внешнего воздействия. Однако применительно к мозговым центрам, «некоммерческая организация» (НКО) – это лишь одна из нормативных форм деятельности, позволяющая не только подчеркнуть свою независимость от прибыли, но и получать налоговые льготы. Практически, поле мозговых центров – это горизонтальная система управления, способная адаптироваться к юридическим ограничениям различных стран.

Иными словами, сетевой характер взаимоотношений МЦ с внешним миром практически нивелирует возможность отстраниться от зарубежного влияния, что представляется мощнейшим механизмом по развитию «мягкой силы» и вовлечению широких масс в процесс глобализации под эгидой отстаивания универсальных демократических ценностей в формате конференций, академических мероприятий, через СМИ и т.д.

Аудитория, формирующаяся в современном мире информационного многообразия, адаптируется к потоку, скомпрометировавшие себя СМИ молниеносно теряют рейтинги. Для ускорения поиска используются технологии искусственного интеллекта, формирующие индивидуальный пользовательский список источников. Таким образом, организованная информационная среда, для которой пропаганда прошлого тысячелетия – примитивная форма манипуляции, зачастую наносящая непоправимый урон репутации информатора. Нормативные акты, разработанные после второй мировой войны, имеют низкий потенциал регуляции современного сетевого взаимодействия.

Так как коммуникационный сектор в современных социальных группах даже в критическом положении не падает до полного информационно-

го вакуума, а с вовлечением ИКТ и усложнением мировых экономических и политических связей уровень глобализации экспоненциально возрастает, уместно поставить под сомнение развитие обособленных от внешнего мира общественных систем.

Согласно теории «управляемого хаоса» Стивена Манна, для защиты от импульсов из вне, вернее ставить вопрос о степени резистентности той или иной системы, для формирования которой необходимо брать на вооружение исторический опыт Запада по расширению сетевого международного взаимодействия в вопросах политики, экономики, социальной инфраструктуры и развития престижа страны через трансляцию ее позитивного образа на глобальную аудиторию.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Напр.: Фонд Рассела Сейджа (RSF (1907 г.).

(2) Напр.: Фонд международного мира Карнеги (1910 г.), Совет по международным отношениям (англ. Council on Foreign Relations, CFR (1921 г.), Институт Брукингса (1927 г.).

(3) Напр.: «Pew Global Attitudes Project». IfG-Monocle Soft Power Index // <https://www.rand.org/nsrd/ndri/centers/frp.html>.

(4) Примеч. авт.: в «Стратегии по действиям в киберпространстве Пентагона» от 2011 г. интернет рассматривается как еще одно пространство потенциального поля боя, наряду с воздушным, наземным, морским и космическим, становясь, таким образом, геополитическим аспектом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Беляева А.П.* Экспертно-аналитическое обеспечение в процессе формирования внешнеполитических стратегий // Электронный научный журнал «ГосРег». 2015. № 1.

2. *Дональд Э. Абельсон* (профессор кафедры политологии Университета Западного Онтарио). «Think tanks and U.S. foreign policy: an historical view».

3. *Джеймс Дж. Макганн* (старший научный сотрудник Института внешней политики). Think tanks and the transnationalization of foreign policy // Электронный журнал государственного департамента США «Foreign policy agenda». 2002. Выпуск 7. № 3.

4. Закон «Об иностранных агентах» (FARA) США // <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/613>.

5. Закон «О некоммерческих организациях» РФ // <https://minjust.ru/ru/activity/nko/unwanted>.

6. *Коротышев А.П., Сорокин А.С., Леушкин Д.В.* Аналитические центры как научные и политические структуры // Учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017.

---

7. Ричард Н. Хаас (директор по политике и планированию государственного департамента США). «Think tanks and U.S. foreign policy: policy-maker's perspective».

8. Теленьга М.П. Эволюция «мозговых центров» в рамках внешней политики США (XX в.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 4/1.

9. Шматко Н.А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё // Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.; М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 2007.

10. Global Think tanks index report // https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=think_tanks.

11. Joseph S., Nye Jr. Soft Power The Means To Success In World Politics PublicAffairs. 2005.

12. Medvetz Thomas. Think Tanks as an Emergent Field. Social Science Research Council, 2008.

13. Medvetz Thomas. Think Tanks in America. Wiley, 2014.

14. Nye Jr.J.S. Decline of America's Soft Power // The Foreign Affairs. 2004.

15. Shoup Lawrence H. & Minter William. Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. Monthly Review Press, 1977.

I.A. KISHUYEVA

Graduate Student, International Relations Dept., RSHU,

The National Union of Political Scientists (Member), Moscow, Russia

THINK TANKS AS AN IMPACT PART OF THE U.S. FOREIGN POLICY IMPLEMENTATION IN THE SOFT-POWER CONTEXT

These days, we are witnessing the active promotion of national interests through soft-power, tactics and mechanisms of which developed with an accent on cooperation and the unification interests between analytical, social, economic and political sphere.

Modern think tanks in the soft-power context become a major gravity pole for international relations elements in case of resolve different political issues. Highly cooperation in that system is the key to maintaining national interests and the country's representation in the international arena.

Key words: *think tanks, analytical centers, soft-power, USA, national branding, communication technologies.*

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СНГ НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Гуманитарное сотрудничество – это естественный, исторически обусловленный, сложный и многоаспектный процесс взаимоотношения народов. В рамках стратегического партнерства Российской Федерации и Азербайджанской Республики нынешний уровень гуманитарного сотрудничества, без сомнения, свидетельствует о преемственности добрых традиций дружбы и культурного взаимодействия между нашими народами. Представляется, что сотрудничество государств в культурной сфере приносит ощутимый результат и является прочным фундаментом для развития дружественных межгосударственных отношений. В статье анализируется вклад Российской Федерации и Азербайджанской Республики в гуманитарное сотрудничество, рассматриваются основные направления в этом аспекте. В статье также затрагивается тема сотрудничества в рамках СНГ. Особое внимание уделено основным законодательным документам в области гуманитарного сотрудничества и культурным мероприятиям. Сегодня процессы гуманитарного взаимодействия двух стран (говоря языком политологии, механизмы softpower) стали уже не просто отдельным дополнением политических усилий государств, но и самостоятельным процессом, объединяющим Азербайджанскую Республику и Российскую Федерацию на уровне гражданского общества.

Ключевые слова: *Россия, Азербайджан, СНГ, гуманитарное сотрудничество, межгосударственные отношения, «мягкая сила».*

Актуальность проблемы межкультурного взаимодействия обусловлена его всеобъемлющим характером и влиянием на все сферы деятельности, в том числе и политическую. Феномен межкультурного взаимодействия связан с готовностью общества воспринимать мировоззренческие установки другой культуры. Ведь конкретные культурные ценности – идеология, мораль, религия, политика одного народа отличаются от культуры другого. Это одна из причин международных конфликтов. Хотя, согласно культурно-

му релятивизму, американского социолога Уильяма Самнера нет элитарных или низших культур, все культуры по-своему уникальны, и сравнивать их друг с другом ошибочно. Ценность концепции Самнера заключается в том, чтобы «признать независимость и полезность каждой культуры, отрицание абсолютной ценности американской или европейской системы оценок, фундаментальный отказ от этноцентризма и евроцентризма в сравнении культур разных народов» не допускается. «Принцип культурного релятивизма играет важную роль в межкультурном общении, поскольку он требует уважения и терпимости к нормам, ценностям и типам поведения иностранных культур».

«Регулирование межкультурного взаимодействия организовано, управляется, обеспечивается процессом», в котором важную роль играют заложенные традиции, политика, самосознание и образование гражданского общества.

Концепция внешней политики России, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г., рассматривает международное культурное сотрудничество как значимое «средство налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами» [3].

Политика в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества является неотъемлемой составной частью политики российского государства на международной арене. Взаимовыгодное международное культурно-гуманитарное сотрудничество способно вносить существенный вклад в достижение основополагающих целей и повышение эффективности внешней политики России», – подчеркивается в концепции Министерства иностранных дел Российской Федерации «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества».

География связей России в гуманитарной области поистине безгранична. Однако приоритетным направлением внешних культурных связей РФ остаются страны СНГ.

По-настоящему действенными в 1990-е гг. оставались преимущественно двусторонние гуманитарные контакты. Их поддержание на достойном уровне уже к началу 2000-х гг. дало хорошую основу для выстраивания принципиально обновленных, эффективных многосторонних связей между государствами СНГ. И, действительно, постепенно процесс взаимодействия стран СНГ в гуманитарной сфере активизировался. Этому способствовал целый ряд важных решений, принятых на межгосударственном уровне.

В целях укрепления единого гуманитарного пространства в рамках СНГ Азербайджан присоединился к Соглашению «О гуманитарном сотрудничестве стран-участниц СНГ [7]». Наряду с другими странами Содружества Азербайджан активно развивает двусторонние отношения с Россией. И, пожалуй, российское направление – важнейшее в системе внешнеполитических связей республики.

Расширение гуманитарного сотрудничества между Азербайджаном и Россией, широкое вовлечение в это сотрудничество представителей гражданского общества для налаживания прямых контактов полностью соответствует национальным интересам обеих стран, способствует деполитизации и деидеологизации двухсторонних отношений. Более того, по мнению экспертов, сегодня «процессы гуманитарного взаимодействия двух стран (*softpower*) стали уже не просто отдельным дополнением политических усилий государств, но и самостоятельным процессом, объединяющим наши страны на уровне гражданского общества».

Международные культурные связи между Азербайджаном и Россией имеют глубокие исторические корни. Независимо от политического выравнивания отношений межкультурная интеграция азербайджанского и русского народов никогда не прерывалась. Дипломатические отношения между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией были установлены 4 апреля 1992 года [6], когда министры иностранных дел Азербайджана Гусейнага Садыхов и России Андрей Козырев подписали Протокол об установлении дипломатических отношений между двумя странами.

Современное межкультурное взаимодействие между Азербайджаном и Россией было включено в политическую стратегию Азербайджана общенациональным лидером Гейдаром Алиевым. 3 июля 1997 года Азербайджан и Россия подписали Протокол о безвизовых поездках граждан. В 1998 году Гейдар Алиев подписал Закон о культуре. В него вошли гуманитарные принципы Совета Европы и приоритеты демократической культуры. Впоследствии, 15 февраля 2013 года вышел «Закон о культуре» [8] в новой редакции. Он содержал принципы гуманизма, демократии, равенства, культурной интеграции, качества, преемственности, секуляризма, защиты талантливых людей на основе сбалансированного подхода, ориентированного на эффективные результаты.

В ноябре 1999 года была подписана Долгосрочная программа сотрудничества в области культуры, науки и образования между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой на 2000-2002 годы. В конце апреля 1999 года в Москве прошли Дни культуры Азербайджана, а с 26 июня по 1 июля 2000 года в Азербайджане прошли очередные Дни культуры Российской Федерации и Москвы.

В январе 2001 года в Баку Президент Азербайджанской Республики и Президент Российской Федерации подробно обсудив состояние и перспективы азербайджано-российских отношений, основываясь на многовековых традициях дружбы, общей истории азербайджанского и русского народов, на Соглашении о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией от 3 июля 1997 года [2], которое имеет большое значение для двусторонних отношений и заложило основу стратегического партнерства между двумя странами приняли Бакинскую Декларацию.

Основополагающим документом этого периода, в значительной мере способствовавшим в дальнейшем успешному сотрудничеству в сфере гуманитарных отношений, является Московская декларация [4], подписанная в феврале 2004 года во время официального визита Президента Азербайджанской Республики И.Г. Алиева в Россию.

Необходимо заметить, что в Декларации особо отмечалось, что гуманитарные связи имеют прочную и объективную основу и призваны играть стимулирующую роль для всего комплекса межгосударственных отношений. Тем самым был заложен прочный фундамент для современного периода отношений между Азербайджаном и Россией, одной из отличительных черт которого является стремление действующих глав государств поднять гуманитарное сотрудничество на качественно новый уровень, превратив его в самостоятельный фактор двухсторонних отношений.

В 2006 году была принята Межгосударственная программа сотрудничества в гуманитарной сфере на 2007-2009 годы. В рамках Программы в 2008 году в Баку был открыт филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Также были установлены междуниверситетские отношения Бакинским государственным университетом, Бакинским славянским университетом, Азербайджанским университетом языков, некоторыми коммерческими университетами.

Программным документом, на основе которого строятся сегодняшние отношения Азербайджана и России, является «Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве» [1], подписанная 3 июля 2008 года во время первого официального визита Президента России Д. Медведева в Азербайджан. Во время этого визита еще раз прозвучала мысль о том, что «в основе будущих отношений между нашими странами, в основе отношений, которые будут формировать будущие поколения, растущие и формирующиеся в условиях независимого Азербайджана, независимой России, конечно же, будет лежать гуманитарная сфера» [5].

Столица Азербайджана – Баку стала известной как мультикультурный центр и площадка для проведения межкультурных диалогов. В 2011 году в Баку прошел первый Бакинский международный гуманитарный форум, посвященный сохранению фольклорных культурных ценностей. Это был принципиально новый прорыв в отношениях между Азербайджаном и Россией, важный элемент общего процесса сохранения традиций, культурных и духовных связей двух народов. В рамках форума был обсужден ряд проектов, которые реализуются в контексте активного стратегического партнерства. Форум, еще раз свидетельствует, о том, что стратегическое сотрудничество России и Азербайджана в гуманитарной сфере, не ограничиваясь рамками двусторонних отношений, уже вышло на международный уровень. Далее форум проходил в 2012, 2013, 2014, 2016, 2018-х годах. Проведение гуманитарных форумов в Баку стало традицией, имеющей не только куль-

турное значение, способствующей сотрудничеству стран, но и пропаганде здоровой политики, направленной на дружбу и добрососедство.

В настоящее время в Азербайджане реализуется Государственная программа на 2014-2020 годы. Фонд Гейдара Алиева в сотрудничестве с российскими партнерами реализует ряд крупных проектов, например, по сохранению и популяризации музыкального наследия народов Азербайджана и России. В этой строке можно упомянуть музыкальный фестиваль имени Мстислава Ростроповича и другие фестивали, посвященные юбилеям гениальных композиторов двух стран.

Большая работа по созданию неформальных связей между общинами двух стран ведется Молодежной организацией Азербайджана в России (AMOR) и российским представительством Фонда Гейдара Алиева во главе с Лейлой Алиевой. Обе структуры осуществляют издательскую деятельность, направленную на укрепление отношений между молодежью Азербайджана и России. Для продвижения культуры Азербайджана и России организованы взаимные молодежные поездки.

Расширение гуманитарного сотрудничества между Азербайджаном и Россией, широкое вовлечение представителей гражданского общества в это сотрудничество для установления прямых контактов полностью соответствует национальным интересам обеих стран, их деполитизация и деидеологизация. Президенты Азербайджанской Республики Ильхам Алиев и Президент Российской Федерации Владимир Путин неоднократно подчеркивали, что при определении политического курса страны социокультурное сотрудничество имеет важное значение, поскольку оно оказывает положительное влияние на развитие двусторонних отношений во всех сферах жизни.

Совершенно очевидно, что эффективное межкультурное взаимодействие не может возникнуть само по себе, этому должны способствовать традиции, идеология, политика и открытость гражданского общества, у него должна быть законодательная база, обеспечивающая легитимность и самое главное, желание народов сотрудничать. Культурная дипломатия должна нести в себе образ страны, пропагандировать ее традиции, ценности, историко-культурный потенциал, быть своего рода ее визитной карточкой.

Вышеуказанные факты указывают на то, что культурные связи между Азербайджаном и Россией основаны на стремлении интеллигенции двух стран сохранить и обогатить общее культурное наследие, сблизиться и сотрудничать.

Благодаря государственной поддержке на самом высоком уровне за последние годы был заложен прочный фундамент для дальнейшего развития стратегического партнерства в гуманитарной сфере как в формате двусторонних отношений, так и сотрудничества в рамках СНГ и других международных организаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией от 3 июля 2008 г // <http://kremlin.ru/supplement/250>.
2. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 3 июля 1997 г. // http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-260/47333.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года // <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>.
4. Московская декларация от 6 февраля 2004 г. // <http://kremlin.ru/supplement/1860>.
5. Официальный визит в Азербайджан // <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/455>.
6. Протокол об установлении дипломатических отношений между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 04 апреля 1992 г. // https://idd.mid.ru/25-let-diplomaticeskijh-otnosenij/-/asset_publisher/Ypw65m8eq5ar/content/rossia-azerbajdzan?inheritRedirect=false.
7. Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств // <http://docs.cntd.ru/document/902010100>.
8. Mədəniyyət haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu (Закон Азербайджанской Республики о культуре) // <https://president.az/articles/7392>.

S.R. MIRALAYEVA

*Graduate Student,
RUDN University, Moscow, Russia*

HUMANITARIAN COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CIS ON THE EXAMPLE OF THE AZERBAIJAN REPUBLIC

Humanitarian cooperation is a natural, historically determined, complex and multidimensional process of mutual relations of peoples. Within the framework of the strategic partnership of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan, the current level of humanitarian cooperation, no doubt, testifies to the continuity of the good traditions of friendship and cultural interaction between our peoples. It seems that the cooperation of states in the cultural sphere brings tangible results and is a solid foundation for the development of friendly interstate relations. The article analyzes the contribution of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan to humanitarian cooperation, considers the main directions in this aspect. The article also addresses the topic of cooperation with-

---

in the CIS. Particular attention is paid to the main legislative documents in the field of humanitarian cooperation and cultural events. Today, the processes of humanitarian interaction between the two countries (softpower) have become not only a separate complement to the political efforts of states, but also an independent process uniting the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation at the level of civil society.

Key words: *Russia, Azerbaijan, CIS, humanitarian cooperation, interstate relations, “soft power”.*

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ: УСТАНОВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ В НАПРАВЛЕНИИ «ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ» КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Развитие механизмов научной дипломатии является одним из ключевых элементов научно-технической политики каждого современного государства. Классическая научная дипломатия является инструментом «мягкой силы» внешней политики страны и включает в себя три направления: наука в дипломатии, наука для дипломатии, дипломатия для науки. Решение глобальных проблем, с которыми сталкиваются мировая экономика и общество могут быть решены исключительно на международном уровне. Проблема ядерной безопасности, загрязнение атмосферы и мирового океана, вырубка лесов, нехватка водных ресурсов, изменение климата, эпидемии, высокий уровень смертности, освоение арктических территорий – проблемы, решение которых требует глобальных, совместных усилий для сохранения научно-технического сотрудничества независимо от национальных программ или политической обстановки страны. Россия заинтересована в налаживании научного диалога с зарубежными странами путем создания сети международных научно-исследовательских центров и институтов, а также с помощью двусторонних научных обменов. Благодаря проведению политики научной дипломатии, происходит демонстрация передовых инноваций и высоких достижений в области науки, повышение привлекательности государства для проведения научно-исследовательской деятельности для зарубежных специалистов, решение проблемы «утечки мозгов». На данный момент, научная дипломатия России нуждается в совершенствовании, усилении роли страны на международной арене. Наращивание благоприятных взаимовыгодных партнерских отношений с ведущими мировыми державами позволит расширить участие России в решении глобальных проблем и войти в рейтинг лидирующих государств в научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: научная дипломатия, «глобальные вызовы», международное сотрудничество, «MegaScience», научно-техническое развитие, «мягкая сила».

В настоящее время взаимодействие науки и дипломатии и их взаимное влияние друг на друга находят все больший интерес у общественности. Однако нужно отметить, что данный вопрос только сравнительно недавно стал активно обсуждаться в глобальном информационном пространстве.

Научная дипломатия как фактор внешнеполитической концепции «мягкой силы» и разновидность превентивной дипломатии направлена, прежде всего, на укрепление взаимовыгодного сотрудничества и предотвращение возможного риска разногласий между странами – «союзниками».

Возрастание интереса к исследованию научной дипломатии связано со следующими факторами:

1) Реакция России на накопившиеся проблемы, связанные с глобальными вызовами (*Указ Президента РФ «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации»*);

2) Напряжение в отношениях России с Западом (*санкционная политика Запада в отношении России, вызванная подписанием «Договора о присоединении Крыма к России в 2014»*).

В связи с нестабильностью отношений между государствами, ученые могут выступить как мировые посредники, используя интеллектуальный потенциал в целях лоббизма национальных интересов. Благоприятное установление дружеских отношений между странами возможно путем создания сети международных институтов, научно-исследовательских центров – сотрудничество ученых и дипломатов (*коллаборация бизнеса и научных школ*) способствовало бы решению совместных задач, урегулированию межгосударственных конфликтов.

На сегодняшний день, в зарубежных и отечественных научных работах, посвященных исследованию научной дипломатии, отсутствуют основательные теоретические разработки.

В данной статье предпринята попытка исследования новых стратегий и выявления перспектив взаимодействия российской научной дипломатии в эпоху глобализации. В качестве теоретической базы по данной проблематике были рассмотрены работы В. Панченко, А. Торкунова [9. С. 89], М. Романовой [5. С. 38-52], А. Беловой [1. С. 130], Д. Ная [11. Р. 191].

Целью статьи является анализ научного взаимодействия России с зарубежными государствами в эпоху глобализации.

В связи с этим установлен ряд *задач*:

1) Анализ направлений научной дипломатии как фактора «мягкой силы»;
2) Оценка политики научно-технического сотрудничества России и зарубежных стран;

3) Изучение внешних и внутренних условий осуществления научной дипломатии в России.

«Новые горизонты научной дипломатии» и способы их применения.
По итогам конференции «Новые горизонты научной дипломатии» (*Амери-*

канская ассоциация содействия развитию науки (США), Королевское научное сообщество (Великобритания), проходившей в июне 2009 г., было выявлено три направления научной дипломатии: «science in diplomacy» – наука в дипломатии, «diplomacy for science» – дипломатия для науки и «science for diplomacy» – наука для дипломатии.

1) Science in diplomacy (*наука в дипломатии*).

Наука в дипломатии является фактором пересечения целей политики и науки – решение проблем глобальных вызовов на международном уровне является приоритетной задачей данного направления. По мнению экспертов, в ближайшие тридцать-сорок лет, внешняя политика будет все более связана с глобальными проблемами современности.

2) Diplomacy for science (*дипломатия для науки*) – дипломатия как механизм продвижения научных целей: экономическая поддержка научно-исследовательских проектов, создание и продвижение дорогостоящих исследовательских программ. В России подобная политика происходит в рамках осуществления международного научно-технического сотрудничества (МНТС). Ключевым примером этого направления является создание глобальных международных научных проектов, таких как Международный экспериментальный термоядерный реактор, расположенный на юге Франции (ITER) и Европейская организация по ядерным исследованиям (CERN), находящаяся в Швейцарии.

3) Science for diplomacy (*наука для дипломатии*) – научное сотрудничество как механизм расширения или улучшения международных отношений. Примером данной политики является подписание соглашения о сотрудничестве между КНР и США в сфере науки и техники в 1979 г.

Использование науки во внешней политике России: исторический ракурс. Использование научного потенциала как инструмента «мягкой силы» внешней политики государства является приоритетной задачей не только в современном мире. Далее рассмотрен опыт использования научного потенциала в дипломатической области во времена СССР:

1) 1930-1940 гг. – командирование ученых и научных сотрудников в Народный комиссариат иностранных дел СССР (А. Громыко, В. Дурденевский, В. Хвостов и др.);

2) 1944-1945 гг. – приглашение ученых в МИД СССР, включение их в состав делегаций на крупных международных переговорах (С. Голунский, С. Крылов);

3) 1950-1960 гг. – создание НИИ в рамках Академии наук СССР, ориентированных исключительно на изучение мировой экономики, международных отношений, мировой политики (исследование глобальных и региональных проблем). В состав организаций, занимающихся данными исследованиями, вошли: Институт Европы, Институт Дальнего Востока, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт США и Канады, Институт востоковедения;

4) 1963-1970 гг. – активное привлечение ресурсного потенциала ведущих исследовательских институтов Академии наук для подготовки аналитических материалов, основанное Управлением планирования внешнеполитических мероприятий МИД СССР. Опубликовано свыше 300 научных трудов, включая «Историю внешней политики СССР» и «Историю дипломатии» в пяти томах.

5) 1974-1977 гг. – усиленная подготовка дипломатических кадров в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО МИД СССР) и Дипломатической Академии СССР, создание научно-исследовательских центров.

6) 1975-1985 гг. – привлечение в институты и научно-исследовательские центры работников МИД. Институты получили возможность издавать журналы, публиковать книги, устанавливать и поддерживать контакты с зарубежными исследовательскими центрами, проводить международные научные форумы. В целях стабилизации взаимодействия науки и дипломатии, была распространена практика приглашения в МИД советских ученых (академики Г. Арбатов, В. Глушков, А. Аганбегян и др.) с целью выступления на конференциях и заседаниях, посвященных вопросам внешней политики и международным отношениям;

7) 1987 г. – учрежден Научный совет, принято постановление о развитии связей науки с дипломатией. Создан научно-координационный центр при МИД СССР, основными задачами которого являлись: координация научно-исследовательских учреждений государства, налаживание научной международной политики, проведение симпозиумов с привлечением зарубежных ученых и дипломатов.

Принятые меры по использованию научного потенциала в практической деятельности Министерства иностранных дел обеспечили более тесное взаимодействие дипломатии и науки в СССР.

Сотрудничество России с зарубежными странами как фактор эффективности научной дипломатии. Прочное международное сотрудничество является ключевым фактором построения эффективной национальной инновационной системы и требует всестороннего исследования сферы науки и техники (S&T) в связи с возрастанием конкуренции на рынке труда и изменением политического климата государства.

Одним из важнейших факторов, лежащих в основе эффективного развития национальной научно-технической системы, является глобальная интеграция. Укрепление международного научно-технического сотрудничества (МНТЦ) стабилизирует национальную экономику, благоприятно влияя на рост научного потенциала. Характер научно-технического развития на фоне усиления глобальной конкуренции и масштабных изменений в международном разделении труда, определяет ключевые цели сотрудничества.

Заинтересованность России в вопросе развития научной дипломатии на международной арене обусловлена по следующим причинам:

- 1) реакция России на проблемы, вызванные глобальными вызовами;
- 2) ученые как мировые посредники в противоречивых отношениях с Западом;
- 3) модернизация научно-исследовательской деятельности;
- 4) формирование экспортного потенциала.

На данный момент России заинтересована в сотрудничестве и поиске взаимовыгодных приоритетов с другими государствами. Рассмотрим основные положительные и негативные аспекты научно-технического двустороннего сотрудничества России и зарубежных стран:

1) *Страны БРИКС (BRICS countries).*

Положительным аспектом является подписание выгодных для России, соглашений о проведении научно-исследовательской деятельности, а также нарастающий интерес к сотрудничеству с Россией.

Но, несмотря на это, Россия сталкивается с такой проблемой как прямое или косвенное ограничение в научных взаимодействиях с западными странами. Также есть проблема недостатка финансирования на НИОКР, тем самым ставя под сомнение актуальность научно-исследовательской деятельности (*производство «неактуальных» инноваций*).

2) *Развитые страны и страны с быстрорастущей экономикой (developed countries & countries with fast-growing economies).*

Рост академической мобильности, участие в деятельности международных научно-исследовательских организаций, интеграция совместных проектов («MegaScience»), развитие российского научного экспорта, взаимобменом интеллектуальным опытом, локализация российских высокотехнологичных производств – факторы, имеющие благоприятное значение для внешней политики России.

Санкции, следовательно, экономический кризис, утечка «мозгов», приводящая к дефициту кадрового потенциала – те проблемы, с которыми сталкивается Россия в двустороннем сотрудничестве с данными государствами.

Также не все страны готовы рассматривать РФ как выгодного партнера в научно-технической сфере. Это можно обосновать рядом причин:

- 1) непривлекательность государства для проведения научной деятельности: по данным Росстата, с 1991 по 2018 год число эмигрировавших ученых из России составило около 900 тыс. [10];
- 2) трудности получения российской визы для зарубежного специалиста;
- 3) падение курса рубля, следовательно, проблема оплаты научного труда и рост стоимости исследовательской работы и необходимого для ее проведения, оборудования;
- 4) ограниченное количество грантов, научных стипендий.

Далее в статье предпринята попытка краткого анализа взаимодействия России с зарубежными странами в решении вопроса глобальных проблем (*в качестве примера приведены более крупные, значимые для РФ, государства: США, Великобритания, Китай, Германия, Франция*).

Россия и США:

Политика взаимодействия США и России по вопросам решения «глобальных вызовов» нацелена, прежде всего, на проблему безопасности: распространение ядерного оружия, борьба с терроризмом и организованной преступностью (*наркотрафик, кибертерроризм*). Между государствами был подписан ряд соглашений, связанных с терроризмом, здравоохранением, ядерной безопасностью, сотрудничеством в космическом пространстве, освоением арктических территорий. Среди них «Соглашение 123» от 11 января 2011 года (*мирное использование атомной энергии, утилизация около 35 тонн оружейного плутония, обмен данными о баллистических ракетах*) [3], создание двусторонней Президентской комиссии «Президентская группа» от 6 июля 2009 года (*вопросы борьбы с терроризмом, киберпреступностью, сохранение окружающей среды, ликвидация чрезвычайных ситуаций*) [8].

Также, как и Россия, правительство США заинтересовано в налаживании экономического транзита и освоении арктических территорий. В связи с этим, оба государства планируют проведение политики расширения торгово-экономических отношений путем создания свободной экономической зоны «Камчатка – Аляска».

Неопределенным остается вопрос стратегии «безъядерного мира». Безусловно, усиление политики ядерной безопасности очевидно (*Россия: нарастание противоракетной обороны, США: «Prompt Global Strike»*). Страны ведут политику ограничения распространения ядерного оружия. Но до конца не ясно, какое количество ядерного оружия может гарантировать тотальную безопасность.

На сегодняшний день, США и Россия скорее только стараются наладить диалог, пытаясь выстроить взаимовыгодное сотрудничество. Вряд ли их можно назвать полноценными партнерами в борьбе с «глобальными вызовами».

Россия и Великобритания:

Политику взаимодействия между странами по «глобальным вызовам» можно охарактеризовать как исключительная работа над безопасностью:

Проблема ядерной безопасности («Иранское ядерное соглашение»);

Контроль вооружений (СНВ-III – Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений от 8 апреля 2010 г.);

Вопросы кибербезопасности.

Тем не менее, британские политологи считают, что несмотря на активную политику России в борьбе с терроризмом, участие РФ в Сирии только «на руку международному терроризму» [2]. Следовательно, вопрос о благоприятном, продуктивном взаимовыгодном сотрудничестве между Великобританией и Россией остается открытым. Россия заинтересована в развитии отношений, даже несмотря на существующий дисбаланс (*основная позиция России: Великобритания как выгодный союзник, а не препятствие в решении вопросов глобальной безопасности*).

Россия и Китай:

Ключевыми позициями РФ и КНР по решению «глобальных вызовов» являются:

1. Борьба с химическим и биологическим терроризмом;
2. Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве;
3. Проблема изменения климата;
4. Предотвращение трансграничного переноса загрязнений;
5. Запрет на распространение ядерного оружия;
6. Исследование арктических территорий (Россия как выгодный партнер в связи с потребностью КНР в новых транспортных маршрутах для поддержки экспорта и открытия новых морских путей, а также поиске нефти и газа в регионе).

Россия и Китай являются постоянными членами Совета Безопасности ООН. Как отметил глава МИД КНР, Хуа Чуньин «Россия и Китай несут большую ответственность за мир, безопасность и развитие на планете» [7]. Оба государства ведут активную политику в борьбе за безопасность, выстраивая конструктивный диалог. Поэтому, на данном этапе, российско-китайские отношения можно охарактеризовать как добрососедские с разнообразными механизмами сотрудничества в различных областях.

Россия и Германия:

Основной акцент взаимодействия между странами делается на освоение космоса, проблеме бедности, смертности, экологической безопасности и сохранении природных ресурсов. «Без России невозможно найти ответы на глобальные вызовы» – даже несмотря на существующую асимметрию отношений с преобладающим холодом к России, Германия на данный момент нуждается в России как в сильном партнере. В тандеме «Германия-Россия» более значимую роль играет РФ «будучи одним из самых могущественных государств в мире» [6].

Россия и Франция:

Взаимодействие России и Франции в решении вопроса «глобальных вызовов» представляет собой прочный, благоприятно развивающийся, стабильный тандем. Политика стран направлена на союзничество в проблемах экологии, глобальной безопасности, борьбе с организованной преступностью (*торговля оружием, людьми; наркотрафик*). Франция всегда содействовала диалогу между НАТО и Россией и активно в нем участвовала, результатом чего послужило рождение новых инициатив (*«Парижский пакт» – борьба с распространением героина*).

Благоприятное, взаимодополняющее сотрудничество, по мнению экспертов, между Россией и Францией продлится еще долгое время.

Установки класса «MegaScience» как фактор международного взаимодействия. Для России предельно важно создание масштабных научных центров информационных технологий путем установления международно-

го сотрудничества. На данный момент, государственная политика РФ в области научных исследований реализует следующие национальные проекты: Проект «Стратегии научно-технологического развития РФ», «Наука», установление класса «MegaScience» [4].

Ключевыми целями подобных проектов являются демонстрация передовых инноваций и высоких достижений в области науки, повышение привлекательности государства для проведения научно-исследовательской деятельности для зарубежных специалистов, решение проблемы «утечки мозгов», вхождение России в пятерку лидирующих стран в области инноваций. Реализация исследовательской деятельности в рамках научной инфраструктуры класса «MegaScience» способствует укреплению взаимодействия России с другими странами в решении глобальных научных задач. Россия неоднократно участвовала в международных проектах, сотрудничая с Италией, США, Германией, Францией, Швейцарией (*ITER, XFEL, ESRF, LHC в ЦЕРН, FAIR, Borexino*). Также под руководством Курчатовского института осуществляется работа над следующими проектами: «NICA», ПИК, ИССИ-4, СКИФ, ЦИЭС, ИГНИТОР, Супер Чарм-Тау Фабрика.

Благодаря подобным «Мегапроектам», происходит формирование научных кластеров, трансформация фундаментальных знаний в инновационные технологии и наращивание международного взаимодействия.

Результаты и анализ исследования. Решение глобальных проблем, с которыми сталкиваются мировая экономика и общество могут быть решены исключительно на международном уровне. Проблема ядерной безопасности, загрязнение атмосферы и мирового океана, вырубка лесов, нехватка водных ресурсов, изменение климата, эпидемии – проблемы, решение которых требует глобальных, совместных усилий для сохранения научно-технического сотрудничества независимо от национальных программ или политической обстановки страны. Из-за ухудшения внешнеполитической ситуации – введения санкций против России, происходит реальная угроза научно-исследовательской среде и экономике государства. Если России не удастся приступить к инновационной модели развития, повышая эффективность всех сфер и отраслей экономики, используя инновационные разработки и результаты научных исследований, то негативные последствия для внутреннего политического климата государства очевидны.

Закключение. Научная дипломатия России нуждается в радикальном совершенствовании в интересах усиления роли страны как равноправного участника международных научно-технических отношений. Среди реальных и потенциальных преимуществ, получаемых Россией от сотрудничества с зарубежными государствами в научно-исследовательской деятельности, наибольшую ценность представляют связи с ведущими научными центрами и академиком. Происходит взаимообмен интеллектуальным опытом: расширение и передача знаний, а также привлечение «иностранных»

ных мозгов». Данный аспект в значительной мере влияет на расширение участия России в решении глобальных проблем, что, повлечет за собой активизацию благоприятных взаимовыгодных партнерских отношений с ведущими мировыми державами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Белова А.В. Инструменты научно-технического сотрудничества России и Европейского союза в инновационной сфере // Балтийский регион. 2012. № 4 (14).
2. Бристоу Л. О перспективах двусторонних отношений (интервью) // <https://www.interfax.ru/interview/652071>.
3. Караганов С.А., Сулов Д.В., Бордачев Т.В. Перенастройка, а не перезагрузка: интересы России в отношении США // http://www.svor.ru/upload/images/Перенастройка_ДокладСВОП.
4. Национальный проект «Наука» – Заседание президиума РАН. 4 сентября 2018 // <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=e75eda91-cb5c-4de8-abec-886f3376b9dc>.
5. Романова М.Д. Научная дипломатия: измерения и практики // Наука. Инновации. Образование. 2017. № 1 (23).
6. Россия и Германия формируют новую программу сотрудничества // <http://www.sib-science.info/ru/fano/rossiya-i-germaniya-formiruyut-15022019>.
7. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 05.06.2019 // <http://kremlin.ru/events/president/news/60672>.
8. Справка о двусторонней Российско-Американской Президентской комиссии // <http://kremlin.ru/supplement/37/print>.
9. Торкунов А.В., Панченко В.Я. Ученый как дипломат. Наука влияет на решение международных конфликтов и проблем // Российская газета. 2017. № 73.
10. Федеральная служба государственной статистики // <https://www.gks.ru>.
11. Nye J.Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.

V.R. VAKILOVA
Post-graduate,
Institute of Philosophy RAS,
Moscow, Russia

**RESEARCH OF EFFICIENCY OF SCIENTIFIC
DIPLOMACY OF RUSSIA: ESTABLISHMENT
OF INTERACTION WITH FOREIGN COUNTRIES
IN THE DIRECTION OF «GLOBAL CHALLENGES»
AS A FACTOR OF «SOFT POWER»
OF FOREIGN POLICY**

The development of scientific diplomacy mechanisms is one of the key elements of scientific and technical policy of every modern state. Classical scientific diplomacy is a tool of «soft power» of the country's foreign policy and includes three directions: science in diplomacy, science for diplomacy, diplomacy for science. The solution to the global problems faced by the world economy and society can be solved exclusively at the international level. The problem of nuclear safety, pollution of the atmosphere and oceans, deforestation, water scarcity, climate change, epidemics, high mortality rates, deforestation of the Arctic territories-problems that require global, joint efforts to preserve scientific and technical cooperation regardless of national programs or political situation of the country. Russia is interested in establishing a scientific dialogue with foreign countries through the establishment of a network of international research centers and institutes, as well as through bilateral scientific exchanges. Thanks to the policy of scientific diplomacy, there is a demonstration of advanced innovations and high achievements in the field of science, increasing the attractiveness of the state for research activities for foreign specialists, solving the problem of «brain drain». At the moment, Russia's scientific diplomacy needs to be improved, strengthening the country's role in the international arena. Building favorable mutually beneficial partnerships with leading world powers will expand Russia's participation in solving global problems and enter the ranking of leading States in research activities.

Key words: *scientific diplomacy, «global challenges», international cooperation, «MegaScience», scientific and technical development, «soft power».*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОПРЯЖЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

В данной статье ставится задача рассмотреть основные проблемы, направления и перспективы сопряжения двух интеграционных объединений – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской транспортно-логистической инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Автор производит анализ стратегических интересов России и Китая и рассматривает возможность их реализации в контексте сопряжения Евразийского экономического союза и китайского проекта «Один пояс – один путь».

Ключевые слова: *международные отношения, Евразийский экономический союз, «Экономический пояс Шелкового пути», сопряжение, Россия, Китай, интеграция, инициатива, политика, экономика, логистика, инфраструктура, международная торговля.*

Говоря об актуальности данного исследования, следует отметить, что значимость восточного направления в российской внешней политике в настоящий момент возрастает на фоне обострения отношений с Западом. Крупнейшим партнером РФ на этом направлении является Китай. Российско-китайское взаимодействие проявляется не только в двусторонних связях, но и в формате международных организаций и региональных интеграционных проектов, таких как ШОС, сопрягаемые ЕАЭС и ЭПШП. Современное развитие российско-китайских отношений остается важным фактором стабильной обстановки в Центрально-азиатском регионе (ЦАР), занимающим ключевое место в китайском проекте «Один пояс – один путь». Находясь в центре евразийского континента, он представляет собой мост, связывающий Азию с Европой. Помимо транзитного потенциала этот

регион располагает разнообразными природными ресурсами, что усиливает интерес к ней со стороны не только соседей, но и Запада. Ни Россия, ни Китай не заинтересованы в усилении третьих сил в регионе. Хотя только Казахстан и Киргизия входят в ЕАЭС, остальные страны региона также имеют с Россией экономические и политические связи, уходящие корнями в совместные советское прошлое. В связи с этим, ЦАР входит в сферу стратегических интересов Москвы. Таким образом, перед нами встает вопрос о характере современных отношений между Россией и Китаем – что это: «дружба» или «соперничество»? Цель данного исследования ответить на поставленный вопрос.

Перспективы развития российско-китайских отношений и взаимодействия ЕАЭС и ЭШП являются постоянным объектом исследований российских и китайских политологов. В процессе написания данной работы были изучены статьи С.Г. Лузянина [14], Л.Ю. Гусев [3], Д.В. Ефременко [6], И.Ю. Фроловой [21], Д.А. Борисова [2], Д.А. Сидоров [17], Е.М. Кузьминой [9], С.В. Каратаева [7], К.А. Кокарева [8], В.Ю. Саламатова [16], Фэн Чжунпина [22], Н.Н. Трошина [20], Ли Юнцюаня [13].

Следует также подчеркнуть, что в научных журналах в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 4; 5; 10; 11; 12; 15].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Большинство работ упомянутых авторов имеют политологический характер и фокусируются в основном на прогнозах и перспективах сопряжения ЕАЭС и ЭШП. В данном исследовании автор уделяет внимание стратегическим интересам России как лидеру ЕАЭС и Китая в сопряжении данных проектов.

Научная новизна данной статьи связана с наличием исторического анализа событий прошлого и его влияние на настоящее. Также она заключается в осуществлении комплексного анализа стратегических интересов России и Китая, с учетом которого произведена оценка перспектив сопряжения. Исследование произведено на основе современных событий и фактов.

Методологическую базу данной работы составляют принципы объективности, историзма, научности. В исследовании применялись институциональный подход (изучение политических институтов и их документов) и метод сравнительного анализа.

Стратегические интересы Китая в рамках реализации инициативы ЭШП и его сопряжении с ЕАЭС. В сентябре 2013 г. на выступлении в Университете имени Назарбаева в Астане Председатель КНР Си Цзиньпин впервые озвучил идею возрождения Шелкового пути. Сейчас данный проект известен как «Один пояс – один путь» и включает в себя наземный

«Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь» (МШП). Он представляет собой возобновление исторического рынка между Востоком и Западом в соответствии с пятью принципами мирного сосуществования: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности государств, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование.

На сегодняшний день более ста стран подписали соглашения с Китаем об участии в ЭПШП. Такое стремление Пекина воплотить в жизнь этот проект связано с несколькими факторами. Во-первых, Пекин желает создать торгово-экономическую нишу для увеличения экспорта своей продукции. Также Китай собирается строить необходимую для этого инфраструктуру, как внутри своих границ (на севере страны), так и за рубежом, и, в первую очередь, в Центрально-Азиатском регионе, соседствующим с СУАР. Инициатива КНР направлена не только на продвижение китайского экспорта и обеспечение страны необходимыми ресурсами, но также на ликвидацию дисбаланса в развитии регионов КНР. Уровень развития экономики и инфраструктуры на севере и западе страны сильно уступает показателям юга. «Новый шелковый путь» должен решить эту проблему и связать отсталые районы КНР с более развитыми, а также с соседними государствами – Россией и странами Центральной Азии, через территории которых произойдет сочленение Поднебесной и Европы.

О заинтересованности России в реализации программы китайской «Один пояс – один путь» свидетельствует Соглашение двух стран о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и ЭПШП, подписанное Москвой и Пекином в мае 2015 г. [18]. Согласно данному документу, сотрудничество в рамках сопряжения направлено на повышение уровня кооперации в совместной торговле и развитие необходимой для этого общей транспортно-логистической системы. Подтверждением совместного стремления к объединению проектов стало подписание Торгово-экономического соглашения между КНР и ЕАЭС в 2018 г. [19]. Эти документы говорят о стремлении Пекина и стран ЕАЭС решать задачи, направленные на развитие экономической интеграции.

Важнейшей из таких задач является строительство транспортно-логистической инфраструктуры, обеспечивающей благоприятные условия для перевозок товаров и связывающей месторождения России и стран ЦА с импортером ресурсов – Китаем, который, в свою очередь, готов предложить помощь в реализации транспортных проектов на территории постсоветского пространства. Это позволит ему не только увеличить рост объемов внешней торговли, но и монополизировать рынок строительства транспортной инфраструктуры в Евразии. Для финансового обеспечения реализации ЭПШП на постсоветском пространстве и других участках «нового шелкового пути» правительство КНР создало специальный Фонд развития

с начальным капиталом более 40 млрд долларов, и Азиатский банк инвестиций, на развитие которого Китай выделил 50 млрд долларов. Эти средства выделены для кредитования строительства необходимой инфраструктуры, железных дорог и портов.

На сегодняшний день КНР обладает быстрыми и качественными железными и автомобильными дорогами, строительством которых занимались местные компании. Часть из них принимает активное участие в развитии северных регионов, отстающих от продвинутых южных провинций. Остальные составляют лишнюю строительную мощность, которую КНР может задействовать в строительстве инфраструктуры в странах, через которые пройдут маршруты ЭПШП. В инфраструктурных проектах ЭПШП Пекин использует исключительно собственные силы: строительство осуществляют китайские компании, применяющие собственные технологии.

Другой важной задачей Китая в рамках сопряжения ЭПШП и ЕАЭС является диверсификация способов поступления в КНР энергоресурсов. Такая заинтересованность КНР нефтегазовой отрасли, прежде всего, стран ЦА и России продиктована растущей потребностью Китая в данных ресурсах. Основная доля китайского импорта нефти приходится на Ближний Восток, однако данный путь характеризуется потенциальным риском поставок энергоресурсов в КНР ввиду нестабильности внутри арабского региона, контролем морских перевозок американским флотом и дальностью водных и сухопутных маршрутов. Исходя из этих проблем, Пекин рассматривает Россию и страны ЦА в качестве альтернативного поставщика нефти и газа. Этот путь доставки ресурсов предусматривает меньший риск, учитывая географическую близость поставщиков по отношению к импортеру, и будет подконтролен Китаю. Это позволит КНР снизить риски и гарантировать стабильность поставок. Тем более, инвестируя капитал в нефтегазовую промышленность этих стран, Китай не только получает доступ к энергоресурсам, но и укрепляет свое стратегическое влияние в регионе.

КНР активно инвестирует капитал в энергетическую промышленность постсоветских государств. Китай стремится участвовать в разработке и добыче нефти, газа и других природных ресурсов. Таким образом, Пекин получает доступ к сырьевому и энергетическому потенциалу месторождений. В двустороннем порядке КНР подписала соглашения с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном о строительстве нефте- и газопроводов, ведущих в СУАР.

Определив основные задачи КНР в рамках инициативы «Один пояс – один путь», также необходимо рассмотреть каким образом КНР проводит свою политику в отношении соседей и членов ЕАЭС. Дипломатия Поднебесной основывается на концепции «гармоничного мира», которая создает ей образ надежного, спокойного и дружелюбного соседа, настроенного на взаимовыгодное продуктивное сотрудничество во имя всеобщего гармо-

ничного развития. Китайская сторона транслирует свое намерение строить сотрудничество в духе следующих принципов: взаимное доверие, равенство, взаимная выгода, уважение многообразия культур и интересов других государств, стремление к совместному развитию. Китай всячески стремится продемонстрировать свое нежелание вмешиваться в политические вопросы соседних постсоветских республик.

Стратегические интересы РФ и проблемы реализации сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Политическое влияние Китая, играющего ключевую роль в трансконтинентальной интеграции, на Центрально-азиатский регион возрастает вместе с экономическим, что, безусловно, ведет к столкновению стратегических интересов Пекина и Москвы, стремящейся удерживать свои позиции на постсоветском пространстве. Но бывшие советские республики демонстрируют заинтересованность в привлечении китайских инвестиций. Россия значительно уступает Китаю в плане инвестиционного потенциала. Строительство железнодорожной и автомобильной магистралей, связывающих ЦА с Китаем, трубопроводов, диверсифицирующих потоки ресурсов, мультивариативный подход Китая в приоритетах прохождения маршрутов ЭПШП и вероятность устройства «пути» в обход РФ – все эти факторы подрывают российскую роль как главного связующего звена между Европой и Азией. КНР удастся устранить российскую монополию на транзит в Евразии. Страны СНГ активно включаются в интеграционную инициативу Китая, и это касается не только ЦА, но и Закавказья, и Украину.

На контрасте с ЭПШП ЕАЭС выступает как менее привлекательная для стран СНГ интеграционная структура. Если говорить о ЦА, то большая часть региона (три страны из пяти) демонстрирует явное нежелание вступать в Союз, лидером которого является Россия. Китайская инициатива, напротив, заинтересовала все страны ЦАР. В ЦА и других странах постсоветского пространства даже существуют опорные точки на пути реализации ЭПШП: «Светлый путь» (Казахстан), «Степной путь» (Монголия).

Учитывая все вышеперечисленные факторы, сопряжение ЕАЭС и ЭПШП является важным стратегическим решением для РФ. Россия не может оставаться в стороне от усиления экономического и политического влияния Китая на постсоветском пространстве. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП должно обеспечить условия для совместной выработки решений, касающихся экономического сотрудничества. Взаимодействие ЕАЭС с ЭПШП даст потенциальную возможность решать различные вопросы в рамках единой структуры, учитывающей интересы всех входящих в нее стран. Сопряжение двух проектов, являясь неким консенсусом стратегических интересов КНР и РФ, может привести к установлению и развитию институтов и механизмов в объединенной структуре, что, возможно, позволит России в той или иной степени контролировать и удерживать зону своих стратегических интересов.

В условиях конфронтации с Западом и введения антироссийских санкций, РФ совершает свой поворот на Восток, где одним из ее крупнейших партнеров остается Китай. Имея собственные стратегические интересы и неравные финансовые потенциалы, они, тем не менее, находят возможности сотрудничества, о чем свидетельствует сам факт сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Важнейшим пунктом этого объединения для России так же является транспортно-логистическая составляющая. Нам особенно интересны проекты, связанные со строительством высокоскоростных магистралей и направленные на оживление экономического и социального развития регионов. Такое сотрудничество должно способствовать экономическому подъему Дальнего Востока, Сибири и других регионов РФ. Первыми совместными проектами намечены строительство скоростной железной дороги Москва – Казань и модернизация Транссибирской магистрали.

Маршруты, проходящие через территории других стран ЕАЭС, также имеют перспективы, но требуют решения логистических и таможенных проблем, что должно привести сокращению времени доставки и снижению себестоимости транспортировки. Эти проблемы связаны, прежде всего, с низким качеством имеющихся дорог и сложностью таможенных процедур.

Таким образом, сопряжение ЕАЭС и ЭПШП является выгодным и важным шагом для всех сторон. Однако этот процесс тормозят некоторые факторы: отсутствие четко сформулированных условий объединения и единой позиции стран ЕАЭС в отношении сотрудничества с Китаем, необходимость строительства транспортной инфраструктуры, бюрократизация и сложность таможенных процедур и др.

Особое значение в контексте сопряжения приобретает Центральноазиатский регион, в котором пересекаются стратегические интересы России и Китая. На данный момент двум странам удастся строить партнерские отношения, несмотря на их соперничество в регионе. Одной из важнейших задач сопряжения представляется развитие механизмов сотрудничества, поддерживающих этот консенсус и учитывающих интересы всех сторон. Необходимость в таких институтах и механизмах для РФ особенно возрастает в условиях разработки Пекином возможных путей транспортировки грузов в обход российской территории. С помощью такой структуры Россия сможет контролировать подобные проекты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрамов В.Л.* Интеграционные эффекты взаимной и внешней торговли государств-членов Евразийского экономического союза: состояние и факторы роста // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 3.

2. *Борисов Д.А.* Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП: комплементарный потенциал, индифферентная реальность // Вестник Томского университета. Филология. Философия. История. Право. Томск, 2017. № 419.

3. Гусев Л.Ю. Китай и Центральная Азия: основные направления развития сотрудничества в сфере экономики и энергетики // Актуальные проблемы расширения Шанхайской организации сотрудничества: материалы Международной конференции (форума): «На втором треке. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в дальнейшем развитии и расширении Шанхайской организации сотрудничества, (19-20 апреля 2016 г., Сочи). М., 2016.

4. Жильцов С.С. Роль Евразийского экономического союза в геополитических процессах на постсоветском пространстве (Часть первая) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 1.

5. Жао Тяньтянь. Национальный имидж КНР и РФ на современном этапе: сравнительный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57).

6. Ефременко Д.В. Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка. М., 2018.

7. Каратаев С.В. Потенциал развития и возможные вызовы реализации инициативы «Один пояс – один путь»: инфраструктурный аспект // Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: перспективы и проблемы реализации: материалы международной научной конференции, 17 апреля 2018 г. М., 2018.

8. Кокарев К.А. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП: стратегические цели и проблемы реализации // Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: перспективы и проблемы реализации: материалы международной научной конференции, 17 апреля 2018 г. М., 2018.

9. Кузьмина Е.М. Реалии и вызовы транспортного сотрудничества при сопряжении ЕАЭС и ЭПШП // Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: перспективы и проблемы реализации: материалы международной научной конференции, 17 апреля 2018 г. М., 2018.

10. Кун Дэкунь. О рисках и контрмерах по сопряжению инициативы «Один пояс, один путь» Китая с «Евразийским экономическим союзом» России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Том 9. № 4 (49).

11. Курьлев К.П., Мартыненко Е.В. Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта «Один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

12. Ли Цзинчэн. Стратегические интересы Китая в рамках сотрудничества БРИКС (экономический аспект) // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52).

13. *Ли Юнцюань*. Большое евразийское партнерство и инициатива «Один пояс – один путь»: возможно ли продолжение? // Пути и пояса Евразии: национальные и международные проекты развития на евразийском пространстве и перспективы их сопряжения: (сборник статей). М., 2019.

14. *Лузянин С.Г.* «Экономический пояс Шелкового пути»: взгляд из России // Пути и пояса Евразии: национальные и международные проекты развития на евразийском пространстве и перспективы их сопряжения: (сборник статей). М., 2019.

15. *Михайленко А.Н.* Сопряжение евразийской интеграции и китайского проекта «Один пояс – один путь» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 1.

16. *Саламатов В.Ю.* Реализация транспортного потенциала ЕАЭС в рамках сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: перспективы и проблемы реализации: материалы международной научной конференции, 17 апреля 2018 г. М., 2018.

17. *Сидоров Д.А.* ЕАЭС в системе международных отношений // Современная политика и международные отношения: сборник статей по материалам научно-практической конференции молодых ученых ДА МИД России «Актуальные проблемы мировой политики: итоги и перспективы». М., 2015.

18. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>.

19. Торгово-экономического соглашения между КНР и ЕАЭС в 2018 г. // <https://www.alt.ru/tamdoc/18bn0054/>.

20. *Трошин Н.Н.* Финансовые инициативы КНР и их роль в обеспечении сопряжения ЕАЭС и ЭПШП // Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: перспективы и проблемы реализации: материалы международной научной конференции, 17 апреля 2018 г. М., 2018.

21. *Фролова И.Ю.* Экономический коридор Китай-Монголия-Россия как важная часть сопряжения ЕАЭС и ЭПШП // Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: перспективы и проблемы реализации: материалы международной научной конференции, 17 апреля 2018 г. М., 2018.

22. *Фэн Чжунтин*. О сопряжении инициативы «Один пояс – один путь» и евразийского экономического союза // Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: перспективы и проблемы реализации: материалы международной научной конференции, 17 апреля 2018 г. М., 2018.

D.M. DOSAEVA

*Lomonosov Moscow State University,
Department of History, The Chair of the History
of Political Parties and Political Movements,
Moscow, Russia*

**ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS
OF THE INTERCONNECTION OF THE EURASIAN
ECONOMIC UNION AND THE CHINESE
“SILK ROAD ECONOMIC BELT INITIATIVE”**

The target of this article is to consider the main problems, directions and prospects for the integration of the Eurasian economic Union (EEU) and the Silk Road Economic Belt (EPSB). The author analyses the strategic interests of Russia and China and considers the possibility of their implementation in the context of the integration of the Eurasian economic Union and the Silk Road Economic Belt.

Key words: *international relations, Eurasian Economic Union, “Silk Road Economic Belt,” interconnection, Russia, China, integration, initiative, politics, economy, logistics, infrastructure, international trade.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.026

УДК 32.327

О.В. ЖУРАВЛЕВ

контр-адмирал, начальник
Тихоокеанского высшего военно-морского
училища им. С.О. Макарова,

Россия, г. Владивосток

А.А. ТУШКОВ

доктор исторических наук,
профессор кафедры международных
отношений и права Владивостокского
государственного университета экономики
и сервиса, Россия, г. Владивосток

НАЦИОНАЛЬНАЯ МОРСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ТИХООКЕАНСКОМ И ИНДООКЕАНСКОМ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ

Данное исследование посвящено актуальной теме – реализации национальной морской политики на Тихоокеанском и Индоокеанском региональных направлениях. Современный политический процесс в Юго-Восточной Азии настоятельно диктует России проводить в данном регионе эффективную морскую политику, обеспечивая значимую ее роль и место в новых сложившихся реалиях геополитического пространства. Стремительные изменения поствестфальского миропорядка в значительной мере изменили расстановку сил в мире. Это обстоятельство предъявляет России повышенные требования к эффективности ее не только политической, но и экономической составляющей. Российская Федерация являясь великой морской державой, морской потенциал которой обеспечивает реализацию и защиту ее национальных интересов в любом районе Мирового океана, служит важным фактором международной стабильности и стратегического сдерживания. Данный факт позволяет проводить независимую национальную морскую политику в качестве равноправного участника международной морской деятельности. В этой связи задачи, поставленные в Указе Президента РФ № 327 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года» от 25 июля 2017 года требуют их практической реализации. От выполнения задач зависит действенность отстаивания Россией своих политических и экономических интересов. С образованием Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), открываются для России новые возможности по практической реализации национальной морской политики в данной

морской зоне. В статье подробно рассматривается боевой состав флота, строительства новых типов кораблей и их возможности. Анализ данной проблемы позволяет наметить основные пути ее решения.

Ключевые слова: национальная морская политика России, носители крылатых ракет «Калибр», неядерное оружие, ПЛАР, АУГ, технология «стелс», Индо-Тихоокеанский регион, дальняя морская зона, НАТО.

Для защиты своих интересов и обеспечения влияния на военно-политическую обстановку в мире Российская Федерация реализует бесспорное право на военно-морское присутствие в стратегически важных районах Мирового океана, демонстрации флага и военной силы. При этом Россия неукоснительно руководствуется принципами и нормами международного права. В Указе Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года» от 25 июля 2017 года определено, что в области военно-морской деятельности государственная политика является совокупностью объединенных общим замыслом мер, направленных на обеспечение и реализацию национальных интересов России в Мировом океане [3].

Одним из ключевых направлений для России в реализации задач морской политики в Юго-Восточной Азии, по нашему мнению, являются **Тихоокеанское и Индоокеанское региональные направления**, сформулированные в Морской доктрине России. Бесспорно то, что данный регион, обладает мощным экономическим и военно-политическим потенциалом, воздействует на все современные международные политические процессы и место России здесь должны обеспечить выполнение задач, поставленных Президентом РФ в Указе от 20 июля 2017 г. № 327 в области морской деятельности [3]. При этом важно учитывать то обстоятельство, что многие страны АТР заинтересованы в образовании на карте нового геополитического региона – **Индо-Тихоокеанского региона (ИТР)** [5]. Но какова роль и место России в становлении и развитии Индо-Тихоокеанского региона? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть проблему в двух аспектах: в политико-экономическом и военном.

Политико-экономический аспект. Несмотря на то, что термин «Индо-Тихоокеанский регион» принят экспертным сообществом и политическим истеблишментом Запада как реальность, в России вопросы, касающиеся ИТР, ни в экспертных, ни в политических кругах не обсуждаются. Очевидно, этому есть серьезное объяснение. Можем предположить, что рождение нового геополитического региона в некотором смысле идет в разрез с глобальным интеграционным проектом «Большой Евразии» – партнерство для всех. Проект, который должен быть открытым для всех стран евразийского

пространства, включая страны Европы. Анонсируя этот проект на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г. В.В. Путин сказал: «Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура» [4]. Кроме того, есть еще одна сторона этого вопроса – активная политическая и экономическая поддержка КНР как стратегического партнера, не дающая деятельно поддерживать становление Индийско-Тихоокеанского региона.

В этом и заключается противоречивость внешнеполитического курса России. Рассматривая концепции внешнеполитического и экономического развития государств региона, можно предположить, что включив эти страны в проект «Большой Евразии», благоприятно сказалось бы в целом как на развитии проекта, так и на экономике всей России. Объединив территории государств, будут доступны различные пути транспортировки: сухопутный и морской, включая акватории вдоль азиатских побережий «Большой Евразии». В этом случае российский Дальний Восток, занимая наиболее выгодное геополитическое положение, в случае объединения будет находиться на стыке данных территорий, что даст России значительные выгоды как экономического кластера.

Это еще один шаг России в направлении вернуть присущую ей историческую роль центра Евразии (Heartland).

В этих обстоятельствах необходимость участия России в становлении и развитии Индо-Тихоокеанского региона становится необходимостью. Более того, Россия должна стать здесь ключевым игроком, создав свою собственную стратегию экономического развития, которая максимально бы выражала ее геополитические интересы в данном регионе. Соединив воедино концепции «Северный морской путь» и «Большой Евразии», объединив усилия ключевых игроков, таких как Китай и Индия, с которой Россия имеет многолетние благоприятные отношения, Южную Корею, Индонезию, Японию, все экономические и политические ресурсы государств Юго-Восточной Азии, можно было бы получить высокие экономические результаты.

Но участие России в становлении и развитии Индо-Тихоокеанского региона невозможно без морской составляющей, как эффективного инструмента влияния внешнеполитической деятельности государства.

Военно-политический аспект. Вместе с тем Азиатско-Тихоокеанский регион все в большей и большей степени становится зоной военного соперничества между государствами этого региона. Это – дополнительный фактор, осложняющий поступательное развитие торгово-экономических и политических связей стран-участников ИТР. Какую роль России уготовила ей история в этих условиях? Естественно, что без военно-морской составляющей, обеспечивающей внешнеполитический аспект, говорить о какой-либо роли не приходится. Это прекрасно понимают, как политические, так

и экспертные круги и в России, и за рубежом. Естественно, что необходимо искать принципиально новые подходы к эффективному решению задач обеспечения политической и морской деятельности государства в дальних морских зонах, каким является Индийско-Тихоокеанский регион в ближне-, средне- и дальнесрочной перспективе.

В Указе Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327 ставится задача «поддержание стратегической стабильности и международного правопорядка в Мировом океане, в том числе путем эффективного использования Военно-Морского Флота в качестве одного из основных инструментов внешнеполитической деятельности Российской Федерации» [1]. В доктрине подчеркивается, что важной составляющей национальной морской политики на Тихоокеанском и Индоокеанском региональных направлениях является наращивание позитивного взаимодействия с государствами региона и превращение их в зону мира, стабильности и добрососедства, обеспечение на периодической основе или по мере необходимости военно-морского присутствия Российской Федерации в этих дальних морских зонах [1]. Выполнить эти задачи ни ближне-, ни в среднесрочной перспективе с имеющимися боевыми силами и средствами практически невозможно.

В ходе совещания по развитию вооруженных сил и ОПК в Сочи 2 декабря в 2019 г. В.В. Путин подчеркнул, что в Военно-Морской флот поступят два десятка надводных, подводных и вспомогательных кораблей и более четырехсот единиц ракетного и торпедного вооружения. Президент России коснулся, что это будут 23 носители крылатых ракет «Калибр», гиперзвуковых «Цирконов», подводные лодки нового поколения типа «Борей-А» и «Ясень-М», а также надводные корабли дальней морской зоны. Их появление и обеспечит нам постоянное присутствие в дальних морских зонах, в том числе Тихоокеанском и Индоокеанском региональных направлениях.

Недавние походы тяжелого атомного ракетного крейсера «Петр Великий» к берегам Кубы и Венесуэлы или визит нашего ракетносца «Москва» в Южно-Африканскую Республику, не показатель постоянного присутствия нашего флота в дальних морских зонах, так как зона его ответственности: Баренцево, Балтийское, Японское, Черное и лишь отчасти Средиземное моря. Те задачи, которые решали отряды боевых кораблей Тихоокеанского и Черноморского флотов в далекую океанскую зону в рамках решения задач боевой подготовки, военно-морского присутствия в оперативно принципиальных районах, обеспечения безопасности штатского судоходства в районе Африканского Рога и побережья Сомали около 10 лет назад – не показатель постоянного присутствия в Индоокеанском регионе. Хотя и был накоплен определенный боевой опыт, что впоследствии пригодился в 2014-2018 гг. в походах к берегам Сирии.

Основная причина этого в системном кризисе, который пережила Россия в 1990-х годах. Изменения начались в 2015 году, когда малые ракетные

корабли (МРК) Каспийской флотилии проекта 21631 «Буян-М» и 11661К «Гепард» нанесли эффектный и показательный удар для США и их союзников «Калибрами» по объектам террористов в Сирии, находившимся на удалении в 1,5 тыс. км. Всего было выпущено 26 ракет по 11 целям. Именно этот момент стал поворотным в современной истории российского флота. Это первый случай, когда корабли нанесли удары по береговым целям. Тем более, это корабли Каспийской флотилии, которую военные теоретики в США и НАТО не принимали в расчет из-за своего расположения вне дальних морских зон.

Именно этот факт показал, что Россия обладает неядерным оружием большой дальности и готова поразить любую цель не только в дальних морских зонах, но и любых сухопутных районах. Причем сделать это может массировано, что в боевой обстановке играет важнейшую роль. В настоящий момент корабли проекта 21631 «Буян-М» и 11661К «Гепард», а также новые МРК проекта 22800 типа «Каракурт» составляют главную ударную силу Каспийской флотилии, Балтийского и Черноморского флотов. Потенциально они могут поразить цели в Азии – от Сирии до Индии – и на территории всей Европы.

В ходе совещания по развитию вооруженных сил и ОПК в Сочи (2 декабря 2020 г.) Президент России сообщил, что к 2023 году количество носителей «Калибра» удвоится. Это будут не только малые ракетные корабли, фрегаты дальней морской зоны 20380 и 11356Р/М, дизель-электрические подводные лодки проекта 636 типа «Варшавянка» и многоцелевые атомные подводные лодки с крылатыми ракетами (ПЛАРК) проекта 885 (08850) «Ясень», но и суда обеспечения, такие как патрульные ледоколы, построенные по новой для ВМФ концепции «открытой» кормы (атомных ледоколов новых типов планируется поступление в ВМФ после 2020 года: проекта 10570 – на 2022 год, проекта 10510 – на 2024 год).

Все намеченные мероприятия и ожидание поступления кораблей, носителей крылатых ракет, обеспечат приоритет присутствия отечественного флота в дальних морских зонах? Естественно, что нет. Поэтому на совещании в Сочи В.В. Путин акцентировал свое внимание на необходимости опережающего развития флота. Указ Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327 требует, чтобы мы заняли второе место по мощи среди военно-морских флотов государств мира. Для выполнения этой задачи имеемых сил и средств недостаточно, необходимы корабли дальней морской зоны – авианосцы, фрегаты, корабли обеспечения и снабжения.

Из-за малой автономности плавания – 15 суток, малые ракетные катера проекта 22800 типа «Каракурт» в стратегическом плане не смогут решить задачи постоянного присутствия в дальних морских зонах. Эксперты сходятся во мнении, что строить их стали в качестве альтернативы на время задержки строительства фрегатов проекта 11356, для которых необходимо

заменить отечественными аналогами украинские газотурбинные установки. Ранее предполагалось строить авианосцы. Но здесь проблемы, которые не решить и в ближайшей перспективе.

Ведущий институт в области проектирования кораблей ФГУП «Крыловский государственный научный центр» и основной проектант так называемых «больших платформ» Невское ПКБ, имеют как минимум несколько проектов: легкий, средний и тяжелый, которые могут быть вооружены как обычными, так атомными энергоустановками. Но для действий в дальней морской зоне выгодней иметь тяжелый атомный корабль. У Крыловского центра это авианосец проекта 23650 «Шторм», у Невского ПКБ – проект 11430 «Ламантин», водоизмещением от 70 до 90 тыс. тонн и длиной более 300 метров. На них могут базироваться до 60 до 90 летательных аппаратов, в том числе и беспилотных. Стоимость разработки и строительства только одного авианосца экспертами оценивается в 300-400 млрд. рублей. Сумма на сегодняшний день очень большая и если принять во внимание то, что флоту нужен не один, а как минимум 3-4 таких корабля, не только в средне-, но и в дальнесрочной перспективе Россия их не получит.

Проблема усугубляется еще и тем, что для авианосцев нужна группа поддержки, т.е. в тактическом и оперативном плане она должна представлять собой авианесущую ударную группировку (АУГ). Для «Адмирала Кузнецова» предназначен это тяжелый атомный ракетный крейсер проекта 1144 «Орлан» типа «Петр Великий» (в боевом строю). В недавнем прошлом в ВМФ было четыре таких корабля, а в настоящее время осталось только два. На Тихоокеанском флоте единственный крейсер «Адмирал Лазарев» (бывший атомный крейсер «Фрунзе») выведен из боевого состава. На Северном флоте «Адмирал Нахимов» находится в Северодвинске в ожидании модернизации. А ведь авианосцам проекта «Шторм» и «Ламантин» необходимы корабли обеспечения и прикрытия.

Такие корабли существуют, но пока только в разработке. Это атомный эсминец проекта 23560 «Лидер». Но он, как и перспективные авианосцы, существует только в макете. Проект корабля интересен тем, что это замысел, нацеленный на будущее. Проектируется по технологии «стелс»: все вооружение убрано внутрь, обводы и надстроек корабля рубленые. Более того, на корабле планируется разместить арсенал перспективного на сегодняшний день вооружения: гиперзвуковые ракеты «Циркон», зенитный ракетный комплекс С-500 «Прометей», новейшее артиллерийское и торпедное вооружение. При этом автономность плавания эсминцев «Лидер» будет ограничена лишь только физическими возможностями экипажей. Что важно: мощность атомной энергетической установки корабля будет сопоставимой установленной на самом современном американском эсминце Zumwalt. Это позволит в перспективе установить на корабле оружие, работающее на новых физических принципах: лазерные или электромагнитные пушки.

Эти перспективные корабли не сегодняшнего дня и существуют только в проекте. Поэтому задачи присутствия флота, как эффективного инструмента влияния России в дальних морских зонах трудно реализуемы. Есть объективные причины: отсутствие достаточных сил и средств, в том числе морских баз в удаленных районах Мирового океана, а также ограничения кораблей по автономности. Имеемый корабельный состав трех флотов и Каспийской флотилии России не дают нам возможности утверждать обратное.

Однако задачи, поставленные в Указе Президента РФ № 327 по эффективному использованию флота в качестве одного из основных инструментов внешнеполитической деятельности России, насущные и требуют практической реализации. Более того, историческое существование Российского государства, эффективность отстаивания его политических и экономических интересов. По словам В.В. Путина, доля современного вооружения в Военно-Морского Флота составляет 68% [2]. Поэтому поступательное развитие флота, его технологическое переоснащение заставляет считаться с ним страны НАТО. Этому свидетельствуют выходы в дальнюю морскую зону российских кораблей. Они отвлекают силы и средства вероятного противника. Как правило, выход кораблей как ударной силы осуществляется в составе группы кораблей сопровождения и подводных лодок. Кроме того, даже малые ракетные катера проекта 22800 типа «Каракурт» могут повлиять на геополитический расклад в мире.

Эффективное использование флота в качестве одного из основных инструментов внешнеполитической деятельности России возможно через восстановление морских баз в дальних морских зонах. Это те базы (ПМТО – пункты материально-технического обслуживания), которые в свою бытность имел Советский Союз – в Камране (Вьетнам), на Кубе, о. Сокотра (Аравийское море), Бербера (Сомали), архипелаг Дахлак (о. Нокра) и т.д., а также организации оперативных эскадр постоянного присутствия в морских зонах таких, как например, бывшая 5-я оперативная эскадра кораблей (5-я оперативная флотилия), базировавшаяся в Средиземном море. Сегодня мы не имеем столько военно-морских баз, как США. Морская база Тартус в Сирии позволяет нам контролировать Средиземноморский театр военных действий, но в Индо-Тихоокеанском регионе, в том числе у берегов Америки, российский флот может присутствовать лишь эпизодически. Возможно восстановление баз во Вьетнаме и на Кубе. Есть понятие о необходимости их восстановления. По крайней мере, это задача выполнима, но упирается в политические проблемы геополитического характера.

Все проблемы, освещенные в данной статье, актуальны и требуют своего решения. Поэтому вопросы, которые подняты были в ходе совещания по развитию вооруженных сил и ОПК в Сочи 2 декабря в 2019 г., для развития флота являются приоритетными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Индо-Тихоокеанский регион: США в пространстве двух океанов // <https://www.fondsk.ru/news/2018/07/04/indo-tihookeanskij-region-ssha-v-prostranstve-dvuh-okeanov-46398.html>.

2. Литовкин Д. Какой флот строит Россия и для чего // <https://tass.ru/opinions/7308487>.

3. Морская доктрина РФ. Утверждена Президентом РФ 26 июля 2015 года № Пр-1210. Основы государственной политики РФ в области военно-морской деятельности на период до 2030 года. Утверждены Указом Президента РФ от 20 июля 2017 года № 327.

4. Проект «Большая Евразия» // <http://www.profsouzeurasia.ru/bolshaya-evraziya>.

5. Цветов А. Индо-Тихоокеанский фронт: зачем на геополитической карте появился новый регион и что это сулит России? // <https://carnegie.ru/commentary/75706>.

O.V. ZHURAVLEV

*rear Admiral, head of the Pacific
higher naval school S.O. Makarova,
Vladivostok, Russia*

A.A. TUSHKOV

*Professor, Department of International
Relations and Law, Vladivostok State University
of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

RUSSIA'S NATIONAL MARITIME POLICY ON THE PACIFIC AND INDO-OCEAN REGIONAL ROUTES

This study is devoted to the topical topic – the implementation of national maritime policy in the Pacific and Indo-Ocean regional areas. The current political process in South-East Asia urges Russia to pursue an effective maritime policy in the region, ensuring its significant role and place in the new realities of geopolitical space. The rapid changes in the post-Westphalian world order have greatly changed the balance of power in the world. This fact puts Russia with increased demands for the effectiveness of its political, but also the economic component. The Russian Federation, as a great maritime power whose maritime capability ensures the realization and protection of its national interests in any area of the world's oceans, is an important factor for international stability

---

and strategic deterrence. This fact makes it possible to pursue an independent national maritime policy as an equal participant in international maritime activities. In this regard, the objectives set in the Russian President's Decree No. 327 «On the approval of the Basic State Policy of the Russian Federation in the field of naval activities for the period up to 2030» of July 25, 2017 require their practical implementation. The effectiveness of Russia's defense of its political and economic interests depends on the implementation of the tasks. With the formation of the Indo-Pacific Region (ITR), new opportunities for Russia to implement the national maritime policy in this maritime zone are opening up. The article examines in detail the combat composition of the fleet, the construction of new types of ships and their capabilities. Analysis of this problem allows us to outline the main ways to solve it.

Key words: *Russia's national maritime policy, carriers of Kalibr cruise missiles, non-nuclear weapons, PLAR, AUG, stealth technology, Indo-Pacific region, long-range maritime zone, NATO.*

ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНЫЙ СОЮЗ (ХСС) ФРГ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В БАВАРИИ 2018 ГОДА

В данной статье анализируются результаты выборов в Баварии в октябре 2018 года, раскрываются причины подобного электорального поведения и его влияние на стабильность партийной системы Германии в целом. Раскрыты причины кризиса современных правительственных партий. Проанализированы сходства и принципиальные различия позиции ХСС и блока ХДС/ХСС с другими партиями Германии по ключевым вопросам. Автор делает акцент на современную расстановку сил на политической карте ФРГ.

Ключевые слова: ФРГ, выборы, Бавария, ХСС, ХДС, АдГ, миграционный кризис.

Идеология третьей по величине в Германии политической партии Баварии «Христианско-социальный союз» (ХСС, CSU) схожа с платформой правительственной партии «Христианско-демократический союз» (ХДС, CDU) и основана на признании ценностей консерватизма, христианского социального учения и федерализма. Прочные связи двух партий на федеральном уровне привели к созданию общей фракции в Бундестаге – ХДС/ХСС – а сами партии часто называют «сестринскими». Сегодня вместе с Социально-демократической партией Германии (СДПГ) они формируют действующее правительство ФРГ.

ХСС – правящая партия Баварии и действует в земле хоть и с оглядкой, но автономно от ХДС. Участвуя, как и все немецкие партии сегодня, в борьбе за голоса избирателей, в первую очередь – из среднего класса, баварская партия явно проигрывает сильному игроку – партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), особенно в части предложений по преодолению миграционного кризиса. Этот факт потери ХСС части своих избирателей меняет полностью расстановку сил в Баварии, которая важна по нескольким причинам: во-первых, потому что это важнейшая федеральная земля,

а во-вторых, потому что Бавария дает христианским демократам и самой Меркель системного союзника.

Результаты голосования и возможности ХСС. 14 октября 2018 года состоялись выборы в Баварский Ландтаг, где победителем с 37,2% голосов вышла партия ХСС. Однако это было просто «свободное падение» ее результатов по сравнению с 2013 годом – на целых 10,5%. Премьер-министр Баварии Маркус Зедер (ХСС) сформировал коалицию с партией Свободных избирателей (Freie Wähler). Эта партия возникла как надрегиональная ассоциация местных избирательных сообществ и особых успехов достигла именно в Баварии, где она представлена в земельном парламенте с 1998 г. Ее история уходит корнями в политическое пространство не только юга Германии, но и других земель – Тюрингии, Шлезвиг-Гольштейна и Мекленбург-Передняя Померания. Партия также достаточно представлена в местных муниципалитетах. Идеология Свободных избирателей достаточно сильно напоминает профиль ХСС – она служила альтернативным выбором для избирателей, разочарованных достижениями Христианских демократов. Более того, программа партии Свободных избирателей фокусируется в основном на вопросах региональной политики, поэтому баварская коалиция не соревнуется с ХДС на федеральном уровне (в отличие, например, от «Альтернативы»).

ХСС и Свободные избиратели получили суммарно 112 из 205 мест в Ландтаге, что гарантирует правительству Баварии стабильное большинство – распределение мест в Ландтаге выглядит следующим образом: ХСС – 85, СДПГ – 22, Свободные избиратели – 27, Зеленые – 38, Свободные демократы – 11, Альтернатива для Германии – 22 [8].

Вторыми на выборах стали Зеленые с результатом в 17,5% (+8,9). Ключевая тема Зеленых – охрана окружающей среды. Они требуют защиты биоразнообразия, более решительной борьбы с изменением климата. В области иммиграции партия выступает за справедливое распределение беженцев между государствами ЕС – не самое популярное решение вопроса.

Свободные избиратели, группа независимых кандидатов, набрали 11,6% голосов баварцев. Результат Альтернативы, занявшей всего лишь четвертое место, был ниже, чем ожидали как сами члены партии, так и электорат. СДПГ, предсказуемо выступающая за гуманитарную политику в отношении беженцев, набрала всего 9,7% голосов и зафиксировала крупные потери избирателей (-10,9).

Одной из ключевых причин невнятного результата ХСС на выборах можно назвать ожесточенную борьбу за голоса консервативного электората, получить которые мечтали и Свободные избиратели, и Альтернатива. Также неблагоприятную роль для баварских христианских демократов, которые являются еще и членами Бундестага, сыграли споры внутри правящей коалиции на федеральном уровне и конфликт между лидерами партии. До-

бавим к этому тот факт, что избирательная кампания была сосредоточена на «игре на нервах избирателей» – последствиях миграционного кризиса, и это не принесло ожидаемого всплеска голосов за ХСС.

Коалиционное соглашение. В коалиционном соглашении 2018 года обе партии договорились: поддерживать сбалансированный уровень бюджета, развивать дорожную инфраструктуру (вложения оценивали в 400 млн. евро к 2020 г.), ежегодно увеличивать наем полицейских на 500 единиц, строить новые ясли и детские сады, дополнительно нанять 5000 учителей и гарантировали дополнительную поддержку семьям. Важнейшим элементом избирательной кампании ХСС было обещание построить 10 000 новых муниципальных квартир к 2025 году. Наряду с этим обе стороны закрепили намерение создать государственное агентство по энергетике и охране климата, а также повременить с расширением аэропорта Мюнхена (это было предложено Свободными избирателями).

Сосредоточившись на глобальных процессах цифровизации отношений государства и гражданина, было создано новое министерство по оцифровке, что позволило создать электронную учетную запись гражданина, чтобы он мог заполнять разного рода документы (налоговые декларации, заявки на получение пособий на ребенка) и другие заявки на административные услуги в цифровом виде. Новое правительство обещало быть более активным в вопросах охраны окружающей среды: например, в Конституцию Баварии были включены вопросы защиты климата и прописаны цели по защите климата (менее двух тонн CO₂ на душу населения в год к 2050 году). Вероятно, это было сделано для того, чтобы к баварским выборам 2020 года вернуть часть своего электората, «перебежавшего» к Зеленым (по оценкам экспертов, примерно 170 000 голосов) [5].

Увеличение роли Зеленых, вхождение Альтернативы для Германии в Ландтаг и возвращение в него Партии свободных демократов, а также хороший результат, достигнутый Свободными избирателями, – все это формирует новые вызовы, с которыми ХСС сталкивается сейчас в государственной политике. Это касается реализации одного из приоритетов партии, а именно – создания однопартийного правительства, наряду с принятием соответствующей избирательной стратегии, чтобы сделать партию более привлекательной для всех избирателей-консерваторов, а также для сторонников Зеленых.

Изменения, объявленные после выборов в Ландтаг, означали привлечение «новой крови» в партийные структуры, увеличение доли женщин в составе партии и расширение политической программы (внесение в нее вопросов по охране окружающей среды).

Одним из приоритетов, определенных Маркусом Зедером, Председателем ХСС с января 2019 г., станет реформирование немецкого федерализма и отказ от тенденций централизации. Смена власти в ХСС произошла в результате ослабления позиций Хорста Зеehoфера. Члены партии привлекли

его к ответственности за непрофессиональную кампанию в преддверии выборов в Бундестаг и баварский Ландтаг, а также за обострение спора с ХДС по поводу миграционной политики. В марте 2018 года он был вынужден уйти с поста премьер-министра Баварии и его сменил Зедекер, который до этого был министром финансов Баварии.

Далее, в ноябре 2018 года, Зедекер решил больше не баллотироваться на пост Председателя ХСС. Это означало победу для группы во главе с Зедекером во внутрипартийном конфликте. Группа получила поддержку, например, от бывшего председателя партии ХСС и премьер-министра Баварии Штойбера, который продолжал оставаться весьма влиятельной фигурой, в том числе и в Молодежной организации ХСС.

Трансформация электората ХСС. Экономический рост и низкий уровень безработицы в совокупности с обязательством сочетать традиционные ценности с пониманием потребностей современного общества, равно как и акцент на вопросах безопасности, оказались достаточно эффективным рецептом успеха ХСС на выборах. Однако партия испытывает трудности в связи с изменениями, происходящими во всех массовых партиях в Германии – снижение поддержки электората. Масштаб изменений нашел отражение в результатах выборов для двух основных партий Баварии, ХСС и СДПГ. В 1974 году они вместе набрали 92,3% голосов, но в 2008 году этот показатель был равен только 62,3%. Кроме того, появление еще одной консервативной партии в Баварии (а именно – АдГ) и высокая популярность Зеленых угрожают доминированию ХСС в Баварии и ускоряют ее потерю избирателей [2].

Эти изменения в баварском электорате носят структурный характер. Они ассоциируются со старением населения и изменением электоральных привычек. Кроме того, число людей, не имеющих постоянной политической принадлежности, увеличилось, и некоторые из них выбирают голосовать «назло» основным партиям, в попытке выразить свое несогласие с существующим положением вещей. Это все означает, что способность партии мобилизовать новых избирателей слабее, чем раньше. Благодаря притоку большого количества жителей из других государств, наблюдается неуклонное снижение доли избирателей-католиков, что особенно важно для ХСС (две трети Баварских католиков голосуют за партию) [6. Р. 33-40]. Эффективность ХСС также была затронута личными проблемами между лидерами партии, а также тем обстоятельством, как были представлены предвыборные программы. Все эти факторы способствовали падению поддержки ХСС в Баварии, но ее показатели все еще выше, чем поддержка христианских демократов в других федеральных землях и на федеральном уровне.

Еще одна проблема для ХСС, как и для других традиционных партий, заключается в новых способах коммуникации через социальные сети, которые позволяют группировкам, которые знают, как лучше использовать

инструменты онлайн-маркетинга, достичь большего эффекта среди избирателей. В связи с этим проведенный в режиме онлайн перед парламентскими выборами 2017 года анализ избирательных кампаний, выявил значительное преимущество главных соперников ХСС в Баварии – Альтернативы для Германии [3].

Оппозиционные партии в Баварии не имеют большого опыта в области реального управления, и являются фрагментированными. Одна из проблем для оппозиции – особенно для СДПГ и Зеленых – привлечение голосов избирателей, находящихся за чертами города. Хотя эти партии добились хороших результатов на выборах в Мюнхене и Нюрнберге (где правит СДПГ), они не смогли мобилизовать избирателей из сельской местности. Попытки приспособиться к ожиданиям более консервативных избирателей, живущих за пределами крупных центров, подвергают эти партии обвинениям подражания политике ХСС, и фактически имеют контрпродуктивные последствия. Успех Зеленых ознаменовал изменение этой тенденции. Впрочем, слишком рано оценивать долговечность увеличения их популярности в Баварии.

На выборах в Ландтаг это увеличение стало результатом последовательного внимания партии к вопросам охраны окружающей среды и социальным проблемам, незапятнанности участием в правительственной коалиции на федеральном уровне, а также положительно оцененных изменений, внесенных в исполнительный орган партии после выборов в Бундестаг в 2017 году. Другими драйверами мобилизации избирателей стали митинги, организованные в баварских городах против планов ХСС внести поправку к закону о земельной полиции, которая считалась слишком строгой. Недальновидность СДПГ была еще одним важным фактором. Статистические данные указывают, что 210 000 человек, которые ранее голосовали за Социал-демократов, теперь голосовали за Зеленых [4].

Альтернатива для Германии = Альтернатива для ХСС? Хотя Альтернатива для Германии заняла четвертое место на земельных выборах, она является самой большой занозой для ХСС как в Баварии, так и на федеральном уровне, поскольку их предвыборные программы очень схожи. Голосую за АдГ, большинство избирателей хотят выразить свой протест (85%) против эрозии немецкой культуры, чрезмерные социальные изменения, вызванные иммиграцией, и чрезмерное влияние Ислама [1]. До сих пор АдГ добивалась успеха, эксплуатируя продолжающиеся споры в Германии по поводу понятий «нация», «история» и «культура государства», которые в Баварии ассоциировались исключительно с риторикой ХСС. Соперничество в Баварии ХСС с другими партиями аналогичного профиля (например, с Партией Баварии, которая в 1959 году потеряла большинство своих избирателей, в результате выбравших ХСС) ранее носило локальный характер, и для ХСС, прочно закрепившейся в федеральной политике, это не было слишком большой проблемой. Однако «новый» конкурент ХСС также активен

и на федеральном уровне: АдГ указал на ошибки, допущенные баварскими христианскими демократами, и показал путь для отхода от консервативных корней и наследия Франца Йозефа Штрауса [7]. Перед лицом этой критики близость ХСС к ХДС оказывается помехой; последняя партия обвиняется АдГ еще больше за предательство традиционных христианских демократических ценностей, имея в виду, преимущественно, миграционную политику и вопросы безопасности ФРГ и Европы в целом. Подобное соперничество с АдГ, вероятно, означает, что ХСС необходимо сделать более радикальные акценты в своем манифесте. Мы можем даже ожидать, что он внемлет некоторым требованиям Альтернативы. Симптомы этого процесса уже можно увидеть в ужесточении позиции ХСС в ее споре с ХДС по вопросам миграционной политики.

Заключение. Предпочтения электората и политические тенденции, происходящие в ключевой земле ФРГ – Баварии – почти всегда наверняка отражают общую ситуацию в Германии в целом. С большой долей вероятности можно прогнозировать и дальнейшие потрясения для правящей коалиции ФРГ, и кабинета канцлера. Избиратели просто устали от консерваторов, беспринципности и беженцев. В очередной раз проявился часто повторяющийся феномен – людям не нравится лавирование политиков, их желание заигрывать со всеми: невозможно одновременно «усидеть» между миграционной политикой Берлина и популистской риторикой в духе крайне правых. Поэтому Зеленые, которые, вопреки тренду, занимают четкую позицию в поддержку миграции, резко укрепились. То же касается и Альтернативы для Германии, которая столь же ясно находится на противоположном фланге. Ясность и четкость позиции – вот чего ждут избиратели сегодня.

Падение популярности ХСС в Баварии – следствие недоверия местных избирателей к Меркель и ее политике, ведь именно Бавария как никакая другая федеральная земля, пострадала от миграционного кризиса.

Перед социал-демократами встает все более острый вопрос – чем дольше они остаются в составе коалиции с Меркель, тем сложнее им сохранять собственную политическую идентичность.

Стоит ожидать, что ослабление правительства в Германии продолжится; совершенно очевиден тот факт, что оно переживает кризис, ключевыми причинами которого являются отсутствие отличимости и поколенческий кризис. Значительное расширение политического участия как результат новых социальных условий и успехов новых партий, прежде всего АдГ, несомненно оказывают на всю партийную систему Германии дестабилизирующее воздействие. Но ждать в связи с этим немедленного «разлома» всей немецкой партийной системы, вероятно, нельзя. Для этого должны произойти необратимые изменения в массовой политической культуре страны, вымывание из ценностной структуры личности ведущих ценностей, таких как либерализм, демократия и глубинные перемены в сознании политического класса страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. A survey of AfD voters on the biggest threats that Germany must deal with: Bundestagswahl 2017. Umfragen zur AfD, ARD, 24 September 2017 // https://wahl.tagesschau.de/wahlen/2017-09-24-BT-DE/charts/umfrage-afd/chart_208795.shtml.
2. *Ciechanowicz A.* Predictability lost..., op. cit.
3. 'Der missglückte Online-Wahlkampf', Handelsblatt, 28 September 2017 // <http://www.han-delsblatt.com/politik/deutschland/bundestagswahl/alle-schlagzeilen/cdu-und-csu-der-missglueckte-online-wahlkampf/20384590.html>.
4. *Dobrindt A.* 'Wir brauchen eine bürgerlich-konservative Wende', Die Welt, 4 January 2018 // <https://www.welt.de/debatte/kommentare/plus172133774/Warum-wir-nach-den-68ern-eine-buergerlich-konservative-Wende-brauchen.html>.
5. *Frymark K.* 'A continuity coalition in Bavaria', OSW Analyses, 7 November 2018 // <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2018-11-07/a-continuity-coalition-bavaria>.
6. *Hopp G., Sebaldt M., Zeitler B.* Die CSU: Strukturwandel, Modernisierung und Herausforderungen einer Volkspartei, Wiesbaden 2010.
7. *Neff B.* 'Die verkaufte Seele von Franz Josef Strauss', Neue Zürcher Zeitung, 6 August 2018 // <https://www.nzz.ch/international/die-verkaufte-seele-von-franz-josef-strauss-ld.1409073>.
8. <https://www.infratest-dimap.de/>.

M.A. ZUBOREVA

Postgraduate student at the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Head of the Contract department at the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

THE GERMAN CHRISTIAN SOCIAL UNION (CSU) AFTER THE BAVARIAN ELECTIONS 2018

This article analyzes the results of the elections in Bavaria in October 2018, reveals the reasons for such electoral behavior and its impact on the stability of the party system in Germany as a whole. The reasons for the crisis of modern government parties are revealed. Similarities and fundamental differences in the positions of the CSU and CDU/CSU with other German parties on key issues are analyzed. The author focuses on the current alignment of forces on the political map of Germany.

Key words: *Germany, elections, Bavaria, CSU, CDU, AfD, immigration crisis.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.028

УДК 327.8

М. Ф. КАСЕМ

*аспирант кафедры политического
анализа и управления Российского университета
дружбы народов (RUDN University),
Россия, г. Москва*

Т. А. ГУСАРСКАЯ

*старший преподаватель кафедры
политического анализа и управления Российского
университета дружбы народов
(RUDN University), Россия, г. Москва*

П. И. РОГОВАЯ

*магистрант кафедры теории
и истории международных отношений
Российского университета дружбы народов
(RUDN University), Россия, г. Москва*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ: ИСТОКИ, ПРИЧИНЫ И ВЕКТОРЫ

В статье рассматриваются истоки, причины и направленность геополитической стратегии США в Прибалтике и роль Прибалтийских стран в этой стратегии. Анализируя роль стран Прибалтики в геополитической стратегии США, авторы акцентируют внимание на том, что они входят в состав одних из самых влиятельных международных структур – ЕС и НАТО. Но вместе с тем, отмечается что, фактическое положение этого региона свидетельствует об его политической и экономической зависимости, в первую очередь, от США.

Ключевые слова: *страны Прибалтики, геополитическая стратегия, национальные интересы, СССР, Россия, США, НАТО.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что «Ситуация в Прибалтийском регионе после распада Советского Союза может быть охарактеризована как часть этапа позиционной игры на мировой «шахматной доске». Крушение СССР привело к тому, что на постсоветском пространстве значительную роль стали играть США. Как следствие, на постсоветских территориях присутствие России все более сокращалось, и это пространство заполнялось американским присутствием, в частности через включение стран бывшего СССР в зоны влияния и ответственности США и НАТО» [10].

Истоки такой роли стран Прибалтики, не углубляясь в более ранний период, нужно искать в эпохе «перестройки». США принадлежит решающая роль в обретении «независимости» Прибалтики от СССР. Роль США в решении так называемого «балтийского вопроса» хорошо прослеживается в секретных посланиях и телефонных разговорах, которые собрали американский политик С. Тэлботт и историк М. Бэшлосс. Авторы обращают внимание на то, что с целью развала Советского Союза, администрация Дж. Буша-старшего готова была применять любые средства. «Балтийский вопрос» стал инструментом манипулирования со стороны США [1]. Позицию американской стороны четко сформулировал помощник президента по национальной безопасности Б. Скоукрофт: «... американцы могут лишь пожелать прибалтам успеха, поскольку с точки зрения национальных интересов США на чашу весов положено слишком много» [1. С. 198].

Еще в 1989 году на второй встрече лидеров США и СССР на Мальте 3 декабря обсуждалась ситуация в советской Прибалтике. Дж. Буш-старший вспоминает: «При...встрече...я напрямую перешел к Балтике и спросил Горбачева в отношении возможности использования силы» [4. С. 159]. О том, что вопрос Прибалтики был одним из главных, свидетельствует и М.С. Горбачев: «Стержнем беседы с глазу на глаз, состоявшейся после этих переговоров, была ситуация в Прибалтике» [7. С. 149]. Внутренние проблемы СССР и его перспективы обсуждались в выгодном для США направлении. В частности, американский президент предостерег М.С. Горбачева: «любые репрессивные меры вызовут у нас в стране обостренную реакцию, создадут проблемы, осложняющие отношения между нашими двумя странами» [9. С. 249]. Фактически лидер США поставил под вопрос возможность сохранения целостности СССР. Посол США в СССР Дж. Мэтлок отмечал: «Буш напомнил Горбачеву, что Соединенные Штаты никогда не признавали захвата прибалтийских государств и не признают» [11. С. 223] То есть, американский президент открыто заявил, что он поддерживает те силы, которые стремятся к выходу из состава Советского Союза. Бушу удалось по этому вопросу добиться от Горбачева главного – отказа от использования насильственных методов в отношении сепаратистов. Б. Скоукрофт отмечал, что Горбачев обещал Бушу, что «ограничится в этом вопросе только ненасильственными методами» [4. С. 160]. Тайное устное соглашение между Горбачевым и Бушем по Прибалтийским республикам состояло в том, что лидер СССР обязался не применять насильственные действия, а Буш обещал «не создавать больших проблем» для Горбачева в связи с ситуацией в Прибалтике. Сепаратисты Литвы, Латвии и Эстонии, заручившись поддержкой США после Мальты, активизировали свою деятельность по выходу из состава Советского Союза [13]. В связи с этим профессор Анатолий Громыко охарактеризовал мальтийские переговоры как «советский Мюнхен» [6. С. 201]. Такие геополитические устремления США

объясняются их целью сохранить статус единственной мировой державы на том историческом этапе. И США разработали стратегию, направленную на недопущение в будущем появления на мировой арене другого сильного геополитического игрока – России.

Полагаем, что, политику Вашингтона в отношении Прибалтики и России можно было прогнозировать. США последовательно формировали антироссийский прибалтийский кордон между другими странами Европейского союза (ЕС) и Россией, постепенно приближая НАТО к границам России. Таким образом, Эстония, Литва, Латвия образовали своеобразную границу между ЕС и РФ. И закономерно, что именно в этих государствах наиболее резко намеренно культивируются русофобские антироссийские настроения. Можно сказать, что Вашингтон таким путем осуществляет своеобразную изоляцию России от европейского пространства через создание антироссийских государств. И в этом процессе Прибалтийские государства стали передним рубежом «стратегии перемалывания», которую применяет США на постсоветском пространстве для раздробления сил противодействия американскому доминированию [17]. «Стратегию перемалывания» российский политолог А.Д. Богатуров характеризует как «линию на формирование и поддержку сети не особенно сильных и не слишком устойчивых государств, дорожащих поддержкой США, делающей их податливыми к американским рекомендациям» [3. С. 364].

Еще в 1992 году американский советник по делам безопасности П. Вольфовиц в своем докладе правительству США говорил о необходимости недопущения возникновения на Евразийском пространстве стратегической силы, способной противостоять Соединенным Штатам. В связи с этим он указывал на страны Прибалтики как на важнейшие стратегические территории, покушение на которые со стороны России должно привести к вооруженному отпору со стороны Североатлантического блока [8. С. 428]. То есть в США уже тогда рассматривалась возможность создания из Прибалтийских государств региона, враждебного России.

А.Г. Дугин рассматривает Прибалтику как часть «санитарного кордона», который в его понимании является территорией, которая находится на стыке двух крупных геополитических образований, взаимовыгодный союз или общее пространство которых потенциально может создать опасную конкуренцию США. Смысл данной политики третьей крупной геополитической силы заключается в том, чтобы «санитарный кордон» постоянно поддерживал и сохранял напряженность между двумя геополитическими конкурентами США [8. С. 428].

Несмотря на то, что незначительный потенциал Прибалтики и ее зависимость от Запада не позволяют ей проводить самостоятельную политику в отношении России, она (Прибалтика) использует Россию в качестве ресурса, который играет роль «агрессивного и непредсказуемого соседа», не-

сущего «угрозу с Востока» [16. С. 48]. Погранично-транзитное положение стран Прибалтики привело к созданию и использованию ими соответствующего внешнеполитического инструментария, который соответственно регулируется и направляется западными внешнеполитическими силами. А.Д. Богатуров в этом контексте в 2006 году отмечал, что Прибалтика, не сумев стать заметной участницей глобальной политики, пытается все же сформировать свой политический, идеологический, финансово-экономический капитал опосредованно – на отношениях между реальными геополитическими игроками, фактически «от них питаюсь» [2], используя для этой цели «конфликтные узлы» в отношениях между США, Россией и ЕС. Наглядным примером такой политики Прибалтийских стран является недавняя встреча в апреле 2018 года президентов Литвы, Латвии и Эстонии с президентом США Дональдом Трампом, главной, практически единственной темой которой была Россия, а не сама Прибалтика. Кроме тематики интересен и формат встречи – прием президентом США глав Прибалтийских государств не по отдельности, а «скопом». Для того, чтобы такой прием не выглядел унижительным, встречу назвали Балтийским саммитом [12].

Все эти исходные положения актуальны и сегодня.

Геополитическая стратегия США в странах Прибалтики осуществляется по разным направлениям и с использованием различного инструментария. Можно привести некоторые наиболее типичные примеры.

США постоянно наращивают свое военное присутствие в странах Прибалтики. По мнению эксперта ассоциации военных политологов О. Глазунова: «Никто из Прибалтики не будет убирать тот состав американских сил, который они там запланировали и перевооружили. Прибалтика – это основной плацдарм в случае, если холодная война перерастет в «горячую», для удара по России» [5].

В Прибалтике активно работают американские НПО. Национальный фонд в поддержку демократии (NED), Президентский фонд и институт Рональда Рейгана, Атлантический совет и структуры Дж. Сороса – все эти структуры, как правило, направлены на ослабление России. Работая в Прибалтике, они конечной целью имеют в виду ее восточного соседа [12].

Для осуществления проамериканской политики Прибалтийскими государствами активно использовался и используется такой инструмент влияния, как проведение на ключевые должности и государственные посты в этих странах выходцев из США – экспатов. Этот процесс начался в 1990-е гг. Специалисты из США, обосновавшиеся в таких сферах, как финансовая система, армия и спецслужбы, активно продвигали американские интересы в Прибалтике. Наиболее ярким проявлением такого «импорта» государственных кадров являются президенты Прибалтийских государств – граждане США и Канады: президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес, президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга, президент Литвы Валдас Адамкус.

При них посольства США стали в этих странах стали своеобразными высшими органами власти, то есть главы Эстонии, Латвии и Литвы поставили интересы Соединенных Штатов выше национальных интересов. Главным для них стало «союзнического долга» [12]. И сейчас представители американской диаспоры находятся на высоких постах в парламенте, силовых структурах, в сфере дипломатии трех прибалтийских стран [17].

Особая роль США в Прибалтийском регионе зафиксирована и юридически. Например, первая Концепция внешней политики Латвии от 1995 года назвала вступление республики в ЕС и НАТО при углубленном сотрудничестве с США как основное направление внешней политики. Установка на «углубленное сотрудничество» прослеживается во всех последующих внешнеполитических концепциях Латвии. Также Концепция национальной безопасности Эстонии отдельно уделяет особое внимание двусторонним отношениям только с США и с Россией. При этом России отводится роль угрозы национальной безопасности, а в отношениях с США подчеркивается направление на укрепление связей [12].

Кроме того, ярким проявлением зависимости от США является подчеркивание в доктринальных документах всех Прибалтийских стран особой роли НАТО, учитывая, что ведущую роль в Североатлантическом альянсе играют именно США. Литва, Латвия и Эстония не ориентируются на потенциальное создание «армии Евросоюза», не признают ее дублирующую роль в обеспечении своей безопасности.

Военная зависимость от США проявляется и на практике. Например, исполняя «союзнический долг», и еще не став членом НАТО, Прибалтика выразила поддержку бомбардировкам Югославии, при вторжении США в Афганистан и Ирак даже послала туда солдат [12]. В 2013 году Прибалтийские страны также поддержали готовность Соединенных Штатов без мандата Совбеза ООН бомбить Сирию. Характерно и словесное оформление этой поддержки министрами иностранных дел: министр иностранных дел Литвы отметил, что Литва не может «остаться в стороне», глава МИД Латвии заявил, что удар по Сирии является адекватным, и для этого не требуется согласие ООН [12]. Среди Прибалтийских стран особой место в плане зависимости от США занимает Литва, так как на ее территории находится тайная тюрьма ЦРУ [12].

Военный проамериканский характер носит и, казалось бы, экономический проект – *Rail Baltica*, строительство железной дороги для соединения Западной Европы, Польши и Прибалтики по европейскому стандарту. В докладе экспертов Института современной войны Военной академии США отмечается, что стандарт железнодорожной дороги Латвии, Литвы и Эстонии создает препятствие для оперативного перемещения сил НАТО. В. Анохин, вице-президент Российской академии геополитических проблем, в комментарии к данной ситуации также заявил, что в настоящее время переброска

войск НАТО из ФРГ к границе России займет не менее двух суток при благоприятных условиях [15]. И в этой ситуации одной из причин необходимости реализации проекта указывается потенциальная угроза со стороны России. В докладе подчеркивается факт активного использования Россией железнодорожного сообщения для переброски военных частей, в частности при проведении учений «Запад», когда Россия использовала железную дорогу для переброски сил в Белоруссию. Эксперты считают, что переформатировать железные дороги Прибалтийских стран необходимо в кратчайшие сроки, что обеспечит преимущество для Североатлантического альянса [15].

Кроме военно-политической зависимости Прибалтики от США и ее использования против России Вашингтон активно подчиняет этот регион и экономически [18]. На вышеупомянутом Балтийском саммите обсуждался вопрос поставки американского сжиженного природного газа (СПГ). В частности, Д. Трамп прямо заявил, что энергетическая безопасность Прибалтики может быть обеспечена за счет роста экспорта в эти страны американского СПГ. Во время визита между энергетическими компаниями Литвы и США был подписан договор о поставках на СПГ-терминал в Клайпедо американского газа. Таким образом, США не только расширяют рынок сбыта СПГ, но и еще надежнее закрепляют свое влияние в Прибалтике. Наряду со сбытом американского СПГ Штаты подключили страны Прибалтики и к выступлению против строительства «Северного Потока-2» [14; 18].

Один из последних примеров, свидетельствующих, как о возрастании зависимости Прибалтики от США, так и о готовности стран региона следовать указаниям Вашингтона во всех сферах политики, является скандал в банковском секторе Латвии. В ответ на требование США изменить бизнес-модель и прекратить неудобную деятельность банков министр финансов Латвии Дана Рейзнице-Озола заявила, что Латвия подчинится этим требованиям и будет выполнять данные указания [12].

Таким образом, в настоящее время, говорить о национальных интересах прибалтийских стран в геополитике не реально, так как свои национальные интересы правительства этих государств принесли в жертву интересам совсем другого государства. Политическая элита Латвии, Литвы и Эстонии практически открыто действует в ущерб своим государствам и их гражданам, чтобы реализовать интересы США. Констатируем, что прибалтийские страны поддерживают любые инициативы США и критикуют любые шаги России во внешней политике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бешилосс М., Тэлботт С.* Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М.: Алгоритм, 2016.

2. *Богатуров А.Д.* Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. 22 мая 2006.

3. *Богатуров А.Д.* «Стратегия перемалывания» во внешней политике США // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002.

4. *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М.: Международные отношения, 2004.

5. Глазунов: Прибалтика в планах НАТО играет большую роль. 28.06.2018 // <https://ru.sputniknews.ru/radio/20180628/8673859/glazunov-pribaltika-planah-nato-igraet-bolshuju-rol.html>.

6. *Громыко Анатолий Андреевич.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: Автор, 1997.

7. *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Т. 2.

8. *Дугин А.* Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000.

9. Из беседы с Бушем (один на один). Мальта. 2 декабря 1989 г. / Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь Мир, 2010.

10. *Мозель Т.Н.* Россия и страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония) в процессе формирования системы безопасности в Европе: автореф. дис. ... д. полит. н. М., 2004.

11. *Мэтлок Дж.* Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М.: Рудомино, 2003.

12. *Носович А.* Почему Прибалтика – провинция США. 26.03.2018 // <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/26032018-pochemu-pribaltika-provintsiya-ssha/>.

13. *Полынов М.Ф.* Закрытая встреча с большими последствиями. Переговоры М.С. Горбачева и Дж. Буша на Мальте в 1989 году // Общество, среда, развитие. 2011. № 3.

14. Президенты стран Прибалтики посетили США. Обсуждались поставки американского СПГ и противостояние России. 04.04.2018 // <https://neftegaz.ru/news/view/170408-Prezidenty-stran-Pribaltiki-posetili-SShA.-Obsuzhdalis-postavki-amerikanskogo-SPG-i-protivostoyanie-Rossii>.

15. Рельсы не той системы. США назвали железные дороги Прибалтики препятствием для НАТО. 30.04.2018 // <https://topwar.ru/140790-relsy-ne-toy-sistemy-ssha-nazvali-zheleznye-dorogi-pribaltiki-prepyatstviem-dlya-nato.html>.

16. *Смирнов В.А.* К вопросу о роли малых стран в процессах реструктурирования постсоветского пространства (На примере Прибалтики) // Балтийский регион. 2014. № 4.

17. *Смирнов В.А.* Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2 (24).

18. *Grishin O.E., Avdeeva M.V., Kasems M.F.* Energy cooperation between the US and the EU: political and economic aspects // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 5 (45).

M.F. KASEMS

*Graduate student, Department of Policy
Analysis and Management, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

T.A. GUSARSKAYA

*Senior Lecturer, Department of Policy
Analysis and Management, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

P.I. ROGOVAYA

*Student of the Department of Theory
and History of International Relations, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

US GEOPOLITICAL STRATEGY IN THE BALTIC COUNTRIES: ORIGINS, REASONS AND VECTORS

The article discusses the origins, causes and orientation of the US geopolitical strategy in the Baltic states and the role of the Baltic countries in this strategy. Analyzing the role of the Baltic countries in the geopolitical strategy of the United States, the authors focus on the fact that they are part of one of the most influential international structures - EU and NATO. But at the same time, it is noted that the actual situation of this region testifies to its political and economic dependence, primarily from the United States.

Key words: *Baltic countries, geopolitical strategy, national interests, USSR, Russia, USA, NATO.*

DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.029

УДК 32.327

С.А. КУЕМЖИЕВА

*кандидат юридических наук, профессор,
декан юридического факультета Кубанского
государственного аграрного университета
им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар*

С.В. СКЛАДЧИКОВ

*сотрудник отдела конституционно-правовых
исследований Краснодарского филиала Института
проблем глобализации, студент юридического
факультета Кубанского государственного аграрного
университета им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар*

В.В. ГОНЧАРОВ

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры государственного и международного
права Кубанского государственного аграрного университета
им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар*

А.Г. БРАГИН

*сотрудник отдела конституционно-правовых
исследований Краснодарского филиала Института
проблем глобализации, студент юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета
им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БРИКС

Настоящая статья посвящена анализу актуальных проблем и перспектив развития БРИКС. Объект исследования: общественные отношения, связанные с организацией и функционированием БРИКС. Предмет исследования: нормы международного права, регулирующие формирование и деятельность БРИКС, определяющие основные направления его развития. Задачи исследования: 1) обосновать положение о том, что организация и деятельность БРИКС сопряжена с проблемами, носящими объективный и субъективный характер; 2) сформулировать и обосновать основные проблемы развития БРИКС; 3) разработать и обосновать предложения по разрешению вышеуказанных проблем (как в части усовершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность БРИКС, так и в части оптимизации ее структуры, состава и численности членов); 4) обосновать вывод о наличии перспективы существования и развития

БРИКС как международной правительственной организации. По мнению авторов статьи, БРИКС имеет значительный потенциал в своем развитии, однако нуждается в реализации системы мероприятий, направленных на расширение нормативно-правовой базы своего функционирования. В связи с этим, в работе разработаны и обоснованы предложения по усовершенствованию организации и функционирования БРИКС. В статье использован ряд методов научного исследования, в частности: анализ, синтез, формально-логический, сравнительно-правовой, историко-правовой, интерполяции, экстраполяции.

Ключевые слова: *БРИКС, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Индия, ЮАР, Бразилия, актуальные проблемы, перспективы развития, международная организация, национальное законодательство.*

Значительную роль в современном развитии международных отношений в последние годы играет такая международная правительственная организация как БРИКС, являющаяся объектом пристального внимания и широкой дискуссии в отечественной и зарубежной научной и учебной литературе [19. С. 19-28; 9. С. 154-158; 14. С. 94-98; 4. С. 88-91].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [3; 5; 6; 15].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

БРИКС – международная организация, в составе которой состоят 5 стран, а именно: Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР. Организация была основана летом 2006 года, в рамках Экономического форума, проходившего в Санкт-Петербурге. Изначальный состав организации БРИК включал в себя 4 страны: Бразилию, Индию, Россию и КНР. Лишь позднее БРИК была преобразована в БРИКС с присоединением ЮАР в качестве пятого члена организации.

Название организации состоит из первых букв наименования стран-участников и составлены в таком порядке не только ради благозвучия, но и с «сокрытым» смыслом, а именно: английская транскрипция слова БРИКС созвучна с английским словом bricks – что переводится как «кирпичи» [7]. В данном случае, интересен следующий факт – БРИКС был образован как экономический союз наиболее мощных развивающихся экономик мира с наивысшим темпом роста, для взаимопомощи в развитии и потенциального противостояния со стороны первой на тот момент экономики – США. Таким образом, БРИКС – кирпичи новой развивающейся экономки, стремительно движущейся к наивысшим показателям.

Одной из основных проблем БРИКС является различный уровень развития стран, входящих в эту группу. По итогам 2018 года, согласно рейтингу МВФ (Международный валютный фонд) номинальный ВВП стран БРИКС следующий: Китай – 13 триллионов 368 млрд \$ (2 место в мире), в то время как совокупный ВВП остальных стран-участников БРИКС за тот же 2018 год составляет 6 триллионов 612 млрд \$ (67% против 33%) [18].

В целом, во многих различных областях КНР значительно превосходит своих партнеров и является неофициальным главой БРИКС, ввиду своего главенствующего положения в сфере экономики. Так, Китай является крупнейшим экспортером мира (более двух триллионов долларов в 2017 году) и одним из крупнейших импортеров мира (более полутора триллиона долларов). Приведенная информация позволяет сделать вывод о «доминирующем» положении КНР в составе БРИКС как наиболее экономически развитого члена. Как и в случае с ВВП, импорт и экспорт других партнеров Китая по организации и близко не приближается к показателем Поднебесной.

Разнятся «сильные» стороны каждой из стран. Так, Бразилия более всего сосредоточена на производстве сельскохозяйственной продукции, Россия – добыче различных энергетических и углеводородных ресурсов. В Индии наиболее приоритетными отраслями экономики являются производство ИТ, а также подготовка интеллектуальных ресурсов. Китай обладает огромным количеством относительно дешевых трудовых ресурсов при производстве товаров. ЮАР же, в свою очередь, обладает неплохим количеством природных ресурсов. Кроме того, эта страна считается наиболее развитой как минимум в экономическом плане среди государств Африки, что добавляет дополнительный вес ее участию в деятельности БРИКС [1].

В целом, правовая система КНР, вследствие социалистического характера государства, отличается от систем других членов, что может оказать некие препятствия в осуществлении деятельности организации. Китайская Народная Республика, согласно конституции, – унитарная республика, социалистическое государство демократической диктатуры народа. Остальные страны БРИКС не определяют себя как социалистические государства и являются «капиталистическими».

Таким образом, присутствие КНР в составе БРИКС вызывает определенные вопросы и дает почву для различных опасений по типу: «Не создается ли ситуация, при которой Китай, под предлогом своего отличия от остальных стран, решит выйти из состава БРИКС, тем самым нанеся колоссальный урон остальным странам-участникам?» [13. С. 35-38].

Имеются различия в правовых системах иных участников организации, так правовая система Индии – отдельный феномен права, так как она представляет собой совокупность обычаев и традиций Индийского народа, использует новшества, которые завезли с собой англичане при колонизации территории современного государства. Кроме всего прочего, современная

Индийская правовая система содержит и свои собственные элементы, которые продиктованы намечающимся путем развития страны и являются таким способом к самоопределению государства среди остальных стран мира.

Правовые системы Бразилии, России и ЮАР тоже имеют свои характерные черты, но все же, они по большей части являются смешанными по своей характеристике, а в случае России и Бразилии – с приоритетным влиянием на них романо-германской правовой системы, что обусловлено и историей государств, и дальнейшим путем развития, избранного ими. ЮАР же более тяготеет к англо-саксонской стороне вследствие истории развития региона и государства в целом.

Наиболее ярким примером данной проблемы является ситуация вокруг импичмента президента Бразилии Дилмы Русэф, который начался в конце 2015 года и продолжался до 31 августа 2016 года. Результатом стало отстранение Русэф от должности президента.

Данная ситуация, кроме очевидного влияния на саму Бразилию и ее состояние (политический кризис отразился негативно на тенденции развития страны), соответственно и затронула БРИКС. Такой резкий процесс вполне реально мог сказаться и на деятельности остальных участников группы, так как теоретически, новая власть могла заявить о нелегитимности тех или иных договоренностей, в том числе, и в рамках БРИКС, что отрицательно отразилось бы на партнерах Бразилии. Имелись действительные опасения по поводу дальнейшего участия Бразилии в деятельности организации и исполнения ею своих обязательств по БРИКС в свете скандала с президентом Русэф, так как она обвинялась помимо прочего в своего рода коррупционной деятельности на посту главы государства и использовании своего положения для извлечения личной прибыли и выгоды. Такие обвинения и формулировки вполне могли отразиться и на деятельности Бразилии в БРИКС на том основании, что новая власть всячески пыталась найти те самые подтверждения обвинений, выдвигаемые по отношению к отстраненному президенту и теоретически БРИКС мог попасть под «подозрения», в первую очередь, из за того, что это изначально организация основана в целях экономического взаимодействия стран, а Русэф именно в экономической сфере и предъявлялись обвинения.

Представленная ситуация вокруг поста главы государства, развернувшаяся в Бразилии, отдалила ее от участия в деятельности организации, так как отстраненная госпожа президент является «левым» политиком, как и ее предшественник на посту президента Бразилии. Нынешний же глава государства – представитель совершенно иной политической идеи. В отличие от Русэф, которая видела выгоду в отношениях с Россией и иными партнерами по БРИКС, Мишел Темер предпочитает выстраивать политику налаживания отношений с Западом. Данная информация дает понять, почему же Бразилия в определенный момент рассматривалась как «замороженный» член

организации. Смена идеологического и политического курса в лице нового президента представила определенные препятствия для участия Бразилии в дальнейшем развитии организации, так как в той или иной мере, если Темер решит симпатизировать условному США и его экономическим союзникам, то участие в БРИКС будет нецелесообразно и противоречиво [16].

Отходя от примера с Бразилией, можно вспомнить ситуацию с КНР в начале 2010-х годов, когда в стране произошло очередная «смена поколения руководителей». Так уж сложилось, что в КНР с середины 20 века руководство страны в определенное время передает власть в стране следующему поколению. Так случилось и в 2012 году, когда к власти в Китае пришел его нынешний глава – Си Цзиньпин. Данное событие имело существенное влияние и на участие Китая в БРИКС, поскольку смена поколения руководства страны в рамках КНР имеет важное значение. Со сменой руководства, как правило, следует некое переосмысление дальнейшего пути страны, поиск новых средств к развитию и преобразование имеющегося опыта. В данном случае, участие Китая в БРИКС было плодом деятельности одного поколения руководства Поднебесной, а вот продолжать этот путь следует другому правительству (с другими мыслями и идеями по поводу развития БРИКС). Вся эта ситуация подразумевает, что наиболее значимый участник организации в определенный момент времени находился в своего рода неопределенном состоянии, чем в теории мог нарушить работу организации.

В ходе III саммита БРИКС, проходившего в китайском курортном городе Санья 13-14 апреля 2011, в состав БРИК был принят новый участник – ЮАР. Таким образом, БРИК преобразовался в БРИКС.

Данная ситуация послужила поводом для размышлений о расширении состава участников БРИКС и о возможных кандидатах. Одним из направлений расширения состава может служить «приглашение» в организацию таких стран как Республика Беларусь (как ближайший партнер России), Аргентина (вторая экономика Южной Америки и партнер Бразилии) [17], Пакистан (как важный партнер Китая), а также партнеров ЮАР по Африканскому союзу. Таким образом, состав БРИКС пополнится очередными развивающимися государствами, которые объединят свои стремления к развитию и сотрудничеству в рамках деятельности организации и послужат увеличению эффективности работы БРИКС.

Имеет место и иная точка зрения относительно расширения состава участников организации и кандидатов. Существует группа стран, которые являются наиболее приоритетными кандидатами на вступление в организацию на основании того, что их экономики обладают большим потенциалом и в данный момент активно развиваются. Вполне возможно, что в относительном будущем эти страны станут основой мировой экономики, придя на смену действующим экономическим гигантам. Такую группу стран принято называть «Группа одиннадцати». Именно страны из этого перечня явля-

ются одними из потенциальных участников БРИКС в случае увеличения его численности. Причем, некоторые страны из «группы» уже самостоятельно выражали желание вступить в БРИКС, так как первоначальная цель создания организации состояла именно во взаимопомощи стран с активно развивающейся экономикой в развитии и коллективном преодолении возможного давления со стороны США, если таковое будет иметь место.

Иными потенциальными членами для вступления в БРИКС являются страны, лидеры которых были приглашены на проведение саммитов. В ходе проведения саммитов БРИКС к участию приглашались главы государств, не входящих в состав организации. Такие страны, как, например, Армения, Афганистан, Иран, Мексика, Таиланд, Египет, а также множество других, могут стать потенциальными кандидатами на вступление в организацию. Поводом для такого мнения служит тот факт, что данные страны уже успели косвенно поучаствовать в работе БРИКС и имеют представление о целях и задачах, стоящих перед странами-участниками в рамках работы организации. Такие государства, в качестве новых членов перспективны из простой логики: они уже «крутятся» около этой сферы, а их вступление позволит увеличить численность организации не просто случайными странами, а разделяющими и понимающими положение и ситуацию всего БРИКС.

Кроме того, как имеют место разговоры про расширение БРИКС, также не стоит забывать и о том, насколько это необходимо самой организации. Потенциально может возникнуть проблема в излишне большом количестве членов организации. В таком случае, новые члены вполне могут, вступив в состав организации, по большей части только получать помощь от иных участников БРИКС, при этом, в свою очередь, они ничего полезного для других нести и делать не будут, являясь своеобразными паразитами, питающимися плодами работы организации. Потенциальная возможность такой ситуации заставляет более обдуманно относиться к вопросу о расширении членства в БРИКС, насколько это необходимо организации и кому в первую очередь будет выгодно и удобно от этого.

В случае, если организация пополнится новыми членами, следует продумать систему льгот для таких прибывших участников. Необходимо в нормативных актах закрепить перечень предоставляемых новым участникам льгот. Примером таких льгот могут служить, например, предоставление странам-новичкам таможенных льгот при ввозе товаров на территорию иных участников организации.

По большей части, БРИКС создавался как экономический инструмент взаимодействия стран-участниц [8]. Необходимо не забывать об этом направлении, а также активно его развивать. Средством для развития могут служить отмены таможенных препятствий внутри БРИКС между его участниками и создание инструментов, призванных облегчить торговлю и экономическое взаимодействие состава организации.

В данном направлении уже ведутся разговоры и производятся первоначальные наработки [12]. Так, в прошедшем XI саммите БРИКС был поднят вопрос о создании альтернативы межбанковской системе SWIFT, с целью облегчить межбанковские операции между участниками организации и преодоления возможного давления «из вне» посредством этой самой системы SWIFT [2].

Также, помимо создания своей собственной обособленной межбанковской системы, о которой в настоящий момент идет лишь речь, уже создан и начал функционировать так называемый «Новый банк развития БРИКС», представляющий собой международную финансовую организацию, созданную странами-участниками БРИКС в качестве банка развития. Соглашение о его создании было принято 15 июля 2014 года в ходе VI саммита БРИКС.

Своей целью Новый банк развития (или НБР) ставит финансовую помощь в виде финансирования различных перспективных инфраструктурных проектов (и наряду с ними проектов устойчивого развития) не только в государствах БРИКС, но и в иных развивающихся странах. Также, НБР был создан в качестве альтернативы Всемирному банку и МФВ, так как страны БРИКС хоть и имеют право голоса них, но при этом фактическое влияние стран организации там ничтожно и не является действительным и отвечающим настоящим требованиям и нуждам как каждой из стран, так и всего БРИКС.

С момента основания этой финансовой организации ее штаб-квартира расположена в Шанхае – своеобразном финансовом центре Китая, который, как отмечалось ранее, является наиболее мощным и влиятельным членом БРИКС. В свете данного факта очередной раз стоит задуматься о том, насколько КНР является могущественным членом организации.

В итоге, хотя некоторые шаги в сторону создания комфортной среды для торговли между партнерами БРИКС и были предприняты, забрасывать это направление не стоит, а наоборот – необходимо еще больше его развивать, например, путем: перехода на альтернативную межбанковскую систему; развития деятельности НБР; принятия решений относительно обоюдного облегчения для пересечения товаров и услуг из одной страны-участницы в другую. Все эти мероприятия, а также иные, не перечисленные в настоящей работе, будут оказывать положительное влияние на развитие стран БРИКС, что выгодно как каждому в отдельности, так и всей организации в целом [10].

В данном направлении имеет смысл предложить следующее: участникам БРИКС целесообразно создать свой собственный аналог ВТО, действующий в рамках организации и на благо стран-участников. Данный аналог можно будет наделить полномочиями и целями, схожими с теми, которые существуют у ВТО, но с поправками на уровень финансово-экономического развития стран БРИКС. Приведенные меры могут как облегчить торговлю внутри организации, так и привлечь к членству в БРИКС новые страны.

У организации БРИКС имеются далеко идущие планы на развитие и деятельность. В данном аспекте имеет смысл следующая перспектива развития – унификация национального законодательства членов организации. Данный шаг необходим для того, чтобы в странах-участниках были созданы наиболее близкие друг к другу условия исполнения соглашений, принятых на съездах БРИКС. Это следует сделать, исходя из той цели, чтобы не появилась ситуация, когда в какой-то из стран на основе национального законодательства исполнение норм соглашений БРИКС не выгодно и не целесообразно, тогда как в других все исполняется надлежащим образом. При появлении данной ситуации произойдет разрыв в исполнении своих обязательств между теми или иными членами организации, что по цепочке может привести к охлаждению в отношениях между участниками, а в будущем все окончится расформированием организации и прекращением уже для всех членов принятых в рамках БРИКС договоренностей и обязательств.

Для того, чтобы описанной ситуации не произошло, следует унифицировать национальное законодательство стран-участников. Данный процесс не является легким и мимолетным, для его претворения в жизнь следует работать абсолютно каждому члену БРИКС. Необходимо учесть экономическое, политическое и социальное состояние каждого члена, перспективы развития всех членов в отдельности и в совокупности организации, отдельные интересы и так далее. Конечно, полностью унифицировать национальные законодательства не представляется возможным, но вот привести их к некоему общему стандарту, на основе которого с небольшими расхождениями будут принимать национальные нормативные правовые акты страны участники, вполне реально. Уже по общепринятому примеру каждая из стран будет составлять национальное законодательство в тех сферах, в которых действуют и должны исполняться нормы соглашений БРИКС. От данного мероприятия выигрывает вся организация и ее члены.

В рамках освещенного вопроса существует такая перспектива развития – создание в рамках БРИКС модельных кодексов, регулирующих деятельность организации и ее участников, а также устранение тем самым проблем с серьезными различиями в законах самих стран-участников. Модельные кодексы помогут преодолеть преграды, стоящие на пути улучшения качества работы организации. Также, не менее значимым способом улучшения работы БРИКС является принятие различных международных договоров по поводу таможенной процедуры и налогообложения между странами участниками. Необходимо предоставить странам БРИКС друг для друга определенные «льготы» в плане прохождения товаров через таможенную границу. Таким образом, будут выигрывать сами члены организации в первую очередь. Но при этом всем не следует забывать о налогообложении товаров, поставляемых в страны из вне, так как налоги – один из способов как препятствовать засилью иностранных товаров на рынке, так и на-

оборот их привлекать. Принятие договоренностей об избежании двойного налогообложения между членами БРИКС – очень важный и необходимый шаг, который исключит вероятность того, что действовать в рамках организации странам будет не выгодно, а наоборот – свехубыточно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. БРИКС – современные проблемы и перспективы развития // <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/briks-sovremennye-problemy-i-perspektivy-razvitiya-8088>
2. БРИКС отключается от SWIFT // https://3mv.ru/publ/ehkonomika/briks_otkljuchaetsja_ot_swift/10-1-0-43726
3. Буянов В.С. БРИКС как стратегический проект // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 1.
4. Горбунова О.А., Игнатова О.В. Системный подход к интеграции стран БРИКС // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 5. № 5.
5. Гуринович Д.Ф. Роль БРИКС в Евразийском партнерстве // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 3 (29).
6. Ли Цзинчэн. Стратегические интересы Китая в рамках сотрудничества БРИКС (экономический аспект) // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52).
7. Мирзоян Г. Китайские брюки // <https://expert.ru/2011/04/15/kitajskie-bryuk>
8. Миянов Р. БРИКС в современном мире: актуальные проблемы сотрудничества и перспективы стратегического партнерства // www.bagsurb.ru/about/journal/o-zhurnale/MIYANOV.pdf
9. Мотта П. БРИКС 2018: режим ожидания или возрождение? // Мир перемен. 2018. № 3.
10. О Соглашении о Новом банке развития // <http://government.ru/docs/13775>
11. Рябова С.А. БРИКС как один из наиболее перспективных элементов глобальной модели устойчивого развития // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2011. № 7-8 (15-16).
12. Страны БРИКС создают единую платежную систему // <https://planet-today.ru/novosti/tekhnologii/item/100446-strany-briks-sozdayut-edinuyu-platezhnyu-sistemu>
13. Сун И. Геополитические условия создания БРИКС // Sciences of Europe. 2018. № 29-2 (29).
14. Сун И. БРИКС в системе международных отношений и организаций // Вестник научных конференций. 2018. № 5-2 (33).
15. Шпилько И.А. Страны БРИКС объединяются для строительства справедливого многополярного мира // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 1.
16. Юсин М. БРИКС переживает период глубокой заморозки // <https://www.kommersant.ru/doc/3108171>

---

17. Argentina to Join BRICS Upcoming Summit on Russia's Invitation // <https://en.farsnews.com/newstext.aspx?nn=13930310001021>

18. World Economic and Financial Surveys // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx>

19. *Zharikov M.* The instruments to reform the world system of currencies: internationalizing the currencies off the BRICS // *Review of Business and Economics Studies*. 2018. № 3 (6).

S.A. KUEMZHIEVA

*Candidate of law, professor,
dean of the faculty of law, Kuban state
agrarian university named after I.T. Trubilin,
Krasnodar, Russia*

S.V. SKLADCHIKOV

*Laboratory assistant of the Department
of constitutional and legal studies of the Krasnodar
branch of the Institute of globalization problems, student
of Kuban state agrarian university named
after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia*

V.V. GONCHAROV

*Candidate of legal sciences, associate
professor of the department of state and international
law, Kuban state agrarian university named
after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia*

A.G. BRAGIN

*Laboratory assistant of the Department
of constitutional and legal studies of the Krasnodar
branch of the Institute of globalization problems, student
of Kuban state agrarian university named
after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia*

ACTUAL PROBLEMS AND PROSPECTS OF BRICS DEVELOPMENT

This article is devoted to contemporary problems and development prospects of the BRICS. Object of study: public relations, related to the organization and functioning of the BRICS. Subject of research: international law governing the formation and activities of the BRICS, determining the main directions of its development. The objectives of the study: 1) Justify the provision, that the organization and activities of the BRICS at the entire stage of its existence are fraught with numerous problems, that are objective and subjective in nature; 2)

Formulate and justify the main development problems of the BRICS; 3) Develop and justify proposals for resolving main problems (both in terms of improving the regulatory framework governing the activities of the BRICS, and in terms of optimizing its structure, composition and number of members); 4) Substantiate the conclusion that there is a prospect for the existence and development of the BRICS as an international governmental organization. According to the authors of the article, the BRICS has not exhausted its development potential, but needs to implement a system of measures, aimed at expanding the legal framework for its functioning. In this regard, the work has developed and justified proposals for improving the organization and functioning of the BRICS. The article uses a number of methods of scientific research. Such as: analysis; synthesis; formal logical; comparative legal; historical and legal; interpolation; extrapolation.

Key words: *BRICS, Russian Federation, people's Republic of China, India, South Africa, Brazil, current problems, development prospects, international organization, national legislation.*

СТРАТЕГИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КНР В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ХРОНОЛОГИЯ

В статье анализируются средства реализации китайской стратегии «мягкой силы». Охарактеризовано влияние внешнеполитической стратегии КНР на механизм взаимоотношений в Восточной Азии.

В мировой политике Китай выступает глобальным лидером, избегая при этом действий, которые могли бы быть восприняты в качестве угрозы. В последнее десятилетие произошло усиление влияния Китая. Это связано с ростом экономики и с применением «мягкой силы» (реклама китайских ценностей за рубежом).

Методы исследования: теоретическое обобщение, анализ, синтез. Цель – выявление основных характеристик реализации китайской стратегии «мягкой силы». Задачи: изучение особенностей взаимодействия КНР с другими странами, описание применения стратегии «мягкой силы» в китайских взаимоотношениях.

Ключевые слова: «мягкая сила», КНР, внешняя политика Китая, сотрудничество стран.

Существенная трансформация глобальной системы международных отношений и мировой финансово-экономический кризис 2008 года определили необходимость оптимизации внешнеполитических стратегий ведущих государств мира. Вместе с тем на новой международной арене активизировался вопрос о внедрении качественно новых средств в функционирование многих государств, в том числе и методов «мягкой силы», которые широко используются в международных делах аналитиками и государственными деятелями.

Стоит отметить, что впервые данная концепция была предложена и обоснована Джозефом Наем для описания возможности государств получить желаемое при помощи сотрудничества и положительного имиджа в глазах других стран. «Государство может достигать желаемых для себя результатов в мировой политике мирным путем, потому что другие страны – восхищаясь ее ценностями, следуя ее примеру, стремясь к ее уровню процветания

и открытости – хотят идти за ней», – писал американский политолог в своих научных трудах [9. С. 152].

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [2; 4; 6; 7; 8; 12].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Эффективное использование «мягкой силы» подразумевает под собой внешнюю политику государства, направленную на достижение желаемых результатов вследствие поощрения к сотрудничеству с другими странами. Оно имеет три основные составляющие: 1) культура, которая понимается как совокупность значимых для общества ценностей; 2) политическая идеология; 3) внешняя политика.

В 2003 году китайским руководством были обнародованы идеи «мирного подъема», «мирного развития» и «гармоничного общества, а в китайских СМИ и академических кругах активизировалась дискуссия о модели развития, получившее название «Пекинский консенсус» как альтернатива «Вашингтонскому консенсусу». Такое противопоставление получило продолжение, когда некоторые китайские ученые и журналисты способствовали формированию понятия «китайской мечты» в отличие от «американской мечты», что также подчеркнуть отличные ценности, идеалы и возможности Китая. Значительное усиление интереса высшего руководства КПК концепции «мягкой силы» произошло в период правления Ху Цзиньтао.

В октябре 2007 года на XVII съезде КПК была дана официальная китайская версия «мягкой силы», а также определены конкретные задачи ее осуществления:

- 1) создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательны и цементирующие силы социалистической идеологии;
- 2) формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы;
- 3) широко распространять национальную культуру, строить общий духовный центр китайской нации;
- 4) продвигать новаторство в культуре, усиливать жизненную силу развития культуры [3].

В нем были конкретизированы задачи развития внешней политики государства в рамках строительства социализма с китайской спецификой.

Исходя из вышесказанного, растущий объем выделяемых средств Пекином на внешнеполитическую деятельность, не только обеспечивает позиционирование КНР на международной арене в одной «весовой категории» с США, но и дает возможность проводить более эффективную экономику, нежели другие иностранные государства.

Аналогичная точка зрения представлена и в монографии известного американского специалиста по Юго-Восточной Азии Джошуа Курлянчика. Анализируя инструменты культурно-ценностной и экономической дипломатии Китая, он утверждает, что члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), принимая решение на переговорах в рамках союза, практически всегда учитывают мнение КНР. И это – несмотря на то, что одной из важнейших задач АСЕАН остается «смягчение» влияния великих держав, включая Китай, в регионе.

Таким образом, эффективным способом проявления «мягкой силы» КНР в Юго-Восточной Азии является большой объем экономической помощи беднейшим странам региона – Камбодже, Лаосу, Бирме и др. С целью повышения эффективности программ экономического содействия, Пекин создал в структуре китайского правительства отдельный отдел, который несет ответственность за результаты данного вопроса. Его сотрудники согласовывают свои проекты с конкретными внешнеполитическими стремлениями Китайского государства. Например, правительство КНР щедро финансирует стажировки и языковые курсы для представителей органов государственной власти и неправительственных организаций стран Индокитая и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Это позволяет нам сделать вывод о том, что страна заинтересована в расширении межгосударственных контактов.

Основными механизмами реализации стратегии «мягкой силы» КНР являются: во-первых, проведение различных мероприятий культурного характера, которые наиболее полно представляют положительные черты китайской культуры с акцентом на экономические достижения Китая; во-вторых, налаживание деятельности, которая связана с помощью и поддержкой таких областей, как здравоохранение, образование, а также туда входит оказание гуманитарной помощи; в-третьих, курс страны на сбалансированную политику, связанную с развитием торгово-экономического сотрудничества КНР с зарубежными странами, что позволяет играть определяющую роль в решении международных ситуациях и укреплять глобальную политическую и экономическую стабильность, о чем мы и поговорим ниже.

Во-первых, мероприятия культурного характера, которые основываются на многовековых культурно-исторических традициях китайской цивилизации, занимают особое место в «мягкой силе». Прежде всего, они носят универсальный характер, обеспечивающий всеобъемлющее распространение их влияния, как на западную цивилизацию, так и на аудиторию азиатского, африканского, латиноамериканского цивилизационных государств. Ярким примером в данной области Олимпийские игры, которые проходили в 2008 году в Пекине. КНР выделила на их проведение рекордную сумму – 42 млрд. долларов. Это, с одной стороны, показало динамичное развитие китайской экономики, которое обеспечило мощный финансовый и индустриальный потенциал; а с другой – сам объем расходов должен оказать существенный эффект на формирование позитивного имиджа КНР [1. С. 41-60].

Вместе с тем китайское правительство стремится не ограничиваться исключительно данными мерами. С целью обеспечения постоянной и динамической популяризации китайских традиций уже несколько лет реализуется проект создания во всем мире «Институтов Конфуция», первый из которых был открыт в 2004 году в Сеуле. На данный момент открыто 256 институтов Конфуция, слушателями которых являются более 120 тысяч человек, изучающих китайский язык, историю, культуру.

Огромное внимание уделяется и созданию китайского аналога CNN или BBC. С целью реализации этого проекта китайское правительство инвестировало 6 млрд. долларов в развитие информационного государства «Синьхуа», газеты «Реньминь Рибоа», которые занимаются созданием международного телевизионного канала.

Второй неотъемлемой частью «мягкой» силы является налаживание экономического сотрудничества, причем упор делается на партнерство с развивающимися странами. В данном случае Китай представляет альтернативный рынок сбыта их сырья.

Согласно распоряжению МИД КНР, 30-50% рабочего времени всех китайских дипломатических представителей за рубежом должно уделяться именно этому аспекту, что дает положительные последствия для страны. Показательными результатами являются визиты китайских чиновников в страны Африки и Латинской Америки. В частности, в феврале 2009 года глава КНР Ху Цзиньтао совершил дипломатическое турне по странам Африки, посетив четыре страны: Мали, Сенегал, Танзания и Маврикий. Результатом визита стало предоставление китайских льготных кредитов и активизация инвестиционной деятельности КНР в сфере социальных и инфраструктурных проектов этих стран. Активно развивается сотрудничество КНР с Нигерией и Кенией, странами, которые являются крупнейшими экспортерами нефти и природного газа в Африке. Китай предоставил масштабную помощь Нигерии в борьбе с малярией, птичьим гриппом, для строительства железной дороги, гидроэлектростанции и других инфраструктурных проектов [13].

Аналогичная модель взаимоотношений практикуется КНР во взаимоотношениях со странами Южной Америки – Венесуэлой и Бразилией, которые являются политическими, экономическими и энергетическими региональными лидерами. Подтверждением этого является акцентирование внимания на проблеме активизации гуманитарных и культурных обменов между КНР и странами Латинской Америки в течение визитов китайского вице-президента Хи Янпина в регионы в феврале 2009 года. Практическим воплощением этой деятельности стало увеличение объемов предоставляемой Китаем гуманитарной помощи. Например, Пекин оперативно отреагировал на эпидемию «свиного гриппа» в Мексике, предоставив срочную гуманитарную помощь в объеме 5 млн долларов.

Реализация третьего компонента «мягкой силы» КНР особенно ярко прослеживается во взаимоотношениях со странами АСЕАН. Переход к активной экспансии состоялся в декабре 1997 года, когда глава КНР Цзян Цзэминь и лидеры государств АСЕАН провели первую встречу в Малайзии, где был подписан документ о взаимном доверии и сотрудничестве.

Кроме того, финансовый кризис в Азии 1998 года позволил КНР продемонстрировать весомость своих намерений. В критический момент кризиса Китай не девальвировал юань, в результате чего, это могло бы окончательно подорвать устойчивость местных валют, более того, страна оказала необходимую материальную помощь и задекларировала готовность совместно двигаться к созданию Валютного фонда, независимого от стран Запада.

В 2002 году КНР заключила со странами Запада ряд соглашений, которые совершенно по-новому позиционируют ее в регионе. Например, «Декларация о правилах поведения в Южно-Китайском море», «Общая декларация о сотрудничестве в сфере безопасности», «Меморандум о взаимопонимании по вопросам сельского хозяйства». Особенно показательным в этом контексте является режим функционирования зоны свободной торговли стран АСЕАН и КНР. На протяжении первого месяца ее работы с 1 января 2010 года товарооборот между странами достиг 21,48 млрд долларов, что на 80% больше аналогичных показателей 2009 года. Тем не менее, объем экспорта Китая в АСЕАН вырос на 52,8%, а вывоз товаров с АСЕАН в КНР – на 117,3%. Таким образом, широко пропагандируемая зона свободной торговли со странами АСЕАН является в определенной степени экономически выгодной для китайской стороны, но главной ее целью, учитывая динамику развития, является тесная зависимость экономики многих стран, а также развитие емкого китайского рынка.

Существенным элементом улучшения международного имиджа Китая является участие государства в международных организациях. Развитие внешнеполитического процесса в КНР в начале 21 века свидетельствует об уходе страны от устаревших догм. Так, в 2001 году лидер Китая не стал сопротивляться вступлению во Всемирную торговую организацию Тайваня. Кроме того, Пекин начал участвовать и в деятельности форума министров обороны стран АТР, на котором присутствуют и представители тайваньской администрации.

Во время руководства Цзян Цзэмина (1989-2002) и Ху Цзиньтао (2002-2012) были предприняты значительные усилия для повышения имиджа Китая за рубежом. В эпоху Цзян Цзэмина, особенно после 1992 года, это главным образом было связано с продвижением китайской экономики в мире, а также с стимулированием иностранных инвестиций и торговли. В эпоху Ху Цзиньтао использования «мягкой силы» было основной целью, но, тем не менее, международный имидж Китая не только не улучшился, но даже ухудшился, на что указывают, например, опросы общественного мнения Института Гэллапа и других подобных организаций.

Поэтому не случайно, что следующий генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в августе 2013 года в своем выступлении отметил, что Китай должен распространять новые идеи и перспективы для развивающихся стран, а также подчеркнул необходимость укрепления китайских СМИ путем использования инновационных методов информационно-пропагандистской работы с целью распространения знаний об истории и современном развитии Китая на международном уровне.

В январе 2014 году на совещании Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин говорит о необходимости увеличения финансирования для этих целей и о том, что Китай должен быть известен в свете как цивилизованная страна с богатой историей, как государство с развитой экономикой, культурного процветания и единства, которой руководит эффективное правительство. Кроме того, китайский лидер отметил, что социалистический Китай должен восприниматься в мире как ответственная страна, которая выступает за мир и развитие, как гарант международной справедливости и правосудия, в целом является огромным вкладом в развитие человечества.

Он указывает на повышение роли «мягкой силы», в которой выделяется три ключевых момента:

1) создание правильной истории Китая, то есть единого варианта понимания традиционной китайской культуры для мировой аудитории (для осуществления этой работы Институты Конфуция и китайские культурные центры являются важнейшими инструментами);

2) концепция «китайской мечты», которая используется для экономического сотрудничества с акцентом на партнерстве и развития (например, геоэкономический мегапроект «Один пояс, один путь»). В отличие от политики конфронтации в годы холодной войны концепция проекта сосредоточена на экономическом сотрудничестве и не связана с идеологией стран. Более того, утверждается, что это не просто Европейско-Азиатский проект, а новый тип международных отношений с общностью интересов, который может положить конец не только запугиванию слабых государств сильными, но и устранить политическую и экономическую неравенство старого порядка;

3) концепция «богатая страна, сильная армия», где фокусируется готовность Китая бороться для защиты своих интересов, а для мировой аудитории – это сообщение о стремлении Китая к «мирному подъему» своей международной мощи и воздействия.

Сегодня рейтинг Китая мире в целом положительный, хотя данные существенно отличаются в разных странах и регионах. В 43 странах 49% публикаций в СМИ выражают положительное мнение о Китае, а 32% отрицательными, но общий имидж Китая в Соединенных Штатах и Европе в основном отрицательный. Только 35% американцев имеют позитивный взгляд на Китай, в то время как 55% отрицательный. Более отрицательно относятся республиканцы (65%), а демократы (53%) и независимые (51%).

Интересно отметить, что имидж Китая в США стал более негативным в последние годы, потому что раньше, в 2011 году, половина американцев положительно относились в Китай. Примерно половина или более половины опрошенных в Италии, Германии, Польши, Испании и Франции негативно относятся к Китаю. Только Великобритания является единственной страной Европейского Союза, в которой мнение о Китае приближается к благоприятному [14].

Общая динамика развития китайской экономики позволяет утверждать, что в ближайшем будущем влияние Китая в регионе будет близок к влиянию США и Японии. Китай в США, Индонезии и Вьетнаме уже опережает Южную Корею по уровню своей экономической привлекательности. Пока Китай отстает от США и Японии в популяризации университетской системы образования и научных технологий, хотя японцы, индонезийцы и вьетнамцы считают, что влияние Китая в этих сферах уже можно сравнить с США. Также значительно китайская «мягкая сила» уступает США, Японии и Южной Корее в сфере поп-культуры. Но наиболее слабым местом в китайской концепции «мягкой силы» является ее политическая составляющая.

Это указывает на доминирование в Китае западной философии и отсутствие на сегодняшний день таких ценностей, которые были бы интересны миру и раскрывает тот факт, что сам Китай по-прежнему находится на этапе глубоких социально-экономических и политических преобразований. На практике дальнейший рост «мягкой силы» может сдерживаться тем, что 1) прагматические политические ценности быстрого экономического роста Китая привлекательны в основном для авторитарных элит; 2) миропорядок, основанный на старой иерархии и реалистической традиции с акцентом на абсолютном национальном суверенитете, вряд ли совместим с транснациональными нормами развивающихся стран.

В последнее десятилетие новая национальная стратегия направлена на трансформацию Китая от регионального государства в мирового лидера. Согласно данной стратегии до 2020 года будет достигнут уровень среднестатистического общества, что повысит совокупную мощь государства посредством подъема экономики, науки и образования, превратит Китай в привлекательную страну в мире [5].

Сегодня «мягкая сила» Китая зависит от трех ресурсов: 1) китайская модель развития (социализм с китайской спецификой, «Пекинский консенсус»); 2) теория мирного развития во внешней политике («мирный подъем Китая» и «гармоничный мир»); 3) ценности китайской цивилизации.

Осознавая преимущества «мягкой силы», китайские руководители стремятся углубить отношения со всеми регионами мира, в частности, развивающимися (Африка, Америка, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия и др.). Официальный Пекин использует различные инструменты для того, чтобы еще больше увеличить свое влияние, включающий экономические стиму-

лы, военное сотрудничество и культурное влияние. Хотя эти отношения в значительной степени основываются на торгово-экономическом сотрудничестве, Китай также стремится использовать механизмы региональной экономической интеграции и обеспечения безопасности, подчеркивая основополагающую роль ООН, а также путем участия в гуманитарных миссиях, предоставление льготных кредитов и облегчения бремени задолженности, увеличение культурных программ и научных обменов [13. С. 307].

Подводя итоги, на сегодня можно констатировать появление на мировой арене нового китайского феномена под названием «мягкая сила», который стремится стремительно выйти на уровень, аналогичный влиянию европейских стран. Особую привлекательность обеспечивают экономические успехи страны и устойчивость китайской экономики относительно современного мирового экономически-финансового кризиса, во-вторых, конкурентным преимуществом китайской «мягкой силы» является то, что параллельно со стремлением повысить геополитический рейтинг Китая, четко прослеживается тенденция по развитию гармоничных отношений с другими цивилизационными государствами. Это непосредственно способствует укреплению международной стабильности, безопасности и взаимопониманию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Борох О., Ломанов А.* Скромное очарование Китая // Pro et Contra. 2007. № 3.
2. *Брусиловский Д.А., Есинов И.И.* Специфика воздействия «мягкой силы» России, Китая и США на Центральную Азию в условиях глобализации // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 8 (48).
3. Доклад Ху Цзиньгао на 17-м съезде КПК // http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.html
4. *Есинов И.И.* Переосмысление публичной дипломатии: преимущества и ограниченности концепции «мягкой силы» в международных отношениях // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).
5. Имидж Китая в глазах иностранцев // <http://russian.people.com.cn/31516/8585766.html>
6. *Майстат М.А.* Политологическое образование как ресурс «мягкой силы» в англо-саксонских странах: поиск оптимума // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 3.
7. *Михайленко А.Н.* Как выходить из внешнеполитических тупиков? // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 5.
8. *Морозов Д.А.* Внешнеполитическая стратегия «Мягкой силы» в контексте экспертных систем и IT-технологий: основной концепт // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 1.
9. *Най Дж.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Пер. из англ. М.: Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2006.

---

10. О некоторых идеях и инициативах Си Цзиньпина // <http://www.iarex.ru/articles/70987.html>

11. Первая зарубежная поездка Ху Цзиньтао в 2009 году // <http://russian.cri.cn/841/2009/02/10/1s277032.html>

12. Сулейманова Ш.С. СМИ – «мягкая сила» управления общественным мнением // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 1.

13. Цзайци Лю. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4.

14. Kurlantzick J. Charm Offensive: How china's Soft Power Is Transforming the World. New Haven and London: Yale University Press, 2007.

NA ZHAO

*Post-graduate, Department
of political science of the East, Lomonosov
Moscow state University,
Moscow, Russia*

STRENGTH OF «SOFT FORCE» PRC AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: CHRONOLOGY

The article analyzes the means of implementing the Chinese strategy of “soft power”. The influence of China's foreign policy strategy on the mechanism of relations in East Asia is characterized.

In world politics, China is a global leader, while avoiding actions that could be perceived as a threat. In the last decade, there has been an increasing influence of China. This is due to the growth of the economy and the use of “soft power” (advertising of Chinese values abroad).

Research methods: theoretical generalization, analysis, synthesis. The goal is to identify the main characteristics of the implementation of the Chinese strategy of “soft power”. Tasks: to study the features of China's interaction with other countries, a description of the application of the “soft power” strategy in Chinese relations.

Key words: *soft power, China, China's foreign policy, the cooperation of countries.*

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой Социально-гуманитарного
образования Сургутского педагогического
университета, Россия, г. Сургут

ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ НА РУССКОЙ ДИАСПОРЕ (ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Россия как геополитическое пространство, как отдельная цивилизация всегда представляла из себя альтернативу, в первую очередь «западу». Вне зависимости от государственного строя, идеологии. В современных реалиях Россия вынуждена активно противодействовать как «западу», так и «востоку» в Средней Азии. С 2000-х годов правительству РФ приходит понимание, что на исторической общности не построить будущего, при наличии разности интересов, активных контригровок и ограниченности собственных ресурсов. В такой ситуации одним из серьезных рычагов давления оказывалась многочисленная русская диаспора. Сама диаспора стремилась в Россию, ее активно выжимают из Азии наши западные «партнеры», новые национальные элиты, а РФ выгодно было оставить диаспору на местах проживания, как рычаг давления и возможности вмешательства. Проиграв в этом противостоянии и учитывая изменившуюся геополитическую обстановку в мире, правительство РФ постепенно изменяет свои взгляды на роль и место диаспор, на демографическую политику России и создает более благоприятные условия для возвращения на историческую родину русских, но годы безразличия и унижительного миграционного законодательства не прошли даром для русской диаспоры. Резкого роста миграции не наблюдается, хотя миграционный потенциал русской диаспоры до конца не исчерпан. На освободившееся место русской культурной и политической традиции приходит исламская.

Ключевые слова: *Средняя Азия, внешняя политика, геополитика, СССР, геополитическое положение, русская диаспора.*

Россия в любых своих ипостасях в геополитическом плане являлась главной угрозой для всех империй, стремящихся к мировому господству, будь то Наполеоновский европейский союз, Британская империя, империя США и др. Это не связано ни с идеологией, ни с общественно-политиче-

ским устройством России. Противостояние России и любой империи, претендующей на мировое господство, обусловлено географическими факторами, что, собственно, подтверждается не только фактическими событиями, но и геополитическими теориями.

В рамках этого постоянно действующего противостояния, первостепенный интерес современной России имеет периметр границ бывшего Советского Союза. «Стремление России сохранить свое влияние на постсоветском пространстве, в том числе в Средней Азии, сталкивалось и сталкивается сегодня с интересами крупнейших мировых держав: Европейского Союза и США – на западе, Турции, Ирана и Китая – на востоке. В это соперничество косвенным образом вовлечены Пакистан и Индия. Дело в том, что через среднеазиатское пространство проходят важные транспортные сети, которые способны соединить наиболее коротким путем промышленно развитые районы Запада и Востока с богатыми полезными ископаемыми, но весьма удаленными районами Евразии, и это необычайно важно с геополитической точки зрения. В недрах регионов Средней Азии и бассейна Каспийского моря хранятся запасы природного газа и нефти, превосходящие месторождения Кувейта, Мексиканского залива и Северного моря, золота, никеля и других цветных металлов. Сегодня уже весьма заметны результаты активной деятельности новых политических факторов в постсоветском пространстве» [1. С. 277]. Введение новых трубопроводов, (например: Баку-Супса, планируемый ТАПИ), железных дорог (например: Теджен – Сераха – Мешхед), международных автомобильных трасс (например: Каракорумское шоссе), все это ведет к снижению зависимости постсоветских республик от России. Россию же, пространство Средней Азии интересует, во-первых, как крайне важное для обеспечения собственной безопасности. Во-вторых, моральная ответственность за судьбы миллионов русских и русскоязычных людей в постсоветских республиках.

В период до 2000 года в Российской политической элите преобладало мнение «что никуда новые страны не денутся от нас», и единый хозяйственный комплекс и общность историческая, действительно давали поводы для таких геополитических выводов. Создали СНГ, ОДКБ пользуясь еще старыми связями и на этом успокоились [14].

Участники встречи в Алма-Ате (21 декабря 1991), единодушно приняли Алма-атинскую декларацию, подтвердившую приверженность бывших союзных республик к сотрудничеству в различных областях внешней и внутренней политики, провозгласившую гарантии выполнения международных обязательств бывшего СССР. Однако геополитические оппоненты не дремали и активно поддерживали дезинтеграционные процессы. Например, не без помощи США создается ГУАМ. Организация называет себя «Организацией за демократию и экономическое развитие», однако многие аналитики считают ее военно-политическим блоком. Создание ГУАМ изначально позици-

онировалось как возможность альтернативной интеграции на пространстве СНГ, в противовес Москве [17].

С приходом к власти Путина В.В. пришло понимание, что на исторической общности невозможно построить общность будущую. Начинаются попытки скрепить пространство экономически.

Наконец-то сформулированы национальные интересы России во взаимоотношениях с независимыми государствами постсоветского пространства: 1) их дружественная позиция независимо от того, кто находится у власти; 2) предотвращении «транзитных» угроз своей безопасности, возникающих за пределами постсоветского пространства; 3) во внутренней стабильности и отсутствии конфликтов между этими странами, чреватых включением в них России. Сформулирована приоритетная задача внешней политики России в ближнем зарубежье, это экономическая интеграция с Украиной, Беларуссией и Казахстаном, поскольку именно эти государства являются для нас наиболее важными с геополитической точки зрения.

Сотрудничество с вновь образованными странами бывшего СССР было выгодным в первую с экономической точки зрения, это давало огромный рынок. Так же более тесное сотрудничество создавало военный буфер вокруг России. Но осуществление этого сотрудничества, зависело как от противодействия наших «партнеров», так и от привлекательности РФ.

Однако геополитика России в среднеазиатском направлении в 2000-е годы оставалась пассивной: Москва не имела возможности выступать инициатором происходящих событий. «Если геополитике СССР в Евразии был присущ дух наступления и экспансионизма, то российская геополитика носила откровенно оборонительный характер. Другими словами, Москва пыталась спасти то, что у нее осталось от прежних геополитических плацдармов в Евразии. В целом геополитика России в постсоветском пространстве в 2000-х стояла перед дилеммой: Москва недостаточно сильна политически, чтобы полностью закрыть это пространство для внешних сил, и слишком бедна, чтобы разрабатывать богатства Евразии исключительно собственными силами. Геополитические притязания других политических факторов в регионе выглядели более определенно» [2. С. 318]. Не может РФ соперничать в этом направлении ни с одним из геополитических игроков, например, товарооборот между КНР и Казахстаном составляет более 50 млрд. долларов, Китай только в Казахстан вложил 14 млрд. долларов, построил более 2780 предприятий, огромное количество дорог и т.п. [9].

В этой ситуации почти 10-ти миллионная русская (русскоязычная) диаспора в Средней Азии [8. С. 127] оставалась действенным рычагом давления [13] на руководство среднеазиатских стран. Но стремительное бегство русскоязычного населения в Россию, лишало руководство РФ этого инструмента. Т.е. геополитические интересы России, жизненно важные интересы вошли в противоречие с желанием вернуться на историческую родину мно-

гомиллионной русской диаспоры. В 1989-1999 гг. численность русских в Казахстане уменьшилась с 6,1 до 4,5 млн. (на 26%) [10], в Узбекистане – с 1,6 до 1,2 млн. (на 27%) [4], в Киргизии – с 917 до 603 тыс. (на 34,2%) [6. С. 26], а в пережившем гражданскую войну Таджикистане – с 388,5 до 68,2 тыс. (на 83%) [11. С. 39]. Особый случай – Туркменистан, где в условиях крайне авторитарного политического режима практически отсутствует достоверная демографическая статистика. По официальным данным количество русских здесь сократилось с 334 до 100-120 тыс. чел. (на 65%) [19. Р. 13].

Пытаясь остановить поток русских и русскоязычных в Россию, правительство начинает возводить барьеры на пути русской миграции, одним из важнейших шагов в этом направлении стало принятие закона «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 N 62-ФЗ [19. Р. 13]. Как прямое следствие, введение этого закона мы можем наблюдать резкое падение эмиграции русских из Средней Азии в Россию с 2003 г. Новое законодательство серьезно ограничило эмиграцию соотечественников в Россию. Программа по переселению соотечественников, откровенно говоря, провалилась, регионы всячески старались избавиться от необходимости принимать переселенцев [3]. В период с 2007 по 2008 год, воспользовалось программой всего около 8 тысяч человек [15]. Какой-то процент даже ставших участниками госпрограммы не смогли преодолеть все трудности и вернулись обратно [7]. В период с 2007-2014 годы смогли воспользоваться гос. программой переселения 146,7 тысяч человек, это при более чем 10 миллионной русской диаспоре [12].

Необходимо было приехать на территорию РФ, встать на миграционный учет, а это возможно только при наличии официального жилья и временной прописки. Т.е. кто-то в РФ тебя должен был прописать вместе с семьей и нести соответственные расходы, да и семью твою терпеть на своей жилплощади не один месяц. Затем вместе с семьей, даже с грудными детьми, необходимо было получить РВП, не всем это удавалось, поскольку на каждый регион была определенная квота. Да и сама процедура не из простых, необходимо много ездить, в том числе с детьми по различным инстанциям (паспортные столы, налоговая, МВД и т.д.). Это не одна неделя, не одна тысяча рублей, а кормить семью необходимо все это время, на работу, которая бы позволяла хоть как-то существовать семье все это время с иностранным гражданством не устроиться. Кроме всего прочего необходимо было сдавать экзамен по русскому языку, процедура не столько сложная, сколько унижительная для носителей русской культуры. Решение принимается не сразу, все это время необходимо на что-то жить, кормить семью, одевать детей и т.д. Раз в месяц или в три выезжать за пределы РФ и въезжать опять, чтобы получить миграционную карточку. Особенно это трудно сделать, если ты находишься в Сибири, на дальнем востоке и т.п. А работы по-прежнему нет, поскольку ты иностранец. Через какое-то время Вам и Вашим детям дают

долгожданное РВП и теперь Вам с семьей, нет необходимости, регулярно раз в месяц или в три выезжать за границу. Но на приличную работу по-прежнему не устроиться. И еще как минимум год, а то и три, необходимо ждать, для того чтобы подать документы на вид на жительство.

Если Вы получили вид на жительство, если у Вас нет льгот, то необходимо с ним прожить еще 5 лет для того, чтобы иметь право претендовать на российское гражданство. Все это сопряжено с большими трудностями с работой, жильем, школами и детскими садами и т.д. и т.п. И в таком режиме семья должна прожить от 6 до 9 лет до получения гражданства.

Диаспора и русский язык, в общем «мягкая сила» России оставалась не единственным, наряду с военно-политическим влиянием, но действенным инструментом геополитики РФ в регионе, в данный период. О чем, собственно, говорят американские аналитики [18].

Поэтому следующий ход геополитических оппонентов был направлен именно в этом направлении. Активно финансируются через различные фонды все, что может сократить «мягкую силу» России в Азии. Переходы на другие стандарты, переходы на другие кодировки, например, в телефонной связи и многое другое. В том числе активно финансируются переходы на государственный язык в госучреждениях и образовании, переходы на латиницу, создаются множество институтов «национальной памяти» и НКО, финансируется сокращение сферы применимости русского языка, финансируются как националистические партии, так и лидеры националистического толка. Государства с легкостью включаются в различные мировые организации (например, в ВТО и др.). Все это приводит к угасанию русской культурной традиции, образования на русском языке. «В недалеком прошлом благодаря русифицированности значительной части элиты, как властной, так и культурной, были существенно облегчены политические контакты между Россией и новыми независимыми государствами. Сегодня происходит поспешное вытеснение русского языка из официального обихода, падение выпуска русскоязычной литературы, что сокращает пространство русского влияния. Это серьезный геополитический просчет Москвы: для поддержания культурного влияния необходимо не так уж много средств, а социокультурный потенциал геополитики в информационном обществе представляет собой один из весомых факторов, который опрощено было сбрасывать со счетов» [2. С. 315].

Таким образом, мы можем констатировать что, несмотря на резкое сокращение эмиграции соотечественников из средней Азии в Россию в период с 2000 по 2010-е годы, «мягкая сила» и соответственно влияние России в регионе уменьшается. Диаспора, без материальной и социокультурной поддержки РФ не смогла стать драйвером российского влияния в регионе. Так же экономически привязать регион к РФ оказалось невозможно, поскольку отсутствуют адекватные финансовые ресурсы противостоять КНР

и США. Перспектива стать центром интеграционных процессов в Евразии становится несбыточной. Средняя Азия в геополитическом плане все более отдаляется от России.

Осознание этих фактов, а также изменение мировой геополитической обстановки с 2014 года, начинает сказываться и на политике РФ на постсоветском пространстве. Начинается новый этап в Российской политике. Санкции «коллективного запада» заставляет РФ «сосредотачиваться» [16].

Например, уже упоминавшийся нами закон «О гражданстве Российской Федерации», до 2014 года (за 12 лет) были внесены изменения в 26 статей, в основном косметические изменения. С 2014 г. (за 5 лет), в закон о гражданстве внесены 39 поправок, существенно изменяющие все процедуры, связанные с получением российского гражданства и в принципе меняющие подход к данной проблематике. Это положительная новость, учитывая все нарастающее давление ИГ со стороны Афганистана на границы среднеазиатских республик.

Таким образом, мы видим, что положение русскоязычной диаспоры в средней Азии, к сожалению, зависит не только от желания самой диаспоры, но и от изменяющейся геополитической обстановки.

Физический уход русской диаспоры, растворение русского культурного элемента привело к заполнению освободившегося пространства исламским фактором, исламским влиянием. Усиливается роль радикальных партий и организаций, что особенно заметно в выборный период в Среднеазиатских странах, где к власти приходят неприкрытые националисты. В ближайшей перспективе мы будем свидетелями как легализации исламистов во власти, так и борьбы исламистов с националистами, в отдельных государствах Средней Азии. Русское культурное влияние объективно ослабевает, а исламский фактор неизбежно усиливается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Акказиева Г.И. Факторы эволюции геополитического положения стран Центральной Азии // Вестник МГИМО. 2011.
2. Василенко И.А. Геополитика современного мира. М.: Юрайт, 2015.
3. Госпрограмма возвращения соотечественников неинтересна регионам // Газета GZT.Ru // <https://web.archive.org/web/20071024132140/http://www.gzt.ru/>.
4. Демографическая ситуация в Республике Узбекистан // Государственный комитет республики Узбекистан по статистике // <https://stat.uz/ru/>.
5. Закон Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № N 62-ФЗ // Российская газета. 2002. № 2968.
6. Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2000.

7. Казахстанцы, переехавшие в Калининград: не жгите мосты! // Эра Права // <https://matkap2008.ru/kaliningradskaia-oblast-programma-pereselenija-2017-59748/>.
8. *Лошкарев И.Д.* Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО. Москва: МГИМО, 2015.
9. Надо срочно валить: Русские бегут из Казахстана // Мировое обозрение // <https://tehnovar.ru/85730-nado-srochno-valit-russkie-begut-iz-kazahstana.html>.
10. О некоторых итогах переписи населения Казахстана // Демоскоп // <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/057/analit04.php>.
11. Перепись населения Таджикистана // Статистика СНГ. 2002. № 15.
12. Программа переселения: почему русские переезжают в Россию мимо государства // Государственное строительство // <http://www.odnako.org/blogs/programma-pereseleniya-pochemu-russkie-pereezhayut-v-rossiyu-mimo-gosudarstva/>.
13. Сколько русских осталось в Центральной Азии? // Русская народная линия // https://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/11/20/skol_ko_russkih_ostalos_v_central_noj_azii_i/.
14. *Соловьев В.* Организация антинатовского договора // Коммерсант. 06.09.2008.
15. Трудное возвращение домой // Интерфакс // <http://www.interfax-russia.ru/view.asp?id=382674>.
16. Указ Президента Российской Федерации «Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»» от 31.12.2019 № 683 // Российская газета. 2015 г.
17. GUAM // ГУАМ // <https://guam-organization.org/>.
18. Overextending and Unbalancing Russia // RAND Corporation // https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html.
19. Statistical Yearbook of Turkmenistan, 2000-2003 // National Institute of the State Statistics and the Information of Turkmenistan. 2004.

E.P. SHULGA

*PhD in History, associated professor,
Head of Social-Humanitarian Department
Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia*

THE IMPACT GEOPOLITICAL POSITION OF MIDDLE ASIA ON RUSSIAN EXPATRIATE COMMUNITY (POST-SOVIET TIME)

Russia as a geopolitical space, as a separate civilization has always been an alternative, primarily to the «west», inspite of the state system, ideology. In modern realities, Russia is forced to actively oppose both the «west» and the «east» in Central Asia. Since the 2000s, the understanding has come to power that there is no future built on historical community, with a difference of interests, active contractors and limited own resources. In such a situation, one of the serious levers of pressure was the large Russian diaspora. The diaspora itself aspires to Russia, it is actively squeezed out of Asia by our Western «partners» new national elites, and the Russian Federation was beneficial to leave the diaspora in the places of residence, as a lever of pressure and opportunities for intervention. Having lost in this confrontation and given the changed geopolitical situation in the world, the Government of the Russian Federation is gradually changing its views on the role and place of diaspora, on the demographic policy of Russia and creating more favorable conditions for the return to the historical homeland of Russians, but years of indifference and humiliating migration legislation have not passed for the Russian diaspora. There is no sharp increase in migration, although the migration potential of the Russian diaspora has not been fully exhausted. In the freed place of the Russian cultural and political tradition comes the Islamic.

Key words: *Middle Asia, foreign policy, geopolitics, USSR, geopolitical position, Russian expatriate community.*

кандидат политических наук,
доцент Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
старший научный сотрудник Института Европы РАН,
Россия, г. Москва

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕС И КИТАЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В статье рассматривается балканское направление современной внешней политики КНР, которое является финальным участком европейского сегмента инициативы «Пояса и Пути». Помимо анализа основных достижений в деятельности Пекина на данном направлении, автор также показывает, почему китайское проникновение рассматривается европейскими и балканскими элитами в категориях «возможности» и «угрозы». Дается объяснение, каким образом эта политика соотносится со стратегией Европейского Союза в отношении стран Юго-Восточной Европы.

Ключевые слова: КНР, Юго-Восточная Европа, Балканы, Европейский Союз, инициатива «Пояса и Пути».

После «холодной войны» Китай обрел возможность наладить более близкие отношения со странами Центральной и Восточной Европы как с единым регионом, поскольку до того связи выстраивались преимущественно на двусторонней основе. Отношения получили региональное измерение вслед за исчезновением СССР, в том числе благодаря социалистическому прошлому стран Центральной и Восточной Европы. Этот факт являлся и сдерживающим для новых, устремленных к возобновлению интеграции в капиталистическую Европу и национально-ориентированных демократических элит.

КНР не торопилась системно и оживленно работать в этой части Европы, параллельно настраивая диалог с такими странами, как Польша, Венгрия, Чехия и СФРЮ (позднее СРЮ, а после, главным образом, с Сербией). Однако и это взаимодействие имело проблемы: продукция из Центральной и Восточной Европы уступала на рынке даже в условиях экономических санкций в отношении Пекина. В политической сфере правительства центрально-европейских государств, в частности, Чехии были заинтересованы в контактах с Тайбэем, китайскими диссидентами и Далай-ламой [9. Р. 3-14].

Появление Пекина на мировой арене и пробуждение его амбиций на изломе XX-XXI веков сказались на связях с Балканским регионом [10. Р. 206]. С самого начала 2000-х гг., КНР определяла страны бывшей Югославии как вероятную «точку входа» на рынок ЕС. В 2003 г. Пекин заключил с ним соглашение о стратегическом партнерстве, в результате чего китайский интерес к Балканскому региону усилился, ровно тогда же, когда Брюссель заявил о возможности присоединения последнего к Европейскому Союзу. По мнению сотрудников ИМЭМО РАН, значительную роль сыграл также финансово-экономический кризис 2007-2008 гг.: «страны Центральной и Восточной Европы, уже прочно вошедшие в экономическую и политическую системы европейской интеграции, стали рассматриваться как удобный канал торгово-инвестиционной экспансии Китая на едином экономическом пространстве ЕС, «полигон» для отработки механизмов такой экспансии и потенциальный инструмент создания благоприятного отношения к китайским инициативам в институтах ЕС. Открытию центрально-европейского «окна возможностей» для Китая способствовал и глобальный экономический кризис, ограничивший возможности финансового содействия странам ЦВЕ из бюджета ЕС и спровоцировавший разногласия между ними и «старыми» членами ЕС» [2. С. 70].

Поскольку вхождение КНР на европейские рынки, как и рост его мировых амбиций оказались крайне стремительными, то это привело к повсеместной дискуссии как среди европейских политических элит, так и среди экспертов о том, что в большей степени представляет собой китайская активность – возможность или угрозу. На Балканах противопоставление «Китай – угроза» и «Китай – возможность» сталкивается с укоренившимся восприятием бывших югославских республик как государств буферной зоны, которые исторически оказываются в центре соперничества «великих держав».

Внезапная активизация КНР в Юго-Восточной Европе обосновала и усилила тезис, добавив еще одного восточного игрока на «шахматное поле» Балкан. Это воскресило представление Балкан как «моста между Востоком и Западом».

Ключевые преимущества КНР в Юго-Восточной Европе перед другими международными силами состоят в том же, что и в других регионах мира: неограниченные инвестиционные и в целом финансовые ресурсы при отсутствии жестких политических требований. Сотрудничество бывших югославских республик с КНР не обосновано политическими притязаниями или кабальными условиями, типичными для кредитов МВФ и Всемирного банка, и не раздражает обычными требованиями ЕС о борьбе с коррупцией, контроле миграции, учреждении гражданско-правовых институтов. Уникальность европейского участка инициативы «Пояс и путь» обусловлена тем, что Пекин самостоятельно сформировал состав стран-

участников, в отличие от других платформ регионального взаимодействия, таких как Форум по китайско-африканскому сотрудничеству или Диалог между Китаем и Форумом тихоокеанских островов или форматов сотрудничества между Китаем и странами АСЕАН, где Китай взаимодействует с обусловленным географическими рамками числом стран. Таким образом, Пекин первым из всех глобальных акторов очертил свои границы региона, который в его видении, является неотъемлемой частью «большой» Европы с цивилизационной, культурной и правовой точек зрения. Однако с точки зрения социально-экономического развития и инфраструктурного обеспечения существенно отстает от своей западной части, что и открывает для Китая возможности. Получается, что только КНР и ЕС имеют свое видение стратегических границ региона Юго-Восточной Европы. При этом у ЕС регион имеет несколько частей, принципиально отличающих его от западной, в связи с чем вся не-западная Европа имеет для Брюсселя определенную негативную коннотацию (Центральная и Восточная Европа как постсоциалистическая, Западные Балканы – как постконфликтное и неустойчивое пространство). Для Китая же никакой коннотации нет. Его видение границ неэмоционально и имеет чисто техническое значение.

Однако само наличие собственного видения границ региона ставит КНР на иной уровень по сравнению с Россией, Турцией, США и странами Персидского залива.

В Морском шелковом пути Венгрия и Сербия являются двумя значимыми пунктами назначения. Порты в Баре (Черногория), Копере (Словения), Салониках и Пирее (Греция) его опорными точками. Крупная китайская компания в сфере коммерческих перевозок COSCO заключила с последним в 2009 г. договор о стратегическом партнерстве, контроле над менеджментом и аренде на срок в тридцать лет. «Превращению Сербии в региональный сухопутный хаб будет способствовать модернизация адриатического порта Бар в Черногории и связывающей его с сербским Белградом железной дороги, а также сооружение скоростной автомагистрали Белград-Бар» [2. С. 70].

Другим направлением китайской политики стал энергетический сектор. Важным проектом является вложение китайской корпорацией General Nuclear Power Corporation в румынскую атомную электростанцию Чернавода 7,8 млрд долл. США. Среди сербско-китайских проектов выделяются инвестиции Пекина в ТЭЦ Костолац, где осуществлена реконструкция первого энергоблока. Согласно информации Министерства энергетики и ресурсов, идет строительство блока ВЗ. За последние тридцать лет китайские инвестиции стали наиболее крупной поддержкой энергетики Сербии [4]. Также подписан договор о возведении теплотрассы от Белграда до ТЭЦ «Обреновац» общей стоимостью более 900 млн евро на условиях долгосрочного кредитования со стороны китайских банков. В БиГ Dongfang Electric инвестировал в строительство ТЭЦ Станари, а также стал партнером для со-

оружения ТЭЦ Бановичи. В партнерстве с американцами и европейцами компания Gezhouba будет строить 7 блок ТЭЦ Тузла, который станет самой крупной инвестицией в БиГ после распада Югославии.

Сербское руководство в течение последних двадцати лет симпатизирует международным взглядам китайского партнера. Известным выступлением сербов в защиту позиции Пекина, которое вызвало резонанс внутри правящих кругов Сербии, было заявление в 2010 г. тогдашнего министра иностранных дел Вука Еремича, что Белград поддержит страны, которые проигнорируют церемонию вручения Нобелевской премии китайскому диссиденту Ли Ксиабо [8. Р. 7]. С 2008 г. Сербия проводит политику неприсоединения к международным инициативам против стран, которые поддерживает КНР (Иран – 13 раз, Судан – 4 раза, Зимбабве – 4 раза, Мьянма – 4 раза и Северная Корея – 1 раз). Таким образом, в определенной степени Белград отходит от требований Общей внешней политики и политики безопасности ЕС [7. Р. 12].

Значимость стало приобретать партнерство в информационно-технологическом секторе. Заключив Соглашение о стратегическом сотрудничестве в 2013 г., компания Хуавей передала часть лабораторий информационных и коммуникационных технологий Университету Белграда [6]. Позже именно через Сербию Хуавей «проникла» в регион с идеей запуска 5G. В начале 2019 года в рамках плана «Безопасный город» было заявлено о монтаже более 1000 камер наблюдения в 800 локациях Белграда. Предполагается, что претворение проекта в жизнь будет осуществлять сама компания, которую западные страны подозревают в передаче персональных данных национальным органам безопасности.

Через страны Юго-Восточной Европы Китай фактически «обходит» американские квоты на сталь, мировым лидером в производстве которой является Пекин. Замедление роста китайского ВВП спровоцировало падение цены у китайских производителей, и они наводнили китайской сталью мировые рынки. В свою очередь, это вызвало бурную реакцию со стороны США, и они и другие страны ввели квоты на покупку китайской стали. Как известно, в ответ китайцы начали перемещать сталелитейное производство в другие страны [1]. В Юго-восточной Европе китайский Hesteel приобрел сербский комбинат Железара Смедерево, через который Пекин свободно поставляет сталелитейную продукцию европейским странам. Другой инвестицией стал горно-обогатительный комбинат RTV Bor, в который Zinjin Mining Group вложила 1,26 млрд долл., провела докапитализацию в размере 350 млн долл., получив 63% акций компании, что сделало Китай большим игроком на рынке горнодобычи в европейском регионе [5].

В целом, если в 2007 г. Китай, Гонконг и Макао владели около пятью тысячами европейских компаний, то к 2017 г. это число увеличилось в шесть раз и составило около 28 тысяч. При такой тенденции усиления собственно-

го присутствия Китай идентифицируется странами Юго-Восточной Европы одновременно и как «возможность», и как «угроза».

Дискурс сопровождается трактовкой последствий взаимодействия с КНР. Пекин получил первую военную базу за пределами национальных границ. Военная база в Джибути была открыта в обмен на реструктуризацию долга. Пытаясь выплатить его Пекину, Шри-Ланка передала в аренду сроком на 99 лет глубоководный порт Хамбанота. Европейские эксперты рассматривают такой размен как тенденцию к расширению военно-морского присутствия Китая в Индийском океане и на Средиземноморье и изменения роли Китая в решении задач как региональной безопасности, так и глобальной. Настораживающе для ЕС выглядит положение балканских стран перед китайскими кредиторами.

В связи с этим Брюссель начал кампанию по подрыву замыслов Китая и его экономической экспансии на Восточную Европу и Балканский регион, которая необходима ЕС, чтобы усилить свои позиции, слабеющие из-за ряда факторов объективного и субъективного характера, и пересмотреть систему своих отношений с Поднебесной. За эту работу Брюссель взялся поздно [3]. Также он слишком долго видел в Китае лишь потребительский рынок, положением которого нужно воспользоваться, и как производителя с низкой добавленной стоимостью, который не состоянии развиться выше определенного уровня. Амбициозные идеи китайского руководства занять главенствующее положение в новой мировой экономике и выход Китая в технологические лидеры застали Брюссель врасплох.

Одновременно с этим китайская модель институционально-политического устройства и социально-экономического развития стала выглядеть гораздо более привлекательно для стран Юго-Восточной Европы: демонстрируемые им успехи в экономике и стабильность в политике превосходят остальное. Это подрывает политику «обусловленности» и «европеизации», на успех в реализации которой в балканских странах надеется Брюссель.

Навязывать что-либо Китаю (как и России) с позиции силы Брюссель больше не в состоянии. Убеждать иначе – разучился. Меры, которые он использует в настоящее время, фактически представляющий политику сдерживания Китая, на которой настаивает Вашингтон [3], дают противоречивые результаты. На практике КНР уже выстраивает отношения с Восточной и Юго-Восточной Европой в том же ключе, как и США: Вашингтон имеет возможность взаимодействовать как с Брюсселем, так и с остальными государствами-членами ЕС в обход Брюсселя.

Представляется, что суть противостояния Китая и ЕС в регионе Центральной и Восточной Европы, как и в Балканском регионе, раскрывает само восприятие этой части Европы обоими акторами. Европейские дебаты и критика дипломатических усилий Китая в регионе неотрывны от более глубоких дебатов внутри «ядра» ЕС о его восточной периферии для себя.

Именно эти страны шли и идут по пути «европеизации». Степень их европеизированности измеряется тем, насколько они придерживаются практики и мышления, исходящих от европейских бюрократических институтов. В этом отношении ЕС стал «покровителем» сначала стран Центральной и Восточной Европы, а затем и стран бывшей Югославии.

Поэтому, по логике Брюсселя, взаимодействие с Китаем, как и с другими международными игроками, должно контролироваться им и даже исходить от него. «Ядро» должно регулировать также интенсивность и глубину. При этом не учитывается, однако, что это видение не усиливает общее пространство Европейского Союза, а ослабляет, создавая дополнительные статусные и ценностные разделительные линии между разными частями Европы. Это не только не идет «на руку» интеграционной политике Европейского Союза, но и уменьшает его значение и авторитет в глазах самих балканских стран, утверждая их в необходимости диверсификации международных связей, поскольку только так они могут повысить свой статус.

Преимущество Китая заключается в том, что, как уже было написано выше, он не разделяет европейскую часть Евразии на более мелкие политико-географические зоны. ЕС идентифицируется им как единый блок, в котором есть государства, с которыми Китай связан разного уровня историческим опытом отношений. Однако всех их Пекин рассматривает как единую европейскую цивилизацию и политико-экономическую и правовую среду Европейского Союза.

Регион, объединенный проектом «17+1», отличается для Китая от Западной Европы только уровнем экономического развития, благосостояния граждан и плотностью инфраструктуры, что и предопределяет, в понимании КНР, его привлекательность и потенциал. Основной целью присутствия КНР в Юго-Восточной Европе является формирование глобальной стратегии своего сопряжения с миром, поэтому в ее основе лежит не попытка «разорвать» ЕС и его периферию на разные зоны влияния, а создать единую, европейскую. Это упростило бы и внешнеполитическую активность Китая на европейском (и непервоочередном в стратегии КНР) направлении, а также создало пространство безопасности на этом участке «Пояса и Пути».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Как Китай обходит пошлины на сталь в США и Европе // Ведомости. 05.06.2018 // <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/06/05/771880-kitai-obhudit-poshlini-stal>.
2. Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути / Отв. ред. В. Михеев, В. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
3. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Торкунова Е.А. Сегодня и завтра ЕС сквозь призму правового инструментария углубления интеграции: часть I // Современная Европа. 2019. № 1-2.

4. Antić sa Novim Predsednikom Kompanije CMEC // Ministarstvo rudarstva I energetike. 24.06.2019 // <https://www.mre.gov.rs/latinica/arhiva-aktuelno-jun-2019.php>.

5. Balkanski put svile: 5 milijardi dolara kineskih investicija u pet zemalja jugoistočne Evrope, uključujući i Crnu Goru // <https://investitor.me/2019/04/03/balkanski-put-svile-5-milijardi-dolara-kineskih-investicija-u-pet-zemalja-jugoistocne-evrope-ukljucujuci-i-crnu-goru/>.

6. Joint statement between Republic of Serbia and People's Republic of China on Establishing Strategic Partnership // https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t581207.shtml.

7. Pavlicevic D. The Sino-Serbian Strategic Partnership in a Sino-EU Relationship Context // The University of Nottingham, Briefing Series. April 2011. Issue 68.

8. Poulain L. China's new Balkan Strategy // Central Europe Watch. Center for strategic and international studies. August 2011. N 1 (2).

9. Tubilewicz C. Comrades No More: Sino-Central European Relations after the Cold War // Problems of Post-Communism. 1999.

10. Vangeli A. China: a new geo-economic approach to the Balkans / In: The Western Balkans in the World Linkages and Relations with Non-Western Countries. Edited by Florian Bieber and Nikolaos Tzifakis. London: Routledge, 2019.

E.G. ENTINA

*Candidate of Sciences (Politics),
Associate Professor of National Research University
"Higher School of Economics",
Senior Researcher at the Institute of Europe,
Russian Academy of Science,
Moscow, Russia*

THE INTERACTION BETWEEN THE EU AND CHINA IN SOUTHEAST EUROPE

Article describes the Balkan dimension of the Chinese foreign policy which is the final part of the European segment of the Belt and Road Initiative. The author argues while presenting the main achievements of the Beijing presence in the region, why the Chinese penetration is seen by the European and Balkan elites as a dichotomy "opportunity" and "danger". Also the article gives explanation how Chinese presence in the region correlates with the strategy of the European Union towards Southeast Europe.

Key words: *China, Southeast Europe, European Union, Belt and Road Initiative.*

магистрант департамента истории
и археологии Дальневосточного федерального
университета, Россия, г. Владивосток

магистрант кафедры международных
отношений Дальневосточного федерального
университета, Россия, г. Владивосток

магистрант кафедры международных
отношений Дальневосточного федерального
университета, Россия, г. Владивосток

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Статья посвящена такому методу исследования текстов как контент-анализ. Изучение различных источников, корреспонденции, пропагандистских и информационных сообщений, статей, выступлений и речей известных лиц невозможно представить без анализа текста. Данный метод может особенно эффективно использоваться при изучении политических текстов, поскольку анализирует конкретное содержание текста, опуская идеалистическое и субъективное наполнение. Помимо этого, проведение данного анализа – довольно доступно, поскольку для этого можно использовать целую номенклатуру программ, от стандартного набора Microsoft Office до более сложных, таких как ВААЛ, Global QDA и др. Таким образом, контент-анализ позволяет повысить уровень объективности исследования и доступен широкому кругу исследователей, от студентов до докторов наук.

Ключевые слова: контент-анализ, политический текст, количественный анализ, качественный анализ.

Важнейшей составляющей любого исследования являются источники, среди которых особое место занимают такие письменные источники, которые принято объединять общим термином «документ».

Документом является любой носитель специально фиксированной информации (тексты, записи звукоряда, видеоряда и т.д.) [6. С. 168]. Другими словами, документ – это предмет, предназначенный для хранения и передачи информации [7. С. 212].

С развитием технологий, носителями и переносчиками информации все чаще становятся иконографические документы. Однако их не всегда можно привести к текстовому виду, поэтому нельзя ставить знак равенства между терминами «документ» и «текст». Текстом является объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [1. С. 49]. Иными словами, текст – это сообщение, закодированное специальными символами, имеющее определенный смысл и содержание. Текст должен обладать смысловой, коммуникативной, структурной целостностью.

Нас, как политических исследователей, интересуют прежде всего понятия «политический документ» и «политический текст». Документы могут содержать в себе текст, т.е. иметь форму текста. В таком случае происходит некое отождествление этих двух понятий, особенно если одно включает в себя другое. Однако, этого нельзя в полной мере сказать о двух упомянутых понятиях.

Политический документ – акт нормативного или рекомендательного характера, регулирующий деятельность субъектов политики и их взаимоотношения между собой или с обществом [2. С. 24]. Такой документ имеет политическое значение. Конституция РФ является одним из ярких примеров политического документа, точно так же как любая другая конституция, международный договор и т.д.

Что касается политического текста, то он, как правило, посвящен актуальным политическим проблемам, обращен к массовой аудитории или закрытым группам с целью оказать влияние на политическую ситуацию, баланс сил, общественное мнение и т.д. [6. С. 169].

Существует довольно много методов исследования текстов. Самым распространенным является традиционный, или классический анализ, который предполагает изучение документа и его интерпретацию. Однако такой вид анализа отличается субъективностью, поскольку, это довольно творческий процесс. Невозможно быть полностью объективным в понимании того или иного текста, какой бы добросовестностью и старательностью не отличался исследователь.

Для того, чтобы избавиться от субъективности классического анализа был разработан формализованный, или количественный метод анализа текстов. Им стал контент-анализ.

Контент-анализ (от англ. content – содержание) – метод многомерного, многостороннего исследования содержания коммуникаций; техника исследования, используемая для объективного, систематического и количественного описания явного содержания коммуникации; для получения выводов путем анализа содержания текста о состояниях и свойствах социальной действительности [8. С. 560].

Мангейм и Рич определяют контент-анализ как систематическую числовую обработку, оценку и интерпретацию формы и содержания информа-

ционного источника. Контент-анализ снабжает серией методов, с помощью которых можно обобщать те или иные материальные проявления поведения и отношений различных типов политических субъектов [5. С. 270].

Суть контент-анализа заключается в конструировании набора взаимоисключающих и исчерпывающих категорий, характеризующих предмет исследования, с последующей фиксацией частоты, с которой данные категории встречаются в изучаемых документах [3. С. 309]. Таким образом, контент-анализ предполагает подсчет частоты упоминаний тех или иных смысловых единиц (понятий, определенных слов, тем, частей текста и т.д.) и их статистическую обработку, которая позволяет сделать выводы о качественном, в том числе латентном (не явном) содержании текста. В связи с этим метод контент-анализа нередко обозначается как качественно-количественный анализ документов.

Принято считать, что контент-анализ был разработан в США, т.к. именно там на стыке XIX – началу XX столетий были проведены первые пробы систематического количественного анализа газетных текстов. Ход развития этого метода в качестве самостоятельного принято делить на пять этапов, в процессе которых контент-анализ прошел путь от «ручного» изучения популярности газет, степени внимания прессы к той или иной тематике, инаугурационных и пропагандистских речей до применения компьютерных технологий и программ, упрощающих и улучшающих проведение подобных исследований [6. С. 177-179].

Данный метод активно используется при изучении коммуникации в государственных структурах, особенностях материалов, преподносимых различными партийными изданиями, различных политических событий и их оценивании, текстов речей политических лидеров, подлинного смысла информации, передаваемой в СМИ и многое другое.

Контент-анализ к настоящему моменту представляет собой междисциплинарную методику исследования, которая существует во множестве вариантов. Чаще всего различают количественный (концептуальный) и неколичественный (качественный, корреляционный) анализ.

Количественный контент-анализ строится на применении количественных величин. Для исследования структуры и выявления смысла текста этот вид анализа фиксирует частоту появления в нем отдельных исследуемых единиц или показателей содержания (тем, слов, символов, таблиц, фотографий).

Неколичественный (качественный) контент-анализ ориентирован на установление связей между отдельными единицами (показателями) в пределах текста. Выделяемые категории рассматриваются с точки зрения их наличия или отсутствия в тексте. Слишком большое число категорий усложняет анализ и может дать некорректные результаты. Такой подход позволяет выявить типы качественных моделей содержания вне зависимости от частоты встречаемости каждого типа. Смысловой контент-анализ позволяет анализировать

смысловое содержание текста, подтекст как включенный автором намеренно, так и неосознаваемый им.

Практика применения контент-анализа разделена на несколько этапов [3; 6].

Первый этап включает в себя составление программы исследования: определение задачи, теоретических основ и объекта исследования; подбор текста документов, качественных (смысловых) единиц (категорий, подкатегорий, индикаторов категорий) и количественных единиц (единиц контекста, единиц частоты и объема упоминаний) контент-анализа.

Критериями формирования выборки анализируемых документов являются: тип сообщений (статья, информационное сообщение, монография), место распространения (федеральный, региональный или местный уровень), частота появления, способ распространения, время появления, минимальный объем или размер.

Единицы контент-анализа [4. С. 23]:

1. Качественные – показывают, что нужно считать в тексте.

а) Категории – ключевые понятия, составляющие концептуальную схему исследования;

i. Подкатегории – могут быть внутренние и внешние индивидуальные характеристики;

б) Индикаторы – единицы содержания, которые служат качественными признаками соответствующих категорий и подкатегорий;

Количественные – показывают, как надо считать;

а) Единицы контекста – сегмент текста, в пределах которого определяется частота упоминаний соответствующих категорий и подкатегорий (предложение, статья, интервью);

Единицы счета;

i. Объем (например, число печатных знаков, квадратных сантиметров печатной площади, метраж киноленты);

ii. Частота:

1. Тематическая.

Терминологическая.

Единицы анализа должны иметь одно значение, легко идентифицироваться, их количество в изучаемом массиве документов должно быть достаточным для того, чтобы с этими единицами можно было работать.

В тексте единицы анализа могут быть обозначены как:

- понятия, выраженные в отдельных терминах;
- темы, выраженные в целых смысловых абзацах, частях текстов, статьях, радиопередачах и т.п.;
- имена, фамилии людей;
- официальные документы;
- события, факты и т.п.

Второй этап. Систематизация выделенных единиц, часто путем разработки кодировочной инструкции, которая содержит обоснование выбора

материала, единицы анализа, категории анализа. Категориям могут присваиваться определенные цифровые или буквенные обозначения, фиксироваться обозначения знака информации (например, «+» – положительное отношение; «-» – отрицательное; «0» – нейтральное; «+/-» – сбалансированное).

Третий этап. Пилотажная кодировка текста (испытание методики на обоснованность и устойчивость).

В изучаемых текстах выделяются все смысловые единицы с добавлением, в случае необходимости, дополнительных единиц. Если после изучения нескольких очередных текстов не появилось ни одной новой единицы, то можно считать, что весь «объем» смысловых единиц изучаемого материала использован.

Проверку обоснованности содержания смысловых единиц можно проводить с помощью экспертов-специалистов по данной теме. Обоснованность по независимому критерию можно выявить, если другие методы (опрос, наблюдение, тестирование) дают аналогичные данные. Определить устойчивость данных можно при помощи повторного кодирования тех же документов тем же кодировщиком или разными кодировщиками по единой инструкции. Если данные разных кодирований примерно соответствуют друг другу (расхождение не более 5%), то считается, что методика позволяет получить надежные результаты.

После проведения пилотажного исследования в кодировочную инструкцию вносят соответствующие изменения.

Четвертый этап. Кодировка всего массива исследуемых текстов, этап «квантификации» (перевод в цифровое выражение всей совокупности анализируемых текстов). Данные фиксируются в заранее подготовленных таблицах, на отдельных карточках.

Пятый этап. Статистическая обработка полученных количественных данных (вручную или на РС).

Шестой этап. Интерпретация полученных данных на основе задач и теоретического контекста исследования.

Необходимо отметить, что весь процесс проведения контент-анализа довольно трудоемкое занятие, требует времени, внимания, усидчивости, некоторых ресурсов для упрощения и ускорения процесса, например, в виде персонального компьютера и соответствующего программного обеспечения.

Особое внимание исследователь должен обращать на способ хранения и отображения данных. Исследователь может использовать любую программу, которая соответствует его предпочтениям и навыкам. Наиболее доступным программным обеспечением является Microsoft Excel. Каждый может строить таблицу по своему усмотрению, может использовать различные функции, предоставленные программой для удобства подсчета статистических данных, вывода соответствующей информации.

Из преимуществ контент-анализа можно выделить следующее:

– изучает непосредственно коммуникацию через анализ текстов, что позволяет исследователю взаимодействовать с первичным средством коммуникаций в социуме;

– работает как с качественными, так и с количественными данными;

– может дать ценную историческую/культурологическую информацию, описывающую разные исторические периоды;

– позволяет получать информацию близкую по форме изложения (текст), хотя степень такой близости варьируется в зависимости от используемого инструментария;

– может быть использован для анализа материала, необходимого как средства развития тех или иных систем;

– «ненавязчивый» способ анализа коммуникаций (участники коммуникации в данном случае не испытывают при анализе никакого дискомфорта, так как метод не вмешивается непосредственно в коммуникации);

– комплексно, интегрально и вдумчиво, глубоко подходит к изучению моделей человеческих мыслей и языка;

– если метод используется корректно, то он расценивается в качестве объективного (базируется на реальных фактах).

Кроме того, контент-анализ можно проводить на различных уровнях, от курсовых работ до диссертаций, аналитических заказов и учебных пособий. Освоить процедуру проведения анализа достаточно просто. Контент-анализ возможно проводить вручную. При росте уровня исследования и навыков исследователя возможно использование специализированного программного обеспечения, от самого простого, например, Microsoft Word, Excel, до сложных, способных работать с огромными массивами текстов, проводить качественно-количественные анализы, таких как ВААЛ, Global QDA и т.д.

Контент-анализ также имеет и ряд недостатков:

– может потребовать очень много времени на проведение замера;

– результат может быть искажен в случае ошибки, в особенности если используется корреляционный анализ, ориентированный на идентификацию глубинных данных;

– различные методики проведения могут игнорировать теоретические научные ориентиры;

– может не учитывать слабо проявленную информацию, в особенности, если производится анализ сложных по содержанию текстов;

– часто ориентирован на упрощение результатов, так как опирается на простой подсчет слов;

– нередко игнорируется контекст содержания единиц счета (слов), либо нивелируется значимость последующих слов;

Контент-анализ может быть использован для изучения любых текстов, благодаря чему ему можно найти применение в различных областях, например, в политологии, где его можно использовать особенно эффективно при объективном изучении политических текстов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Боршшполец К.П.* Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2005.
2. *Двоеносова Г.А.* Политические документы // Делопроизводство. 2011. № 2.
3. *Дятярев А.А.* Прикладной политический анализ. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2010.
4. *Зернов Д.В., Иудин А.А.* Применение новых информационных технологий при анализе документов в социальной и гуманитарной сфере. Нижний Новгород: НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012.
5. *Мангейм Д.Б., Рич Р.К.* Политология: Методы исследования. М.: Весь мир, 1997.
6. *Попова О.В.* Политический анализ и прогнозирование. М.: Аспект Пресс, 2011.
7. Рабочая книга социолога / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Либроком, 2009.
8. *Тюрина И.О.* Контент-анализ // Политическая энциклопедия: В 2-х т. М.: Мысль, 1999. Т. 1.

A.A. DELGADO

*Master Student of the Department
of History and Archeology, Far Eastern Federal
University, Vladivostok, Russia*

R.A. GRITSENKO

*Master Student of the Department
of International Relations, Far Eastern Federal
University, Vladivostok, Russia*

D.D. PROKOPCHUK

*Master Student of the Department
of International Relations, Far Eastern Federal
University, Vladivostok, Russia*

CONTENT ANALYSIS AS A RESEARCH METHOD OF POLITICAL TEXTS

The article is devoted to such a method of text research as content analysis. The study of various sources, correspondence, propaganda and information messages, articles, speeches and appearance of famous people can not be imagined without analyzing the text. This method can be used especially effectively in the study of political texts, as long as it analyzes the specific content of the text, dropping the idealistic and subjective content. Besides, carrying out this analysis is available, because you can use a whole range of programs, from the standard set of Microsoft Office to more complex ones, such as BAAL, Global

---

QDA, and others. Now it can be seen that content analysis can improve the level of objectivity of research and is available to a wide range of researchers, from students to doctors of science.

Key words: *content analysis, political text, quantitative analysis, qualitative analysis.*

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Одной из важных политических идей считается «образ будущего», рассматриваемый как теоретический вопрос политологии и как аспект прикладной политологии, используемый как прикладная политическая технология. Несмотря на большую степень научной разработанности вопроса, «образ будущего» регулярно формулируется в различных политических дискурсах, модернизируясь и интегрируясь в различные политические концепции.

Ключевые слова: политика, медиа, политические технологии, дискурс.

В мировой истории политической науки многократно поднимался вопрос «образа будущего». В некоторой степени, прогнозирование образа будущего является базовым научным вопросом в становлении политической науки. Ведь, политика в переводе с греческого может трактоваться, как «государственная деятельность» или «управление городами». А именно управление городами и реализация государственной деятельности имеет непосредственное влияние на то, каким будут эти города или государство в будущем. Уникальная формулировка «образа будущего» для политического деятеля становится залогом повышения его легитимности в глазах электоральных групп и может варьироваться в зависимости от электоральной группы, к которой адресован акт коммуникации. Таким образом, весь процесс политического имиджа кандидата на политическую должность, его риторика, инструменты коммуникации с потенциальными избирателями должны быть подчинены его концепции образа будущего и стать генеральной идеей его политической кампании.

Среди политической литературы можно выявить несколько групп. Первой будут базовые источники – работы крупных российских идеологов, рассуждавших об образе будущего. Среди них работы таких авторов, как К.Д. Кавелин «Государство и Община», С.С. Уваров «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения», В.И. Ленин с работой «Что делать?», Г.В. Плеханов «Социализм и политическая борьба», Н.Г. Чернышевский в трех статьях под общим названием «О новых условиях сельского быта» и другие.

Вторую группу политической литературы, рассматривающей вопросы «образа будущего» следует формировать из современных авторов, рассматривающих вопросы образа будущего в ракурсе формирования самостоятельного политического феномена. В эту группу стоит относить таких авторов как В.В. Патоков и С.Г. Кара-Мурза «Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему», А.Д. Сахаров с трудом «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», О.Э. Бессонова с работой «Образ будущего России и код цивилизационного развития».

Третьей группой следует считать научные труды и теоретические исследования, рассматривающие образ будущего как геополитический фактор – например, А.Ю. Баранов в работе «ШОС: будущее и перспективы российско-китайского сотрудничества».

В качестве четвертой группы источников можно рассматривать работы по урбанистике, в которых анализируются возможные сценарии развития и стратегического формирования городов в России. Примером такого труда может быть работа группы авторов М.Г. Салазкина, И.Н. Ильиной, М.В. Бойковой «Будущее городов: города, как агенты глобализации и инноваций».

В качестве одного из аспектов «Образа будущего» следует рассматривать модус проблемы будущего и времени, к которому в своих работах обращались многие авторы политологических, футуристических и урбанистических концепций. Первыми авторами, попытавшимися дать объяснение концепции времени и будущего, а также сформировать политологический дискурс «Образа будущего» можно считать античных философов, таких как Аристотель, Демокрит, Гераклит. Данный дискурс рассматривался и в схоластике, например, в трудах Святого Августина [1].

На исследования существенное влияние оказал процесс философской концептуализации развития человека, попытки генерализации истории и исторического процесса в целом. Авторы исследовали историческое и социальное время в XVIII, XIX, XX веках, такими авторами стали А. Тойнби, А. Эйнштейн, О. Шпенглер.

В зарубежных исследованиях, уровень разработки концепций индустриально и постиндустриального общества, а также оценочное суждение о нашем обществе, как переходном периоде рассмотрен значительно шире. В частности, следует отметить работы британского социолога Зигмунта Баумана, особенно работу «Индивидуализированное общество» [3. С. 324]. Серьезный научный интерес представляет работа Ф. Уэбстера «Теории информационного общества» [10. С. 400], работа Бжезинского «Between two ages» [11], Ж. Бодрийяра «Общество потребления» [4. С. 269].

Дополнительное внимание следует уделить фундаментальному научному труду Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования» [5], которая считается классической концепцией постиндустриальной парадигмы общества, а также основополагающей работой для футурологического прогнозирования.

Феномен «образа будущего» также рассматривался такими зарубежными социологами как Ф. Фукуяма, Ж. Аттали с трудом «На пороге нового тысячелетия» [2], Э. Тоффлер, П.Ф. Друкер с работой по развитию менеджмента «Задачи менеджмента в XXI веке» [7. С. 276].

Образ будущего, рассматриваемый в контексте политического дискурса является хорошо проработанной с научной точки зрения темой. Крупнейшим ученым, активно ведущим разработку данной темы является доктор филологических наук О.А. Солопова. В своих работах она придерживается мнения, что большая часть исследований политического прогнозирования, является образным представлением настоящего, либо отражением и переосмыслением какого-либо конкретного события, происходящего в настоящее время. По ее мнению, в рамках электорального цикла политические деятели рассматривают не только характеристики сегодняшних политических реалий, но и прогнозирование грядущей политической конъюнктуры [9. С. 210].

Политическая риторика может рассматриваться здесь как одна из политических технологий, способных повлиять на результаты выборов. В случае необходимости, «образ будущего» может стать эффективной темой политической риторики, использующийся как один из инструментов манипуляции общественным сознанием и моделируя общественное мнение. В частности, об этом я писал в своей работе «Управление информационно-политической повесткой дня в работе с социальными средами» [6. С. 137], рассматривая agenda-setting, как актуальную политическую технологию для Российской Федерации, особенно в электоральный период.

Политические партии соревнуются за голоса избирателей, стремясь сгенерировать максимально свежие форматы решения традиционных вопросов. Особенно ярко это видно при анализе политических программ политических партий. Часто при анализе политических сил следует ожидать серьезное отклонение партии от заявленного политического курса – так бывает, что с изменением политического запроса электората меняется представление партии об эффективных избирательных технологиях, и политические лидеры в своей риторике используют тезисы не характерные для их положения на политической плоскости. Таким образом, возможны ситуации, когда политическая партия правого толка активно использует левые тезисы в своей риторике, а левый политический блок активно отстаивает чуждую им идею о безопасности частной собственности.

Для релевантного анализа места политической силы на политической плоскости необходимо провести мониторинг политических требований и идей, выдвигаемых данным сообществом. Например, можно использовать как маркеры традиционные политические вопросы, касающиеся владения населением огнестрельным оружием, свобода на аборт, дотации религиозным организациям, расовый или национальный вопрос, вопрос гуманности смертной казни, владения и управления частной собственностью, вмеша-

тельство государства в свободный экономический рынок, увеличение или уменьшение военного бюджета и прочие подобные традиционные вопросы, выступающие в качестве маркера политической идентичности.

В борьбе за новизну политических идей и голоса различных электоральных групп, акторы политической коммуникации, в частности, российские политики, акцентируют внимание избирателей на формировании некоего абстрактного «образа будущего», той теоретической модели, к которой они, по их утверждениям, в случае позитивных результатов выборных процессов, приведут своих сторонников и преданных избирателей.

Особенную актуальность приобретает имиджевое решение «Кандидат Будущего» в случае тотального разочарования или абсолютного политического абсентеизма электората, вызванных действиями власти. Этот образ позволяет мобилизовать политический электорат и повысить рейтинг на фоне менее интересной для публики стабильной политической повестки власти.

В данном случае должна использоваться линейная модель манипуляции – политик в своей риторике призывает избирателя определиться между утопией и антиутопией в виде «ужасного будущего» и «прекрасного будущего», которое настанет в зависимости от итогов голосования. Данную технологию можно считать одним из инструментов мобилизации электората, перекладывая моральную ответственность за итоги выборов с кандидата на избирателя и создавая модель личной ответственности избирателя за количество и качество голосующих избирателей. В тоже время, учитывая политическую специфику современной Российской Федерации, практически невозможно дать относительно четкий политический прогноз, как нельзя было и предсказать распад Советского Союза [8]. Считается, что это связано с недемократичностью политического режима в России.

Актуальность и незавершенность практически любого политического процесса дает возможность аудитории задуматься о будущем развитии этого процесса. Данная возможность открывает широкие возможности для использования «образа будущего», как политического инструмента в достижении политических целей. В каждом случае применения данных технологий, при проведении ресурсно-акторного анализа существует возможность методом дедукции определить стейкхолдеров данного процесса.

Любой политический прогноз сам по себе является самостоятельным действием, предвещающим результат данного прогноза. В случае массового появления политических прогнозов, высказываний экспертов, блогеров и прочих лидеров общественного мнения – с высокой долей вероятности, эти действия являются методом продвижения политического решения.

Также, следует учитывать, что максимально разносторонние обещания, которые дает политик, кандидат на политическую должность, вероятно, преувеличивает его реальную власть и возможности для реализации, вызванные ограниченностью возможности принятия им самостоятельных политических решений.

Политические деятели часто используют политические метафоры для аргументации проецируемого «образа будущего», интегрируя художественные приемы и увеличивая накал электорального удовлетворения за счет ярких эмоций и ассоциаций, вызванных художественными оборотами речи и метафорами.

Внедряя мнение о возможности управления будущим, политические деятели повышают мобилизацию электората, давая возможность каждому избирателю услышать то, что он хочет услышать, давая возможность быть причастным к исправлению будущего, а, следовательно, и к реализации своих желаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аврелий А.* Исповедь // <http://azbyka.ru/moiputvere/avgustinispoved011-all.shtml>.
2. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия // <http://www.netda.ru/belka/texty/attaly/att1.htm>.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва // Журн. «Свободная мысль». Москва: Логос, 2002. LXIII.
4. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006.
5. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социал. прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева.
6. *Донцов Н.В.* Управление информационно-политической повесткой дня в работе с социальными средами // Издательские решения. 2018.
7. *Друкер П.Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке / пер. с англ. и ред. Н.М. Макаровой. Москва: Изд. дом «Вильяме»; СПб.: Печатный двор им. А.М. Горького, 2007.
8. *Ковалев В.А.* Наше фантастическое будущее (политические дискурсы и политические прогнозы в современной российской фантастике): за и против // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз».
9. *Солопова О.А.* Образ будущего в политическом дискурсе.
10. *Уэбстер Фрэнк.* Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер, пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под. ред. Е.Л. Варгановой. М.: Аспект Пресс, 2004.
11. *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era.* New York: Viking Press, 1970. ISBN 0-313-23498-1

N.V. DONTSOV
*Undergraduate,
Russian State Social University,
St. Petersburg, Russia*

THE IMAGE OF THE FUTURE IN POLITICAL DISCOURSE

One of the important political ideas is the «image of the future», considered as a theoretical question of political science and as an aspect of applied political science, used as an applied political technology. Despite the great degree of scientific elaboration of the question, the «image of the future» is regularly formulated in various political discourses, being modernized and integrated into various political concepts.

Key words: *politics, media, political technologies, discourse, agenda-setting.*

НАШИ АВТОРЫ

Абдурахмон Наврузович Махмадов – доктор политических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Таджикистан, Республика Таджикистан, г. Душанбе (tifk@mail.ru).

Адоунде Яови Сильвестр – аспирант Российского университета дружбы народов, Республика Бенин (oksmall@mail.ru).

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (dandee@list.ru).

Брагин Артем Григорьевич – сотрудник отдела конституционно-правовых исследований Краснодарского филиала Института проблем глобализации; студент юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар (niipg2010@mail.ru).

Вакилова Виолетта Рустамовна – аспирант Института Философии РАН, Россия, г. Москва (violettavakilova@gmail.com).

Воскресенский Федор Александрович – научный сотрудник Лаборатории политико-правовых исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (vosresensky@mail.ru).

Врачев Владимир Антонов – магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (vvrachev17@e-dnrs.org).

Барсуков Александр Михайлович – кандидат политических наук, заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск (amb2@inbox.ru).

Бубнов Александр Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Россия, г. Москва (alexandr-bubnov@mail.ru).

Галимуллина Диляра Илшатовна – аспирант кафедры Дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (dilyara.nizamowa@yandex.ru).

Гончаров Виталий Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и международного права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар (niipgergo2009@mail.ru).

Грицай Дарья Викторовна – студент Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, лаборант отдела конституционно-правовых исследований Краснодарского филиала Института про-

---

блем глобализации Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар (login2000GVV@mail.ru).

Гриценко Руслан Артемович – магистрант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (st.ruslan96@mail.ru).

Гусарская Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (goussarskaia@yandex.ru).

Дельгадо Александр Александрович – магистрант департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (aldelgado@inbox.ru).

Донцов Никита Вадимович – магистрант Российского государственного социального университета, Россия, г. Санкт-Петербург (Nik_dontsov@mail.ru).

Досаева Диана Маратовна – аспирант кафедры истории политических партий и общественных движений исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (Diana93@mail.ru).

Егорова Елена Юрьевна – сотрудник отдела конституционно-правовых исследований Краснодарского филиала Института проблем глобализации; студент юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар (niipgergo2009@mail.ru).

Журавлев Олег Владимирович – контр-адмирал, начальник Тихоокеанского высшего военно-морского училища им. С.О. Макарова, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Зуборева Мария Андреевна – стажер Дипломатической академии МИД России, начальник учебно-договорного отдела Управления организации приема и довузовской подготовки Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (mzuboreva@gmail.com).

Ибрагимов Салим Ровшан оглы – аспирант Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (ibragimovsalim@yandex.ru).

Касем Марат Фаделевич – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (marat90@inbox.lv).

Кишуева Ида Аслановна – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, член Национального союза политологов, Россия, г. Москва (Lucad@ya.ru).

Куемжиева Светлана Александровна – кандидат юридических наук, профессор, декан юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар (niipgergo2009@mail.ru).

Кок Севги – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (voprospolitolog@yandex.ru).

Кузьмин Александр Геннадьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, Россия, г. Сыктывкар (akuzmin09@rambler.ru).

Курбонова Зульфия Махманабиевна – кандидат политических наук, докторант Института философии, политологии и права им. А. Баховадино-ва, Республика Таджикистан, г. Душанбе (zukurbonova@mail.ru).

Ланцов Сергей Алексеевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (s_lantsov@mail.ru).

Маазов Усман Сейталиевич – соискатель кафедры национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (patronmaazov@mail.ru).

Магадиев Марат Флюсович – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления и национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, Россия, г. Москва (mmf.172@mail.ru).

Мехдиев Эльнур Таджадинович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра анализа, управления рисками и финансового контроля в цифровом пространстве Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (e.mehdiev@gmail.com).

Миралаева Сугра Рустам кызы – аспирант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (miralayeva.suqra@mail.ru).

Назаров Александр Данилович – профессор, доктор исторических наук, заместитель заведующего кафедрой рекламы и связей с общественностью по научной работе Института иностранных языков Московского авиационного института (национальный исследовательский университет) (МАИ), Россия, г. Москва (helena_nazarova@mail.ru).

Назаров Владимир Павлович – кандидат политических наук, докторант кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, Россия, г. Москва (Vlnazarov1950@gmail.com).

Назарова Елена Александровна – профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии МГИМО (Университет) МИД России, Россия, г. Москва (helena_nazarova@mail.ru).

На Чжао – аспирант кафедры политологии востока Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (978970110@qq.com).

Нечипоренко Виктор Степанович – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (mmf.172@mail.ru).

Носиков Андрей Андреевич – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (a.a.nosikov@gmail.com).

Окунь Мария Васильевна – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (m.okun.09@gmail.com).

Прокопчук Дмитрий Дмитриевич – магистрант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (politolog@mail.ru).

Пряхин Владимир Федорович – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, профессор кафедры дипломатии МГИМО, Россия, г. Москва (pryakhin2010@mail.ru).

Пустовойт Юрий Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск (pustovoit1963@gmail.com).

Пыж Владимир Владимирович – доктор политических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, эксперт комиссии по вопросам обороны и безопасности Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, Россия, г. Санкт-Петербург (vvp_21812@mail.ru).

Роговая Полина Игоревна – магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (polit_department@mail.ru).

Родионова Марина Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент, Ph.D., директор Центра европейских исследований, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (m.rodionova@mail.ru).

Складчиков Сергей Витальевич – сотрудник отдела конституционно-правовых исследований Краснодарского филиала Института проблем глобализации; студент юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар (sergey-skladchikov@mail.ru).

Толочко Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета имени А.И. Бунина, Россия, г. Елецк (tolochko@rambler.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Фоменко Сергей Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета имени А.И. Бунина, Россия, г. Елецк (fomenko-ss@yandex.ru).

Черникова Диана Александровна – сотрудник отдела конституционно-правовых исследований Краснодарского филиала Института проблем глобализации; студент юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар (niipgergo2009@mail.ru).

Шуленина Надежда Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (nadshuleniina@mail.ru).

Шульга Евгений Павлович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета, Россия, г. Сургут (luchs77@yandex.ru).

Энтина Екатерина Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института Европы РАН, Россия, г. Москва (voprosplitolog@yandex.ru).

OUR AUTHORS

ADOUNDE YAОВI SYLVESTER – Post-graduate student, Peoples' Friendship University of Russia, Republic of Benin.

ANIKIN D.A. – Associate Professor of the Department of history and theory of politics, Moscow State University, candidate of philosophical sciences, docent, Moscow, Russia.

BARSUKOV A.M. – Candidate of Sciences (political sciences), Deputy Dean of the Department of politics and international relations of the Siberian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia.

BUBNOV A.YU. – Associate Professor of the Department of history and theory of politics, Moscow State University, candidate of philosophical sciences, docent, Moscow, Russia.

CHERNIKOVA D.A. – Laboratory assistant of the Department of constitutional and legal studies of the Krasnodar branch of the Institute of globalization problems, student of Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilina, Krasnodar, Russia.

DELGADO A.A. – Master Student of the Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

DONTSOV N.V. – Undergraduate, Russian State Social University, St. Petersburg, Russia.

DOSAEVA D.M. – Lomonosov Moscow State University, Department of History, The Chair of the History of Political Parties and Political Movements, Moscow, Russia.

EGOROVA E.YU. – Laboratory assistant of the Department of constitutional and legal studies of the Krasnodar branch of the Institute of globalization problems, student of Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilina, Krasnodar, Russia.

ENTINA E.G. – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor of National Research University “Higher School of Economics”, Senior Researcher at the Institute of Europe, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

FOMENKO S.S. – PhD in Political sciences, associate professor, Department of philosophy, social sciences and journalism, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia.

GALIMULLINA D.I. – Post-graduate student, Department of Diplomacy and Consular Services, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

GONCHAROV V.V. – Candidate of legal sciences, associate professor of the department of state and international law, Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilina, Krasnodar, Russia.

GRITSAY D.V. – Student of Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilina, laboratory assistant of the department of constitutional and legal studies of the Krasnodar branch of the Institute of globalization problems, Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilina, Krasnodar, Russia.

GRITSENKO R.A. – Master Student of the Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

GUSARSKAYA T.A. – Senior Lecturer, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

IBRAGIMOV S.R. – Post-graduate student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of RF, Moscow, Russia.

KASEMS M.F. – Graduate student, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

KISHUYEVA I.A. – Graduate Student, International Relations Dept., RSHU, The National Union of Political Scientists (Member), Moscow, Russia.

KOC SEVGİ – Post-graduate, Saint-Petersburg state University, Saint-Petersburg, Russia.

KURBONOVA Z.M. – Candidate of political sciences, Doctoral candidate of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahouddinov, AS RT, Associated Professor of the TSUC, World Economy & IR Department, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

KUZMIN A.G. – Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor at the Chair of social work of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia.

LANTSOV S.A. – Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor of the Department of International Political Processes, School of Political Science Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

MAAZOV U.S. – Post-graduate student working for the candidate's degree at the Chair of national and federative relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

MAGADIEV M.F. – Candidate of Sciences (sociology), Associate Professor at the Chair of public administration and national security of the Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

MAKHMADOV A.N. – Doctor of Political Sciences, professor, corresponding member of the Academy sciences of the Republic of Tajikistan, Republic of Tajikistan, Dushanbe.

MEKHDIEV E.T. – Candidate of Sciences (history), leading researcher at the Center for analysis, risk management and financial control in the digital space of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

MIRALAYEVA S.R. – Graduate Student, RUDN University, Moscow, Russia.

NAZAROV V.P. – Candidate of Sciences (political sciences), working for the doctoral degree at the Chair of political theory, Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of RF, Moscow, Russia.

NAZAROV A.D. – Professor, Doctor of Sciences (history), Deputy Head of the Chair for scientific work at the Chair of advertising and public relations, Institute of foreign languages of the Moscow Aviation Institute (National Research University) (MAI), Moscow, Russia.

NAZAROVA E.A. – Professor, Doctor of Sciences (sociology), Chair of Sociology, Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of RF, Moscow, Russia.

NA ZHAO – Post-graduate, Department of political science of the East, Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russia.

NECHIPORENKO V.S. – Doctor of Sciences (history), Professor at the Chair of public administration and national security of the Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

NOSIKOV A.A. – Post-graduate student working for the candidate's degree at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

OKUN M.V. – Post-graduate of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

PROKOPCHUK D.D. – Master Student of the Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

PRYAKHIN V.F. – D.Sc. (political science), Professor (International Relations Dept., RSHU), Professor (Diplomacy Dept., MGIMO-University), Moscow, Russia.

PUSTOVOIT YU.A. – Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor at the Chair of political science and technology of the Siberian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia.

PYZH V.V. – Doctor of political science, head Department of social and humanitarian disciplines national state University physical culture, sports and health named after P.F. Lesgaft, expert of the Commission on defense and security Inter-parliamentary Assembly of the CIS member States, Saint Petersburg, Russia.

RODIONOVA M.E. – Candidate of Science in Sociology, Associate Professor, Ph.D., Director Center for European studies, Associate Professor of the Department of Political Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ROGOVAYA P.I. – Student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

SHULENINA N.V. – Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor at the Chair of political analysis and management, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

SHULGA E.P. – PhD in History, associated professor, Head of Social-Humanitarian Department Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia.

TOLOCHKO A.V. – PhD in Political sciences, associate professor, Department of philosophy, social sciences and journalism, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia.

TUSHKOV A.A. – Professor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

VAKILOVA V.R. – Post-graduate, Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia.

VOSCRESENSKY F.A. – Researcher, Laboratory of Political and Legal Studies, Moscow State University, Moscow, Russia.

VRACHEV V.A. – Student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

ZHURAVLEV O.V. – Rear Admiral, head of the Pacific higher naval school S.O. Makarova, Vladivostok, Russia.

ZUBOREVA M.A. – Post-graduate student at the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Head of the Contract department at the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 8 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 10 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке) и References. А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 10. Issue 1 (53), 2020

Established by LLC “Publishing House “Science Today”
The journal is published with the participation of the Institute
of Today Politics of the Russian Friendship University
The journal is included in the database of
the Russian Science Citation Index.
Academic papers published in the journal
undergo obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.
No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 26.01.2020
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 500 copies. Order ____.
Printed at the LLC “PrintUP”
Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105
Tel.: (495) 925-00-06

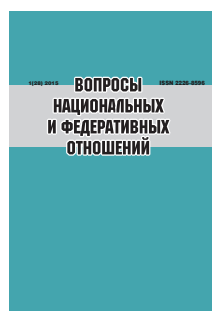
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.
Журнал включен в базу РИНЦ.

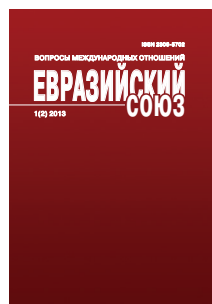
Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

**Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006
Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru**

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

**Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802
Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru**

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»

в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»								
			АБОНЕМЕНТ на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Количество комплектов											
на 2020 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Стоимость	Каталожная					Количество комплектов					
	услуги почты										
	полная										
на 2020 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											